

В.А. ТРОФИМОВ

**ИТАЛЬЯНСКИЙ
КОЛОНИАЛИЗМ
И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ**

В. А. ТРОФИМОВ

**ИТАЛЬЯНСКИЙ
КОЛОНИАЛИЗМ
И НЕКОЛОНИАЛИЗМ**

(ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор
Г. Л. БОНДАРЕВСКИЙ

Монография посвящена слабо изученной в советской литературе теме — колониальной политике Италии с конца XIX в. до середины 60-х годов XX в. На основе недавно опубликованных документов автор исследует период зарождения и подготовки фашистской агрессии против Эфиопии, уточняет хронологические рамки итало-эфиопской войны (1935—1941), анализирует политику итальянского фашизма в Эфиопии, ход освободительной борьбы народов этой страны, а также исторические корни конфликта на Африканском Роге. Одна из глав работы посвящена итальянскому неоколониализму.

Т 10603-168 42-79. 0504000000
013(02)-79

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

В современную историческую эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму — в мировой политике возрастает роль освободившихся стран, народы которых усиливают борьбу за мир и социальный прогресс. В противоборстве с империализмом большинство этих стран с нарастающей энергией отстаивают свои политические и экономические права, стремясь закрепить свою независимость, поднять уровень социального, экономического и культурного развития своих народов. Ряд освободившихся стран, опираясь на могущественную поддержку реального социализма, избрал путь социалистической ориентации. Именно это побуждает империализм прилагать отчаянные усилия, чтобы удержать развивающиеся страны под своим влиянием. В этих целях империалисты используют широкий арсенал экономических, политических, идеологических, а порою и военных средств.

Политика колониализма приобретает в новых исторических условиях новые черты и формы. Возникает и развивается политика неоколониализма — политика косвенного контроля и эксплуатации стран, получивших государственный суверенитет в процессе распада колониальной системы империализма, политика удержания их в рамках системы мирового капитализма.

Буржуазные историки, «идеологи» и пропагандисты делают все возможное, чтобы извратить существо колониальной политики на разных этапах ее развития и в различных проявлениях, изобразить ее как «благоденствие» для народов освободившихся стран, отмежевав нынешние имущие классы от наиболее одиозных ее проявлений.

В этой связи изучение подлинной истории колониальной политики, характерных черт и последствий колониализма как для народов колоний, так и метрополий, а также раскрытие сущности неоколониалистской политики империализма имеют большое научное и политическое значение.

При изучении проблем истории колониализма и неоколониализма основное внимание советских исследователей уделялось, естественно, анализу политики главных империалистических держав — США, Англии, Франции, ФРГ, а также такой страны, как Португалия, которая до недавнего времени располагала крупными колониальными владениями.

Значительно меньше изучались история колониальной политики Италии и особенности итальянского неокOLONIALИЗМА. Это, конечно, не случайно. Итальянскому колониализму принадлежит в истории мирового колониализма более скромное место, чем английскому, французскому, португальскому. В условиях второго и третьего этапов общего кризиса капитализма итальянский империализм, потерпевший поражение во второй мировой войне, располагавший ограниченными экономическими возможностями, играл второстепенную роль в проведении политики колониализма и неокOLONIALИЗМА. И все-таки колониальная политика Италии в новое и новейшее время явилась существенным фактором, оказавшим влияние на судьбы некоторых африканских и европейских народов, а также на международные отношения.

Колониальные притязания имущих классов Италии занимали значительное, а на некоторых этапах — решающее место среди факторов, определявших внешнюю политику Италии на протяжении более чем полувека начиная с середины 80-х годов XIX в. Приняв участие в борьбе за территориальный раздел и передел мира, Италия создала три колонии — Эритрею, Сомали, Ливию — и сделала максимум возможного, чтобы пополнить их число другими, главным образом на Балканах, на Ближнем Востоке, в Африке.

Итальянский империализм сыграл поистине роковую роль в судьбах народов Ливии, Сомали, Эфиопии, Албании, Греции. Италия жестоко эксплуатировала население так называемого Итальянского Сомали, на протяжении почти столетия прямо или косвенно тормозила социально-экономическое развитие Эфиопии, посеяла семена вражды между народами Северо-Восточной Африки. Итальянская политика явилась одной из основных причин возникновения эритрейской проблемы.

Колониальная политика итальянских правящих кругов оказывала негативное воздействие на социально-политическое развитие самой Италии. Эта политика была одним из факторов, существенно влиявших на международные отношения: итало-турецкая война 1911—1912 гг. и агрессия Италии против Эфиопии, развязанная в 1935 г., стали своеобразными предвестниками двух мировых войн. Итальянский неокOLONIALИЗМ занял свое место в общей неокOLONIALИСТИЧЕСКОЙ политике империалистических держав в последние десятилетия. Именно поэтому итальянская колониальная политика не должна недооцениваться. Она требует обстоятельного и глубокого изучения.

В советской исторической науке изучались до сих пор главным образом отдельные вопросы или события истории итальянской колониальной политики. Первые значительные работы появились в середине 30-х годов в связи с агрессией итальянского фашизма против Эфиопии. Статья В. М. Хвостова [222] и книга В. Т. Попова [201] принадлежали к числу первых в советской

исторической литературе исследований политических и военных аспектов политики Италии в отношении Эфиопии в конце XIX в. Работы П. А. Лисовского [187; 188; 189] и К. Н. Лукницкого (см. [151]), написанные по следам событий, связанных с фашистской агрессией против Эфиопии, были остро публицистическими и не ставили своей целью научное изучение итальянской политики (что в то время было невозможно из-за отсутствия достаточного количества необходимых документов).

С начала 60-х годов внимание советских ученых к исследованию итальянской колониальной политики возросло. Обращение к этой теме было связано как с общим усилением внимания советских исследователей к проблемам всеобщей истории, так и особенно с ростом интереса к истории африканских народов в связи с резким расширением их национально-освободительной борьбы.

Отдельные периоды истории итальянской колониальной политики специально исследовались в работах К. Э. Кировой [178], В. С. Козлова [180], З. П. Яхимович [228]. Некоторые аспекты этой политики освещались либо при рассмотрении более общей проблемы, либо в связи со смежной темой. Имеются в виду работы Н. А. Аршаруни [155], Г. Л. Бондаревского [157], И. И. Васина [162], Д. Р. Вобликова [163], Н. А. Иванова [171], Н. И. Прошина [204], М. В. Райт [206], Г. С. Филатова [219; 220], А. М. Хазанова [221], Е. С. Шерра [224], В. С. Ягья [225; 226; 227] и других ученых.

Труды названных авторов, касающиеся тех или иных сторон и событий итальянской политики, вносят определенный позитивный вклад в изучение этой темы. Однако, во-первых, исследовались преимущественно вопросы, связанные с итальянской политикой конца XIX — начала XX в. (до первой мировой войны), совершенно недостаточно изучались колониальные планы и деятельность итальянского империализма во время первой мировой войны, политика фашизма на Ближнем Востоке и в Африке, а также итальянский неокOLONиализм. Во-вторых, в большинстве работ (за исключением двух монографий — К. Э. Кировой и З. П. Яхимович) рассматривалась преимущественно политическая сторона дела. В-третьих, отдельные звенья колониальной политики Италии брались, как правило, в изолированном виде, вне связи с предыдущими и последующими, а порою и вне комплекса внутренних и международных факторов и обстоятельств, их определявших.

Первая попытка дать «сквозное» освещение деятельности Италии в Африке была предпринята З. Н. Буниатовым (ныне академиком АН АзербССР) и получила воплощение в защищенной им в 1954 г. кандидатской диссертации на тему «Итальянский империализм в Африке». В целом следует оценить как удачный этот первый опыт рассмотрения истории итальянской колониальной политики в Африке, хотя четверть века назад автор еще не располагал многими из тех документов, которыми историки располагают сейчас.

Обобщающих работ об основных этапах и характерных чертах итальянской колониальной политики, написанных на базе известных ныне документов и учитывающих нынешний уровень исследования частных вопросов и отдельных периодов, в советской исторической науке нет.

В итальянской исторической литературе дело с изучением колониальной политики Италии обстоит следующим образом. В дофашистский период итальянские историки не создали сколько-нибудь заметных трудов, специально посвященных рассматриваемому вопросу. Это не было случайным. Отказ буржуазно-либеральных историков того времени заниматься обстоятельным анализом вопросов, связанных с колониальной политикой Италии, отражал, на наш взгляд, нежелание ее имущих классов признавать свою ответственность за неудачи и поражения на этом поприще (поражения при Догали в 1887 г. и особенно при Адуа в 1896 г.), а также зависимость всех итальянских начинаний от великих держав, в первую очередь от Великобритании.

В фашистской Италии историки Р. Часка, К. Дзаги, Ф. Салата, Л. Виллари и другие обратились к изучению проблем колониальной политики Италии. Наиболее крупной работой того периода была монография Р. Часки «Колониальная история современной Италии. От Асэба до империи» [246]. Книга Р. Часки преследовала совершенно определенную политико-идеологическую цель — доказать обоснованность, «законность» колониальных притязаний итальянских фашистов, расписать мнимые итальянские благодеяния в колониях. Работа Р. Часки — яркий пример апологетической трактовки проблем колониальной политики, которая была присуща большинству выходивших в тот период в Италии изданий по данной теме. Типичным для подобного рода работ было полное подчинение богатого фактического материала определенной политической установке, которая диктовала как отбор фактов, так и их трактовку.

Сразу после второй мировой войны итальянские ученые мало занимались изучением колониальной политики Италии. Лишь историк-антифашист Г. Сальвемини создал в 40-х годах обстоятельное исследование, посвященное главным образом дипломатическим аспектам итало-эфиопской войны [322].

С конца 50-х годов внимание к изучению истории итальянской колониальной политики стало возрастать. Свидетельством этого явилась книга историка-коммуниста Р. Батталли «Первая война в Африке» [238], содержащая обстоятельный марксистский анализ истории итальянской политики в отношении Эфиопии в XIX в. С середины 60-х годов интерес к изучению колониальной политики фашизма усилился.

Работы итальянских историков по вопросам колониальной политики, опубликованные после второй мировой войны, могут быть разделены на три группы.

К первой группе следует отнести работы итальянских ученых-коммунистов Р. Батталли, Э. Сантарелли, П. Алатри, которые с марксистских позиций рассматривают основные проблемы колониальной политики Италии, а к фактам и событиям подходят с научной объективностью. К ним примыкают по своей направленности работы антифашистов и демократов Г. Сальвемини, Дж. Роша, А. Дель Бока и других, занимающих антиколониальные позиции.

Вторая группа — это работы, авторы которых стоят на либерально-объективистских позициях. Как правило, их труды насыщены большим фактическим и документальным материалом, представляющим значительную ценность. К числу таких исследований могут быть отнесены последние книги К. Дзаги, работы Ф. Мальджерри, П. Мальтезе, М. Тоскано и многих других. Однако концепции и метод историков этой группы далеки от научных.

Наконец, третья группа работ носит открыто проколониалистский, апологетический характер. Речь идет о книгах и статьях таких историков, как уже упоминавшийся Р. Часка, К. Джилио, а также бывших военных и политиков, участвовавших в войне против Эфиопии (Л. Пиньятелли, Д. Виллелла и другие). Проклониалистский характер взглядов этих авторов приводит к тому, что сами факты и события подаются нередко в искаженном виде.

В 1968 г. была опубликована книга французского историка Мьежа «Итальянский колониальный империализм с 1870 г. до наших дней» [291]. Это, пожалуй, единственная в исторической литературе работа, где предпринята попытка «сквозного» рассмотрения колониальной политики Италии от ее зарождения до наших дней. Книга Мьежа представляет собой такое объективистское изложение фактов и событий, при котором зачастую уравниваются крупные, этапные события с относительно частными и второстепенными. Порою выводы автора носят прямотаки апологетический характер (например, о существовании итальянской политики в Сомали в годы опеки).

Особого внимания заслуживает тот возросший интерес, который проявляют к истории своих стран и народов (и, следовательно, к выяснению роли колониальной политики Италии) историки и политики тех стран, которые были в прошлом либо итальянскими колониями (Ливия, Сомали), либо постоянными объектами колониальных притязаний и жертвами агрессии Италии (Эфиопия). Для большинства работ такого типа характерны разоблачение колониализма и резкая антиимпериалистическая направленность. Так, например, органы пропаганды и информации революционной Эфиопии с первых же шагов своей деятельности уделяют большое внимание разоблачению роли империализма, в первую очередь итальянского, в истории Эфиопии, восстановлению исторической правды о значении народ-

ных масс этой страны в борьбе за независимость их родины, раскрытию роли монархии в период агрессии итальянского фашизма против Эфиопии [51; 91; 92; 127].

Изучение итальянской колониальной политики на современном этапе может быть охарактеризовано следующим образом. Относительно хорошо исследована в советской и зарубежной литературе колониальная политика Италии конца XIX — начала XX в. (главным образом ее международно-дипломатические аспекты). Начато изучение итальянской политики во время первой мировой войны и в первые послевоенные годы. Сделаны лишь первые шаги в исследовании колониальной политики итальянского фашизма. Крайне слабо изучен итальянский неоколониализм.

Данная монография представляет собой попытку внести скромный вклад в изучение особенностей колониальной политики Италии на базе доступных нам документов и с учетом уже проведенных исследований.

Главная задача состоит в выяснении особенностей колониальной политики Италии с середины 80-х годов XIX в., когда Италия начала борьбу за колонии, до середины 60-х годов XX в., когда отчетливо выявились характерные черты итальянского неоколониализма. Эти особенности можно понять и раскрыть, лишь четко определив основные этапы, через которые прошла колониальная политика данной страны и которые теснейшим образом связаны с процессами социально-экономического и политического развития как Италии, так и мира в целом. В книге прослеживаются особенности колониальной политики Италии в период домонополистического капитализма и начавшегося перерастания капитализма в империализм, в период империализма, становления и развития государственно-монополистического капитализма в Италии, в условиях распада колониальной системы империализма в мире.

Выяснение особенностей колониальной политики немислимо без анализа причин и факторов, их определявших. В работе рассматривается влияние на эту политику таких факторов, как специфика итальянского империализма — «империализма бедняков», характеризовавшегося острейшими социально-экономическими противоречиями (между нищетой масс и великодержавными устремлениями правящих классов, между прогрессирующим промышленным развитием, достигшим монополистической стадии, и крайне низким уровнем сельского хозяйства, между передовым Севером и отсталым Югом), как неоднозначность позиции различных слоев внутри имущих классов и правящих кругов страны (конец XIX в.), второстепенная, зависящая роль Италии в системе международных отношений, наличие в стране сильного рабочего движения, имеющего давние антиколониальные традиции.

Важным представляется также выяснить влияние колониаль-

ной политики, во-первых, на те страны и народы, которые становились объектами колониальных устремлений, во-вторых, на внутреннее развитие самой Италии, в-третьих, на ее внешнеполитическую ориентацию и на международные отношения в целом в различные исторические периоды.

Изучение основных этапов и особенностей колониальной политики Италии помогает частично заполнить одну из тех страниц в истории колониализма и неоколониализма, которые до самого последнего времени оставались незаполненными. Изучение этой темы помогает установить, что значительную долю ответственности за те сложные проблемы (территориальные, политические, социально-экономические), с которыми сталкиваются ныне народы Эфиопии, Сомали и некоторых других стран Африки, несет итальянский колониализм.

В напряженной идеологической борьбе, развертывающейся в современном мире, раскрытие антинародной сущности колониальной политики империализма является важным средством борьбы с буржуазными апологетами колониализма и неоколониализма, против идеологических построений «теоретиков» итальянского неофашизма, пытающихся приукрасить политику фашистской Италии, в том числе на колониальном поприще.

Исследуя итальянскую колониальную политику, автор исходил из принципиальных идей основоположников научного социализма — К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, труды которых не только дают методологию исследования, но и являются также исключительно ценным источником по истории Италии (см., например, [4; 5; 9; 10; 12; 13; 14; 19]).

Важное значение для исследования имеют документы Коминтерна, съездов компартии Италии, труды выдающихся основателей КПИ А. Грамши, П. Тольятти. При характеристике итальянской политики после второй мировой войны автор опирался на принципиальные выводы и обобщения, содержащиеся в материалах съездов КПСС, особенно XXIV и XXV съездов, международных Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 гг., VIII—XIV съездов ИКП.

Основа для написания монографии — первоисточники. Следует сразу же оговориться, что одна особенность, присущая итальянской колониальной политике, определила и характер значительной части первоисточников, на основе которых писалась работа. Дело в том, что итальянская колониальная политика, как форма эксплуатации народов колоний, была весьма краткосрочной (только в Эритрее итальянцы господствовали более 50 лет, в то время как эффективный контроль над всей сомалийской колонией и Триполитанией осуществлялся лишь около 15 лет, над Киренаикой — около 10 лет, а в Эфиопии итальянское господство продолжалось менее 5 лет). В то же время итальянские империалисты уделяли огромное внимание борьбе за колонии. При этом очень часто Италия приобретала

колониальные владения не иначе как с согласия, а то и прямо из рук великих империалистических держав. В связи с этим один из важнейших первоисточников для изучения исследуемой темы — дипломатические документы, большинство которых впервые вводится в научный оборот в нашей литературе.

Первоисточники, на основе которых велось исследование, могут быть разделены на несколько групп.

Прежде всего, это официальные издания дипломатических документов: «Итальянские дипломатические документы», «Французские дипломатические документы» и т. п. Наибольшее значение для данной работы имели опубликованные тома седьмой серии «Итальянских дипломатических документов» [87], а также ряд томов «Французских дипломатических документов» [88; 89].

Другая группа публикаций дипломатических документов — это итальянские «зеленые» и английские «синие» книги, которые готовились министерствами иностранных дел и печатались либо в парламентских материалах, либо как специальные издания в связи с теми или иными крупными внешнеполитическими событиями. При всей тенденциозности подбора документов в каждом из этих изданий (ряд документов не публикуется, некоторые приводятся не полностью) совокупность их в сопоставлении с другими документальными материалами позволяет сделать выводы о существе колониальных притязаний и методах действий итальянских правящих кругов в тот или иной исторический период.

Еще одна группа документальных изданий, служивших важным источником для монографии, — обширная публикация документов из шести серий под общим заголовком «Италия в Африке», подготавливаемая и выпускаемая в свет специальным Комитетом по документации о деятельности Италии в Африке министерства иностранных дел Италии. К середине 70-х годов вышло около 20 томов различных серий этого издания. Опубликованные тома исторической серии, например, содержат тысячи документов дипломатической переписки, распоряжений и инструкций итальянских государственных деятелей агентам и должностным лицам в Африке и донесений этих последних в Италию [99; 100; 101; 102; 103; 104].

Следующую группу первоисточников составляют официальные публикации итальянских вооруженных сил второй половины 30-х годов, характеризующие итальянскую политику в Эфиопии и в Сомали. Особую ценность для изучения итальянской политики в Эфиопии после захвата Аддис-Абебы (с мая 1936 г.) представляет четырехтомная публикация штаба итальянских войск в Эфиопии под общим заголовком «Первый год империи» [93]. Это издание содержит наряду со скрупулезным описанием хода военных действий итальянских вооруженных сил против эфиопских патриотов в различных районах страны мас-

су документов, характеризующих политику фашистов на оккупированных территориях. В 1975 г. в одном из итальянских исторических журналов были опубликованы фрагменты из недавно найденного в Центральном государственном архиве Италии продолжения упомянутого издания — официального отчета «Второй год империи», а также отрывки из дополняющей его книги Р. Грациани «Первые двадцать месяцев империи» [116] (ни отчет, ни книга ранее не публиковались).

Еще одна группа источников — это издания последних лет, содержащие богатые документальные приложения (документы из архива итальянского министерства иностранных дел и из Центрального государственного архива Италии), или же книги, представляющие собой сборники документов с краткими комментариями. Среди подобного рода публикаций необходимо назвать особо ряд книг и статей, подготовленных в последние годы прогрессивным итальянским историком Дж. Роша [112; 113; 114; 115].

Следует упомянуть и такую группу источников, как публикации, отражающие позиции различных классовых и политических сил по вопросам колониальной политики. В качестве примера можно назвать два сборника, в которых опубликован ряд документов объединения итальянских промышленников «Конфиндустрия», а также статьи представителей делового мира, государственных и военных деятелей фашистской Италии [96; 97].

Дополнительным источником для изучения особенностей итальянской колониальной политики до второй мировой войны явились мемуары и дневники ряда дипломатов и политических деятелей. Прежде всего это дневники двух дипломатов фашистской Италии — представителя Италии в Лиге наций П. Алоизи и министра иностранных дел Г. Чиано [132; 136; 137], опубликованные после смерти их авторов, а также многочисленные мемуары итальянских, английских и французских государственных деятелей, дипломатов, военных. Наибольший интерес для данной работы представляют мемуары О. Баратьери, Дж. Джиолитти, Р. Гуарильи, А. Идена, Ф. Криспи, Ю. Лагарделя, А. Лессоны, Л. Эмери и некоторых других [135; 142; 143; 146; 140; 138; 147; 148; 131].

Большая группа источников — это материалы различных итало-африканских конгрессов, проводившихся в Италии с начала 50-х годов. Они позволяют исследовать некоторые аспекты итальянского неокOLONиализма, который, по словам Э. Санта-релли, «так мало анализируется, так молчалив, активен и дипломатичен» [326, с. 151]. Имеются в виду материалы восьми итало-африканских конгрессов, проведенных в 1957—1964 гг. Итальянским институтом Африки (публиковались в журнале «Африка»), а также материалы шестнадцати итало-африканских экономических конгрессов, проведенных в 1952—1967 гг. Группой Витторио Боттего и Торговой палатой Милана [52—71].

(На одном из этих конгрессов (XV) автор монографии имел возможность присутствовать.)

Важным источником является периодическая печать: газеты, журналы, бюллетени. Автор использовал материалы таких иностранных периодических изданий (за разные годы), как «Уни-та», «Ринашита», «Соле», «Коррьере делла сера», «Стампа», «Мондо экономика», «Эстери», «Реляцьони интернацьонали», «Коструттори италяни нель мондо», «Африка», «Марше тропико э медитерранэен» и др. Среди указанных изданий следует особо выделить журнал «Африка», регулярно публиковавший различные материалы, связанные с итальянской политикой в Африке (тексты официальных документов, речи и статьи государственных деятелей, представителей делового мира, ученых-африканистов и т. п.).

Необходимо оговориться, что в данной монографии не рассматриваются специально вопросы, связанные с колониальными притязаниями и с колониальной политикой Италии на Балканах. Эти вопросы, неотделимые от сложных проблем общеевропейской политики Италии, заслуживающие специального самостоятельного изучения, уже начали исследоваться советскими историками [178; 212].

**ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ
ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ СТРАНЫ
(80-е годы XIX в.—начало 20-х годов XX в.)**

Первое пятидесятилетие существования Италии как единого национального государства ознаменовалось весьма быстрым развитием капиталистических отношений (преимущественно на Севере страны), а с рубежа XIX—XX вв.—вступлением капитализма в стадию империализма. Хотя перерастание капитализма в империализм началось в Италии позднее, чем в других крупных капиталистических странах, к первой мировой войне Италия уже сложилась как империалистическое государство.

В 80-х годах XIX в. отчетливо стали проявляться колониальные устремления правящих кругов и имущих классов Италии. Это привело к осуществлению первых колониальных захватов.¹

В последней четверти XIX — первом десятилетии XX в. определились основные географические направления колониальной экспансии Италии. Это были Северная Африка, Северо-Восточная Африка, а также Восточное Средиземноморье. В период первой мировой войны у итальянского империализма зародились грандиозные колониальные планы, реализация которых стала одной из целей всей внешней политики Италии.

На протяжении рассматриваемого в настоящей главе исторического периода в полной мере сформировались характерные черты итальянской колониальной политики.

Следует подчеркнуть, что отдельные периоды колониальной политики Италии в конце XIX — начале XX в. анализировались в ряде работ советских историков [157; 216; 228].

Это дает возможность сосредоточить внимание в данной главе на недостаточно освещенных вопросах, а также сделать некоторые обобщения о характере деятельности итальянских правящих кругов на поприще колониальной политики.

**1. У ИСТОКОВ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)**

Одна из важнейших черт всемирной истории последней четверти XIX в.—резкое усиление колониальной экспансии капиталистических держав, приведшее к окончательному разделу мира крупнейшими капиталистическими державами. «Погоня за

колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики» [15, с. 375],— указывал В. И. Ленин. В самом деле, именно в этот период Англия, Франция, Германия, Бельгия осуществили либо большую, либо значительную часть своих колониальных захватов. В. И. Ленин связывал резкое усиление колониальной экспансии капиталистических держав в конце XIX в. с вступлением капитализма в его высшую, империалистическую стадию. «Несомненно, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу *связан* с обострением борьбы за раздел мира» [15, с. 375],— писал В. И. Ленин.

Хотя перерастание итальянского капитализма в империализм началось несколько позднее, чем в других крупных капиталистических странах, Италия с начала 80-х годов приступила к открытому осуществлению колониальных захватов. В этом не было ничего необычного: с вступлением в стадию империализма было связано именно усиление колониальной экспансии, обострение борьбы за раздел мира. Англия и Франция захватили значительное количество колоний еще до вступления этих стран в стадию империализма. Италия также сделала первые колониальные шаги на домонополистической стадии капитализма, а затем активизировала колониальную политику.

В 1882 г. итальянское правительство официально вступило во владение Асэбом, ранее считавшимся собственностью частной итальянской мореходной компании «Рубаттино» (хотя на деле эта компания выступала как партнер итальянского правительства [99, т. 2, с. 80—84]), которая в 1869—1870 гг. «приобрела» Асэб, а в 1879—1880 гг. расширила это свое владение. В начале 1885 г. итальянские войска высадились в Массауа, а затем развернули действия, направленные на захват ряда других территорий Эфиопии и некоторых районов Судана. В 1890 г. итальянские владения на африканском побережье Красного моря были объединены в одной колонии — Эритрее. В 1889—1896 гг. итальянские правящие круги пытались то мирно, то силой оружия установить свое господство над Эфиопией. В 1889—1892 гг. Италия заложила основы своей будущей сомалийской колонии, отчасти захватив, отчасти установив протекторат над большим районом сомалийского побережья Африки — от мыса Гвардафуй до устья р. Джубы.

Главными причинами, побуждавшими капиталистическую Италию становиться на путь колониальных захватов, были внутренние факторы, т. е. совокупность социально-экономических, политических, идеологических, социально-психологических интересов определенной части имущих классов.

Практически все исследователи истории итальянской колониальной политики признают наличие политических целей, ко-

торых стремились достичь итальянские правящие круги, проводя политику колониальных захватов. Некоторые прогрессивные историки современной Италии (Э. Сантарелли, Дж. Роша) упоминают, хотя и в самой общей форме, о социальных силах, толкавших Италию на путь колониальной экспансии в XIX в.

Проблемой, вызывающей разногласия, является вопрос о существовании экономических корней, экономических основ колониальной политики Италии в конце XIX в. Многие исследователи полностью отрицают наличие такого рода корней. Характерна в этой связи опубликованная в начале 1972 г. статья немецкого историка В. Шидера «Факторы итальянского империализма до 1914—15 гг.» [328, с. 3—35]. Автор сводит все мотивы итальянской колониальной политики к одним только политическим факторам, начисто исключая экономические. По его утверждению, «наступательная экспансионистская колониальная политика» являлась «выходом из внутреннего кризиса существовавшей государственной и правительственной системы» [328, с. 11] (эта «система» рассматривается автором как чисто политическая).

Прогрессивный итальянский историк Дж. Роша считает основной причиной заинтересованности определенных социальных сил в колониальной политике «нетерпеливое желание» увеличить международный престиж Италии путем проведения великодержавной политики, «которая бы перекрыла слабости национальной экономики и позволила бы действовать наравне с другими европейскими странами» [114, с. 21].

Вне всякого сомнения, отмеченные политические факторы играли некоторую роль в развертывании итальянской колониальной экспансии, а в отдельные периоды — весьма существенную (в 1894—1896 гг., например, характер действий Криспи и его сторонников в значительной мере определялся стремлением обеспечить с помощью победоносной колониальной войны рост международного престижа Италии, укрепить авторитет правительства, отвлечь внимание трудящихся масс от острых социально-экономических проблем путем раздувания шовинистической пропаганды). Однако были и социально-экономические факторы, которые играли не менее важную роль в зарождении и развитии итальянской колониальной экспансии.

Заметим попутно, что если позиция Шидера — следствие общей ограниченности его концепции, игнорирующей влияние экономических сил и интересов на политику государственной власти, то мнение Роша, на наш взгляд, является в значительной мере данью традиции, существующей в итальянской прогрессивной историографии по данной проблеме. В «Тюремных тетрадах» А. Грамши высказал такую точку зрения: «Империализм Криспи был империализмом страстным, ораторским, лишенным какой-либо финансово-экономической основы... Итальянскому империализму не хватало, следовательно, реального

импульса, и этот импульс был заменен крайним возбуждением, охватившим сельских жителей, слепо стремившихся к земельной собственности: речь шла о том, что разрешение насущных проблем внутренней политики откладывалось до бесконечности» [44, с. 77]. Правда, Грамши разъяснил, что, говоря об отсутствии всякой «финансово-экономической основы» и «реального импульса» у итальянского империализма, он имел в виду финансовую слабость Италии, которая не только не экспортировала капиталов, но и сама нуждалась в притоке капитала извне. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что отсутствие «избыточных» капиталов в данной стране означает отсутствие всякой «финансово-экономической базы» и «реального импульса» колониальной политики.

Тезис Грамши можно трактовать и как отрицание экономической заинтересованности значительной части имущих классов Италии в колониальной политике. Тем более что сам Грамши добавлял: «Поэтому политика Криспи встречала враждебное отношение со стороны самих капиталистов (северных), которые были бы более удовлетворены, если бы огромные суммы, израсходованные в Африке, были использованы в Италии» [44, с. 77].

Нам представляется более убедительной точка зрения по данному вопросу итальянского марксиста Э. Серени, который считал, что экономические факторы уже в 80—90-х годах XIX в. играли важную роль в развертывании колониальной политики Италии [330, с. 215—230]. Центральным при выяснении данной проблемы является, на наш взгляд, вопрос о том, отражала ли итальянская колониальная политика реальные экономические интересы имущих классов или части их, иначе говоря, речь должна идти о выяснении социально-экономической базы колониальной политики.

Установленная в Италии после воссоединения страны власть опиралась на коалицию сил, получившую в итальянской марксистской литературе название «индустриально-аграрный блок», т. е. на союз буржуазии и крупных землевладельцев. Сам этот блок не был чем-то единым и неизменным. Он состоял из различных социально-экономических группировок: финансовой и земельной аристократии Севера и Центра Италии, крупных латифундистов Юга, промышленной буржуазии Севера, буржуазии, связанной с судостроением, торговой буржуазии и др.

В первые два десятилетия существования Италии как единого независимого государства у власти находились правительства «Правой» и первые правительства «Левой». («Правая» и «Левая» — названия политических группировок итальянских господствующих классов того времени.) Это были годы, когда господствующие позиции в руководстве страной занимали политические деятели, отражавшие в первую очередь интересы влия-

тельных представителей финансовой аристократии (таких, как Балдуино, один из основателей «Кредито мобильяре»; Бомбрини, директор Национального банка; Бастоджи, создатель одной из первых железнодорожных компаний), связанной с иностранным (особенно французским) капиталом, земельной аристократии Севера и Центра Италии [330, с. 166, 178, 267]. Эти силы выступали ярыми поборниками свободы торговли, противниками протекционизма и колониальной политики. И если в это время предпринимались первые робкие шаги на поприще колониальной политики, то делались они главным образом под воздействием сил, находившихся за пределами указанных группировок. Такими силами были в первую очередь владельцы мореходных и судостроительных компаний, часть промышленников, коммерсанты и некоторые другие слои имущих классов. В значительной мере именно под их воздействием (наряду с влиянием усилившихся колониальных захватов крупных капиталистических держав) в Италии стало развиваться проколониальное движение, и страна начала постепенно становиться на путь колониальной политики.

Если в 60-х годах лишь отдельные эпизоды свидетельствовали о пробуждавшемся в Италии интересе к колониальной политике, то с конца 70-х годов голос «колониалистов» стал звучать громче и солиднее.

В самом деле, в 60-х годах были отдельные проповедники колониальной политики вроде К. Негри, возглавлявшего консульский и торговый отдел министерства иностранных дел Сардинского королевства. В книге статей и выступлений Негри, опубликованной в 1864 г. под названием «Величие Италии», содержались ясные призывы к активности в Африке. Сам Негри создал в 1867 г. во Флоренции Итальянское географическое общество, которое направило несколько экспедиций в страны Северо-Восточной Африки, издавало литературу об Африке. Депутат парламента Н. Биксио, один из компаньонов торговосудовладельческой компании «Рубаттино», обращался к правительству с предложением захватить порт на африканском побережье Красного моря.

В конце 60-х годов прозвучал голос итальянских торговцев: в резолюции состоявшегося в Генуе в октябре 1869 г. конгресса торговых палат предлагалось «правительству создать в одном из портов Красного моря, по возможности близ Сикейры, торговое агентство, где бы наши корабли могли найти продовольствие, уголь, материалы для починки судов, защиту и прибежище» [101, с. 18]. Однако, как видно из приведенной цитаты, речь шла не о создании колонии в подлинном смысле слова, а об открытии торгового агентства. Постановка же на конгрессе вопроса о колонии в более широком понимании, т. е. подлинной колонии, создание которой преследовало бы не только узкоторговые цели, но и было бы связано с целым комплексом внутри-

итальянских проблем, включая проблему эмиграции,— такая постановка вопроса, изложенная в докладе одной из комиссий конгресса, поддержки еще не нашла [316, с. 27].

О том, насколько еще слабыми были социально-политические силы, заинтересованные в колониальной политике, свидетельствует тот факт, что итальянское правительство, хотя и обещало в 1868—1869 гг. вопрос о создании колонии на побережье залива Зула (Адулис), окончательного решения не приняло [121, с. 25]. Дело ограничилось тем, что правительство, явно побуждаемое компанией «Рубаттино», поручило католическому миссионеру и естествоиспытателю Дж. Сапето как частному лицу купить порт или бухту. В ноябре 1869 г. Сапето купил у местных султанов за незначительную сумму Асэб. Однако правительство публично отмежевалось от действий Сапето, заявив, что это чисто коммерческая операция, осуществленная «Рубаттино». В следующем году опять-таки от имени «Рубаттино» были «приобретены» новые территории [125, т. 1, с. 25—28; 99, т. 2, с. 82—84]. И по-прежнему итальянское правительство демонстрировало свою мнимую непричастность к этому мероприятию.

Свидетельством того, насколько осторожно относились к идеям колониальных захватов в правящих сферах Италии, является тот факт, что официальная комиссия, рассматривавшая в 1871—1872 гг. вопрос о «целесообразности создания итальянских колоний с целью торговли, заселения и выселения», записала в одном из своих документов: «Нецелесообразно при нынешнем положении Италии создавать колонии под полным национальным контролем» [316, с. 23].

В конце 70-х — первой половине 80-х годов в связи с изменением международной и внутривосточной обстановки интерес к колониальным проблемам в Италии резко возрос. Флорентийское Итальянское географическое общество организовало в 1876—1877 гг. две экспедиции в Эфиопию. Затем последовала целая серия итальянских экспедиций в различные районы Африки.

В 1879 г. в Милане было создано Общество торговых исследований Африки. С самого начала это общество пользовалось поддержкой влиятельных кругов промышленного и торгового мира Милана. В руководящий комитет входили виднейшие представители деловых кругов: банкир Брамбилла, промышленник К. Эрба, директор одного из предприятий шерстяной промышленности, принадлежавших А. Росси, А. Канестри. По словам Р. Баттальи, «самая передовая часть, самая верхушка итальянской буржуазии была крестной матерью вновь родившегося колониального движения» [238, с. 104]. Орган промышленных и финансовых кругов Ломбардии газета «Соле» развернула сбор средств для направления новой экспедиции в Шоа.

Промышленники и торговцы Милана приняли решение о соз-

дании новой компании, которая бы занималась исключительно Эфиопией и Экваториальной Африкой. Так возникло в декабре 1881 г. Итальянское общество торговли с Африкой с акционерным капиталом 800 тыс. лир. Общество учредило агентства в Массауа, Ходейде, Хартуме и на Занзибаре и занялось торговыми операциями. Однако, не получив никаких доходов от деятельности общества, часть дельцов отошла от колониального движения.

В Неаполе был организован Африканский клуб (с 1882 г. — Африканское общество Италии), в создании которого участвовали некоторые неаполитанские торговцы. Не обладая средствами, которыми располагало ломбардийское общество, неаполитанское общество сосредоточило свое внимание на пропагандистской деятельности, а также на бесконечных колониалистских обращениях к правительству. В практическом плане оно способствовало созданию Общества колонизации Асэба [238, с. 104—108].

В этой атмосфере возраставшего интереса к колониальным проблемам итальянское колониальное владение в Асэбе в 1879—1880 гг. было несколько расширено (пока все еще как владение компании «Рубаттино»). В 1881 г. фактически, а в 1882 г. и официально итальянское правительство вступило во владение Асэбом, который стал первой колонией итальянского государства. Характерно, что за приобретение Асэба в палате депутатов было подано 147 голосов, против — 72, а в сенате: за — 39, против — 32 [238, с. 148].

Между тем расстановка сил внутри имущих классов Италии менялась, что находило отражение в деятельности политических сил и правительства страны. Усилились роль и влияние промышленного капитала, промышленной буржуазии, что являлось следствием активного развития промышленности. В 80-х годах, кризисных для сельского хозяйства, промышленное производство значительно увеличилось, так как аграрный кризис «ускорил приток капиталов в сферу промышленных инвестиций» [317, с. 53]. Индекс промышленного производства по шести крупным отраслям вырос с 1881 по 1887 г. со 100 до 137 [175, т. 2, с. 280]. Одновременно с ростом промышленного производства происходил рост численности и роли акционерных компаний. Именно в эти годы возникли те акционерные компании, которые в дальнейшем превратились в крупные монополии, ставшие главными хозяевами всей экономической жизни Италии (в 1883 г. — «Пирелли и К°»; в 1884 г. — «Эдисон»; в 1889 г. — «Монтекатини»; в 1884 г. — «Терни» и др.).

Возникавшие промышленные компании, а также крупнейшие из ранее существовавших вроде «Ланифицио Росси» были заинтересованы в протекционистских мерах. К аграрному протекционизму стремились крупные итальянские производители зерна, в первую очередь латифундисты Юга. В значительной мере

на этой основе и развивался в 80-х годах тот «индустриально-аграрный блок», который определял политику итальянского государства и представитель которого Фр. Криспи на протяжении длительного времени (с 1887 по 1896 г. с двухгодичным перерывом) возглавлял правительство. Протекционизм, реакционная внутренняя политика, репрессии против массового рабочего и демократического движения трудящихся внутри Италии, ориентация на Тройственный союз во внешней политике — такой была платформа, которая объединяла представителей указанных социальных сил, служивших опорой ряда итальянских правительств, в первую очередь правительств, которые возглавлял Фр. Криспи.

Отношение к колониальной политике было одной из основных проблем, по которым имелись разногласия внутри «индустриально-аграрного блока». Причем различие в подходе к этой проблеме проявлялось особенно отчетливо среди представителей промышленно-предпринимательской части блока.

Колониальные захваты, на путь которых итальянские правящие круги вступили окончательно в 1885 г. оккупацией Масауа и которые получили наибольшее развитие при правительствах Криспи, отражали на том этапе экономические интересы, как уже отмечалось, лишь части итальянской буржуазии. Это были владельцы (или совладельцы) крупных судостроительных и мореходных компаний, для которых захват колоний сулил новые сферы деятельности; это были те компании текстильной промышленности, которые, несмотря на неудачные эксперименты Итальянского общества торговли с Африкой, продолжали придерживаться мнения, что создание колоний откроет новые рынки сбыта и выгодные источники сырья; это была металлургическая компания «Терни», теснейшим образом связанная с судостроительными компаниями, и др.

При этом необходимо подчеркнуть, что речь шла о крупнейших в то время компаниях не только в каждой данной отрасли, но и вообще в экономике Италии, о своего рода монополиях. Достаточно сказать, что группа генуэзского судовладельца Рубаттино располагала к началу 80-х годов 40 судами водоизмещением 27 тыс. т, а группа сицилийского судовладельца Флорио, теснейшим образом связанного с Криспи, — 43 судами водоизмещением 33 тыс. т. Созданная в 1881 г. в результате слияния групп Флорио и Рубаттино (при участии «Кредито мобильяре») акционерная компания «Навигацоне дженерале итальяна» располагала в момент своего возникновения акционерным капиталом 100 млн. лир (заметим для сравнения, что в конце 80-х годов капитал всех акционерных обществ металлообрабатывающей промышленности Италии составлял 54,7 млн. лир, «Эдисон» — 6 млн. лир, «Монтекатини» — 2 млн. лир, «Пирелли» — 2 млн. лир [330, с. 155—156; 202, с. 118—119, 135—136, 151]). На протяжении ряда десятилетий

«Навигацоне дженерале» занимала господствующее положение в морском судоходстве Италии.

Капитал промышленной компании «Ланифичио Росси», крупнейшей в шерстяной промышленности, достигал в 1880 г. 24 млн. лир. Ее владелец и основатель А. Росси занимал видное место не только в деловом, но и в политическом мире, будучи сенатором.

Названные компании и многие другие, непосредственно заинтересованные в колониальной политике, имели теснейшие связи с крупными политическими деятелями, членами правительства. Криспи был тесно связан не только с «Навигацоне дженерале», но и с судостроительной компанией братьев Орландо, которые владели предприятиями в Генуе, Палермо, Ливорно; они руководили рядом предприятий фирмы «Ансальдо». На верфях, как принадлежавших братьям Орландо, так и арендованных ими у правительства, строились торговые и военные суда. Предприятие Л. Орландо в Ливорно занималось проектированием железнодорожного строительства в Италии, разработкой методов добычи серы в Сицилии. Будучи лично связан с Криспи, Л. Орландо был назначен сенатором во время второго кабинета Криспи.

Министр военно-морского флота Брин (1884—1891), активно проводивший вместе с Криспи линию на быстрое увеличение в короткие сроки итальянского военно-морского флота, имел самые тесные деловые связи с предприятиями Орландо и «Ансальдо». При непосредственном содействии Брина предпринимателем С. Бреда была создана акционерная компания под названием «Доменные печи, плавильни и сталелитейные предприятия Терни» (сокращенно «Терни») и построены крупные современные металлургические предприятия. Причем государство ассигновало не менее 12 млн. лир из 56 млн., вложенных в создание «Терни» [330, с. 151—152]. Именно благодаря активной деятельности предприятий «Терни», получавших и правительственные заказы, итальянское производство стали выросло с 4 тыс. т в 1885 г. до 158 тыс. т в 1889 г. [317, с. 59]:

Следовательно, как совершенно справедливо пишет Э. Серени, «первые протекционистские, экспансионистские и колониалистские импульсы исходят от таких людей, как Росси, представитель крупнейшей промышленной группы того времени... и вообще от наиболее сильных индустриальных групп, таких, как группа Орландо, Венецианское строительное общество (на основе которого было создано „Терни“), группы Рубаттино и Флорио (потом — „Навигацоне дженерале“), а также от таких тесно связанных с ними политических деятелей, как Бозелли (министр в ряде правительств, затем — сенатор и депутат), Брин и сам Криспи» [330, с. 228].

Из изложенного следует сделать вывод, что итальянская колониальная политика вовсе не была лишена «реальных им-

пульсов», что у нее была достаточно солидная социально-экономическая база в виде крупных капиталистических компаний, хозяева которых были заинтересованы в проведении Италией активной колониальной политики. Эта экономически весьма сильная и влиятельная часть итальянской буржуазии и была той главной социальной силой, которая стимулировала развертывание колониальной экспансии Италии в конце XIX в. Именно к ней в первую очередь относились слова тезисов Лионского съезда Коммунистической партии Италии «Буржуазия... разрешила вопрос о своих внешнеполитических связях (Тройственный союз); почувствовав уверенность, она предпринимает попытку выйти на международную арену борьбы за захват колониальных рынков» [29, с. 228].

В колониальной политике были заинтересованы и другие социальные силы, в том числе значительная часть крупных землевладельцев, особенно Юга Италии. Развитие капитализма, а с начала 80-х годов и наступивший аграрный кризис в Италии вели к резкому ухудшению положения широких масс крестьянства. Усилился процесс обезземеливания и пролетаризации крестьян. Разорившиеся крестьяне оставляли родные края, отправляясь на Север Италии или за границу. Численность эмигрантов, составлявшая ранее 110—120 тыс. в год, в 1880—1886 гг. увеличилась в среднем до 155 тыс. в год, а в 1887—1896 гг. значительно превысила 200 тыс., причем около половины эмигрантов оставляли родину навсегда [291, с. 31, 42]. Часть представителей имущих классов, особенно землевладельцев Юга, приходили к заключению, что наилучшим решением проблемы «избыточного» населения было бы организованное направление его в колонии.

80—90-е годы XIX в. характеризовались серьезным обострением классовой борьбы в Италии. Усилились массовые выступления трудящихся против эксплуатации, нищеты и бесправия. Значительного размаха достигла борьба трудящихся в 1883—1885 гг. Начало 90-х годов ознаменовалось массовым движением крестьян Сицилии, во главе которого стояли «союзы трудящихся» — фаши. Размах движения серьезно напугал господствующие классы, которые обрушили на участников движения репрессии.

В этих условиях среди части господствующих классов утвердилось мнение, что колонии, как писал журнал «Новая антология», являются «предохранительным клапаном против внутренних волнений, которые теперь наносят ущерб главным образом социальным порядкам, собственности и капиталу». При этом делался совершенно определенный и недвусмысленный вывод: «Если не немедленно, то через несколько лет мы также почувствуем необходимость открыть для нашей торговли и для нашей промышленности новые рынки... и вступить в конкуренцию также и на этом поприще с другими народами... Мы — на пере-

путье: или немедленно утвердиться на поприще колониальной политики, или отказаться от нее, может быть, навсегда» (цит. по [238, с. 156, 159—161]), — писала «Новая антология» 15 ноября 1884 г., т. е. буквально накануне высадки итальянских войск в Массаяу. Среди других сил, высказывавшихся в пользу колониальной политики и практически поддерживавших ее, были так называемые центры власти — королевский двор, высшие чины армии и военно-морского флота.

Общая атмосфера усилившейся активности великих держав на колониальном поприще также побуждала итальянские правящие круги становиться на путь колониальной экспансии.

Противником активной колониальной политики начиная с 1885 г. была значительная часть промышленной буржуазии Ломбардии и Пьемонта, особенно те предприниматели, которые действовали в молодых, развивающихся отраслях. Неправильно было бы утверждать, что это была принципиальная враждебность по отношению к колониальной политике. Речь шла о другом: эта буржуазия, связанная с активно развивающейся и набиравшей силу промышленностью Севера, сама нуждавшаяся в то время в капиталах, была заинтересована в том, чтобы финансовые средства использовались итальянским государством внутри Италии, в частности для поддержки промышленности, для расширения внутреннего рынка. Дорогостоящие же колониальные мероприятия, помимо всего прочего, ложились дополнительным бременем на государственный бюджет, вопрос о равновесии которого в тот период «довлел над всеми другими вопросами» [29, с. 228]. Единственным источником поддержания равновесия бюджета могли быть в тех условиях новые налоги, а их введение абсолютно не устраивало указанные круги итальянской буржуазии Севера.

«Кампания против правительственных налогов охватывала все политические сферы и все классы миланского населения... Борьба против налогов окрашивалась в пацифистские и антиафриканские краски, очень популярные в Милане» [268, с. 30—31], — пишет один из исследователей истории Милана конца XIX в. Не случайно сразу же после захвата итальянскими войсками Массаяу, в начале апреля 1885 г., один из двух наиболее авторитетных органов буржуазии Севера, газета «Соле» писала: «У нас нет лишних денег, чтобы растрачивать их вместе с Англией на далекие миражи, в то время как в самой Италии есть нужды, об удовлетворении которых надо позаботиться» (цит. по [238, с. 220]). Понятно, что орган итальянских промышленников имел в виду нужды капитала.

Следовательно, сопротивление части буржуазии Севера целому ряду колониальных захватов в период после 1885 г. означало не принципиальную оппозицию колониальной политике вообще, а оппозицию крупным расходам на колониальные мероприятия. Не случайно отдельные колониальные успехи итальян-

янских войск в Африке, одержанные «малой кровью» и не требовавшие крупных дополнительных расходов, встречались органами буржуазии Севера с таким же энтузиазмом, как и органами «африканской» прессы. Так, победа итальянских войск над махдистами 21 декабря 1893 г. вызвала у «Коррьере делла сера» (уже в 80—90-х годах эта газета была тесно связана с промышленниками Ломбардии, особенно с новыми промышленными кругами) не меньший восторг, чем у постоянно поддерживавших политику Криспи газет «Реформа» и «Трибуна» [238, с. 554]. Зазвучали на какое-то время «ура-патриотические» мотивы в деловой прессе Севера и осенью 1895 г., в период активного наступления итальянских войск в Эфиопии. Но сразу же после поражения итальянцев при Амба-Алаге они прекратились.

И все-таки если попытаться проследить основную линию отношения значительной части буржуазии Севера к колониальной политике в тот период, не вдаваясь в подробности, то можно сделать вывод, что она отнюдь не являлась проколониалистской. Негативное отношение к колониальной политике особенно ясно проявилось в период итало-эфиопской войны 1894—1896 гг. Ограничимся в этой связи лишь несколькими примерами.

В начале 1889 г., когда стало известно, что обстановка в Эфиопии складывается не столь благоприятно для итальянской экспансии, как этого хотелось бы Риму, министр финансов Дж. Саракко, теснейшим образом связанный с деловыми кругами Севера, в специальном письме на имя Криспи предложил немедленно отозвать итальянские войска из района Массая и прилегающих к нему захваченных итальянцами территорий, чтобы «освободиться от кошмара новых неожиданностей, которые стоили бы стране крови и денег» [138, с. 128—130].

Весной 1895 г. развертывание наступления итальянских войск против Эфиопии потребовало новых значительных средств. Это вызвало разногласия между сторонниками и противниками колониальной политики в правительстве Криспи. В связи с этим Криспи дал указание Баратьери приостановить наступление. 5 апреля 1895 г., мотивируя свой приказ, Криспи писал: «Всякая дальнейшая экспансия в Африке встречает оппозицию в Северной Италии, даже среди друзей кабинета. Мой коллега по правительству министр казначейства обеспокоен отсутствием ясности по поводу расходов, которые нам предстоят. Предприятие могло бы продолжаться только при условии, что колония (Эритрея.— В. Т.) содействовала бы ему при помощи налогов с местного населения» [138, с. 301].

С возобновлением наступательных операций итальянских войск против Эфиопии и непосредственно после поражения при Амба-Алаге Криспи добился от парламента выделения дополнительных 20 млн. лир на расходы в Африке (был поставлен вопрос о доверии правительству в палате депутатов, результаты

голосования выглядели так: 255 — за, 148 — против) [101, с. 41]. Это вызвало новую волну недовольства в деловых кругах Севера. «Коррьере делла сера» писала в январе 1896 г.: «Если отказаться от лицемерия и назвать африканское предприятие его действительным именем — попыткой завоевания и создания колонии, вывод не изменится: Италия не должна, не может завершать подобное предприятие» [358, 25.I.1896].

Газета «Соле» буквально за неделю до битвы при Адуа писала, что новости, поступавшие из Эритреи, позволяли считать, что «правительство хочет поразить нас ими, чтобы заставить нас дать ему возможность послать в Африку еще 50—60 тысяч солдат и разрешить ему продолжать подлинно захватническую кампанию, которой страна не хочет, абсолютно не хочет и бремя которой не может взваливать на себя» [382, 23.II.1896].

Министр общественных работ Саракко потребовал созыва парламента для обсуждения действий Криспи и его сторонников в Африке, пригрозив при этом, что в противном случае он уйдет в отставку. Криспи должен был прибегнуть к самому грубому нажиму, прямо-таки шантажу, чтобы заставить Саракко молчать. «Вспомните, дорогой коллега, что в течение 26 месяцев существования нашего министерства Вы никогда не требовали ухода из Эритреи и что Вы так же, как и все ваши коллеги, ответственны за трудную войну, которая ведется в Африке» (см. [238, с. 715]).

Вполне понятно, что при всей ограниченности и непоследовательности, присущих оппозиции колониальной политике со стороны части буржуазии Севера и особенно ее политических представителей в парламенте и в правительстве, эта оппозиция имела немаловажное значение. Наличие среди имущих классов Италии двух групп, занимавших различные позиции по вопросу о колониальной политике, было при общей финансово-экономической слабости страны одним из важнейших факторов, накладывавших отпечаток на всю эту политику и определявших такие ее характерные черты, как непоследовательность, половинчатость некоторых мер и решений, временные отказы от уже начатых действий.

Другая важная особенность деятельности Италии в колониальной области состояла в высокой степени ее зависимости от международных факторов. Как правило, итальянские правящие круги обращали свои взоры к тем районам и территориям, где, по их мнению, складывалась благоприятная международная обстановка для их активности, где в силу обострения противоречий между более крупными державами или общего обострения обстановки в мире можно было наиболее безболезненно получить место под колониальным солнцем.

Так, в конце 1884 г. общая обстановка усилившейся колониальной гонки великих держав побудила итальянские правящие круги принять подготовительные меры для возможной вы-

садки итальянских войск в Триполитании и Киренаике. Этому способствовало обострение положения в Средиземноморье в связи с установлением французского протектората над Тунисом (1881 г.), «египетским кризисом», а также в связи с новыми претензиями Франции к Марокко (весной 1884 г. французское правительство потребовало от марокканского султана создать более благоприятную обстановку для европейской — имелось в виду французской — колонии в Марокко, а также «обезопасить алжирскую границу» путем исправления алжиро-марокканской границы в пользу французского Алжира).

21 ноября 1884 г. министр внутренних дел Италии П. С. Манчини обратился к военному министру генералу Рикотти с секретным письмом, в котором просил подготовиться к «оккупации Триполи, Бенгази и некоторых других пунктов». Предлагалось в обстановке абсолютной секретности подготовить к отправлению в Северную Африку экспедиционный корпус численностью примерно 30 тыс. человек не позднее чем через 10 дней после получения соответствующего приказа [128, с. 151—152]. Военное министерство срочно вступило в контакт с военно-морским министерством, добилось выделения 2 млн. лир на расходы, связанные с предстоящей экспедицией, и приняло меры по подготовке и оснащению 30-тысячного экспедиционного корпуса [128, с. 152—154].

Однако этим дело и ограничилось. Экспедиция в Северную Африку в то время не состоялась по ряду причин. Во-первых, отчетливо выявилось враждебное отношение Англии к подобно-го рода итальянской инициативе [128, с. 72]. Во-вторых, итальянские правящие круги пришли к выводу, что Франция не решится в тот момент захватывать Марокко. А это, с их точки зрения, меняло всю ситуацию: одно дело — воспользоваться захватом Францией Марокко и высадить экспедиционный корпус в Триполитании якобы для предотвращения захвата ее Францией и совершенно другое дело — начать самим изменение статус-кво в Средиземном море, да еще ценой войны с Турцией. И, в-третьих, в конце декабря итальянскому правительству стало окончательно ясно, что перед ним открывалась благоприятная возможность для захвата Италией Массасау с согласия и при поддержке Англии. Это последнее обстоятельство было решающим, побудившим итальянские правящие круги отказаться от попыток предпринимать что-либо в тот момент в Северной Африке и начать активно действовать на африканском побережье Красного моря (о чем речь пойдет ниже).

С середины 80-х годов итальянские правящие круги и их эмиссары обратили взоры к Восточной Африке — к тем территориям, которые считались владениями султана Занзибара. В то время они были объектом острого соперничества между Великобританией и Германией. Правительство каждой из этих держав стремилось не только захватить побольше территорий, но

и помешать сделать то же самое своему основному конкуренту. В английских правящих кругах возникли вполне реальные опасения, что значительная часть сомалийского побережья может оказаться под властью Германии. Ведь в 1885 г. султан Занзибара признал германский протекторат над своими восточноафриканскими владениями, а в 1886 г. представители Германской восточноафриканской компании навязали султану Виту договор, передававший немецкой компании монополию на торговлю, на свободные земли, леса, реки. 26 ноября того же года немецкие агенты заставили султана Оббии уступить еще ряд земель немецкой компании [346, с. 1578—1579].

Этим воспользовалось итальянское правительство, предпринявшее, с одной стороны, энергичный нажим на султана Занзибара с целью добиться от него территориальных уступок, а с другой — начавшее переговоры с английским правительством. В результате в 1889—1892 гг. Англия дала согласие на передачу Италии районов Брава, Мерка, Могадишо, а затем признала итальянский протекторат над султанатами Оббии и Миджуртини [125, т. 1, с. 224—227]. Это произошло в изменившейся международной обстановке: 1 июля 1890 г. был подписан англо-германский договор, по которому Германия в обмен на стратегически важный остров Гельголанд в Северном море согласилась признать английский протекторат над Занзибаром и резко ограничить территорию своих восточноафриканских владений. В этих условиях Англия, не опасаясь усиления своего германского конкурента (номинального союзника Италии), не стала возражать против итальянской экспансии в Сомали.

В начале 1900-х годов итальянское правительство приняло участие в интервенции капиталистических держав в Китае в связи с народным восстанием ихэтуаней, чтобы и там урвать себе «кусочек колониального пирога». Итальянские войска вместе с войсками других капиталистических хищников в январе 1901 г. захватили Тяньцзинь. По подписанным соглашениям, Китай вынужден был передать итальянскому правительству в «вечное пользование» за ничтожную плату концессию в Тяньцзине площадью около 0,5 кв. км с населением 17 тыс. жителей, а также предоставить ряд прав, которые были даны другим империалистическим державам.

Далеко не все колониальные притязания Италии встречали поддержку и одобрение в Лондоне. Английские правящие круги откликались только на те итальянские просьбы, поддерживали или стимулировали только те итальянские колониальные начинания, которые устраивали Англию или по крайней мере не противоречили ее интересам. Но факт остается фактом: начальный этап итальянской колониальной экспансии, практически все колониальные захваты Италии в Северо-Восточной Африке в последнее двадцатилетие XIX в. осуществлялись при попустительстве, а то и при прямом поощрении британских руководи-

телей, ибо итальянская экспансия ослабляла стратегические позиции главных конкурентов Великобритании — Франции и Германии.

Итальянские правящие круги пришли к ориентации на Англию на основе анализа расстановки сил в мире в целом, реальных политических интересов великих держав в Европе, в Африке и на Ближнем Востоке. В самом деле, после захвата Туниса Франция стала врагом Италии на длительный период. У своих партнеров по Тройственному союзу — Германии и Австрии — Италия не встречала должной поддержки. В частности, весной — летом 1884 г. Германия и Австрия отказались поддержать Италию в ее противодействии притязаниям Франции на Марокко [128, с. 28—31].

Между тем английские руководители, встревоженные усилением позиций Франции в Средиземном море и образованием Тройственного союза, недвусмысленно стали демонстрировать свое благожелательное отношение к Италии. Осенью 1881 г. английское правительство дало согласие на официальный переход Асэба под контроль итальянского государства [79, т. 73, с. 1257—1258, 1261—1262]. В 1882 г. правящие круги Великобритании предложили итальянскому правительству принять участие в подавлении национально-освободительного движения в Египте.

Итальянское правительство, хотя и отклонило это предложение, в дальнейшем постаралось сделать целый ряд шагов, которые бы способствовали сближению с Англией. Так, оно первым поддержало английское предложение о созыве летом 1884 г. конференции держав — кредиторов Египта с целью урегулирования египетских финансов. В июне того же года итальянский министр иностранных дел Манчини отклонил французское предложение о создании единого антианглийского фронта на предстоящей конференции. А на самой конференции в июле 1884 г. итальянские представители поддержали англичан вопреки позиции Германии и Австро-Венгрии. Не случайно «Таймс» писала в то время, что Италия «заслуживает самой большой благодарности английского народа» [128, с. 31—32].

Начало сообщничества правительств Италии и Великобритании в Северо-Восточной Африке против интересов африканских народов относится к концу 1884 г. В октябре 1884 г. министр иностранных дел Великобритании Гренвиль поставил перед итальянским послом в Лондоне вопрос (выражая якобы свое личное мнение): была ли склонна Италия захватить Масауа, которое в тот период номинально управлялось Египтом «по поручению турецкого султана» [99, т. 3, с. 70]. Английский демарш привел в восторг колониалистские круги в Риме, которые стали добиваться официального согласия Англии на захват итальянскими войсками ряда важных пунктов на красноморском побережье Африки. В декабре 1884 г. английское пра-

вительство санкционировало захват Италией Зулы, Бейлуля или Массауа и пообещало оказать умиротворяющее воздействие на правительство Турции, которая, как считалось, имела исторические права на упомянутые районы [99, т. 3, с. 92—94]. В январе 1885 г. итальянцы оккупировали Бейлуль, 5 февраля — Массауа, а затем приступили к оккупации других пунктов побережья.

Английское предложение отнюдь не было случайным. В 1884 г. в Северо-Восточной Африке серьезно обострилось англо-французское соперничество. Франция, агенты которой еще в 1862 г. захватили территорию Обока близ Баб-эль-Мандебского пролива, в 1884 г. резко активизировалась в этом районе. Если до 1884 г. в Обоке действовали только частные французские компании, то с весны 1884 г. там появились официальные представители французского правительства. Отказ английских властей в Адене снабжать французские корабли углем побудил Францию приступить к созданию своей собственной базы в Обоке, главным образом в связи с экспедициями в Тонкине и на Мадагаскаре. Обок был объявлен официально колонией Франции, в июне туда был назначен правительственный комендант, а в августе там высадились французские войска. Началось расширение территории колонии. В октябре — декабре 1884 г. французский комендант Обока Лагард добился от султанов Таджуры и Гобада передачи Франции ряда новых пунктов на побережье Таджурского залива. Рас-Али, Сагалло, Таджура, Губбет-Хараб и другие вошли в состав французской колонии [95, т. 2, с. 632]. В ноябре Париж назначил инженера Анри агентом в Харэре. Франция явно не собиралась ограничиваться узкими пределами Таджурского залива. В Лондон поступали сведения о том, что Франция намеревалась захватить Массауа.

Это вызывало беспокойство у англичан. Положение осложнялось тем, что еще весной 1884 г. английские правящие круги приняли решение об эвакуации египетских войск с находившегося в то время под управлением Египта побережья Красного моря к югу от Массауа, с побережья Аденского залива и из Харэра. Это решение было связано с тем, что в новых условиях, когда Египет сам стал фактической колонией Англии и был оккупирован английскими войсками, наличие слабых египетских гарнизонов не могло уже гарантировать интересы англичан на побережье. К тому же в Лондоне считали, что выведенные с побережья египетские войска могли бы быть использованы для борьбы против махдистов в Судане.

Относительно части побережья, которая находилась между Зейлой и мысом Гвардафуй, руководители британской внешней политики уже весной 1884 г. приняли решение: в той или другой форме она должна перейти под прямой контроль Англии. До конца 1884 г. это решение было проведено в жизнь: вождям

сомалийских племен были навязаны договоры о протекторате [79, т. 76, с. 99—107], а наиболее важные пункты оккупированы английскими войсками.

В основных пунктах остальной части побережья, откуда эвакуировались египтяне, Лондон вначале рассчитывал сменить египетские войска турецкими. Однако турецкое правительство не спешило принимать соответствующее английское предложение. В такой обстановке и выплыла кандидатура Италии. Водворение в этих районах слабой в финансово-экономическом отношении Италии, ясно продемонстрировавшей летом 1884 г. свое желание идти на союз и сотрудничество с Великобританией, вполне устраивало Лондон. Главное, чтобы эти территории не перешли к Франции.

Английские правящие круги не случайно выбрали Италию. Для Лондона это было не только решением проблемы охраны своих интересов от французского соперника на красноморском побережье Африки. Это явилось также частным проявлением стремления Англии получить союзника в лице Италии. Дело в том, что в 1884—1885 гг. Англия оказалась в изоляции среди великих держав. Действительно, англо-французские отношения, и без того сложные после оккупации Англией Египта в 1882 г., резко обострились после прихода к власти во Франции Ж. Ферри, вставшего на путь усиления колониальной экспансии Франции. Выход на арену активной колониальной политики Германии, колониальные устремления которой встретили противодействие английского правительства, вызвал обострение англо-германских отношений. В связи с этим с середины 1884 г. наметилось сближение Франции и Германии по колониальным вопросам, антианглийскую направленность которого Форин офис особенно почувствовал на Лондонской конференции 1884 г. Чрезвычайно напряженными были и англо-русские отношения в Средней Азии. В этих условиях даже такой слабый союзник, как Италия, казался полезным Англии.

Почувствовав заинтересованность Англии в сотрудничестве с Италией, в частности в Северо-Восточной Африке, итальянские правящие круги стали добиваться от могущественного партнера удовлетворения своих все новых колониальных притязаний. Характерно при этом, что итальянцы в течение ряда лет не предпринимали практически ни одного шага в Северо-Восточной Африке, не запросив предварительно согласия Лондона.

Можно условно наметить четыре основных направления итальянских притязаний в Северо-Восточной Африке, отношение к которым англичан было различным:

- 1) сомалийское побережье к юго-западу от мыса Гвардафуй;

- 2) Зейла и Харэр (Харэр, на протяжении длительного исторического периода входивший в состав Эфиопской империи, был отторгнут от нее примерно в начале XVI в.);

3) Судан;

4) центральные районы Эфиопии.

1. Итальянским руководителям удалось добиться от Англии согласия на овладение сомалийскими территориями между мысом Гвардафуй и р. Джубой. Англо-итальянский протокол от 24 марта 1891 г. определил р. Джубу в качестве разграничительной линии между итальянской и английской сферами влияния на побережье Индийского океана.

2. В ноябре 1884 г. итальянское правительство впервые поставило перед Форин офис вопрос о возможной передаче Италии Зейлы и Харэра [99, т. 3, с. 81—82]. Однако эти притязания не встретили поддержки в Лондоне [381, 1954, № 3, с. 176].

В марте 1885 г. в связи с сообщениями о волнениях в Харэре итальянское правительство предложило англичанам дать согласие на оккупацию Италией Зейлы и на направление в Харэр отряда итальянских солдат «для поддержания общественной безопасности как в Харэре, так и на торговых путях, ведущих к берегу» [99, т. 3, с. 152]. Итальянскому военному министру Рикотти было предложено изучить вопрос о подготовке экспедиции в Зейлу, Берберу и Харэр [381, 1955, № 2, с. 91—92, 106]. Английское правительство Гладстона — Гренвиля проявило некоторые колебания в связи с итальянским демаршем. Однако в июне оно ушло в отставку, а глава нового правительства лорд Солсбери заявил, что он не видит никаких оснований для изменения статус-кво Зейлы и Харэра [381, 1957, № 1, с. 23].

В апреле 1886 г., воспользовавшись сведениями о нападении населения Харэра на итальянскую военно-политическую экспедицию, итальянские правящие круги поставили перед Лондоном вопрос о направлении своего отряда в Харэр, но Лондон снова ответил отказом. Осенью 1886 г. итальянское правительство попыталось завязать переговоры с правительством Англии и «выторговать» у него Зейлу в обмен на дипломатическую поддержку по какому-нибудь важному для Англии международному вопросу. Однако и на этот раз английский кабинет отверг итальянские домогательства [347, 1941, с. 95, 133].

Окончательно Лондон отверг итальянские притязания на Зейлу в 1894 и в 1895 гг., когда итальянцы предлагали Англии в обмен на Зейлу султанат Миджуртини [319, с. 60—62]. Зейлу, как стратегически важный пункт на побережье Аденского залива, британский империализм сохранил для себя, признав почти весь Харэр сферой итальянского влияния. Это было зафиксировано в англо-итальянском протоколе от 5 мая 1894 г. о разграничении сфер влияния в зоне Аденского залива [79, т. 80, с. 55]. В самом конце 1895 г. итальянцы попытались добиться от Англии разрешения на провод части своих войск через Зейлу, чтобы со стороны Харэра атаковать Эфиопию. Но и эту просьбу Лондон отклонил.

3. Сразу после захвата Массауа итальянские правящие кру-

ги поставили Лондон в известность о своей готовности участвовать в военных действиях в Судане. 12 февраля итальянское министерство иностранных дел сообщило в Лондон, что итальянские войска готовы совершить поход против махдистов к Кассале, если будет заключено соглашение о широком англо-итальянском «сотрудничестве» в Судане [273, с. 127]. За этим предложением итальянских правящих кругов стояло желание добиться от Англии определенных обязательств относительно будущих приобретений Италии в Судане. Лондон соглашался на «спонтанный» поход итальянцев в район Кассалы, но никаких обязательств брать не желал [128, с. 178]. Судан должен был принадлежать, по мнению английских руководителей, только Англии.

Такой же линии Лондон придерживался в связи с итальянскими притязаниями на Судан на протяжении всего последующего десятилетия. В 1887 г. Англия ограничила попытки Италии продвинуться максимально далеко на север с целью захвата суданского побережья Красного моря. Англо-итальянское соглашение от 24 и 31 мая 1887 г. установило, что побережье к северу от мыса Рас-Касар «находится под наблюдением английских властей, а к югу — итальянских» [95, т. 3, с. 946—947]. Несмотря на соглашение, итальянцы неоднократно пытались захватить районы к северу от Рас-Касара. Оккупацией Токара в начале 1891 г. англичане положили конец этим попыткам.

Еще более настойчиво проявлялось стремление итальянцев обосноваться в глубинных районах Судана. Ближайшей целью их устремлений была Кассала — важнейший пункт на пути к Хартуму и к притоку Нила Атбаре. Активность итальянцев в этом направлении очень беспокоила Лондон. Поэтому, согласившись в начале 1890 г. на переговоры о разделе сфер влияния в борьбе против махдистов, Солсбери подчеркнул, что любое разграничение должно исходить из того, что Египет (имелась в виду Англия) не собирается отказываться от своих прав на Кассалу и Хартум и что Англия не допустит, чтобы ее интересам был нанесен какой-либо ущерб в долине Нила [138, с. 229; 345, с. 664]. Результатом длительных переговоров был англо-итальянский протокол от 15 апреля 1891 г., разграничивший сферы влияния Англии и Италии в пограничной зоне Эритрея — Эфиопия — Судан. Самое большее, чего удалось добиться итальянским правящим кругам, это разрешения на временную оккупацию Кассалы и прилегающей территории до Атбары, если этого потребует военная обстановка. Но протокол специально оговаривал права Египта (Англии) на эту территорию, которую итальянцы должны были возвратить, как только «египетское правительство будет в состоянии вновь захватить упомянутый округ». Кроме этого, итальянское правительство обязалось не производить на Атбаре никаких работ, которые

могли бы изменить режим этой реки [95, т. 3, с. 949—950]. В 1894 г. Италия оккупировала Кассалу. Однако это вызвало недовольство в Лондоне и ухудшило англо-итальянские отношения [348, с. 283—285].

4. Основным направлением итальянской экспансии в Северо-Восточной Африке после захвата Массаяу была Эфиопия. История последующих одиннадцати лет — это история попыток итальянских правящих кругов поработить Эфиопию, используя любые средства, в том числе и военные. С самого начала Италию поддерживало в этом английское правительство. Более того, можно утверждать, что весной 1885 г. Англия побуждала итальянцев обратить экспансионистские устремления к Эфиопии. 20 мая 1885 г. в ответ на настоятельную просьбу итальянцев разрешить им захватить Зейлу и Харэр английский министр иностранных дел Гренвиль заявил, по словам итальянского посла в Лондоне, что «было бы предпочтительно, чтобы наши (итальянские.— В. Т.) усилия по достижению торговых и других преимуществ направлялись на Абиссинию» [99, т. 3, с. 186]. Кажется, яснее изложить желательное для Великобритании направление итальянской экспансии было трудно.

Осенью 1887 г., когда итальянские колонизаторы, получившие отпор в январе 1887 г. при Догали, готовились к новым агрессивным действиям против Эфиопии, английское консервативное правительство направило к императору Эфиопии «посредническую» миссию (миссия Портала). Английский посланец передал императору одобренные Лондоном агрессивные итальянские требования к Эфиопии, с помощью которых итальянское правительство хотело без единого выстрела при поддержке Англии сделать то, для чего снаряжался 20-тысячный экспедиционный корпус. Подлинная суть «посреднической» миссии Портала состояла в поддержке захватнических требований Италии и в давлении на Эфиопию. Именно так и оценил ее император Эфиопии Йоханнис IV [149, с. 160—161].

В июне 1889 г. глава английского консервативного правительства лорд Солсбери заявил итальянскому представителю: «У меня нет никаких возражений против того, чтобы Италия осуществляла исключительное влияние в Абиссинии» [319, с. 29]. Поэтому Англия сразу же приняла к сведению сообщение итальянского правительства о якобы установленном протекторате над Эфиопией на основе Уччиалльского договора 1889 г. «Мне приходит сейчас на память,— говорил Солсбери,— что после оккупации Массаяу именно я впервые посоветовал итальянскому правительству через сенатора Панталеони открыть себе дорогу внутрь Африки, имея в виду установление протектората над Абиссинией» [138, с. 164].

Наконец, англо-итальянскими протоколами от 24 марта и 15 апреля 1891 г. и от 5 мая 1894 г. о разграничении сфер влияния в Восточной Африке вся Эфиопия и большая часть насе-

ленных сомалийцами земель были включены в сферу влияния Италии [79, т. 83, с. 19—21]. В частности, в районе Аденского залива линия разграничения, отделявшая британскую сферу влияния от итальянской, проходила несколько южнее линии границы между Британским Сомали и Эфиопией, установленной позднее, в июне 1897 г. И хотя в 1895—1896 гг. английские правящие круги весьма настороженно следили за действиями итальянцев в Эфиопии, а некоторые деятели Форин офис даже пытались говорить о непричастности Англии к итальянской политике в Эфиопии в тот период [348, с. 280—282], упомянутые протоколы неопровержимо свидетельствуют о пособнической роли английских правящих кругов по отношению к итальянской агрессии против Эфиопии.

Итак, развертывая экспансию в Северо-Восточной Африке, итальянские колониалисты ориентировались на Великобританию, правящие круги которой активно поддерживали политику Италии в отношении Эфиопии, санкционировали утверждение итальянцев на сомалийском побережье Индийского океана и сдерживали осуществление их притязаний на ряд районов побережья Аденского залива и Судана.

В условиях натиска колониальных держав императоры феодальной Эфиопии — вначале Йоханныс IV, а затем Менелик (Мынилик) II — предпринимали отчаянные усилия, чтобы сохранить независимость и территориальную целостность своей страны. Йоханныс IV пытался заручиться поддержкой правящих кругов Великобритании с целью решения этой задачи и укрепления своей власти в стране. Однако в 1885—1888 гг. англичане открыто поддержали захватнические действия итальянцев в отношении эфиопских земель. (По словам англичанина Портала, Йоханныс считал Массауа эфиопским портом и заявлял, что у него не было ни намерения, ни даже права отказываться от того, что являлось владением Эфиопии [149, с. 158—159].) Вынужденный решать одновременно несколько проблем — борьба с феодальным сепаратизмом в самой Эфиопии, противодействие итальянской агрессии на Севере страны, отражение атак махдистов из Судана, — Йоханныс в конечном счете не смог справиться с поставленными задачами (в 1889 г. он погиб во время сражения с махдистами).

Его преемник на императорском троне Менелик II — выдающийся государственный деятель, политик и дипломат — успешно решал задачу защиты независимости Эфиопии и расширения ее территорий. Еще не будучи императором, а являясь ныгусэ (властителем) Шоа, Менелик правильно оценил значение усилившейся экспансии европейских колониальных держав в районе Африканского Рога. Расширение французских владений в Таджурском заливе, захват Англией стратегически важных позиций на побережье Аденского залива (1884—1887), начало итальянского проникновения на сомалийское побережье от мыса

Гвардафуй до р. Джубы (1886—1889) — все это не могло не вызывать беспокойства у ныгусэ Шоа, владения которого оказывались в самой непосредственной близости от районов активности европейских колонизаторов. Оснований для беспокойства было тем более достаточно, что европейцы вовсе не собирались ограничиваться захватом лишь районов побережья, а весьма недвусмысленно демонстрировали интерес к внутренним территориям. Об этом, в частности, свидетельствовала деятельность английских и французских агентов в Харэре в 1884—1887 гг. Предвидеть же, насколько далеко и глубоко внутрь континента будут продвигаться европейские колонизаторы, было просто невозможно.

В этих условиях Менелик и зависевшие от него феодалы стали проводить активную политику в отношении территорий, расположенных восточнее, юго-восточнее, южнее и юго-западнее Шоа. В 1887 г. шоанские войска присоединили к Шоа область Харэр. После вступления Менелика на императорский трон на протяжении 1890—1898 гг. к Эфиопии были присоединены Кэмбата, Огаден, Бале, Сидамо, Гэму-Гофа, Кэфа и некоторые другие территории. Осуществляя политику присоединения названных территорий и государственных образований, феодальная верхушка Эфиопии преследовала, конечно, определенные классовые цели. Однако одним из мотивов, определявших действия императора Эфиопии, было стремление предотвратить захват этих территорий империалистами и превращение их в плацдарм для наступления на Эфиопию. Такая политика представляется исторически тем более оправданной, что бóльшая часть присоединенных территорий в течение столетий (вплоть до XVI в.) входила в состав Эфиопии или зависела от нее.

Одновременно с присоединением указанных районов и областей Эфиопии приходилось вести как дипломатическую, так и военную борьбу против попыток итальянских правящих кругов сначала установить протекторат над Эфиопией, а затем силой оружия поработить ее.

Следует подчеркнуть, что, ведя борьбу против посягательств Италии, руководители Эфиопии активно использовали межимпериалистические противоречия. В борьбе против итальянской агрессии, поддерживаемой Англией, Менелик II стремился найти поддержку у Франции и России. Франция проводила двойственную политику: оказывая Эфиопии некоторую поддержку и помощь оружием, в отношении целого ряда захватнических актов Италии против Эфиопии она занимала позицию невмешательства.

Политика России была благоприятна для Эфиопии. В Петербурге считали, что сохранение независимой, достаточно сильной Эфиопии соответствовало бы политическим целям и интересам самой России. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль была сформулирована осенью 1897 г. в инструкции министерства ино-

странных дел главе первой русской миссии в Эфиопии Власову. Там говорилось, что главная и непосредственная задача миссии заключалась в том, чтобы «снискать доверие негуса и, по возможности, охранять его от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих в Африке столь честолюбивые и хищнические цели». При этом подчеркивалось: «Мы не преследуем в Абиссинии никаких корыстных или меркантильных целей и сочувственно относимся к предприятиям негуса» (см. [180, с. 54]). Именно эта линия проводилась русским правительством и в предыдущие годы, в частности накануне и во время итало-эфиопской войны. Она благоприятствовала борьбе народов Эфиопии за свою независимость.

Колониальная экспансия Италии в Эфиопии и в Северо-Восточной Африке в целом была остановлена героической борьбой народов Эфиопии, которые в битве при Адуа 1 марта 1896 г. нанесли сокрушительное поражение войскам итальянских захватчиков.

Итальянские войска начали военные действия еще в декабре 1894 г. Они оккупировали целый ряд территорий на севере страны, в том числе такие города, как Адди-Грат, Аксум. В апреле 1895 г. итальянцы временно приостановили наступление, однако осенью, сразу после окончания сезона дождей, продвижение итальянских войск возобновилось. Их намерения были совершенно очевидны: захватить всю Эфиопию.

Руководители Эфиопии, в первую очередь император Менелик II, поняли всю серьезность обстановки и резко активизировали подготовку к отпору агрессору. В сентябре 1895 г. император обратился к народу Эфиопии с воззванием. «Собирайте армию, бейте в барабаны... К нам пришли враги, которые стремятся уничтожить нашу веру, наше отечество. Они пришли из-за моря, которое бог сделал нашей границей. Люди страны моей! Помогите мне сегодня: ты, сильный, помоги своей силой; ты, слабый, помоги своей молитвой!» [94, с. 373—374; 151, с. 434]. Призыв сразу же нашел отклик в сердцах простых людей Эфиопии. Отовсюду в Аддис-Абебу, Харэр, Гондэр и другие центры страны стали прибывать люди, полные решимости сражаться за независимость своей родины. «При первом же известии о войне к Менелику и расам стало стекаться такое громадное количество воинов, предлагавших свои услуги, что скоро многих пришлось, за недостатком ружей, зачислить в резерв и считать кандидатами, иногда по несколько человек на ружье» [167, с. 125], — писал русский журналист.

В середине октября Менелик со своей армией двинулся на север. Туда же направлялись с войсками губернаторы всех крупных провинций. К моменту решающего сражения эфиопская армия насчитывала более 100 тыс. человек, которые имели в своем распоряжении примерно 70—80 тыс. винтовок и более 40 орудий. Хотя вооружение эфиопской армии не было столь

же современным, как у итальянских войск, тем не менее усилиями тогдашних руководителей Эфиопии проблему вооружения армии огнестрельным оружием удалось в значительной мере разрешить.

Мы не собираемся излагать здесь события заключительного этапа войны: они достаточно хорошо освещены в нашей литературе [201; 151; 163; 156]. Напомним лишь отдельные важные вехи. В начале декабря 1895 г. эфиопские войска разгромили итальянский гарнизон в Амба-Алаге и освободили город. Эта первая победа эфиопов в ходе войны имела большое политическое и морально-психологическое значение: она подняла боевой дух эфиопских воинов, показав им, что армию европейских захватчиков можно побеждать. В январе 1896 г. эфиопы проявили удивительное великодушие, разрешив итальянскому гарнизону города Мэкэле покинуть город и беспрепятственно (к тому же под охраной эфиопского эскорта) присоединиться к главным силам итальянской армии при условии (нарушенном итальянцами впоследствии), что отпущенные воины не будут больше участвовать в военных действиях против Эфиопии. До конца февраля итальянское командование сосредоточило почти все свои войска под Адуа.

Отметим попутно, что на протяжении периода с октября 1895 по февраль 1896 г. руководители Эфиопии делали итальянской стороне неоднократные предложения мирно урегулировать конфликт. Однако итальянцы либо отвергали такие предложения, либо выдвигали контрпредложения, означавшие фактически требование капитуляции Эфиопии [216, с. 172—174].

Наконец, 1 марта 1896 г. произошло решающее сражение под Адуа. Эфиопские войска, проявившие исключительный героизм, стойкость, боевой дух и дисциплину, умело руководимые Менеликом II, последовательно разгромили группировки итальянских войск, возглавлявшиеся генералами Альбертоне, Аримонди, Эллена и Дабормида. Отлично вооруженные войска итальянского экспедиционного корпуса, насчитывавшие 16—18 тыс. человек, потеряли под Адуа, по наиболее достоверным данным, 11 тыс. убитыми и ранеными, 4 тыс. были взяты в плен. Поражение итальянских войск было полным и сокрушительным. Народы Эфиопии одержали выдающуюся победу. «Наши воины сражались, умирали и одержали победу под Адуа в своем самозабвенном стремлении высоко держать факел независимости Эфиопии», — отмечается в брошюре министерства информации и национальной ориентации революционной Эфиопии [51, с. 3].

Важным фактором, способствовавшим победе, являлось то, что император Менелик II сумел тогда преодолеть на какое-то время феодальный сепаратизм, объединить страну и сорвать все попытки итальянской военщины привлечь на свою сторону отдельных феодалов и вождей и противопоставить их центральной власти.

Трудно переоценить значение победы народов Эфиопии под Адуа. Сохранение независимости отвечало общенациональным интересам страны, в том числе интересам народных масс. В самом деле, окажись Эфиопия в тот период под пятой итальянских колонизаторов, на ее народы легло бы тяжкое бремя двойного гнета: классового и колониального. Порабощение Италией означало бы для народов Эфиопии помимо самых варварских форм эксплуатации и угнетения (их образцы дадут миру фашисты во второй половине 30-х годов) полное попрание национальных интересов, национальной культуры, национального достоинства.

Победа под Адуа имела большое международное значение. Она показала, что даже в тех условиях, когда империализм был всемогущей силой в мире, его агрессивным колониальным устремлениям можно было давать отпор, его можно было побеждать. И в этом смысле победа народов Эфиопии «явилась источником огромного вдохновения не только для эфиопов, но также и для других африканцев» [51, с. 4].

В то же время, как справедливо отмечается в цитированной брошюре, «хотя именно эфиопский народ доблестно, героически сражался, чтобы высоко поддержать факел своей независимости, плоды независимости пожинала главным образом кучка феодальных землевладельцев. Огромные массы эфиопского народа, которые спасли единство и территориальную целостность своей родины, были обречены оставаться в рабском положении» [51, с. 4].

Поражение итальянских войск при Адуа имело чрезвычайно серьезные последствия для Италии.

Удар был столь сильным, что империалистическая Италия на протяжении последующих 40 лет не смогла предпринимать никаких крупных агрессивных акций против Эфиопии, независимость которой она была вынуждена признать по мирному договору (октябрь 1896 г.). Самое большее, чего итальянские правящие круги сумели достичь в последующее десятилетие, — это добиться признания в соглашении, подписанном Англией, Францией и Италией 13 декабря 1906 г. за спиной правительства Эфиопии, «особых интересов» Италии в районах Эфиопии, прилегавших к итальянским колониям Эритрее и Сомали, а также «прав» на возможное строительство на территории Эфиопии железной дороги, которая бы связала Эритрею с Сомали, если статус-кво Эфиопии изменится [90, с. 423—424].

В самой Италии весть о поражении при Адуа вызвала подъем массового антиимпериалистического движения по всей стране. В Милане 3 марта толпа возмущенных империалистической политикой Италии трудящихся двинулась к муниципалитету с требованием прекращения войны в Африке и отставки правительства. Против трудящихся были брошены полиция и войска, которые разогнали митинги итальянских трудящихся, был убит рабочий-печатник, несколько человек ранены. Префект Ми-

лана в донесении правительству оправдывал свои действия тем, что «толпа демонстрантов не показывала намерения мирно рассеиваться, а распевала гимн трудящихся» [268, с. 520]. Одной из причин массового недовольства трудящихся было ухудшение материального положения в связи с заметным ростом цен на продукты питания в ходе итало-эфиопской войны 1894—1896 гг.

Современник событий А. Анджолини писал: «Сообщение о таком преступлении взволновало и потрясло страну. Италия от Милана до Неаполя в порыве единодушного протеста потребовала, чтобы Криспи ушел в отставку, чтобы африканское предприятие было прекращено, чтобы отправке солдат (в Африку) был положен конец» [231, с. 272]. Итальянские социалисты требовали немедленного отзыва войск из Африки и привлечения правительства к судебной ответственности [316, с. 339—340].

5 марта правительство вынуждено было уйти в отставку. Это означало крах диктатуры Криспи, крах реакционной внутренней политики, политики репрессий против рабочего и крестьянского движения, крах политики активных колониальных захватов. Это был один из сигналов, свидетельствовавших о назревавшем провале антидемократических, диктаторских, открыто агрессивных и захватнических методов правления итальянской буржуазии, которые полностью потерпели крах к началу XX в. Как писал Грамши, «после кровавого десятилетия 1890—1900 годов буржуазия была вынуждена отказаться от диктатуры чересчур неограниченной, чересчур насильственной, чересчур прямой: против нее одновременно (хотя и несогласованно) восстали крестьяне Юга и рабочие Севера. В новом веке господствующий класс положил начало новой политике, политике классовых союзов, классовых политических блоков, то есть буржуазной демократии» [35, т. 1, с. 488].

Поражение итальянцев в Африке было одной из причин заметных изменений во внешней политике Италии. «Абиссинские неудачи и финансовый кризис заставили отвернуться от Германии. В 1900 г. французские банки „спасают рынок Рима“...» [16, с. 503], — отмечал В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму».

Не получив должной поддержки Германии своей политике в Северо-Восточной Африке, не встретив поддержки Великобритании в своей попытке вырвать себе сферу влияния в Китае (1899 г.), а также оказавшись перед фактом англо-французского соглашения (21 марта 1899 г.) о разделе сфер влияния в Африке, которое, по мнению итальянских руководителей, ущемляло интересы Италии в Северной Африке, итальянские правящие круги стали задумываться над ценностью своих внешнеполитических союзов.

Они пошли на улучшение итало-французских отношений: 28 сентября 1896 г. были подписаны три конвенции по Тунису, означавшие фактическое признание французского протектората;

была прекращена таможенная война, длившаяся на протяжении ряда лет; в 1900 и 1902 гг. были заключены секретные франко-итальянские соглашения, причем в соответствии с последним стороны брали обязательство «поддерживать друг друга в осуществлении своих экспансионистских планов (в Марокко и Триполитании) без всяких ограничений в сроках и методах проведения захватнических действий» [157, с. 48].

Изменение франко-итальянских отношений побудило правительство Германии принять меры к удержанию Италии в качестве своего союзника и члена Тройственного союза. Итальянскому правительству было сообщено, что германское правительство не предполагало создавать какие-либо трудности Италии в приобретении ею Триполитании [157, с. 56].

Английское правительство, в свою очередь обеспокоенное заметным улучшением франко-итальянских отношений и резким ухудшением с 1899 г. англо-итальянских отношений, пошло в 1902 г. на урегулирование спорного вопроса о границах между Эритреей и Суданом. И, что гораздо важнее, правительство Великобритании фактически (хотя и в осторожной форме) дало свое согласие на экспансию Италии в Триполитании [157, с. 64, 71, 78—79]. Это явилось отражением проявившегося с самого начала 1902 г. стремления правящих кругов Великобритании к улучшению англо-итальянских отношений, улучшению, вызывавшемуся как империалистическими интересами Англии в Средиземноморье, так и общей международной обстановкой.

«Материальным» результатом колониальной экспансии Италии в Северо-Восточной Африке были колонии Эритрея и Итальянское Сомали.

Сомалийская колония Италии сформировалась в 90-х годах XIX — первом десятилетии XX в. на базе «арендованных», а затем купленных портов Бенадира (Мерка, Брера, Могадишо), султанатов Оббия и Миджуртини и других населенных сомалийцами районов и территорий, которые были захвачены итальянскими колонизаторами. До 1905 г. султанаты находились под протекторатом итальянского правительства, а порты Бенадира — под управлением частных компаний; с 1905 г. Сомали стало колонией итальянского государства. Произвол колониальных властей вызывал сопротивление местного населения. Колониальная администрация объявила государственными большую часть наиболее плодородных земель по течению рек Веби-Шебели и Джуба и начала сдавать их в концессию крупными участками. Однако практического «хозяйственного освоения» Сомали в тот период, как, впрочем, и во время первой мировой войны, итальянцы не смогли осуществить.

Итальянские колониальные владения на африканском побережье Красного моря специальным королевским декретом от 1 января 1890 г. были объединены в единую колонию Эритрею.

Уместно отметить в этой связи ошибочность широко распро-

страненной версии о том, что территория, названная итальянцами в 1890 г. Эритреей, с середины XVI по середину XIX в. находилась якобы полностью под эффективным контролем Турции. В действительности под турецким контролем находились лишь Массауа и Аркико. Остальная же часть побережья от Турции не зависела.

Знакомство с трудами таких авторов, как Иов Лудольф (XVII в.), Иеронимо Лобо (XVII в.), Джеймс Брюс (XVIII в.), Генри Салт и Коффин (начало XIX в.), В. Мюнцингер (XIX в.), и других путешественников и исследователей, посещавших многие районы африканского побережья Красного моря или занимавшихся изучением проблем истории Северо-Восточной Африки, свидетельствует о следующем. Практически все побережье, которое с конца XIX в. называлось «эритрейским», за исключением двух-трех пунктов, находилось под управлением местных вождей, правителей или султанов, распространивших свое господство и на внутренние районы. В период феодальной раздробленности Эфиопии большинство из них было фактически независимыми. Однако, как правило, они сохраняли и признавали формальную (а в ряде случаев и фактическую) зависимость от эфиопских императоров или от ныгусэ отдельных областей (например, Тигре, Шоа).

По свидетельству Лудольфа, в XV в. Эфиопия была сильным государством, господство которого распространялось почти на все западное побережье Красного моря, а в XVI в. турки владели только Суакином и Массауа, тогда как данакильские территории подчинялись Эфиопии. Лобо сообщал в середине XVII в. о «данакильском королевстве», обладающем «портом Бейлур» (Бейлуль) и «зависящем от императора Эфиопии», которому данакильский правитель очень верен (см. [72, с. 204]). Салт и Коффин писали о некоторых данакильских племенах конца XVIII — начала XIX в. как фактически независимых, но находившихся в прошлом под властью эфиопов и с тех пор подчинявшихся правителю Тигре (см. [72, с. 206—207]).

В 1866 г. турецкий султан специальным фирманом передал Массауа Египту. Египтяне разместили в Массауа, Бейлуле, Асэбе немногочисленные египетские гарнизоны. Однако, как отмечалось выше, итальянцы, получив согласие Лондона на захват Асэба и прилегающих территорий, оформили свое вторжение в эти районы в виде конвенций и договоров с местными султанами. Весьма характерно, что в текстах соответствующих документов указывалось, что они должны быть утверждены ныгусэ Шоа (например, тексты конвенций «между королем Италии и султаном Ауссы» от 15 марта 1883 г., «между султаном Гобада, Асэба и территорий Адоимара и королем Италии» от 17 марта 1884 г.) [99, т. 3, с. 8—9, 42—43]. В ответ на попытки египетского правительства помешать внедрению итальянцев в эти районы Африки итальянское министерство иностранных дел

представило в парламент «зеленую» книгу «Асэб» [72], в которой весьма убедительно, на основе многочисленных документов, отвергло домогательства Египта. При этом помимо воли авторов книги из приводимых в ней документов вытекало, что указанные территории зависели от различных эфиопских правителей.

Весьма характерно, что после высадки итальянских войск в Массауа одной из первых мер итальянского правительства было направление специального посыльного капитана Феррари к императору Йоханнису IV, чтобы сгладить его недовольство и попросить разрешения ввести итальянские гарнизоны в ряд пунктов эфиопской провинции Богос (официально *возвращенной* Эфиопии по так называемому соглашению Хьюитта от 1884 г.), в частности в Кэрэн. Император, несмотря на крайнюю сложность внутреннего и международного положения страны, отказался вести переговоры. Когда же итальянцы стали захватывать территории к западу от Массауа, эфиопские власти вначале протестовали против вторжения на эфиопские территории, а затем 26 января 1887 г. уничтожили при Догали итальянский отряд из 500 человек. Лишь позднее итальянские войска развернули активные действия и захватили значительные территории, принадлежавшие Эфиопии.

Название «Эритрея» было впервые введено итальянцами в 1890 г. как производное от древнегреческого названия Красного моря — «Эритрейское море». Никакого государственного или даже просто административного образования «Эритрея» на указанных территориях раньше никогда не было. Нельзя не согласиться в этой связи с утверждением авторов брошюры «Эритрея — тогда и сегодня», изданной министерством иностранных дел революционной Эфиопии: «До прихода итальянского колониализма даже в пределах эфиопской политической структуры Эритрея не представляла собой какого-либо единства. Фактически на этой территории существовал ряд районов и княжеств (султанатов.— В. Т.), каждый из которых управлялся назначенным должностным лицом или наследственным вождем, находившимися в вассальной зависимости от эфиопской короны. Именно итальянцы поставили под единое колониальное управление различные районы и этнические группы... Урок этой истории состоит в том, что без колониализма не могло быть основы для сепаратистских тенденций в Эритрее, так как до итальянской оккупации она была неотъемлемой частью Эфиопии» [91, с. 8, 9, 22]. Колониальный характер этого образования подтверждается тем, что в конце XIX — начале XX в. некоторые народности (тиграи, сахо, данакиль, кунама) оказались разделенными границей между независимой Эфиопией и итальянской колонией Эритреей.

Следует отметить, что в последующие десятилетия в созданной итальянцами колонии происходили объективные процессы

консолидации племен, роста их самосознания, появления национализма у народов, населявших Эритрею, на антиимпериалистической основе (всё это впоследствии постараются использовать империализм и арабская реакция, поддерживая и разжигая эритрейский сепаратизм).

В 90-х же годах XIX в. в Эритрее была создана администрация колонии и установлена система прямого управления, полностью лишавшая местное население каких бы то ни было прав [101, с. 200—203].

Вскоре после возникновения колонии администрация приступила к созданию так называемого государственного земельного фонда, который рассматривался как база для колонизации. В этот фонд включались не только не имевшие хозяина или необрабатываемые земли, но также и обрабатываемые земли, с которых сгонялось местное население. Период наибольшей активности итальянской колониальной администрации в этом плане — 1893—1896 гг. Всего за эти годы было включено в государственный фонд около 413 тыс. га земель (тогда как общее количество годных для обработки земель в Эритрее равнялось примерно 649 тыс. га, из которых обрабатывалось местным населением 300 тыс. га [316, с. 280, 282]). Итальянская политика сгона местных жителей с их исконных земель вызывала недовольство населения. Весьма характерно в этой связи свидетельство итальянского путешественника о настроении жившего в те годы в Эфиопии уроженца области, включенной в Эритрею, который говорил: «В Эфиопии с нами плохо обращаются, облагают непомерными налогами, поступают несправедливо, но у нас есть земля, и никто не отбирает ее у нас. Итальянское же правительство в Эритрее отбирает землю у туземцев. Мы предпочитаем поэтому оставаться здесь» [316, с. 279].

Уже с 1891 г. управление по колонизации приступило к созданию поселений итальянских эмигрантов. В районах Асмэры, Гуры и Годофеласси были поселены несколько десятков итальянских семей, главным образом крестьянских. Весьма характерно, что одним из вдохновителей этой поселенческой политики был уже упоминавшийся А. Росси, активно участвовавший в субсидировании мероприятий по переселению [316, с. 302, 328—329]. В дальнейшем поселенческая политика не получила значительного развития. Основными причинами были враждебность местного населения по отношению к поселенцам, а также нежелание государства идти на крупные финансовые расходы, связанные с организованным переселением.

Поэтому в итальянской политике в Эритрее после 1897 г. произошли некоторые изменения. Количество «государственных» земель составило за последующие 10 лет 69 тыс. га. Однако часть земель из государственного фонда была возвращена бывшим владельцам [354, 1953, № 3, с. 77; 288, с. 30]. Земли из государственного фонда стали сдаваться преимущественно в

концессию. К 1907 г. в Эритрее было сдано в концессию немногим более 11 тыс. га земель: свыше 2500 га — на индивидуальной основе семьям итальянских поселенцев и более 8400 га — фирмам и компаниям [288, с. 30]. Разработка полезных ископаемых не велась, за исключением добычи соли в трех районах. В Эритрее развернули деятельность отделения «Банка д'Италия» и «Банко ди Наполи».

Следует подчеркнуть, что значительных размеров «хозяйственное освоение» Эритреи в первые два десятилетия существования колонии не получило. Итало-турецкая война и «освоение» Триполитании, а затем первая мировая война приглушили интерес к Эритрее в последующее десятилетие. Она рассматривалась в Риме главным образом как важная в стратегическом отношении территория, как плацдарм для возможной последующей экспансии на Аравийский полуостров и в Эфиопию. Непосредственную же экономическую выгоду от существования колонии получали главным образом обосновавшиеся там банки и компании, занятые сельскохозяйственной деятельностью, торговые и мореходные фирмы, чиновники колониальной администрации.

В целях сохранения и упрочения своего господства в Эритрее итальянские колонизаторы противопоставляли друг другу различные этнические и религиозные группы, заигрывая с каждой из них в отдельности. В ряде районов христианские и мусульманские общины искусственно отделялись одна от другой, контакты между ними сводились к минимуму.

Создание Эритреи в результате захватнических действий и всей последующей политики правящих кругов Италии имело отрицательные последствия для всех народов Северо-Восточной Африки.

Территория Эритреи в дальнейшем стала использоваться правящими кругами Италии как плацдарм для агрессии против народов Эфиопии, Судана, Аравийского полуострова. Сознательная политика искусственного противопоставления населения Эритреи народам Эфиопии, проводившаяся администрацией итальянской колонии, пагубно отражалась на характере отношений между братскими народами Эритреи и Эфиопии, составлявшими, как правило, единые этнические группы. «При этих обстоятельствах было неизбежно, что некоторые сепаратистские тенденции должны были проявиться во время борьбы за деколонизацию Эритреи» [91, с. 15], — подчеркивает официальное издание министерства иностранных дел революционной Эфиопии.

Особенно тяжелыми были последствия создания итальянской колонии на африканском побережье Красного моря для народов, оставшихся в составе Эфиопской империи. Страна оказалась полностью отрезанной от моря, что чрезвычайно затруднило ее связи с внешним миром. Это замедлило развитие экономических и торговых отношений Эфиопии с другими государ-

ствами, ограничило возможности удовлетворения законных национальных потребностей (в вооружении, например), затормозило рост производительных сил.

Итак, захватив в конце XIX в. часть красноморского побережья Африки и создав Эритрею, объявив об установлении своего господства над значительной частью населенных сомалийцами территорий, итальянские колонизаторы стали активно разжигать вражду между населением их колоний и народами Эфиопии. Сомалийский народ был лишен возможности создать свое собственное национальное государство; на долгие годы затормозился его социально-экономический прогресс.

Эфиопия отстояла свою национальную независимость. Но итальянская агрессия унесла много тысяч жизней у народов этой страны, причинила огромный материальный ущерб, способствовала консервации на долгие годы феодальных отношений.

Роковым последствием вторжения Италии и других империалистических держав в Северо-Восточную Африку явилось возникновение там сложных территориально-пограничных проблем. Правда, после отражения народами Эфиопии итальянской агрессии в марте 1896 г., способствовавшего росту престижа древней африканской страны, европейские колониальные державы были вынуждены определить границы между их колониями в Северо-Восточной Африке и Эфиопией. Граница между Британским Сомали и Эфиопией была определена в специальном приложении от 4 июня 1897 г. к англо-эфиопскому договору о дружбе от 14 мая 1897 г. Граница между французской колонией Джибути и Эфиопией была весьма точно определена франко-эфиопской конвенцией от 20 марта 1897 г. Граница между созданной итальянцами колонией Эритреей и Эфиопией была определена итало-эфиопским договором от 10 июля 1900 г., англо-итало-эфиопским договором от 15 мая 1902 г. и итало-эфиопским договором от 16 мая 1908 г. Граница между Эфиопией и Суданом была определена англо-эфиопским договором от 15 мая 1902 г. Однако колонизаторы довольно часто не считались с положениями даже этих договоров.

Что касается границы между Эфиопией и Итальянским Сомали, то положение обстояло следующим образом. В 1897 г. император Менелик передал итальянскому представителю Нераццини предложение о линии этой границы, которое было истолковано итальянским официальным агентством Стефани следующим образом: «Предложенная линия разграничения находится примерно в 180 милях от Индийского океана, достигая Джубы к северу от Бардеры; при этом Луг остался бы итальянской коммерческой станцией» [234, с. 101]. Итальянское правительство в телеграмме от 3 сентября 1897 г. заявило о своем согласии с таким начертанием границы. В последующие годы в связи с неоднократными попытками итальянцев утвердить,

что конечным южным пунктом границы между Эфиопией и Итальянским Сомали является Луг (около 4° с. ш.), Менелик упорно подчеркивал, что таким пунктом является Бардера (около 2° с. ш.).

Итало-эфиопский договор от 16 мая 1908 г. установил в качестве исходного южного пограничного пункта Доло, расположенный даже несколько севернее Луга. При обозначении линии прохождения границы между Доло и р. Веби-Шебели были намечены некоторые географические ориентиры, но здесь уже присутствовал принцип межплеменных границ. По поводу участка границы от Веби-Шебели до Британского Сомали линия была указана чрезвычайно неточно: «От Веби-Шебели граница направляется на северо-восток, следуя трассе, принятой итальянским правительством в 1897 г.» [126, с. 175; 264, с. 431]. В качестве ориентиров были названы границы между соответствующими племенами. Стороны брали обязательство определить на местности линию границы в кратчайшие сроки. При этом конвенция содержала одно принципиально важное положение, гласившее (статья 4): «Вся территория Огадена и вся занимаемая племенами территория, прилегающая к Огадену, останутся в подчинении Абиссинии».

В дальнейшем никаких других документов относительно границы между Эфиопией и Итальянским (а в 1950—1960 гг. — подопечным) Сомали подписано не было. Граница на местности определена не была. А вопрос о точном начертании линии границы стал объектом спора между правительствами Эфиопии и Италии. Но при этом никогда не поднимался вопрос о принадлежности Огадена как решенный окончательно договором от 16 мая 1908 г.

Установив свое колониальное господство над прибрежными территориями и оказавшись не в состоянии поработить Эфиопию, колониальные державы, участвовавшие в разделе Северо-Восточной Африки, пришли к необходимости договориться об определенной согласованной политической линии по отношению к Эфиопии. 13 декабря 1906 г. в Лондоне представителями Англии, Франции и Италии было подписано трехстороннее соглашение. Это соглашение подтвердило все основные предыдущие договоры и соглашения, касавшиеся положения в Северо-Восточной Африке. Выразив свое намерение поддерживать статус-кво и целостность Эфиопии, стороны одновременно оговорили и взаимно признали заинтересованность каждой из держав в определенных районах Эфиопии. Кроме того, представители трёх империалистических держав закрепили за каждой из договаривавшихся держав право на железнодорожное строительство в определенных районах территории Эфиопии. Все это делалось без всякого согласования с руководителями Эфиопии.

Таким образом, трехстороннее соглашение 1906 г. было типичным империалистическим соглашением, по которому три ко-

лоннальные державы условились о совместной линии поведения в отношении отстоявшей свою независимость африканской страны, заранее определив и взаимно признав объем своих притязаний к ней, в частности под видом фиксирования зон будущего железнодорожного строительства. ←

2. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (ДО УСТАНОВЛЕНИЯ В ИТАЛИИ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА)

К концу первого десятилетия XX в. вопросы колониальной политики вновь заняли значительное место в жизни Италии. Правильное понимание сущности и причин колониальной политики Италии в этот период возможно лишь на базе ленинской методологии рассматривания колониальной политики империалистических держав, образец которой мы находим в работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Во-первых, как уже упоминалось выше, В. И. Ленин устанавливал связь между подъемом колониальной активности крупнейших держав и высшей стадией в развитии капитализма — стадией монополистического капитализма.

Во-вторых, В. И. Ленин выяснял основную классовую силу, заинтересованную в колониальной политике. Такую силу он видел в монополистической буржуазии, финансовой олигархии.

В-третьих, говоря о политике вообще и о колониальной политике в частности, В. И. Ленин исходил из необходимости рассматривать в единстве ее классовый и политический субъект. «Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить еще неподделенные части мира» [15, с. 376], — писал В. И. Ленин.

В-четвертых, анализируя вопрос об истоках колониальной политики, В. И. Ленин брал всю совокупность причин и мотивов, ее порождавших, ставя на первый план наиболее существенные, вытекавшие из самой сути данной стадии в развитии капитализма. В основе колониальной политики империалистических держав лежала, по Ленину, целая совокупность экономических, социальных и политических причин.

В «Тетрадах по империализму» мы находим следующий черновой набросок Ленина: «Отличие *современной* колониальной политики:

- (1) монополия (сырье)
- (2) — (про запас земли)
- (3) (отграничение — «автаркия») — монокультура...
- (4) (вывоз капитала)
- (5) концессии и т. д.» [16, с. 216].

В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма»

В. И. Ленин в числе основных мотивов колониальной политики на первый план также ставил стремление монополистического капитала овладеть источниками сырья. «Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов... Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником... Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [15, с. 380], — подчеркивал В. И. Ленин.

Другой экономический мотив колониальной политики В. И. Ленин видел в потребности выгодного вывоза капитала: «Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие „связи“ и пр.» [15, с. 382].

К важным причинам колониальной политики В. И. Ленин относил социальные мотивы господствующих классов буржуазного общества. Он приводил в этой связи весьма откровенное признание одного из капитанов английской колониальной политики Сесия Родса, который заявлял: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [15, с. 376].

«Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям» [15, с. 382], — отмечал В. И. Ленин.

Ленинская методология дает ключ и к изучению итальянской колониальной политики, так как при всем своеобразии развития итальянского капитализма ему были присущи те же основные закономерности, что и капитализму в других, более развитых странах.

В первые полтора десятилетия XX в. в Италии развертывался процесс перерастания капитализма свободной конкуренции в империализм. Складывались монополии, при активном участии иностранного капитала происходило сращивание банковского капитала с промышленным, возникала финансовая олигархия. Этот процесс сопровождался быстрым ростом промышленного производства. ←

В отличие от английского колониального, французского ростовщического, итальянский империализм, по словам В. И. Ленина, прозвали «империализмом бедняков» [14, с. 16]. Это прозвище весьма точно отражало целый ряд важных особенностей итальянского империализма: бедность Италии, ее финансово-экономическую слабость, отсталость ее экономического развития по сравнению с другими крупными империалистическими державами, отчаянную нищету итальянских крестьян и эмигрантов.

Названные особенности итальянского империализма, как уже отмечалось, отнюдь не исключали интереса буржуазии, правящих кругов Италии к колониальной политике; напротив, в известном смысле они даже усиливали этот интерес. «...Конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так — остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди „великих“ держав» [14, с. 15], — писал В. И. Ленин.

Массовая эмиграция, которая в период 1900—1913 гг. достигла гигантских размеров — от 350 тыс. до 870 тыс. в год — и которая привела к тому, что в 1910 г. свыше 5,5 млн. итальянцев жили за границей, давала повод итальянской буржуазии для разжигания националистических и шовинистических страстей, для обоснования «законности» своих колониальных притязаний, для утверждений, как писал В. И. Ленин, «...что Италия имеет „право“ на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д.!» [14, с. 18].

Балканы (в первую очередь Албания и Черногория), Ближний Восток, Триполитания и Киренаика — таковы были основные объекты итальянских экспансионистских устремлений в начале XX в. Как это показано в обстоятельном исследовании К. Э. Кировой [178], «на Ближнем Востоке и на Балканах до 1914 г. итальянский империализм ограничивался мирным проникновением» — экономическим, идеологическим, культурным. Учитывая международное положение и соотношение сил, статус соответствующих государств и территорий, а также финансово-экономические возможности Италии, другие формы экспансии в указанных районах не представлялись итальянским правящим кругам осуществимыми.

Иначе обстояло дело с частью североафриканского побережья. К осени 1911 г. территория Триполитании и Киренаики была фактически единственным (судьба Марокко была, по существу, уже предрешена) не захваченным колониальными державами районом средиземноморского побережья Африки, с давних пор являвшимся объектом итальянских колониальных устремлений. Начав с мирного проникновения на эту территорию, итальянский империализм привел дело к войне с Турцией, к захвату и провозглашению аннексии Триполитании и Киренаики.

Вместе с тем финансово-экономическая слабость Италии, экономическая отсталость страны ставили определенные пределы реализации колониальных устремлений, ограничивали возможности удовлетворения колониальных appetитов, что не могло не накладываться, как это будет показано ниже, печать своеобразия на всю итальянскую колониальную политику на данном этапе.

Характеризуя этот этап в развитии Италии, В. И. Ленин писал: «...Италия революционно-демократическая, т. е. рево-

люционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи» [14, с. 15].

В среде итальянской буржуазии в период до первой мировой войны особую роль играла та ее часть, которая была связана с банками. Именно банковский капитал и был основным экономическим субъектом итальянской колониальной политики в начале XX в. Это было отражением присущей Италии особенности, состоявшей в том, что до первой мировой войны «финансовый капитал Италии характеризовался явным преобладанием банков над промышленными компаниями; банкиры, финансисты задавали тон во всей экономической и политической жизни страны, а промышленники играли в ней подчиненную роль» [176, с. 127]. Основными фигурами итальянского банковского мира, связанными с колониальной политикой, были Итальянский коммерческий банк («Банка коммерчале италяна»), Римский банк («Банко ди Рома»), Итальянский кредит («Кредито италяно») и др.

Пожалуй, трудно назвать какое-либо экономическое начинание итальянского империализма на Ближнем Востоке или на Балканах в начале XX в., к которому не был бы причастен Итальянский коммерческий банк («Комит»). «Комит» участвовал в создании в Стамбуле в 1907 г. Общества торговли с Востоком, которое рассматривалось как важный инструмент итальянской экономической экспансии на Ближнем Востоке, особенно в Турции. Тот же «Комит» играл первую скрипку в создании компании «Антивари», занимавшейся различными видами экономической деятельности в Черногории [178, с. 32—33, 129, 135—136, 212—213]. По утверждению одного из итальянских исследователей, после Ливийской войны Коммерческий банк «стал самым непосредственным сотрудником правительства в проталкивании итальянской активности за границей. Коммерческий банк приступил к осуществлению ряда начинаний в Черногории, в Албании, принял участие в сербском железнодорожном строительстве, поддержал экономические инициативы в Малой Азии» [286, с. 369]. Как отмечал итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано, без «Комита» «мы почти не смогли бы проводить нашу внешнюю политику, тем более что она теперь является прежде всего деловой политикой» [286, с. 369].

Римский банк приобрел широкую известность в связи с «мирным проникновением» в Триполитанию и Киренаику в 1907—1911 гг. и итало-турецкой войной (о чем речь пойдет ниже). Ареной его деятельности были также Стамбул, Александрия и Иерусалим, где банк открыл свои отделения.

Все большее внимание к колониальным проблемам прояв-

ляла и итальянская промышленная буржуазия. Значительную роль в развитии, а нередко в стимулировании интереса итальянских дельцов к колониальной экспансии играло итальянское правительство, что в известной мере отражало финансово-экономическую слабость итальянского империализма. Это проявлялось и на Ближнем Востоке, и на Балканах, и в Северной Африке. Министр иностранных дел Италии Сан-Джулиано склонен был объявлять Римский банк и Коммерческий банк хотя и «чрезвычайно полезными», но все-таки «инструментами правительства» в деле «не только экономического, но и политического» проникновения Италии, особенно в такие страны слабого промышленного развития, как балканские, африканские, Ближнего и Дальнего Востока [286, с. 368]. Активная роль итальянского правительства во многих экспансионистских начинаниях итальянского империализма — как «мирного», так и военного характера — вне всякого сомнения. Однако это вряд ли может служить основанием для утверждений типа: «Скорее итальянское правительство толкает банкиров, чем банкиры правительство» [178, с. 265]. Подобное утверждение неверно методологически: оно содержит элемент противопоставления, принижающего ту первостепенную роль, которую играют классовые силы в определении политики буржуазного государства вообще, его колониальной политики в частности. Приведенное утверждение неверно и фактически: итальянские банки и компании нередко сами побуждали итальянское правительство активизироваться на колониальном поприще и поддерживали лишь те начинания правительства, которые соответствовали их интересам и устремлениям.

В любом случае колониальные начинания итальянских правящих кругов выражали коренные, долговременные интересы и цели итальянского капитала. Иначе не могло и быть: ведь уже в то время процесс сращивания государственно-политической элиты с деловым миром Италии зашел достаточно далеко.

Это проявлялось, в частности, в том, что многие члены правительства непосредственно были связаны с крупнейшими банками и промышленными компаниями, прямо заинтересованными или участвовавшими в проведении колониальной политики. А крупные дельцы, которые действовали в той или иной мере на колониальном поприще, нередко выполняли государственные функции.

Достаточно сказать, что Дж. Джолитти, почти непрерывно с 1903 по 1914 г. возглавлявший итальянское правительство, и часть близких ему влиятельных деятелей либеральной партии были связаны с Коммерческим банком [166, с. 197, 403, 406]. Другой крупный государственный деятель Италии, лидер правых либералов С. Соннино, дважды возглавлявший правительство (в 1906 г. и 1910 г.) и неоднократно бывший министром, сын банкира, фамильное состояние которого образовалось в

результате капиталовложений и спекуляций в Египте, был «самым крупным и влиятельным акционером» треста «Монтекатини» [166, с. 268, 329]. Крупнейшим акционером «Монтекатини» был и А. Саландра, также представлявший правое крыло итальянского либерализма, в 1914—1916 гг. возглавлявший правительство [166, с. 268]. Многие итальянские сенаторы и депутаты, по авторитетному свидетельству английского посла в Риме Р. Родда, были связаны с промышленными предприятиями, которые контролировал Коммерческий банк [166, с. 403].

В свою очередь, директор «Комита» Йоэль по крайней мере до осени 1914 г., по словам А. Саландры, обладал «большим весом... в нашем министерстве иностранных дел» [166, с. 197]. Венецианский банкир и предприниматель Дж. Вольпи, тесно связанный с Коммерческим банком, фактический создатель Общества торговли с Востоком, руководитель орудовавшей в Черногории компании «Антивари», сосредоточивший в своих руках «главные нити всей итальянской экономической политики» в Восточном Средиземноморье [178, с. 227], был в то же время личным советником премьера Джолитти по турецким делам, играл видную роль как официальный итальянский представитель в ходе итало-турецких переговоров о мире в 1912 г., являлся членом итальянской делегации на Парижской финансовой конференции по проблемам Балкан. Впоследствии в фашистской Италии он занимал крупнейшие посты как в правительстве, так и в объединении итальянских промышленников.

Среди мотивов, определявших колониальную активность итальянского империализма в рассматриваемый период, центральное место принадлежало экономическим мотивам — получению надежных источников сырья (что имело особое значение в условиях невероятной слабости собственной сырьевой базы в метрополии), рынков сбыта (следует учитывать крайнюю узость внутреннего рынка (см. об этом [45, с. 99]), сфер более выгодного, чем в метрополии, приложения капиталов. Весьма знаменательно звучат в этой связи слова, сказанные Сан-Джулиано в парламенте в декабре 1910 г.: «Я твердо убежден в том, что вся иностранная политика современных государств должна быть направлена на обеспечение экономических интересов... С тех пор как я имел честь взять на себя руководство внешней политикой Италии, я посвятил этой части своих обязанностей наибольшие усилия» (цит. по [178, с. 268—269]). За этими словами стояли реальные интересы классовых сил, реальная политика итальянских правящих кругов.

Особенности итальянской колониальной политики наиболее ярко проявились в итало-турецкой (Ливийской) войне 1911—1912 гг., положившей начало вторжению Италии в Северную Африку.

Начиная войну против Турции с целью захвата Триполитании и Киренаики, итальянское правительство рассчитывало дать

новый стимул экономической деятельности и внешней экспансии финансового капитала, способствовать достижению соглашения с консервативными и империалистическими группировками в политических сферах страны, ослабить остроту внутренних классовых противоречий, отравив сознание масс ядом национализма и шовинизма и пообещав нищему крестьянству Юга заморскую «землю обетованную». Захват североафриканской территории в ходе победоносной войны с Турцией рассматривался также как средство укрепления позиций Италии в Средиземноморье и повышения ее международного престижа в целом как империалистической державы.

Будучи выражением экспансионистских, колониальных устремлений итальянской буржуазии и крупных землевладельцев, итало-турецкая война и захват Триполитании и Киренаики были подготовлены непосредственно экономической деятельностью связанного с католическими кругами Римского банка, созданного при участии Ватикана в 1880 г. и ставшего уже в начале XX в. одним из наиболее влиятельных банков Италии.

Активную деятельность в Триполитании Римский банк начал в апреле 1907 г., создав филиал в Триполи. В том же году агентства банка были открыты в Бенгази, Зуаре, Хомсе, Сирте, Мисурате, Слитене, Дерне, Тобруке, Салуме и других центрах [286, с. 19]. Водворение Римского банка на территории, являвшейся объектом итальянских колониальных притязаний, произошло с согласия и при поощрении итальянского правительства, которое, по словам руководства банка, «с 1905 г. торжественно заявляло... о необходимости осуществлять политику проникновения экономическими средствами и с помощью крупных начинаний» [286, с. 18]. Есть сведения, что итальянское правительство предоставило Римскому банку ряд финансовых и экономических льгот и привилегий в связи с его деятельностью в Ливии [178, с. 80—81]. Очевидно, известную роль в этом сыграл тот факт, что тогдашний министр иностранных дел Италии Т. Титтони (1903—1905; 1906—1909) был крупным акционером Римского банка, а его брат Р. Титтони являлся вначале членом правления, а затем вице-президентом правления этого банка [293, с. 99].

Позднее банк «отнесся благожелательно и даже сам побуждал правительство к вооруженному завоеванию Триполитании» [286, с. 34—35]. Имеются данные, свидетельствующие о том, что Римский банк обращался к правительству, угрожая передать принадлежавшие ему в Северной Африке капиталовложения и имущество иностранному капиталу, если оно не примет мер для ограждения интересов банка от «посагательств» турецких властей. По свидетельству Сан-Джулиано, летом 1911 г. директор банка Э. Пачелли убеждал его в том, что рано или поздно итальянское правительство силой обстоятельств будет вынуждено оккупировать Триполитанию [142, т. 3, с. 57].

На протяжении 1907—1912 гг. Римский банк занимался в Триполитании и Киренаике не только чисто банковскими операциями, но и предпринимательской промышленной и сельскохозяйственной деятельностью, торговыми и разного рода спекулятивными делами. Банк выдавал займы местному населению под залог имущества под весьма высокий процент; скупал слоновую кость, страусовые перья, морскую губку, организуя продажу хлопчатобумажных тканей, строительных материалов и других итальянских товаров.

К 1910 г. в руках банка находились судоходные линии Мальта — Триполи — Александрия и Триполи — Бенгази — Александрия, на эксплуатацию которых банк получал дотацию от правительства в размере 200 тыс. лир в год; ему принадлежали заводы по производству оливкового масла, искусственного льда, мельница, сельскохозяйственная ферма на площади в несколько тысяч га и другие предприятия; агенты банка приобретали самые плодородные земли по ценам, в несколько раз превышавшим обычные; были предприняты первые шаги для изучения минеральных ресурсов Триполитании [228, с. 33; 286, с. 19—20; 287, с. 23—24]. В течение 1907—1910 гг. банк произвел операции, связанные с Триполитанией и Киренаикой, на сумму около 245 млн. лир [291, с. 88]. Деятельность банка приобрела такие масштабы, что, по донесению одного из агентов премьеру Джолитти, «турки и многие арабы были убеждены в том, что „Банко ди Рома“ является учреждением, созданным и субсидируемым итальянским правительством для подготовки захвата Триполитании, а не для осуществления банковских операций и простого распространения итальянского влияния», поскольку «банк стремится всем завладеть, всюду внедриться, взять на себя все начинания и сделки» [310, с. 96].

В ходе военных действий банк обеспечивал всевозможные поставки для итальянской армии, вплоть до поставок тягловой силы, сена, овса и т. п., баснословно наживаясь на разного рода махинациях и спекуляциях [287, с. 181, 213]. Деятельность банка накануне и в ходе Ливийской войны в значительной мере способствовала улучшению его экономических показателей. Капитал банка вырос с 30 млн. лир в 1905 г. до 100 млн. лир в 1910 г. и до 200 млн. в 1912 г.; чистые прибыли выросли в 1912 г. по сравнению с 1910 г. в 2 раза, а по сравнению с 1905 г. — в 7,5 раза [286, с. 34]. В 1913 г. банк столкнулся с некоторыми трудностями, однако, несмотря на это, прибыли его выросли до 13 млн. 148 тыс. лир (прирост составил 6%) [387, № 2, 1971, с. 384].

Сотрудничество Римского банка с итальянским правительством весьма знаменательно и еще с одной, политической точки зрения: это был первый пример сотрудничества влиятельного института, тесно связанного с католическим миром, и «монархического правительства» Италии (известно, что Ватикан был

щедро представлен в Римском банке не только своими капиталами, но и весьма крупными фигурами в руководящих органах: генеральный директор банка Э. Пачелли был дядей Е. Пачелли, будущего папы Пия XI [228, с. 33]).

Вслед за Римским банком уже в ходе итало-турецкой войны в Северную Африку устремился Итальянский банк, который по соглашению с итальянским министерством казначейства должен был выполнять «казначейские функции в новой колонии». Там же начали действовать Сицилийский банк и Неаполитанский банк.

Итало-турецкая война пользовалась также открытой поддержкой таких крупнейших сил тогдашнего финансового капитала Италии, как Коммерческий банк и Группа Бастоджи, а также ведущих компаний металлургической промышленности и электроэнергетики [387, 1971, № 2, с. 383]. В 1912 г. деловой мир Милана создал специальную компанию, носившую название «Итальянское общество для исследований, изучения и реализации общественных работ в Италии и в ее колониях», которая рассматривала Северную Африку как основную сферу своей деятельности [287, с. 327].

Характерно, что целый ряд крупных итальянских компаний, непосредственно не участвовавших в подготовке экспансии в Северной Африке и не включившихся активно в пропагандистскую кампанию, связанную с итало-турецкой войной, ощутил материально «благоприятные последствия» колониальной экспансии в Северной Африке. Достаточно упомянуть в этой связи компанию ФИАТ, которая именно в 1911—1914 гг. почти удвоила производство автомобилей, а в 1912 г. в связи с возросшим спросом на свою продукцию приступила к коренной реорганизации предприятий и к созданию конвейера [387, 1971, № 2, с. 383].

Чрезвычайно показательным, что практически все основные газеты итальянских имущих классов выступали в пользу и в поддержку войны Италии против Турции за захват Триполитании. С начала 1911 г. кампания в прессе приняла буквально общенациональный характер. В числе ярых сторонников Триполитанской войны выступали такие близкие к премьер-министру Джолитти газеты, как «Стампа» и «Трибуна» (эта последняя финансировалась в то время Коммерческим банком, крупным сахарозаводчиком Э. Бруццоне и генуэзскими судостроительными предприятиями), «Джорнале д'Италия», связанная с судостроительными компаниями, с «Монтекатини» и оружейными предприятиями, «Иль ресто дель Карлино» — националистический орган аграрной буржуазии Эмилии, католическая «Коррьере д'Италия», связанная с Римским банком, а также такие влиятельные органы итальянской буржуазии, как «Мессаджеро», «Джорнале ди Сичилия», «Гадзетта ди Венеция» и др.

«Стампа» и «Трибуна» направили весной 1911 г. специаль-

ных корреспондентов в Триполитанию, которые в статьях-репортажах расписывали плодородие тамошних земель, богатства недр. Особое внимание обращалось на то, что, как писал корреспондент «Стампы» Бевьоне, большинство земель является *res nullius* (землями, не имеющими хозяина), из которых «державя, которая оккупирует этот район, сможет, безусловно, создать государственный земельный фонд» [114, с. 73]. С возмущением отмечалось при этом, что «Италия растрачивает бесполезно человеческие силы на не принадлежащих ей территориях, тогда как было бы правильнее найти новые итальянские земли в Африке для избыточных рабочих рук» [287, с. 43—44]. Охваченная шовинистическим пылом, пресса не останавливалась перед прямой фальсификацией фактов, событий, исторических свидетельств и источников.

Наиболее ярким проповедником захвата Триполитании выступила газета «Идея национале», которая стала выходить с 1 марта 1911 г. как орган Националистической ассоциации, возникшей в 1910 г. во Флоренции. Национализм, родившийся как организованное идейное и политическое течение в Италии вскоре после Боснийского кризиса, вырос и окреп именно в связи с итало-турецкой войной, сделав безудержную пропаганду колониальной экспансии в Африке в целом, а в Северной Африке особенно центральным пунктом всей своей деятельности. Объективно националисты (точнее было бы назвать представителей этого политического течения «шовинистами») выступали как выразители интересов наиболее агрессивных и шовинистических кругов итальянской буржуазии.

Еще в 1903 г. один из вождей и основателей итальянского национализма Э. Коррадини призывал к вооруженному захвату колоний: «Учитывая состояние итальянской промышленности, следует признать, что наиболее естественной формой экспансии для Италии является в настоящее время территориальная экспансия путем завоевания. Это значит, что территориальная экспансия должна предшествовать промышленной и коммерческой, а не наоборот» (цит. по [178, с. 25—26]).

В 1910 г. на конгрессе во Флоренции тот же Э. Коррадини заявлял: «Если бы ближайшая часть Африки была итальянской, вся жизнь острова (Сицилии.— В. Т.) и юга полуострова получила бы мощный стимул и, конечно, многие внутренние проблемы... были бы разрешены» [293, с. 77]. В начале марта 1911 г. центральный комитет Националистической ассоциации единодушно принял резолюцию, в которой утверждалась «необходимость навязать итальянскому правительству энергичные действия», направленные на «осуществление наших устремлений в Триполитании» [293, с. 82].

Орган ассоциации «Идея национале», на все лады расхваливая природные условия и климат Триполитании и Киренаики, сулил обездоленным и нищим слоям населения Юга Италии

«землю обетованную» на территории Северной Африки. Газета призывала не оттягивать захват Триполитании, чтобы какая-либо другая держава не опередила Италию в ее притязаниях на бывшие владения Римской империи. В победоносной колониальной войне националисты видели средство укрепить, по их словам, «национальный дух» страны, обеспечить ее «процветание», «величие», «славу» [228, с. 43]. В действительности же речь шла, с одной стороны, об удовлетворении агрессивных внешнеполитических устремлений итальянского капитала, а с другой — о стремлении наиболее реакционных сил итальянской буржуазии осуществить с помощью колониальной войны поворот от буржуазного реформизма («джолиттианства») к реакции во всей внутривосточной жизни страны.

В числе самых последних встала на путь активной поддержки планов захвата Триполитании и Киренаики «Коррьере делла сера», находившаяся в то время в руках Б. Креспи — магната хлопчатобумажной промышленности, Э. де Анджели — главы крупнейших красильных предприятий и Дж. Б. Пирелли — короля резиновой промышленности и банкира [166, с. 268]. Следует подчеркнуть, что выступление «Коррьере делла сера» означало не просто поддержку со стороны этих трех представителей промышленного мира, а поддержку Ливийской войны со стороны наиболее сильных промышленно-финансовых кругов Ломбардии.

Из изложенного можно сделать вывод, что на новом, империалистическом этапе развития Италии все основные, наиболее сильные группировки итальянского капитала, в том числе крупная буржуазия Севера, стали явными сторонниками политики колониальных захватов, что отчетливо проявилось в связи с итало-турецкой войной, предпринятой империалистической Италией с целью завоевания Триполитании и Киренаики. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал в статье «Конец войны Италии с Турцией», что в основе колониальной агрессии Италии в Северной Африке лежит корысть «итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма», что буржуазия «ни перед какими боями не останавливается ради нового источника прибыли» [13, с. 113—114]. «Типичная колониальная война», которую итальянский империализм развязал с целью захвата североафриканских территорий, имела тяжелые последствия для народов Триполитании и Киренаики.

Итальянские войска, направившиеся в Северную Африку, шли туда не как «освободители местного арабского населения от турецкого ига», о чем кричали буржуазная пресса и правительственная пропаганда, а как поработители и угнетатели арабо-берберского населения. В одной из первых инструкций штаба итальянской армии офицерам экспедиционного корпуса предписывалось: «Не следует допускать чрезмерной простоты в от-

ношениях с туземцами, а следует всегда относиться к ним одинаково, сурово наказывая за всякую, даже минимальную попытку уклониться от власти европейцев» [114, с. 74]. Встретив решительное сопротивление местного населения, игравшего основную роль в борьбе против итальянской агрессии (о борьбе местного населения против итальянских захватчиков в 1911—1913 гг. см. [204, с. 79—103]), колонизаторы встали на путь репрессий. «Смертные казни, которые продолжались три дня в оазисе и в результате которых были отправлены к аллаху более тысячи правоверных, были необходимы. Только достойное возмездие за убийство могло выработать у арабов понимание неизбежности наказания и уверенность в нашей силе», — писал в конце октября 1911 г. корреспондент «Стампы» Бевьоне [114, с. 82]. В той же корреспонденции сообщалось о массовых высылках арабов на каторжные работы и других видах суровых наказаний местного населения.

В статье В. И. Ленина «Конец войны Италии с Турцией» приводится такой факт: «Когда итальянские адмиралы неосторожно высадили в начале войны 1200 матросов, арабы напали на них и перебили до 600 человек. „В наказание“ было избито до 3000 арабов, опустошены и вырезаны целые семьи, перебиты женщины и дети... Около 1000 арабов было повешено» [13, с. 113]. В ходе войны и после ее окончания, как и предсказывал в своей статье В. И. Ленин, арабов продолжали «долго еще „цивилизовать“ штыком, пулей, веревкой, огнем, насилованием женщин» [13, с. 114]. Ответом было возраставшее сопротивление местного населения, которое в 1914—1915 гг. изгнало или уничтожило большую часть итальянских экспедиционных войск: к июлю 1915 г. в руках итальянцев остались лишь два города — Триполи и Хомс.

Десятилетие спустя фашизм, усвоив самое худшее из методов колониальной политики своих «либеральных» предшественников и применяя эти методы в массовых размерах, огнем и мечом будет «восстанавливать» власть итальянских империалистов в Триполитании и Киренаике.

Вопрос о влиянии итало-турецкой войны на Италию достаточно освещен в советской литературе (см. [228, с. 177—182; 175, т. 2, с. 400]). Резюмируем некоторые аспекты этого влияния, имеющие значение для понимания особенностей дальнейших колониальных устремлений и колониальной политики итальянского империализма.

Война способствовала не только преодолению последствий кризиса 1907—1908 гг., но и определенному подъему в отраслях промышленности, связанных с производством на войну (при одновременном застое в других отраслях). Военные заказы стимулировали рост производства, его концентрацию, а также рост прибылей в металлургической, машиностроительной, химической, судостроительной промышленности. «Благотворное влия-

лие» колониальной войны ощутили такие крупные компании, как «Ансальдо», «Бреда», «Терни», «Ильва», ФИАТ и др. Значительно выросли прибыли крупнейших банков. «Другая Италия, отличная от Италии 1900 г., прокладывает себе дорогу, Италия крупных промышленников, вскармливаемых протекционистскими тарифами и правительственными заказами, Италия фабрикантов брони и торговцев орудиями, Италия империалистическая, у которой Ливийская война стимулировала аппетит и которую другие империалистические державы подстрекают, чтобы иметь в качестве вассала» [45, с. 107],— говорил П. Тольятти.

Гигантские военные расходы, от которых немало выигрывал финансовый капитал, легли тяжелым бременем на плечи широких масс трудового населения. Выросли косвенные налоги, цены на продукты, усилилась безработица в отраслях, не связанных с выполнением военных заказов. Обострение нищеты населения привело к дальнейшему росту эмиграции, которая достигла 700 тыс. в 1912 г. и 870 тыс. в 1913 г. (что составляло соответственно 2 и 2,5% всего населения страны). Не спадала, а в некоторых отношениях даже усиливалась острота классовых битв в стране. Это привело к известному полевению итальянской социалистической партии, которая на съезде в Реджо-Эмилии в 1912 г. исключила из своей среды откровенно шовинистические элементы, а затем перешла к тактике решительной оппозиции правительству, осудив практику блокирования с буржуазными партиями.

Серьезным политическим последствием итало-турецкой войны были перерождение «джолиттианства», консолидация и укрепление позиций правых сил в стране. Введение в ходе войны жесткой военной цензуры, расправа с демократической печатью, беспощадное подавление антивоенных выступлений, ограничение прерогатив парламента и фактическое присвоение правительством чрезвычайных полномочий во время войны— все это свидетельствовало о перерождении итальянского либерализма, политическим вождем которого был Джолитти. Одновременно активизировала свою деятельность фракция правых либералов во главе с Саландрой и Соннино, которые активно поддерживали реакционные стороны в деятельности Джолитти во время войны, а после нее выступили поборниками объединения всех основных политических течений господствующих классов на консервативной основе.

Сдвигу вправо в итальянской политической жизни активно способствовала католическая церковь и связанные с ней политические круги. Во время войны при всем многообразии позиций различных групп католической церкви влиятельные круги ее активно поддерживали захватническую, колониальную политику правительства, закладывая базу для последующего сотрудничества консервативных и реакционных католических

сил с праволиберальными и националистическими группировками.

Война способствовала усилению влияния в Италии националистических, шовинистических и милитаристских взглядов и настроений в самых различных слоях населения. Националистическая ассоциация провела в декабре 1912 г. II съезд, который высказался в пользу «сильного государства в духе традиций Кавура и Криспи». Националисты шли на сближение с теми течениями, которые видели своего врага в «либеральном государстве», в частности — с реакционными католическими силами. При этом главным итогом итало-турецкой войны националисты считали то, что она-де пробудила национальное сознание «новой Италии». Империалистическая идеология пустила глубокие корни в итальянском обществе, став идейным знаменем новых консервативных сил, добивавшихся от правительства осуществления активной внешней политики [175, т. 2, с. 401].

Война, следовательно, ускорила складывание в Италии блока консервативных и националистических политических сил, «более прочного промышленно-аграрного блока, которому католическая церковь начинает предлагать свои услуги в качестве более эффективного инструмента влияния на массы, последнего резерва социального консерватизма» [45, с. 93].

Вместе с тем война против Турции потребовала колоссального напряжения финансовых и экономических ресурсов Италии. Прямые ассигнования на оккупацию Триполитании и Киренаики с осени 1911 по 31 декабря 1913 г. превысили 900 млн. лир, а в целом военные расходы за указанный период достигли почти 1 млрд. 150 млн. лир [175, т. 2, с. 400]. Столь значительные расходы серьезно осложнили экономическое положение страны, вызвали крупные финансовые затруднения. По словам тогдашнего русского поверенного в делах в Риме, «в финансовом отношении Италия напрягает все свои платежные средства» [228, с. 176]. Тем самым была продемонстрирована ограниченность финансовых возможностей Италии в ведении даже такой сравнительно небольшой по своим масштабам войны, как итало-турецкая война.

Война особенно отчетливо выявила характерное для итальянского империализма противоречие: упорное стремление к экспансии, с одной стороны, при слабости финансово-экономической базы для реализации экспансионистских устремлений — с другой. Это накладывало свой отпечаток на колониальную политику Италии в тот и в последующий период и определило целый ряд ее особенностей.

«Итальянский капитал алчен и робок» [65, с. 34], — скажет позднее один из руководителей «Конфиндустрии». Эффективное экономическое внедрение на привлекавшие итальянский империализм территории, а тем более создание на этой основе полуколоний, как это имело место в практике американского, англ-

лийского или французского империализма, оказывалось для итальянского капитала крайне сложным, а зачастую и просто нереальным делом. До первой мировой войны итальянский капитал предпринимал попытки экономического проникновения главным образом в Албанию, Черногорию, западные малоазиатские районы Турции, однако в большинстве случаев результаты были весьма незначительными. Поэтому стремление к территориальной экспансии, к созданию колоний в классическом смысле этого слова, присущее империализму вообще, было особенно характерно для итальянского империализма.

Если к этому добавить, что объектами итальянских колониальных притязаний оказывались, как правило, территории, либо принадлежавшие другим колониальным державам, либо находившиеся в их сферах влияния (что было естественным следствием «поделенности мира»), то станет понятной еще одна особенность итальянской политики, проявившаяся в период первой мировой войны. Эта особенность состояла в том, что после начала первой мировой войны, добиваясь осуществления своих колониальных притязаний, итальянский империализм уделял основное внимание не деятельности на территориях, к которым обращались алчные взоры власть имущих из Рима, Милана, Турина и Генуи, а своим отношениям с другими империалистическими державами, от которых в конечном счете и зависела судьба итальянских колониальных планов и претензий.

Вначале правящие круги Италии пытались достичь решения «колониальной проблемы» для итальянского империализма, добиваясь наиболее выгодных условий вступления Италии в первую мировую войну. Известно, что вплоть до мая 1915 г. Италия не участвовала в войне. 2 августа 1914 г. итальянское правительство объявило нейтралитет и принялось лихорадочно торговаться как со своими официальными союзниками по Тройственному союзу (Австрией и Германией), так и со странами Антанты (Англией, Францией и царской Россией) о наибольшей «плате» за свое участие в войне в виде колоний и различных территориальных приращений. Получив от Антанты наиболее значительные обещания, зафиксированные в Лондонском договоре от 26 апреля 1915 г., итальянское правительство приняло решение о вступлении в войну. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австрии, а более года спустя — 27 августа 1916 г. — Германии. В ходе войны итальянские правящие круги пытались выторговать у стран Антанты дополнительные колониальные уступки.

Там же, где итальянский империализм вынужден был ограничиваться лишь экономическими средствами внедрения своих позиций, результаты оказывались более чем скромными.

Основными сферами итальянских устремлений в тот период были Северная Адриатика и Балканы, Ближний Восток, Африка (главным образом Северная и Северо-Восточная).

у Следует подчеркнуть при этом, что в правящих кругах Италии существовали две группы, неодинаково ставившие проблему территориальных притязаний. Одна группа, наиболее сильным и влиятельным представителем которой был С. Соннино, возглавлявший с 1914 по 1919 г. министерство иностранных дел, считала центральным пунктом всех экспансионистских устремлений североадриатические и балканские притязания итальянского империализма. На втором плане находились колониальные притязания в Малой Азии. Что касается возможных колониальных приобретений в других районах, в частности в Африке, то они были желательны, с точки зрения политических деятелей этой группы, но в таких размерах, в каких позволяет обстановка, и так, чтобы их достижение не мешало решению центральных проблем внешней политики Италии.

По мнению представителей другой группы, среди которых следует назвать в первую очередь двух министров колоний Ф. Мартини и Г. Колозимо, африканские владения Италии должны быть значительно увеличены при любых обстоятельствах. Поэтому программа африканских притязаний Италии (в одном из двух вариантов, о которых речь пойдет ниже) должна отстаиваться наряду с североадриатическими и балканскими требованиями Италии. При этом колониальным притязаниям в Африке должно уделяться не меньшее внимание, чем вопросу о расширении итальянских территорий в Европе.

Центральное место в официальных притязаниях итальянского империализма в период первой мировой войны и в первые послевоенные годы занимали территории, которые условно можно определить как североадриатические и балканские.

Как указывалось выше, вопрос о балканской политике Италии является большой самостоятельной проблемой, не входящей в сферу настоящего исследования. Здесь мы упоминаем об этой части итальянских колониальных притязаний потому, что они тесно связаны с притязаниями в Азии и Африке. И те и другие обычно выдвигались и обсуждались как части единого комплекса требований.

Еще до первой мировой войны итальянский империализм уделял большое внимание Балканам. Именно на Балканах — в Черногории и Албании — итальянцами были приобретены определенные экономические позиции. В Черногории руководимая Дж. Вольпи компания «Антивари», финансируемая Коммерческим банком и поддерживаемая итальянским правительством, соорудила порт, большую гостиницу и электростанцию в Баре (Антивари), построила и эксплуатировала железную дорогу от этого порта до Вирпазара, имела концессию на осуществление судоходства по Шкодринскому (Скадарскому) озеру. Итальянская компания «Реджия коинтерессата дей табакки дель Монтенегро» во главе все с тем же Дж. Вольпи владела табачной монополией в Черногории. Еще одна итальянская компания за-

нималась осушением болота в одном из районов страны. Значительная часть торговли Черногории приходилась на Италию [166, с. 463; 178, с. 210, 213, 221].

В Албании итальянское навигационное общество «Пулия» осуществляло морские перевозки и судоходство по р. Буне; Общество торговли с Востоком открыло свои отделения в Шкодере и в Дурресе; итальянский банковский капитал принял участие в создании совместно с австрийским капиталом банковского консорциума в стране, Италия занимала второе место после Австрии в торговле Албании. Итальянцы пытались использовать в своих интересах междоусобную борьбу в Албании. Одновременно они старались утвердить в стране свое «культурное влияние»: в первое десятилетие XX в. там было создано несколько итальянских школ и училищ [166, с. 463; 178, с. 147, 151, 157, 163, 174—175].

Однако Италия внедрила свои экономические позиции только на части из тех территорий, на которые претендовал итальянский империализм. Поэтому в качестве основного условия своего вступления в первую мировую войну на стороне Антанты итальянские правящие круги выдвинули целую серию территориальных притязаний, относившихся к Адриатике и Балканам. Они требовали передачи Италии Трентино, Триеста, Истрии, Валоны, Далматинского побережья с прилегающими островами, о-ва Сасено, образования в центральной части Албании «независимого» мусульманского государства со столицей Дуррацо (Дуррес), над которым предполагалось установить контроль Италии. Эти и некоторые другие требования имели в качестве одной из целей, по словам Саландры, установить «наше военное превосходство на Адриатике» [166, с. 458].

Указанные притязания не вызывали никакого энтузиазма в Петербурге и Париже. Однако итальянские руководители рассчитывали на поддержку не Франции и России, а Англии. В Риме верно учли тогдашнее настроение английских правящих кругов, которое точно выразил английский посол во Франции Ф. Берти: «Для нас было бы лучше, если бы хозяйкой Адриатики была она (Италия.— В. Т.), а не славяне через Сербию, которые имели бы там сильную позицию, пользуясь поддержкой со стороны России» [166, с. 447].

Но балкано-адриатические притязания были лишь частью обширной программы империалистических притязаний итальянских правящих кругов. А чтобы обеспечить поддержку Лондона всей своей программе, Риму необходимо было сделать приемлемыми для английского империализма другие требования. С этой целью в итальянском меморандуме от 4 марта 1915 г., направленном правительствам стран Антанты, итальянские колониальные требования в отношении Африки были сформулированы достаточно скромно, чтобы не вызывать ни возражений, ни беспокойства у англичан, но в то же время достаточ-

но неопределенно, чтобы оставить надежду у итальянских колониалистов [230, с. 330] (соответствующий пункт из итальянского меморандума без существенных изменений был включен как пункт 13 в Лондонское соглашение от 26 апреля 1915 г., фиксировавшее условия вступления Италии в войну на стороне Антанты).

Кроме этого, Консульта (итальянское министерство иностранных дел) уже в меморандуме от 4 марта 1915 г. (пункт 12) предложила весьма безобидную формулировку в отношении Аравийского полуострова. Тем самым была отвергнута наиболее значительная часть предложения, исходившего от министерства колоний и предусматривавшего, в частности, чтобы «все аравийское побережье Красного моря было свободно для торговой и экономической деятельности двух стран» (Англии и Италии), а также гласившего: «В случае, если бы Англия вознамерилась установить форму прямого господства над Аравией, за нами должно было бы быть зарезервировано аналогичное право в отношении Асира и части Йемена» [336, т. 1, с. 211]. В результате пункт 12 итальянского меморандума предусматривал только гарантию независимости Йемена, обязательство сторон не прибегать к аннексии какой-либо части Западной Аравии и не устанавливать там своего прямого господства, а также противодействовать попыткам других держав приобрести какие-либо территории на Аравийском полуострове [230, с. 330].

Однако в ходе переговоров итальянское правительство было вынуждено отказаться и от такого требования, и пункт 12 меморандума, вошедшего в текст Лондонского соглашения, гласил: «Италия заявляет о своем присоединении к декларации, сделанной Францией, Великобританией и Россией по поводу сохранения Аравии и мусульманских священных мест в Аравии под независимой мусульманской властью» [50, с. 440]. Тем самым на том этапе итальянское правительство соглашалось на устранение Италии от влияния на дела Аравийского полуострова при условии создания там независимого мусульманского государства, т. е. недопущения превращения Аравии в английскую колонию.

Зато Италии удалось добиться главного — включения в Лондонское соглашение пунктов, предусматривавших, что по мирному договору Италия получит Трентино, Цизальпинский Тироль, Триест, графства Горицу и Градиску, Истрию с прилегающими островами, Далмацию и прилегающие к Далматинскому побережью острова, Валону, о-в Сасено. Кроме этого, предусматривалось создание автономного Албанского государства, которое Италия должна была представлять в его внешних сношениях [50, с. 437—439]. Италия заручилась поддержкой британского правительства, которое оказало соответствующее воздействие на Францию и Россию. На том этапе признание дер-

жавами Антанты итальянских «прав» на указанные территории было значительным успехом итальянской дипломатии.

Однако после окончания войны правящие круги Италии столкнулись, с одной стороны, с нежеланием держав-победительниц полностью выполнять их обязательства перед Италией, которая рассматривалась как «побежденная среди победителей», а с другой — с нежеланием славянских народов соответствующих территорий находиться под гнетом итальянского империализма. Парижская мирная конференция не удовлетворила всех претензий итальянских правящих кругов. Получив по Сен-Жерменскому договору Южный Тироль, Италия усилила деятельность, направленную на захват приадриатических территорий. Образование на восточном побережье Адриатики Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославия) противоречило интересам итальянского империализма. В результате возник острый итало-югославский конфликт. Под нажимом Англии, Франции и США итальянское правительство было вынуждено отказаться от части своих притязаний, в первую очередь на Далмацию. Итало-югославская граница была определена Раппальским договором 1920 г., который зафиксировал переход к Италии Юлийской Крайны, почти всей Истрии с Триестом и Пулой и ряда островов у Далматинского побережья; порт Зара (Задар) был объявлен вольным городом под контролем Италии. Хотя к Италии отошли значительные территории, более чем на 70% населенные славянами, захватнические аппетиты итальянского империализма на Балканах не были удовлетворены полностью. Они-то и стали одним из исходных пунктов националистической и шовинистической демагогии и последующей захватнической политики фашизма.

Другим районом итальянских устремлений в рассматриваемый период был Ближний Восток. Основной зоной, к которой обращал свое внимание итальянский империализм, был ряд территорий западного, северо-западного и южного побережья Малой Азии. В гораздо меньшей степени, но все-таки определенное внимание привлекали также Палестина и Сирия.

До первой мировой войны итальянский империализм пытался получить экономические позиции в Турции: на протяжении полутора десятилетий в Стамбуле существовали верфи итальянской фирмы «Ансальдо». С 1907 г. в Турции действовали Общество торговли с Востоком, Итальянское общество по эксплуатации угольных шахт Гераклеи, получившее концессию на разработку угольных месторождений в районе Эрегли. В 1909 г. в Милане возник Итало-оттоманский комитет, ставивший целью улучшение экономических и политических отношений Италии с Турцией. С начала XX в. вплоть до итало-турецкой войны быстрыми темпами росла итало-турецкая торговля.

В 1913 г.— первой половине 1914 г. Общество торговли с Востоком и французские банки организовали в Стамбуле ряд

компаний, в том числе Строительное общество, Общество покупки недвижимой собственности, и приняли решение о совместном участии в финансовых операциях турецкого правительства [178, с. 32—33, 35, 37, 42, 46, 50, 53].

С 1913 г. итальянский империализм настойчиво пытался создать сферу своего влияния в юго-западной части Малой Азии в районе Анталы, максимально расширив ее вдоль побережья на восток и на северо-запад. В сентябре 1913 г. Общество торговли с Востоком получило от турецкого правительства концессию на исследование трасс двух железных дорог Анталы — Эрменак и Анталы — Силифке. Столкнувшись с британскими, германскими и австро-венгерскими интересами, итальянские дельцы при поддержке правительства сумели довольно успешно договориться со своими английскими коллегами не только о размежевании сфер железнодорожного строительства, но даже и о сотрудничестве в этом деле. Для организации железнодорожного строительства и сооружения портов в указанной зоне был привлечен Коммерческий банк, прилагались усилия для привлечения и других компаний и банков. Вплоть до самого начала первой мировой войны итальянские дельцы добивались от турецкого правительства предоставления горнорудных и лесных концессий, а также концессий на портовые работы в районе Анталы и на прилегающих территориях [178, с. 123—125, 129, 132, 135—137, 141].

После начала первой мировой войны вопрос о сфере интересов в Малой Азии занял существенное место в политике Италии. Уже при первых контактах с представителями стран Антанты итальянцы подчеркнули, что они хотят расширения сферы влияния Италии в Малой Азии и признания итальянских прав на захваченные в ходе итало-турецкой войны Додеканезские острова [166, с. 302]. Причем речь шла не только о сфере экономических интересов, но и о территориальных притязаниях. В результате в Лондонском соглашении было указано, что «в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции она (Италия) должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалии, где Италия уже приобрела права и интересы» (статья 9). Кроме того, статья 8 предусматривала, что «Италия получит в полное суверенное владение о-ва Додеканеза, которые она занимает в настоящее время» [50, с. 439—440].

После того как итальянским правящим кругам стало известно осенью 1916 г. о содержании англо-французского соглашения от мая 1916 г. о разделе Азиатской Турции (соглашение Сайкс—Пико), малоазиатские аппетиты итальянского империализма значительно возросли. Соннино поставил своих союзников в известность о том, что Италия требует для себя вилаеты: Конья, Адана, Айдын, а также Смирну (Измир) [230, с. 204]. Столь внушительные требования вызвали недовольство

и противодействие Франции и царской России. Итальянские правящие круги настаивали. Наконец, в апреле 1917 г. в Сен-Жан де Морьенн состоялось совещание представителей Англии, Франции и Италии (Ллойд-Джордж, Рибо и Соннино) для урегулирования этой проблемы. На совещании в Сен-Жан де Морьенн Италии не удалось добиться полного удовлетворения своих требований. Ей пришлось отказаться от притязаний на Адану, которая осталась в сфере влияния Франции, и на некоторые другие территории. Вместе с тем Италия добилась согласия союзников на передачу ей Измира, значительной части вилайетов Конья и Айдын. Кроме того, большая территория к северу от Измира признавалась зоной итальянских интересов. Италия обещала объявить Измир свободным портом [230, с. 206].

Хотя договоренность, достигнутая в Сен-Жан де Морьенн, не имела силы обычного международного договора, так как носила предварительный характер и требовала одобрения соответствующих правительств, а также русского правительства, в Риме рассматривали ее как такой успех, который следовало еще закрепить. Поэтому летом 1917 г. Консульта прилагала отчаянные усилия, чтобы добиться придания этой договоренности силы нормального международного договора, что и было достигнуто в августе 1917 г.

Однако ни Англия, ни Франция не желали выполнять своих обязательств: в конце 1918 г. они объявили достигнутое соглашение недействительным, поскольку оно не было поддержано правительством России. Той же линии они придерживались и на Парижской мирной конференции. Более того, англичане решили сами наложить руку на значительную часть «итальянской сферы влияния», предложив в начале мая 1919 г. Греции оккупировать Измир. В ответ итальянцы высадили свои войска в Мармарисе и ряде других пунктов юго-западного побережья Малой Азии (Анталья была оккупирована раньше).

И хотя по Севрскому договору Антанты с султанской Турцией (август 1920 г.) за Италией, лишившейся Измира, были признаны «особые интересы» в Юго-Западной Анатолии, т. е. в зоне, предусмотренной договоренностью в Сен-Жан де Морьенн, итальянским империалистическим замыслам в отношении турецких территорий не суждено было осуществиться. Национально-освободительное движение турецкого народа, развивавшееся под воздействием Великого Октября, вскоре вынудило империалистическую Италию вывести свои войска из Анталы так же, как оно сорвало и другие планы империалистического раздела Турции.

Позднее итальянские фашисты будут использовать провал итальянских притязаний в Малой Азии для разжигания шовинизма и национализма в Италии и для обоснования своих захватнических устремлений и планов.

Сосредоточив внимание на отстаивании своих притязаний в Малой Азии, итальянский империализм не выдвигал каких-либо требований территориально-политического характера в отношении других районов Восточного Средиземноморья. Это вовсе не значит, что его не интересовали Сирия, Палестина и другие территории. Это значит только, что итальянские правящие круги отчетливо сознавали, что у Италии не было шансов на какие-либо территориальные приобретения в указанных странах. Поэтому дело ограничивалось поисками средств утверждения там итальянского влияния и ослабления влияния других держав.

С самого начала XX столетия Италия вела борьбу против французского религиозного протектората над католиками на Ближнем Востоке. Результатом ее было некоторое усиление итальянского влияния в католических кругах (переход под итальянское покровительство ряда религиозных орденов и миссий), а также среди верующих. Этому способствовало, с одной стороны, улучшение отношений между итальянским государством и Ватиканом, а с другой — создание церквей, строительство и содержание на итальянские средства школ, больниц [178, с. 56, 62, 66, 69]. В итоге Франция отказалась на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. от единоличного протектората над католиками на Ближнем Востоке [292, с. 257]. Это рассматривалось в Италии как победа итальянцев. Однако много ли значила такая «победа», если та же конференция в Сан-Ремо приняла решение передать под управление (мандат группы «А») Франции — Сирию и Ливан, а Англии — Палестину и Месопотамию!

Примерно с 1916 г. стала активно пропагандироваться идея о поддержке Италией мусульман в качестве средства усиления итальянского влияния в странах Ближнего Востока. В 1919—1920 гг. начинают распространяться идеи об «Италии как покровительнице ислама» [292, с. 259].

Одновременно в итальянских внешнеполитических кругах всерьез рассматривали вопрос об использовании сионизма в интересах итальянского империализма. Одно из свидетельств того — меморандум начальника управления по политическим делам итальянского министерства иностранных дел Г. Мандзони заместителю государственного секретаря по иностранным делам Борсарелли. В этом меморандуме, подготовленном 26 февраля 1918 г. в связи с визитом основателя сионизма Вейцмана в Рим, говорилось: «Не исключено и даже вполне вероятно, что сионистское движение может стать средством завоевать влияние в Палестине и развернуть экономическую деятельность там и в соседних областях. Поэтому представляется своевременным, чтобы итальянские сионисты приняли участие в движении» [292, с. 262]. Сам Вейцман отмечал позднее, что итальянцы уже в 1918 г. проявляли интерес к деятельности сионистов в Палестине

не: «Они прилагали все свои усилия, чтобы противодействовать этому (английскому.— В. Т.) влиянию, поощряя итальянское участие в экономическом развитии Палестины» (цит. по [292, с. 230]). Уже в это время в Италии появилась идея использовать в своих интересах евреев-сефардов средиземноморских стран.

Таким образом, представители итальянских правящих кругов стремились внедриться в сионистское движение, чтобы опереться на него для утверждения итальянских интересов, в первую очередь экономических, в Палестине.

В деловом мире наибольший интерес Сирия и Палестина вызвали у Римского банка. В июне 1918 г. административный совет банка единогласно принял решение открыть агентство в Иерусалиме. В ноябре того же года было решено расширить сеть агентств на Ближнем Востоке. В марте 1919 г. руководство Римского банка приняло решение открыть филиалы и отделения в Дамаске, Алеппо, Бейруте, Яффе, Хайфе, а также в Измире, Александrette, Мерсине и в некоторых других пунктах. Несмотря на противодействие англичан деятельности итальянцев в Палестине, банк открыл филиалы в Яффе и в Хайфе.

Правительство поддерживало и поощряло деловую активность итальянского капитала в странах Восточного Средиземноморья. Соннино прямо заявлял о своем благожелательном отношении к тому, чтобы «всякая без исключения итальянская инициатива развертывалась на Ближнем Востоке, учитывая позицию, приобретенные там Римским банком» [292, с. 227—228]. А итальянский министр казначейства на совещании крупнейших банкиров Италии призывал их «разработать программу банковской деятельности в бассейне Средиземного моря» [292, с. 228].

Тем не менее итальянская активность в Сирии, Палестине и Ливане, не получавшая поддержки других империалистических держав, не имела в те годы успеха. Это вызовет позднее недовольство фашистов, которые, используя в основном те же методы и средства, постараются придать ей больший размах.

Еще одним районом, привлекавшим внимание итальянского империализма, был Аравийский полуостров, главным образом побережье Красного моря. Интерес к этому району объяснялся, прежде всего, важностью его стратегического положения, а мотивировался близостью к итальянской колонии Эритрее.

Уже до первой мировой войны в министерстве иностранных дел и в министерстве колоний Италии обсуждался вопрос о путях активного проникновения в Асир и в Йемен, а также о возможном утверждении на о-вах Фарасан. В начале 1913 г. в министерстве иностранных дел был составлен меморандум, в котором предусматривалось предложить Англии согласиться на контроль Италии над Йеменом или по крайней мере «над какой-либо частью побережья между Моккой (Мохой) и Ходей-

дой, которая нам необходима для внешней безопасности Эритреи». В обмен имелось в виду предложить Англии район мыса Гвардафуй [292, с. 134].

Год спустя министерство колоний предложило министерству иностранных дел достигнуть с Англией договоренность по поводу Аравийского полуострова. Однако, как уже отмечалось, по Лондонскому соглашению Италия была вынуждена отказаться от каких-либо требований в отношении Аравии.

Это не означало, однако, действительного отказа итальянских правящих кругов от планов проникновения на Аравийский полуостров. В конце 1916 г. министр колоний Колозимо настаивал на активизации действий итальянцев в Аравии и предлагал добиваться согласия Англии на оккупацию Италией о-вов Фарасан. В феврале 1917 г. Колозимо вновь настаивал на «нашем ошутимом вмешательстве в дела Аравии и особенно Хиджаза», считая, что сложилась подходящая обстановка, чтобы добиться от Англии благоприятного отношения «к нашим справедливым требованиям», в числе которых называлась оккупация Италией о-вов Фарасан [251, с. 46—50, 125]. В том же, 1917 г. итальянские правящие круги несколько раз предлагали англичанам согласиться на направление в Хиджаз итальянских войск [292, с. 136].

Но англичане неизменно отклоняли эти предложения. В августе 1917 г. итальянцам удалось добиться согласия Лондона (зафиксированного в форме соглашения) на признание Италии в качестве «нации — покровительницы Арабского государства» и одного из гарантов статус-кво Красного моря [292, с. 136]. Это было самое большое, чего смогли достичь итальянцы на том этапе. Год спустя английское правительство, укрепив свои позиции в Асире и на всем аравийском побережье Красного моря, денонсировало соответствующее соглашение, и даже этот незначительный успех итальянской внешней политики был аннулирован. Тем самым снова была продемонстрирована зависимость реализации итальянских колониальных притязаний от позиций других империалистических держав.

Полная зависимость итальянских колониальных планов и возможностей их осуществления от позиций Англии, Франции, а затем и США выявилась особенно отчетливо в связи с африканскими притязаниями итальянского империализма.

Впервые программа итальянских колониальных притязаний в Африке была изложена в специальном документе, подготовленном министерством колоний и переданном в ноябре 1914 г. министром колоний Ф. Мартини министру иностранных дел С. Соннино. Документ состоял из восьми меморандумов, каждый из которых касался какого-нибудь одного района или одной территории (см. [336, т. 1, с. 210—211; 251, с. 20—21; 367, 1963, № 1, с. 107]). В сопроводительном письме указывалось, что речь шла о сумме требований, которые Италии следовало

бы предъявить своим будущим союзникам и которые должны быть удовлетворены в плане общей перекройки колониальных владений в Африке. Имелось в виду следующее:

1) уступка Италии французской колонии, называвшейся тогда Французским Сомали, с Джибути, а также передача контроля над железной дорогой Джибути — Аддис-Абеба, строительством которой завершалось;

2) уступка Италии Англией Кисимайо с небольшим участком территории от устья Джубы до Кисимайо;

3) заявление Великобритании о ее согласии с итальянской трактовкой статьи 4 Лондонского договора 1906 г., в соответствии с которой в случае нарушения статус-кво Эфиопии Италия имела бы право на установление своего господства на значительных территориях, вплоть до оз. Тана с сервитутом в пользу Великобритании в том, что касается вод озера, при обязанности Италии соблюдать самым строжайшим образом английские интересы в отношении его водных ресурсов;

4) передача Италии Кассалы и прилегающих территорий;

5) изменение границы между Киренаикой и Египтом, которое бы предусматривало включение в состав Киренаики территории оазиса Джагбуб;

6) достижение соглашения с Англией по поводу португальских колоний в Африке, суть которого состояла бы в предоставлении права Италии и Англии на свободную торговую и экономическую деятельность в этих колониях, а на случай, если бы Португалия попыталась уступить хотя бы часть своих колоний какой-либо державе, определялись бы зоны итальянских и английских интересов;

7) защита итальянских прав и интересов в Эфиопии. Следует иметь в виду при этом, что в меморандуме, посвященном Джибути, указывалось, что переход Джибути к Италии поставил бы Эфиопию «под преобладающее итальянское влияние» [251, с. 21].

Однако, ведя переговоры с Антантой, Саландра и Соннино не сочли возможным выдвигать всю эту программу в качестве одного из условий вступления Италии в войну, считая, как говорилось выше, африканские проблемы второстепенными по сравнению с балкано-адриатическими и малоазиатскими и понимая, что именно эти требования могут вызвать наиболее решительные возражения. Соответствующая статья итальянского меморандума от 4 марта 1915 г. не содержала конкретно ни одного из упомянутых притязаний, а была сформулирована в весьма неопределенных терминах. Эта формулировка была сохранена и в Лондонском соглашении, статья 13 которого гласила: «В случае, если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу

вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритрея, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний» [50, с. 440—441].

Столь умеренный и неопределенный пункт Лондонского договора ни в коей мере не мог удовлетворить итальянские колониалистские круги. В результате в середине ноября 1916 г. министр колоний Колозимо передал министру иностранных дел Соннино два варианта итальянских требований к союзникам по колониальным проблемам («программа-максимум» и «программа-минимум»), которые, с точки зрения министерства колоний, могли быть предъявлены во время переговоров о послевоенном урегулировании.

Программа-максимум предусматривала для Северо-Восточной Африки и бассейна Красного моря: 1) пересмотр соглашения 1906 г. и возврат к англо-итальянским протоколам 1891 и 1894 гг., которые включали Эфиопию полностью в итальянскую сферу влияния; 2) уступку Италии Англией Британского Сомали, Кисимайо и всего Джубаленда, Кассалы и всей суданской провинции Така; 3) уступку Италии Францией Джибути с прилегающими территориями и железной дорогой Джибути — Аддис-Абеба; 4) гарантию итальянских интересов в Аравии и поддержания статус-кво в Красном море; в случае же нарушения его — признание за Италией права на оккупацию Фарасанских островов; 5) расширение североафриканских владений Италии за счет присоединения к Триполитании и Киренаике территорий к западу, востоку и особенно к югу общей площадью 2525 тыс. кв. км с населением более 2 млн. человек; речь шла о передаче Италии важных караванных путей, подобных дороге Гадамес — Гат — Тумно, и таких оазисов, как Джагбуб, а также огромных территорий вплоть до оз. Чад и Нигерии, включая области Канем и Бадаи [367, 1963, № 1, с. 108—109].

Характерно, что в качестве компенсации за уступку Джибути имелось в виду предложить Франции (с согласия Англии) какой-либо пункт на аравийском побережье Красного моря, т. е. территорию, Италии не принадлежавшую. Англии предполагалось гарантировать ее интересы в вопросе о гидроресурсах оз. Тана и Голубого Нила.

Программа-минимум отличалась от программы-максимум тем, что в ней предусматривалось в обмен на часть Британского Сомали уступить Англии северную часть Итальянского Сомали, добиться уступки Италии Кисимайо с небольшой прилегающей территорией, не претендуя на весь Джубаленд, не ставить вопроса о передаче Италии территории Кассала — Така. В Северной Африке программа-минимум не предусматривала притязаний на большие южные территории, захваченные Францией, где предполагалось получить право лишь на создание консульских и торговых агентств. В отличие от программы-макси-

мум, в соответствии с которой к Италии должны были бы отойти территории площадью около 3 млн. кв. км, реализация программы-минимум увеличила бы площадь итальянских колоний в Африке лишь на 722 тыс. кв. км. Вместе с тем в обоих проектах программы неизменным осталось требование о включении Эфиопии в сферу итальянского влияния. Это заставляет сделать вывод, что именно Эфиопия была центральным объектом итальянских притязаний в Африке.

В министерстве иностранных дел сочли нереальным выдвигать программу-максимум, да и в отношении возможностей реализации программы-минимум выражались большие сомнения.

С целью оказания нажима на правительство в пользу программы колониальных требований министерством колоний и колониалистскими кругами Италии была организована широкая кампания для мобилизации общественного мнения: публиковались книги и статьи, организовывались массовые манифестации. В книге «Заморские права Италии», изданной в 1916 г., некто Россо излагал те требования, которые содержались в упоминавшихся секретных документах министерства колоний, добавляя к ним кое-что еще и от себя. Помню притязаний на Британское Сомали, Джибути, Джубаленд и требований об отказе Англии и Франции от соглашения 1906 г. в книге выдвигались претензии на Йемен, который «совершенно необходим Эритрее», и на Анатолию [367, 1963, № 1, с. 115]. В апреле 1917 г. сенатор Л. Франкетти, известный колониалист-африканист, передал Соннино подготовленный им вместе с группой публицистов-националистов и подписанный тремя тысячами различных политических деятелей, представителей интеллигенции и промышленников меморандум, излагающий требования «итальянской общественности» к правительству по колониальным проблемам, которые повторяли основные положения документов, разработанных министерством колоний. Усилиями националистов общественное мнение Италии было широко ознакомлено с содержанием меморандума. В апреле 1917 г. в Неаполе был проведен колониальный конгресс, который был призван, по замыслу его организаторов, мобилизовать широкое общественное мнение в поддержку колониальных требований. Резко активизировал свою деятельность Итальянский колониальный институт, который организовал два комитета: «защиты итальянских колониальных интересов» и «пропаганды в пользу итальянских прав на Востоке» [291, с. 105—106].

Приход в октябре 1917 г. к руководству правительством В. Э. Орландо, лично связанного с колониалистскими кругами, несколько усилил позиции последних.

С осени 1918 г. итальянские правящие круги стали активно готовиться к послевоенному урегулированию. По запросу министерства иностранных дел 30 октября 1918 г. министерство колоний передало Орландо и Соннино специально подготовлен-

ный текст меморандума, в котором итальянские требования излагались в пределах программы-минимум [336, т. 1, с. 220—221]. Меморандум предназначался для полковника Хауза, советника президента США В. Вильсона. В начале декабря 1918 г. меморандум был передан также министру иностранных дел Великобритании Бальфуру. Одновременно итальянским министром был предпринят дипломатический зондаж в Лондоне и в Париже по поводу перспектив реализации статьи 13 Лондонского соглашения. Ответ был весьма тревожным для колониалистских кругов Италии: указывалось на несвоевременность обсуждения данной проблемы [336, т. 1, с. 222]. Тревога особенно усилилась, когда уже в январе 1919 г. в самом начале работы Парижской мирной конференции идея включения бывших германских колоний в систему мандатов Лиги наций стала находить поддержку среди представителей империалистических держав: итальянские колониалисты опасались, что это лишит их «права» требовать новых колониальных владений.

Они усилили давление на правительство, которое, в свою очередь, поощряло развитие проколониального движения, чтобы использовать его для нажима на союзников. В конце 1918 г. начальник Генерального штаба итальянской армии П. Бадольо направил меморандум главе правительства, в котором излагалась точка зрения военщины на вопрос о колониальных «компенсациях» для Италии. Речь шла о присоединении Французского и Британского Сомали, об изменении границ Ливии, об оккупации или включении в сферу итальянского влияния вилайетов Конья и Айдын [291, с. 112]. В январе 1919 г. Орландо и Соннино получили очередной «воодушевляющий» документ от министерства колоний.

Активизировались Национальная ассоциация, Колониальный институт и другие проколониальные учреждения. В январе 1919 г. был созван очередной колониальный конгресс, где сторонники активной колониальной политики широко пропагандировали свои взгляды.

Однако ни английское, ни французское правительства не проявляли склонности идти навстречу итальянским колониальным требованиям. А президент США Вильсон заявил, что США не могут считать себя связанными соглашениями, которые были заключены до их вступления в войну, явно имея в виду Лондонское соглашение 1915 г. [291, с. 113—114].

Вопрос об итальянских колониальных притязаниях решался на Парижской мирной конференции в мае 1919 г. Не собираясь излагать все перипетии дипломатической борьбы по этому вопросу, мы упомянем лишь главное.

7 мая 1919 г. конференция решила в принципе вопрос о распределении мандатов между Англией и Францией на бывшие немецкие колонии. Вместе с тем для рассмотрения вопроса об осуществлении статьи 13 Лондонского соглашения, т. е. о ком-

пенсациях Италии, была создана специальная комиссия в составе представителей Великобритании, Франции и Италии.

В самом начале работы комиссии итальянские представители изложили притязания Италии на Французское и Британское Сомали, Кисимайо и Джубаленд, изменение границ Ливии, Фарасанские острова и некоторые другие. Представитель Франции решительно выступил против итальянских притязаний на Джибути. Англия проявила склонность пойти на некоторые территориальные уступки Италии в Африке, однако в меньших размерах, чем того хотели итальянцы. Столкнувшись с категорическим отказом Франции передать итальянцам Джибути, итальянские делегаты в комиссии заявили, что они согласны не претендовать на Джибути и на Британское Сомали, если Италия получит мандат на Того. Это их требование также было отвергнуто: оно выходило за пределы того, что предусматривалось статьей 13 Лондонского соглашения.

В итоге итальянцам удалось добиться принципиального согласия английского правительства на уступку Италии Джубаленда в пределах, которые предстояло дополнительно определить (они были определены несколько позднее и известны в истории как соглашение Мильнера — Шалойя), а также на исправление границы Киренаики с Египтом в пользу Киренаики. Как Франция, так и Великобритания отклонили претензии итальянцев на уступку им Джибути и Британского Сомали. Итальянцы в знак протеста отклонили французское предложение об исправлении в пользу итальянской колонии границ между Триполитанией и французскими владениями (Чад), заявив, что они предпочитают, чтобы «колониальный вопрос остался открытым в отношениях между французским и итальянским правительствами». (Правда, в сентябре 1919 г. по соглашению Бонина — Пишона небольшое изменение границы Триполитании в пользу итальянской колонии было зафиксировано.) Никаких других территориальных уступок в Африке и в бассейне Красного моря итальянцам добиться от своих союзников не удалось. Провалились и итальянские попытки договориться с португальским правительством о заключении соглашения по поводу эксплуатации Италией экономических ресурсов Анголы [367, 1963, № 1, с. 125]. Ставка итальянского империализма на расширение своих колониальных владений в Африке (чего он хотел добиться путем дипломатического сговора со странами Антанты) оказалась битой. Империалистические круги Англии и Франции не пошли на сколько-нибудь значительные колониальные уступки Италии. Англо-французские империалисты, пожинавшие плоды победы, не пожелали удовлетворить полностью аппетиты итальянского империализма, который в ходе войны больше терпел поражений (в том числе таких крупных, как в мае 1916 г. в Трентино, в октябре 1917 г. при Капоретто), чем одерживал побед. Таким образом, итальянский империализм,

испытывавший сильные внутренние социально-экономические и политические потрясения, не смог добиться на том этапе удовлетворения своих колониальных притязаний в Африке.

Одним из важных факторов, помешавших итальянскому империализму реализовать его агрессивные колониальные планы, была освободительная борьба народов Балканского полуострова, Ближнего Востока и других районов, развертывавшаяся под могучим воздействием Великой Октябрьской социалистической революции.

Итальянский империализм оказался «побежденным среди победителей». Неудовлетворенные колониальные притязания стали базой для националистической и шовинистической демагогии фашизма.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

Факты и события, связанные с итальянскими колониальными притязаниями и борьбой за их реализацию, могут быть до конца поняты только в свете логики всемирно-исторических событий и процессов социально-экономического и политического развития Италии. Поэтому вернемся к событиям 1917—1920 гг., прежде всего к главному историческому событию XX в. — к Великой Октябрьской социалистической революции.

Италия была одной из тех стран, где влияние Великого Октября проявилось глубоко и всесторонне. Весть об исторической победе российского пролетариата пришла в Италию, когда итальянская армия только что потерпела поражение на австрийском фронте — при Капоретто. Это было и крупное военное поражение, и настоящий солдатский бунт против войны. Армия разваливалась, солдаты бросали оружие, расходились по домам. Тяга к миру, к преодолению жесточайших бедствий и страданий, вызванных войной, была среди итальянского народа, включая и солдат, поистине огромной. Не случайно поэтому Октябрьская революция, провозгласившая в качестве своих идеалов и непосредственных задач достижение мира между народами, национальное и социальное освобождение, ликвидацию гнета и эксплуатации, установление социальной справедливости, не только завоевала симпатии итальянских трудящихся, но и стала для них могучим стимулом развертывания классовых битв [182, с. 9].

Под мощным воздействием Великого Октября в Италии разразился в 1918—1920 гг. острый революционный кризис. Лозунг «Сделать так, как в России!» воплотил в себе чаяния трудящихся масс о новом, справедливом строе, их революционную волю. В движение пришли широкие слои народа: рабочие, крестьяне, солдатские массы. Рабочие бастовали, занимали фабрики и заводы, крестьяне захватывали помещичьи земли, железные дороги были парализованы. Новые отряды борцов влива-

лись в Итальянскую социалистическую партию. Глубокий кризис затронул имущие классы, серьезно поразил правящую либеральную партию, государственный аппарат. Италия оказалась одним из наиболее слабых звеньев империализма в мире.

Характеризуя тогдашнюю обстановку в Италии, В. И. Ленин писал в 1920 г.: «По общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью... В Италии теперь именно *такое* время. Что революционный кризис назревает в общенациональном масштабе, это видят и признают все. Пролетариат доказал делами свою способность подняться стихийно, поднять массы на могучее революционное движение. Беднейшее крестьянство... в Италии доказало делами, что оно способно подниматься на революционную борьбу вслед за пролетариатом» [19, с. 416—418].

Напуганные размахом классовых битв внутри страны, неудовлетворенные внешнеполитическими итогами первой мировой войны, наиболее реакционные круги итальянской буржуазии и землевладельцев стали склоняться к установлению в Италии сильной, авторитарной власти, которая бы обеспечила сохранение и укрепление классового господства буржуазии и провела в жизнь захватнические внешнеполитические планы итальянских имущих классов.

Такая власть была установлена в Италии в 1922 г. фашистами, сумевшими с помощью демагогии и щедрых посулов повести за собой значительные слои мелких собственников, безработных, обездоленных и отчаявшихся трудящихся.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И КОЛОНИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ФАШИЗМА

До прихода к власти в политических установках итальянских фашистов по вопросам колониальной политики содержались весьма противоречивые положения.

И дело не в том, что Муссолини, выступавший в период итало-турецкой войны 1911—1912 гг. (когда он еще был редактором «Аванти») противником колониальной экспансии Италии, разоблачавший тех, кто «ради Ливии забывает Италию», кто «проблемами колонии отодвигает на второй план проблемы матери-родины» [106, т. 5, с. 45—46], несколько лет спустя сам стал поборником колониальной политики. Речь идет о том, что в послевоенный период в одних и тех же речах, в одних и тех же документах и статьях, подписанных лидером итальянского фашизма, уживались весьма противоречивые утверждения.

С одной стороны, приветствовалась борьба народов Индии за национальное освобождение, указывалось, что достижение Индией независимости — это лишь вопрос времени; приветствовалась борьба «всего арабо-исламского мира», которая «означает закат европейской гегемонии» [106, т. 17, с. 121]. А с дру-

гой — в качестве «извечного и бессмертного закона жизни» провозглашался «империализм, являющийся не чем иным, как потребностью, желанием, волей к экспансии, которые имеются у каждого индивидуума, у каждого живого народа» (цит. по [267, с. 317]).

С одной стороны, в качестве важного внешнеполитического требования Муссолини выдвигал «установление и развитие дружественных отношений со всеми народами Востока». А с другой — он провозглашал: «Мы поднимаем знамя империи, знамя нашего империализма» [106, т. 16, с. 159]. Непоследовательность, а порою и нарочитая туманность высказываний итальянских фашистов по колониальной проблеме не являлись чем-то исключительным: это было одно из проявлений общей противоречивости политических лозунгов и требований фашизма до прихода к власти. Реальные политические цели часто прикрывались чисто демагогическими лозунгами. Требования, рассчитанные на привлечение одних социальных сил, сопровождались лозунгами, которые призваны были завоевать поддержку других социальных сил, нередко антагонистичных первым.

Если попытаться выделить главные установки, выдвигавшиеся Муссолини по интересующей нас проблеме в 1919—1922 гг., то они выглядят следующим образом.

1. Итальянскому народу принадлежит мессианская роль. «Фашисты должны позаботиться о здоровье расы, усилиями которой делается история» [106, т. 17, с. 219].

2. Италия призвана выполнить миссию оплота латинской цивилизации в Средиземноморье. Средиземное море должно вновь стать «нашим», домашним морем. «Италия Витторио-Венето (центр в Северной Италии, в районе которого итальянские войска нанесли поражение австрийцам в конце октября 1918 г.— В. Т.) чувствует неотвратимое влечение к Средиземному морю, которое открывает путь в Африку. Двухтысячелетняя традиция зовет Италию на берега Черного континента» [106, т. 13, с. 143].

3. Итальянский народ не может замыкаться в пределах своей страны: «Народы, ограничивающиеся пределами собственного дома, не обладая сильной волей, движутся к смерти» [106, т. 17, с. 218—219]. Итальянский народ имеет право на империю. Но речь идет об особом империализме — «об экономическом империализме и торговой экспансии».

4. Италия должна «утвердить над присоединенными к ней народами неитальянской национальности прочное и устойчивое господство своего закона». Что касается итальянских колоний, то их следует «оснастить экономическими, культурными учреждениями и средствами быстрого сообщения».

5. Фашизм не верит в жизненность Лиги наций и в принципы, которыми она вдохновляется. Актуальна проблема пересмотра сфер «торговой экспансии» и международных договоров, которые оказались неосуществимыми [106, т. 17, с. 336].

Приведенные положения носят в своей основе глубоко националистический характер. Они утверждают особую роль, особую миссию итальянского народа, который якобы имеет право навязывать другим народам власть своего закона, призван осуществлять империалистическую, экспансионистскую политику (пусть даже речь идет в данном контексте о «торговой экспансии» и «экономическом империализме»).

В дальнейшем, в связи с потребностями политической практики фашизма как определенной системы власти, как открытой террористической диктатуры крупного капитала, приведенные положения получают соответствующую трактовку, политическое заострение и развитие как обоснование агрессивной, захватнической политики итальянского фашизма. А колониальные планы, весьма смутно вырисовывавшиеся вначале, будут приобретать все более отчетливые очертания и становиться все более и более масштабными.

Но и на первом этапе фашистского движения, еще до того, как фашизм стал политическим режимом, его программные установки носили националистический характер (об этом же свидетельствует и анализ статей программы фашистской партии по внутренним проблемам) (см. [190, с. 142—144]). Характерно, что, по словам Муссолини, именно национализм как политическое и идейное течение «был единственным движением, имевшим между 1904 и 1914 гг. на своем знамени те самые принципы, которые несколько лет спустя фашизм осуществлял во всей их полноте» (цит. по [293, с. 28]). Не случайно также, что националисты влились в фашистскую партию, а некоторые лидеры итальянского национализма стали крупными деятелями фашистского режима (А. Рокко, Л. Федерцони и др.).

Приход фашистов к власти в 1922 г., казалось, давал им возможность немедленно приступить к осуществлению их внешнеполитической программы во всем объеме, в том числе по колониальным вопросам. Однако в первый («либеральный» или «переходный») период фашистского режима колониальные вопросы, хотя и имели определенный вес в общем балансе государственных проблем, не заняли еще того места, которое они приобрели в политике, идеологии и пропаганде фашистской Италии в последующие годы.

Это не случайно. Центральными вопросами, которые решал в 1923—1925 гг. фашизм, были внутренние: наступление на революционные и демократические силы, на всякую, в том числе и буржуазную, оппозицию, их преследование, а затем и полное подавление; внедрение в социальные отношения и в политическую жизнь тех антидемократических норм и институтов (оформленных законодательно или навязанных фактически), которые привели к окончательному превращению фашизма к 1926 г. в открыто антидемократический, террористический, тоталитарный режим.

Лишь с середины 1925 — начала 1926 г. колониальные вопросы стали занимать большее место во всей национальной жизни Италии. Два события как бы символизировали и в то же время стимулировали интерес к колониям: визит Муссолини в Ливию в первой половине апреля 1926 г. и проведение 21 апреля 1926 г. в Италии «колониального дня».

Накануне визита Муссолини (это был его первый визит в Африку) заместитель министра колоний указывал на три основные его цели: 1) подтвердить историческое значение, которое фашистское правительство придает проблемам африканской политики; 2) устроить торжественную манифестацию древних, вековых связей Италии с мусульманским средиземноморским Востоком; 3) стимулировать формирование в итальянских массах колониального сознания [323, т. 1, с. 450].

Сам Муссолини, выступая 11 апреля в Триполи, недвусмысленно разъяснил политический смысл своего визита: «Мое путешествие не должно рассматриваться как обычный административный акт. Я хочу, чтобы оно было... утверждением силы итальянского народа, демонстрацией могущества народа, который ведет свое происхождение от Рима и несет бессмертную и триумфальную ликторскую фасцию из Рима на берега африканского моря» [108, т. 5, с. 318]. Подчеркивая, что фашизм намерен и впредь неуклонно продолжать колониальную экспансию, Муссолини провозглашал: «Сама судьба толкает нас к этим берегам. Никто не может остановить судьбу, тем более никто не сможет сломить нашу непоколебимую волю» [108, т. 5, с. 318]. Демонстрируя отнюдь не платонический характер своих колониальных устремлений, дуче объявлял: «Мы испытываем земельный голод, так как мы плодovиты и намерены оставаться плодovитыми» [108, т. 5, с. 322]. Фашистская пропаганда подняла большой шум вокруг этого визита.

Вскоре после окончания визита, 21 апреля, по всей Италии широко проводился «колониальный день», который отмечался в течение нескольких дней и вылился в кампанию прославления первых шагов фашистской Италии на колониальном поприще, в средство пробуждения интереса к колониальной политике. Десятки ведущих деятелей фашистской партии и фашистского режима выступали на специальных митингах и собраниях в различных городах страны. В Риме в Капитолии ораторствовал один из основателей и вождей итальянского национализма, Э. Коррадини.

Два указанных события сопровождались резким увеличением разного рода публикаций по колониальным проблемам, как чисто пропагандистских, так и наукоподобных.

Весьма красноречивы заголовки книг, которыми был наводнен книжный рынок Италии в 1925—1928 гг.: «За империю» Э. Бодреро; «Самая великая Италия» П. Грибауди; «Колониальное прошлое и будущее Италии» П. Окки-

ни; «Двадцать месяцев итальянской колониальной политики» Л. Федерцони; «Колониальная Италия и Франческо Криспи» Т. Паламенги-Криспи; «Мусульманская Италия» Р. Канталупо; «Италия в Средиземноморье» Г. Амброзини.

Начали выходить новые журналы по вопросам колониальной политики под характерными названиями: «Колониальная Италия», «Итальянская Африка», «Заморские территории» и т. п.

Переходя к характеристике существа колониальной политики итальянского фашизма в рассматриваемый в данной главе период, следует с самого начала указать на наличие как определенных черт сходства с колониальной политикой «либеральных» правительств Италии, так и новых моментов, специфически присущих фашистской политике. И то и другое имеет свои глубокие причины. Наличие некоторых важных черт преемственности фашистской колониальной политики по отношению к политике прежних буржуазных правительств Италии связано прежде всего с их классовой общностью. В самом деле, политика как дофашистских, так и фашистских правительств — это главным образом политика итальянской буржуазии, выступавшей в союзе с крупными землевладельцами. Конечно, итальянская буржуазия (как, впрочем, и буржуазия любой капиталистической страны) неоднородна. То или иное буржуазное правительство, проводя политику, отражающую некоторые общие интересы класса буржуазии в целом, непосредственно выражает, как правило, интересы определенной группы буржуазии данной страны.

К итальянскому фашизму в период его нахождения у власти в полной мере относится определение, которое дал фашизму VII конгресс Коминтерна: открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что серьезный научный анализ проблемы «фашизм и крупный капитал», который дается в сравнительно недавно опубликованных трудах даже исследователей-немарксистов [327; 290], подтверждает обоснованность этого определения. При всей сложности связи фашистского режима с различными группами монополистического капитала, финансовой олигархии, при относительной независимости ряда актов и политических решений фашистского государства от позиций отдельных групп крупного капитала, а порою даже при несовпадении этих решений с непосредственными интересами капитала в данный момент итальянский фашизм на протяжении двух десятилетий своего правления в Италии олицетворял власть итальянского крупного капитала. Поэтому когда некоторые исследователи, исходя из самых благих побуждений «не упрощать проблему», объявляют «различные группы средних слоев города и деревни активной внутренней силой развития» фашизма и советуют «не искать во всем направляющую роль или крупной монополистической буржуазии, или крупной аграр-

ной буржуазии» (см. [190, с. 115]), объективно они толкают к отказу от классовой четкости и определенности в оценке сущности итальянского фашизма 20—30-х годов. Даже если далеко не за каждым политическим актом и решением итальянского фашистского правительства стояла непосредственно воля итальянского монополистического капитала, а отдельные решения вынужденно учитывали интересы и стремления и средних слоев города и деревни, то политика фашистского государства в целом на каждом данном этапе была именно политикой наиболее реакционных слоев крупного капитала Италии.

А колониальные устремления итальянского крупного капитала были начиная со второго десятилетия XX в. фактором, объединявшим различные слои итальянской буржуазии. В этом и состоял источник преемственной связи колониальной политики фашистского режима с политикой дофашистских буржуазных правительств Италии.

Вместе с тем, как известно, фашизм — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой. Это обстоятельство наложило свой отпечаток и на колониальную политику фашизма: на способ постановки колониальных проблем в международных отношениях, на методы действий в собственных колониях, на методы управления колониями и т. д.

Важнейшей чертой преемственной связи колониальной политики фашизма с политикой дофашистских правительств была общность главных направлений колониальных устремлений и колониальной экспансии. Основными районами колониальной активности итальянского фашизма оставались, как и прежде, Балканы, Северная Африка, Северо-Восточная Африка, Аравийский полуостров и Средиземноморье. (Муссолини любил повторять, что на Средиземном море Италия может быть либо властительницей, либо пленницей; поэтому фашисты считали своей перспективной целью превращение Средиземного моря в *mare nostrum* — внутреннее итальянское море.)

Основные направления деятельности итальянских фашистов по колониальным проблемам в рассматриваемый период были следующие.

1. Переговоры с правительствами Англии и Франции о территориальных уступках Италии в связи со статьей 13 Лондонского договора 1915 г.

2. «Умиротворение» итальянских колоний (Ливии и Сомали), иначе говоря — осуществление эффективной оккупации тех районов, над которыми власть Италии была чисто номинальной, и подавление освободительного движения на этих территориях; установление новой системы управления в Ливии; развертывание политики «освоения» колоний, т. е. заселение земель итальян-

янскими колонистами или передача земель специально созданным итальянским компаниям для эксплуатации.

3. Систематическое выдвижение вопроса о правах итальянцев в Тунисе, способствовавшее в немалой степени поддержанию напряженности в итало-французских отношениях.

4. Активизация итальянской политики в Эфиопии с целью утверждения и укрепления экономических позиций и влияния Италии в этой стране.

5. Активизация экономического проникновения, усиление политического и культурного влияния в странах Восточного Средиземноморья и Среднего Востока.

6. Периодическое напоминание о необходимости выделения Италии подмандатной территории.

Если к перечисленным направлениям деятельности, в той или иной мере совпадающим со сферами активности дофашистских правительств, добавим стремление фашистов изменить статут Танжера и усиленные попытки сначала внедрить, а затем укрепить экономическое и политическое влияние Италии в Йемене, то картина основных аспектов итальянской колониальной экспансии будет достаточно полной.

2. ОРИЕНТАЦИЯ НА СОТРУДНИЧЕСТВО С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ — ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ПЕРВЫХ КОЛОНИАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

В начале своей деятельности фашистское правительство представляло себе решение колониальных проблем не иначе, как в сотрудничестве с английским империализмом, так же как это было на заре итальянской колониальной активности. «В Африке, как и в Европе, для Италии было немыслимо действовать не только против, но даже просто вне связи с британской политикой» [146, с. 45], — писал позднее один из видных дипломатов фашистского периода, Р. Гуарилья.

Буквально с самого начала своей деятельности в качестве главы правительства и министра иностранных дел Муссолини стал добиваться от английского правительства окончательного решения вопроса о «колониальных компенсациях» Италии в соответствии со статьей 13 Лондонского договора, а также признания Англией перехода к Италии Додеканеза.

Характерным в этой связи было письмо Муссолини итальянскому послу в Лондоне Делла Торретта от 9 марта 1923 г. Муссолини просил посла уточнить основные аспекты «итальянской» политики британского правительства, которая, по его мнению, должна была основываться на «дружбе между двумя нациями». Однако «эта дружба должна иметь практические проявления». В первую очередь должны быть решены два самостоятельных вопроса: о передаче Италии Джубаленда и об оконча-

тельном признании Додеканеза итальянским владением [87, т. 1, с. 420].

Английское правительство не спешило решать в выгодном для фашистской Италии духе поднятые вопросы. Весь 1923 год происходили дипломатические контакты. Позиция английского правительства не устраивала Муссолини в трех отношениях. Во-первых, англичане упорно настаивали на совместном рассмотрении вопросов о Джубаленде и Додеканезе. Во-вторых, они выражали согласие решать вопрос о Джубаленде только на основе договоренности Мильнера — Шалоя (достигнутой в апреле 1920 г.), где были указаны пределы территории, которую английское правительство не возражало уступить Италии и которая теперь уже не устраивала фашистских руководителей. В-третьих, английское правительство даже после подписания Лозаннского договора не склонно было соглашаться на окончательный переход всех островов Додеканеза к Италии. Англичане предлагали, чтобы между Англией и Италией немедленно была достигнута договоренность о том, какие острова архипелага, во владение которыми Италия вступала в соответствии с Лозаннским договором, останутся за Италией навсегда, а какие она передаст потом Греции [87, т. 2, с. 357].

Когда же в английских правящих кругах стало высказываться мнение о том, что-де Лондонский договор предусматривал лишь некоторое исправление границы, а вовсе не уступку такой большой территории, как Джубаленд, причем кое-кто вообще начал выражать сомнения по поводу того, что Лондонский договор еще сохранял силу, Муссолини поручил 8 января 1924 г. своему послу в Лондоне заявить: «Дальнейшая отсрочка выполнения формального обязательства, принятого Великобританией по уступке Джубаленда, была бы теперь недружественным актом по отношению к Италии» [87, т. 2, с. 377]. 19 января 1924 г. послу Делла Торретта было дано указание прекратить переговоры с английским правительством, подчеркнув, что ни на какие уступки по вопросу о Додеканезе итальянское правительство не пойдет и что оно настаивает на передаче Италии Джубаленда [87, т. 2, с. 401—402].

Однако в Риме отдавали себе отчет в том, что в тех условиях Италия без согласия Англии не могла добиться даже частичного решения в свою пользу некоторых колониальных проблем. Поэтому, как только созданное в январе 1924 г. лейбористское правительство Макдональда сделало первые благожелательные жесты в отношении Италии, это немедленно нашло отклик в Риме. 1 апреля 1924 г. Макдональд (премьер и министр иностранных дел) направил Муссолини письмо, в котором недвусмысленно указывалось на желание английского правительства улучшить отношения с Италией. Макдональд заявлял, что английское правительство готово решить положительно вопрос о передаче Италии Джубаленда на основе дого-

воренности Мильнера — Шалоя при одновременном урегулировании в специальной конвенции вопроса о контроле над миграцией кочевых племен (эту проблему предлагалось поручить экспертам для немедленного обсуждения). Одновременно Макдональд выразил готовность рассмотреть вопрос о Додеканезе отдельно и независимо от проблемы Джубаленда [87, т. 3, с. 77].

2 мая 1924 г. в личном послании Макдональду Муссолини выразил удовлетворение готовностью решить благоприятно для Италии вопрос о Джубаленде. В то же время в порядке уступки сообщил, что при решении вопроса о Додеканезе Италия могла бы пойти на то, чтобы установить для Родоса несколько иной статус, чем для всего Додеканеза [87, т. 3, с. 103—104]. Кроме этого, английскому послу в Риме было сообщено, что итальянское правительство готово подписать специальный договор с Грецией по поводу Додеканеза [87, т. 3, с. 128]. (В сентябре 1926 г. был подписан греко-итальянский договор о дружбе и арбитраже, заключение которого означало фактический отказ Греции от притязаний на Додеканезские острова.) 15 июля 1924 г. в Лондоне Макдональд и Делла Торретта подписали соглашение о передаче Джубаленда Италии. В 1925 г. Джубаленд был присоединен к Итальянскому Сомали. В том же, 1925 г. граница между новым итальянским владением и английской колонией была уточнена, а в 1927 г. установлена окончательно [234, с. 111—114].

Определенное изменение позиции английского правительства в пользу Италии по этому и некоторым другим международным вопросам не было случайным. В сложном переплетении международных отношений середины 20-х годов Великобритания оказывалась заинтересованной в том, чтобы Италия выступала в качестве ее союзницы по целому ряду европейских, средиземноморских и ближневосточных проблем.

Обострение англо-французского соперничества в Европе в 1923—1925 гг. побуждало английские правящие круги к изысканию и использованию всех возможных средств с целью ослабления своего могущественного соперника. Одно из таких средств британский империализм видел в недопущении того, чтобы третьи страны стали союзниками его западноевропейского противника. Между тем в 1923 г. выявилась общность позиций Франции и Италии в связи с оккупацией Францией Рура. В сентябре 1923 г., когда итальянские войска предприняли попытку оккупировать греческий остров Корфу, Англия выступила против этого. Французские же правящие круги заняли благоприятную по отношению к Италии позицию, чем заслужили признательность итальянских фашистов.

С целью не допустить итало-французского сближения и улучшить англо-итальянские отношения правящие круги Великобритании и пошли на упомянутые выше (а также некоторые дру-

гие) шаги. К этому надо добавить, что в 1924—1925 гг. заинтересованность английских правящих кругов в сотрудничестве с Италией повышалась в связи с так называемым Мосульским конфликтом. Именно с весны 1924 г. начались двусторонние англо-турецкие переговоры о судьбе Мосула, а в августе 1924 г. вопрос о Мосуле перешел на рассмотрение Лиги наций. Англия была заинтересована в поддержке Италии сначала для оказания давления на Турцию, а потом для принятия Лигой наций выгодного Великобритании решения. И такая поддержка действительно ей была оказана. (Итальянский историк Кароччи утверждает, что Лондон в то время прямо-таки побуждал Муссолини к агрессивным действиям против Турции [242, с. 51].)

С начала 1925 г. англичане развернули активную деятельность в пользу подписания в Европе «гарантийного» пакта (соответствующие соглашения были разработаны на конференции в Локарно 5—16 октября и подписаны 1 декабря 1925 г. в Лондоне). Добиваясь принятия «гарантийного» пакта, Англия рассчитывала, с одной стороны, изолировать Советский Союз, а с другой — достичь изоляции Франции, порвать связи между ней и ее военными союзниками на востоке Европы, противопоставить Франции Германию и сохранить за собой роль арбитра во франко-германских противоречиях. Английские правящие круги привлекли к Локарнским соглашениям Италию. Они исходили при этом из того, что если Италия не будет участвовать в «гарантийном» пакте, то тогда она окажется вне созданного европейского блока держав и может пойти на сближение с Советским Союзом. Не исключалось и возможное сближение с Францией (уже летом 1925 г. проявились некоторые симптомы такого рода). В случае же подписания Италией Рейнского «гарантийного» пакта она включалась в группировку европейских держав и лишалась возможности «фрондировать». Поэтому британские правящие круги и побудили Италию стать вместе с Англией вторым гарантом Рейнского пакта. Итальянцы приняли это предложение [174, т. 3, с. 414]. Чтобы создать у Италии стимул для участия в будущих Локарнских соглашениях, Лондон выдвинул выгодные для Италии предложения по вопросу об Эфиопии, а после Локарно пошел на заключение в декабре 1925 г. англо-итальянского соглашения об Эфиопии (см. ниже).

Таким образом, в 1924—1925 гг. возобновилось англо-итальянское сотрудничество, в первую очередь по колониальным вопросам, опираясь на которое итальянский фашизм стремился решить в своих интересах ряд других важных проблем.

В 1926 г. итальянские фашисты усилили нажим на Албанию. В результате между Италией и Албанией 27 ноября 1926 г. был подписан Тиранский пакт, по которому Италия получила право в случае необходимости вводить на территорию Албании войска. Албании запрещалось без санкции Рима заключать соглашения с третьими странами. Через год Тиранский пакт был дополнен протоколом об итало-албанском союзе, который устанавливал

итальянский контроль над албанской армией. Фактически был установлен итальянский протекторат над Албанией.

Очередной проблемой, поставленной фашистским правительством перед правящими кругами Англии, был вопрос о присоединении к территории Ливии двух районов — оазисов Джагбуб и Эс-Саллум (также в порядке реализации статьи 13 Лондонского договора). Решение этого вопроса итальянский фашизм рассматривал как серьезную политическую проблему по ряду причин. Во-первых, добившись от Англии территориальных уступок у восточных границ Ливии, можно было с большим основанием добиваться от Франции приращения территорий на Юге и на Западе Ливии за счет французских колоний. Во-вторых, Джагбуб был важным пунктом связи ливийских повстанцев с внешним миром, через который они получали оружие, поддерживали отношения с патриотическими силами в арабских странах. Переход его к итальянцам был бы весьма ощутимым ударом по освободительному движению в Киренаике, возглавляемому братством сенуситов. В-третьих, и это самое главное, фашистская Италия в это время вообще была заинтересована в урегулировании вопроса о границах Киренаики с Египтом, ибо в условиях начавшихся операций против освободительного движения Триполитании и Киренаики, за завоевание освобожденных патриотами районов для итальянского фашизма было очень важно «обезопасить» границу своей колонии с Египтом. Рассмотренный в принципе в соглашениях Титтони — Мильнера от 15 сентября 1919 г. и Мильнера — Шалой (апрель 1920 г.) вопрос об исправлении границы между Киренаикой и Египтом не решался окончательно английскими правящими кругами. Причем в качестве формального основания отказа решать этот вопрос Лондон выдвигал «независимость» Египта, с которым итальянцам рекомендовалось напрямую вести переговоры.

Ободренный решением о передаче Италии Джубаленда, Муссолини в сентябре 1924 г. дал указание итальянским дипломатам в Лондоне усилить нажим на английское правительство и на находившегося в то время в Англии египетского премьера Заглул-пашу [87, т. 3, с. 298—299, 312—313, 314—316].

В декабре 1924 г. в Риме состоялись беседы Муссолини с министром иностранных дел Англии О. Чемберленом. Судя по служебной записке, озаглавленной «Перечень вопросов, которые могли бы быть обсуждены на предстоящих беседах с Чемберленом» [87, т. 3, с. 364—365], составленной в министерстве иностранных дел Италии, вопрос о границе между Киренаикой и Египтом ставился на обсуждение итальянской стороной. Есть сведения, что Чемберлен обещал Муссолини поддержку в его решении [322, с. 75].

Однако в начале следующего, 1925 г. Чемберлен обратился к Муссолини с просьбой отложить на некоторое время этот вопрос, поскольку в Египте предстояли выборы, в исходе которых

было заинтересовано английское правительство. На период после выборов «Чемберлен обещал свою самую активную поддержку Италии по данному вопросу» [87, т. 3, с. 467]. Муссолини согласился удовлетворить просьбу Чемберлена «ради итало-английской дружбы» и «из уважения к самому Чемберлену».

В октябре 1925 г. в Каире состоялись итало-египетские переговоры, в ходе которых удалось достичь приемлемого для итальянского правительства решения. 6 декабря 1925 г. было подписано соглашение, по которому к Киренаике должен был отойти Джагбуб, а за Египтом оставался Эс-Саллум. Буквально через месяц Муссолини дал указание министру колоний подготовить все необходимое и осуществить 1 февраля 1926 г. оккупацию Джагбуба, что и было сделано.

В Риме полагали, что уступки, на которые пошла Англия, помогут добиться удовлетворения итальянских притязаний к Франции, связанных с проведением в жизнь статьи 13 Лондонского договора. Состоявшийся в сентябре 1919 г. обмен письмами между Пишоном, французским министром иностранных дел, и Лонгаре, послом Италии во Франции, определил в основном границу между Ливией и находившимися к западу от нее французскими владениями. Однако зафиксированные в нем территориальные уступки не устраивали фашистское правительство Италии, тем более что в соглашении Пишона — Лонгаре говорилось о других пограничных пунктах как предмете будущего рассмотрения [291, с. 346—347]. Поэтому вопрос о южных границах Ливии, а фактически о значительном расширении итальянских владений к югу от Ливии оставался объектом итальянских домогательств на протяжении многих лет, вплоть до 1935 г.

Характерна в этой связи записка, подготовленная 30 марта 1928 г. управлением итальянского министерства иностранных дел на основе меморандума министра колоний Федерцони. В ней формулировалась в качестве перспективы весьма амбициозная задача создания сплошной полосы итальянских владений от Средиземного моря до Атлантического океана. Речь шла о том, чтобы добиваться продолжения зоны итальянских владений, шириной равной Ливии, далеко на юг, с включением бассейна оз. Чад, вплоть до бывшего «немецкого» Камеруна, который предполагалось превратить в подмандатную территорию Италии [87, т. 6, с. 177]. В записке выдвигались три программы колониальных требований Италии: максимум, промежуточная и минимум. Насколько значительными были итальянские притязания, можно судить хотя бы по тому, что программа минимальных требований предусматривала присоединение к Ливии всей северной части нынешней Республики Нигер и примерно трети территории нынешней Республики Чад, которые тогда были составными частями французской колониальной империи.

Как только в начале апреля 1928 г. генеральный секретарь французского министерства иностранных дел Бертелло в беседе

с итальянским послом Манцони высказал свое «личное» мнение о том, что территориальные уступки, сделанные Италии в 1919 г., недостаточны и что «Италия все еще остается кредитором Франции», Муссолини немедленно предложил Манцони поставить на обсуждение широкий круг проблем, в том числе вопрос «об определении южных и западных границ Ливии». При этом в качестве исходной базы для переговоров предлагалось взять подготовленную министерством иностранных дел промежуточную программу, предусматривавшую передачу Италии территории вплоть до оз. Чад, а в качестве компромисса — программу-минимум [87, т. 6, с. 213—214].

Французское правительство резко отрицательно прореагировало на итальянские притязания. Итальянцам было заявлено, что ни одно французское правительство не продержалось бы и 24 часов, если бы вошло в парламент с подобного рода предложением [87, т. 6, с. 238—239]. В декабре 1929 г. французы представили контрпредложение, которое Муссолини отверг как совершенно неудовлетворительное, поскольку оно содержало согласие на уступку Италии лишь одного небольшого оазиса [87, т. 7, с. 504]. В это время вопрос о южных границах Ливии приобретал практическое значение, так как итальянские войска в целом ряде пунктов уже подошли к границам колонии. (Наследие господства колонизаторов в этом районе до сих пор дает о себе знать и является источником сложностей в отношениях между Ливией и Чадом.)

Позиция английских правящих кругов имела решающее значение для возрождения экспансионистской активности итальянского фашизма по отношению к Эфиопии. Особую роль в этом сыграло англо-итальянское соглашение, заключенное в декабре 1925 г.

В Эфиопии в 20-х годах происходила острая борьба двух группировок феодального класса, получивших в литературе название «младозфиопы» и «старозфиопы». Старозфиопы группировались вокруг дочери Менелика II императрицы Зоудиту, а младозфиопы — вокруг регента и престолонаследника Тэфэри-Мэкконнына (с 1930 г. — император Хайле-Сыллассе I).

Младозфиопы выступали за создание сильного централизованного государства с абсолютистско-монархической формой правления, высокой степенью политико-территориальной интеграции страны, с развитыми внешними связями, за определенные прогрессивные социальные и технико-экономические изменения. Реформизм младозфиопов отнюдь не затрагивал феодальной природы эфиопского общества, а был направлен на известную модернизацию феодального общества и укрепление экономических и политических позиций феодального класса в целом.

Младозфиопам противостояли консервативно настроенные круги, прежде всего из среды высшего духовенства и феодальной знати. Будучи полновластными и могущественными правителями на местах, крупнейшие феодалы не желали поступиться своими почти неограниченными правами и привилегиями. Несмотря на активное противодействие старозфиопов, в стране в 20-х годах были осуществлены некоторые (весьма ограниченные) реформы в области образования, военного строительства, печатного дела, церкви; были приняты закон об отмене рабства, постановления об объявлении всех недр

страны государственной собственностью, о введении ряда государственных монополий и др.

Внутриполитическая борьба развертывалась в обстановке постоянного нажима и вмешательства извне — со стороны империалистических держав. К 1930 г. было сломлено сопротивление ряда мятежных феодалов (например, раса Гугса-Уоле), произошло укрепление центральной власти. (См. об этом подробнее [227, с. 36—71; 156, с. 435—449].)

С самого начала своей деятельности в качестве правящей политической силы итальянские фашисты исходили из того, что они смогут добиться чего-либо в Эфиопии только при условии согласия английского правительства или в сотрудничестве с ним. Действовать активно в одиночку с реальными шансами на успех им не представлялось возможным в 1923—1925 гг. по ряду причин. Во-первых, потому что существовало соглашение 1906 г., которое как бы «узаконило» заинтересованность трех держав в судьбах Эфиопии. Всякая попытка действовать в одиночку, без согласия двух других партнеров, могла вызвать серьезные международные осложнения, которых в тот момент фашистский режим не хотел. Во-вторых, итальянские фашисты не считали в то время «проблему Эфиопии» первоочередной не только в ряду своих внешнеполитических, но даже и колониальных проблем. В-третьих, внутриполитическая обстановка в Италии в те годы не давала возможности для агрессивной активности вовне сразу по многим направлениям.

Позиция Англии по этому вопросу не оставляла у фашистских лидеров до определенного момента никаких сомнений. Они хорошо помнили, что английские правящие круги дважды — в 1919 и в 1922 гг. — отклоняли попытки Италии договориться о совместных действиях в Эфиопии. Сначала правительство Англии отклонило сделанное Италией в ноябре 1919 г. предложение предпринять совместные шаги в Эфиопии, чтобы добиться при взаимной поддержке для Великобритании концессии на строительство плотины у оз. Тана и автомобильной дороги, которая бы связала Судан с озером, а для Италии — концессии на строительство железной дороги между Эритреей и Итальянским Сомали, которая в соответствии с соглашением 1906 г. должна была частично проходить к западу от Аддис-Абебы.

В 1922 г. английское правительство оставило без ответа итальянскую инициативу, направленную на придание активного характера тройственному соглашению 1906 г. [146, с. 43].

Поэтому, став главой правительства, Муссолини заявил в середине ноября 1922 г.: «Основой основ нашей политики в Восточной Африке остается поддержание строгой целостности Эфиопии» [87, т. 1, с. 150]. В инструкции послу Италии в Аддис-Абебе от 15 декабря 1922 г. говорилось: «Политика королевского правительства основывается на скрупулезном уважении целостности и независимости Эфиопии» [87, т. 1, с. 156]. Смысл этой линии «на целостность и независимость» Эфиопии можно расшифровать примерно так: мы лишены в настоящий

момент возможности предпринять какие-либо действенные шаги по отношению к Эфиопии, поэтому мы провозглашаем лозунг сохранения ее целостности, которая должна быть признана и поддержана другими капиталистическими странами. Это не означало, конечно, отказа Италии от утверждения своих позиций в Эфиопии. Более активная политика оставалась целью фашистского правительства, однако проведение ее было возможно не иначе, как с согласия Великобритании.

Между тем ход переговоров с правительством Великобритании о судьбе Джубаленда и Додеканеза на протяжении всего 1923 г. показывал, что рассчитывать на благожелательное сотрудничество английских правящих кругов по вопросу об экспансии в Эфиопии не приходилось.

Тем не менее уже в 1923 г. фашистское правительство тщательно соизмеряло с позицией Великобритании каждый свой серьезный политический шаг, связанный с Эфиопией.

Летом 1923 г. правительство Эфиопии возбудило вопрос о вступлении в Лигу наций. Оно видело в этом средство повышения авторитета своего государства на международной арене, укрепления безопасности страны и расширения возможностей для решения внутренних проблем. Первая реакция Муссолини на просьбу Эфиопии была крайне отрицательной. 7 августа 1923 г. он сообщал послу в Аддис-Абебе, а также итальянскому представителю в Женеве о том, что итальянское правительство было решительно против допуска Эфиопии в Лигу наций [87, т. 2, с. 111—112]. При этом фашистские деятели исходили из того, что вступление Эфиопии в качестве полноправного члена в международную организацию могло создать дополнительные трудности для осуществления в будущем экспансионистских устремлений фашизма в этой стране. Однако затем в фашистских правящих кругах стали высказывать мнение, что из поддержки Италией просьбы Эфиопии фашистское правительство могло бы извлечь определенную выгоду для последующих своих отношений с этой страной. Тем более что Франция активно поддерживала просьбу Эфиопии, а Англия в конце концов тоже склонилась к поддержке этой просьбы [87, т. 2, с. 119—120, 121—123].

В связи с этим 28 августа 1923 г. Саландре, итальянскому делегату в Лиге наций, были даны такие указания:

1) отказаться от всякой «предвзятой оппозиции» просьбе Эфиопии;

2) «поддерживать самый тесный контакт с британским представителем с целью уточнения возможных гарантий, которые следует потребовать от Эфиопии и которые бы делали практически затрудненным ее участие в Лиге наций»;

3) в случае же, если английская делегация отнесется безусловно благоприятно к вступлению Эфиопии в Лигу (в аналогичном отношении Франции сомнений не было), Саландра

должен был «продемонстрировать и наше благоприятное отношение»; более того, ему предлагалось «пойти гораздо дальше двух других делегатов в поддержке абиссинской просьбы» [87, т. 2, с. 131—132].

Таким образом, преследуя собственные корыстные политические цели, фашистская дипломатия фактически ставила свои конкретные политические шаги в зависимости от политики Великобритании.

Со второй половины 1924 г. начинает складываться новая обстановка в треугольнике Италия — Англия — Эфиопия. Она характеризовалась следующими основными чертами.

Во-первых, резко возросла политическая активность правительства Эфиопии на международной арене. Принятая 28 сентября 1923 г. в Лигу наций независимая африканская страна получила большие возможности для широкого международного общения. В середине 1924 г. представительная правительственная делегация Эфиопии совершила длительную поездку по странам Западной Европы. В Лондоне, Париже и Риме делегация ставила серьезные проблемы, имевшие огромное значение для Эфиопии: о получении выхода к морю, о возможности для центрального правительства свободно приобретать и ввозить необходимое ему количество оружия, об эфиопизации Абиссинского банка, т. е. о выкупе эфиопским правительством акций этого банка, которые принадлежали банкам Англии, Франции и Италии.

Во-вторых, оказывались безуспешными все попытки английских правящих кругов добиться от Эфиопии предоставления Англии концессии на строительство гидросооружений на оз. Тана. В частности, летом 1924 г. во время визита в Англию эфиопская делегация в ответ на соответствующее предложение английского правительства внесла контрпредложение; оно предусматривало создание с той же целью смешанной эфиопско-европейско-американской компании (с участием эфиопского, английского, итальянского, французского, бельгийского и североамериканского капитала), которая привлекала бы персонал указанных национальностей, а также могла поручить создание соответствующих сооружений и эксплуатацию отдельных районов компаниям разных национальностей на равных условиях [87, т. 3, с. 223]. Англичане не приняли, естественно, такое предложение, ибо хотели получить концессию для себя.

В-третьих, объективным ходом событий Англия вынуждалась к поиску союзника в эфиопских делах. Чрезвычайно интересно с этой точки зрения сопоставление двух докладов итальянского министра колоний Ланца ди Скалае главе правительства, разделенных одним годом. В первом докладе, датированном 12 июля 1924 г. и резюмировавшем события примерно за год, основной упор делался на доказательстве тезиса об антиитальянском характере политики Англии в Эфиопии и в бассейне

Красного моря. Министр колоний подчеркивал, что целью этой политики было «ограничить наши возможности осуществления каких-либо мер в Эфиопии, принизить наш престиж на аравийском побережье Красного моря» [87, т. 3, с. 219]. Приводились конкретные факты антиитальянской деятельности английских агентов в Эфиопии.

Во втором докладе (от 7 июля 1925 г.) акцент был сделан на совершенно иной мысли: «...в общем английские интересы (в Эфиопии), по-видимому, могут согласоваться с нашими» [381, 1970, № 3, с. 147]. В подтверждение этого приводились такие аргументы: наличие у Англии крупных политических, экономических и других интересов в Эфиопии, осуществить которые в одиночку Англия оказывалась не в состоянии и которые полностью противоречили французским интересам.

К этому надо добавить, что представители Франции, которая и без того имела хорошие экономические позиции и определенное политическое влияние в Эфиопии, продолжали весьма активно действовать в Эфиопии. Так, в конце 1924 г. в Рим поступило сообщение о прибытии в Аддис-Абебу губернатора Джибути для ведения переговоров с правительством о возможном предоставлении Эфиопии выхода к морю во Французском Сомали [87, т. 3, с. 355, 371].

В этих условиях в Риме приходят к двум важным выводам: во-первых, о необходимости усиления внимания к эфиопской проблеме; во-вторых, о необходимости и возможности сотрудничества с Англией в этом деле.

Судя по документу, подготовленному итальянскими экспертами в связи со встречей Муссолини и Чемберлена в декабре 1924 г., итальянская сторона ставила на англо-итальянских переговорах ряд вопросов, связанных с Эфиопией. Это были, как указывалось в документе, «подтверждение или пересмотр соглашения 1906 г.», разрешение вопроса о вызвавшем споры толковании статей соглашения 1906 г. по поводу оз. Тана, предложение о совместной линии в отношении ввоза оружия в Эфиопию [87, т. 3, с. 364—365].

В середине 1925 г. проблема активизации «эфиопской» политики Италии была поднята в докладе министра колоний Ланца ди Скалеа. В нем указывалось на недопустимость игнорирования «эфиопской проблемы» и замыкания «в скромной политике колониального домоседства». В связи с этим Ланца ди Скалеа выражал свое твердое убеждение, что необходимо было скорее выйти «из нынешнего состояния незаинтересованности в абиссинском вопросе и воспользоваться первым же благоприятным случаем для установления контакта с Англией, чтобы рассмотреть, каким образом решить в согласии с ней этот вопрос» [381, 1970, № 3, с. 147].

Как на ближайшие задачи министр колоний указывал на необходимость усилить военный потенциал Эритреи и Сомали;

довести до границ Эфиопии железную дорогу из Массауа и построить — из Могадишо. Указывалось также на нежелательность поставок оружия как эфиопскому правительству, так и отдельным вождям до тех пор, пока не будет принято окончательное решение о линии действий Италии в Эфиопии. (Можно предположить, что сам министр колоний склонялся к военному решению «эфиопской проблемы».)

Муссолини полностью согласился с положениями доклада министра колоний. Одновременно он выделил две центральные, на его взгляд, задачи итальянской политики по отношению к Эфиопии:

1) «подготовиться в военном и дипломатическом отношении к тому, чтобы воспользоваться возможным распадом эфиопской империи»;

2) «в ожидании молчаливо работать, насколько возможно, совместно с англичанами и хлороформировать (усыплять) абиссинский официальный мир» [381, 1970, № 3, с. 148].

Как видно, Муссолини исходил из перспективы распада Эфиопии. Жизнь не оправдала такого прогноза, и фашистские лидеры должны были позднее считаться с этим, менять свою политику.

Как уже было сказано выше, именно в это время в Рим пришли к выводу о необходимости и возможности сотрудничества с английскими правящими кругами по «эфиопским делам». Необходимость вызывалась тем, что Италия не могла действовать в одиночку. Возможность определялась упомянутой выше объективно возросшей заинтересованностью Англии в сотрудничестве с Италией, которая уже проявилась к этому времени как в общем отношении английских руководителей к Италии, так и, в частности, в соглашении о Джубаленде.

Действительно, летом 1925 г. из Лондона в Рим поступили два предложения, касающиеся Эфиопии. Во-первых, пришло согласие английского правительства на достижение договоренности между Англией, Францией и Италией о том, чтобы разрешение на ввоз оружия в Эфиопию давалось каждой из трех договаривающихся стран только после предварительного согласия двух других, поскольку-де иначе ввоз оружия в Эфиопию может принять слишком опасные (!) для их колоний размеры [87, т. 4, с. 43—44]. Во-вторых, Лондон направил в Рим предложение фактически о совместном давлении на Эфиопию с целью получения от ее правительства согласия на концессии в соответствующих зонах влияния Англии и Италии, предусмотренных договором 1906 г. [146, с. 44; 242, с. 49]. По существу, это предложение повторяло предложения, которые были сделаны Италией в 1919 г.

В декабре 1925 г. было подписано англо-итальянское соглашение о сферах влияния в Эфиопии. Оно было оформлено в виде письма английского посла в Италии Грэхема Муссолини

(от 14 декабря) и ответного письма Муссолини Грэхему (от 20 декабря).

Соглашение предусматривало следующее:

1) итальянское правительство окажет английскому правительству всевозможную помощь и поддержку в получении от правительства Эфиопии концессии на строительство плотины на оз. Тана, а также права на строительство и содержание автомобильной дороги, которая бы связывала территорию Судана с плотинной;

2) английское правительство, в свою очередь, поддержит итальянские демарши, направленные на получение концессии на строительство и эксплуатацию железной дороги, которая свяжет Эритрею и Итальянское Сомали;

3) обе договаривавшиеся стороны соглашались направить идентичные инструкции своим представителям в Эфиопии с тем, чтобы они предприняли совместные акции для получения от правительства Эфиопии соответствующих концессий;

4) если одна из сторон добьется раньше согласия на свою концессию, то она сделает все возможное, чтобы и другая сторона получила концессию, а практическое осуществление той и другой было бы одновременным;

5) если Англия добьется концессии на оз. Тана, то она признает исключительное экономическое влияние Италии в Западной Эфиопии и на всей территории, по которой пройдет построенная Италией железная дорога, а также поддержит все итальянские акции, направленные на получение экономических концессий в указанной зоне;

6) Италия брала обязательство не производить в истоках Белого и Голубого Нила, а также на их притоках никаких работ, которые могли бы существенно изменить сток их вод в основную реку (что не исключало строительства небольших объектов местного значения) [264, с. 444—450].

Давая оценку англо-итальянскому соглашению 1925 г., следует прежде всего указать на его типично империалистический, колониалистский характер. Две империалистические державы за спиной независимого африканского государства договорились не только об объединении усилий для получения выгодных им концессий на территории этого суверенного государства, но также и о совместном давлении на его правительство. И хотя фашистское правительство Италии и консервативное правительство Англии принялись уверять руководителей Эфиопии в чисто экономическом содержании соглашения, в дружеском характере своих чувств и намерений, истинный смысл соглашения был абсолютно ясен.

В данном контексте для нас особенно важно подчеркнуть тот объективный политический смысл, который имело соглашение Муссолини — Грэхема для внешнеполитической деятельности фашистского правительства. Политическое значение его вы-

ходило далеко за пределы тех положений, которые были зафиксированы в статьях соглашения. Будучи важным этапом в восстановлении и развитии англо-итальянского сообщничества на империалистической основе, это соглашение, закрепившее беседу Муссолини с Чемберленом в Рапалло в декабре 1925 г., фактически санкционировало возобновление политической и экономической активности Италии в Эфиопии. Фашистская Италия, по существу, получала согласие крупнейшей колониальной державы мира, самым внимательным образом следившей за проблемами данного региона, на усиление не только экономического проникновения в Эфиопию, но также и политического влияния в этой стране.

Не разделяя мнения тех авторов, которые рассматривают соглашение Муссолини — Грэхема как санкционирование любых действий Италии против Эфиопии, вплоть до территориальной экспансии и военной агрессии, как документ, развязавший руки Муссолини для прямой агрессии против Эфиопии в 1935 г. (см., например, [284, с. 293—294; 322, с. 78]), мы считаем вместе с тем необходимым указать на серьезное политическое значение этого соглашения, которое стимулировало активизацию итальянской политики по отношению к Эфиопии в последующее пятилетие.

3. РЕПРЕССИИ И ПРЯМОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОЛОНИЯХ

Как уже говорилось выше, колониальная политика фашистской Италии не была простым продолжением политики дофашистских правительств. Уже на первом этапе ей был присущ ряд специфических черт и особенностей, отражавших характер самого фашизма.

Прежде всего это проявилось в политике, которую фашизм проводил в колониях Италии, в первую очередь в Ливии и в Сомали.

В Ливии к моменту прихода фашистов к власти итальянская администрация контролировала лишь отдельные города на побережье. Правительство Муссолини не просто продолжило начатые предыдущим правительством операции в Триполитании. Оно резко активизировало военные действия в Триполитании, распространило их на Киренаику, развернув истребительную войну не только против повстанцев, но и против широких масс местного населения. Эта война продолжалась с небольшими перерывами в течение десяти лет и закончилась оккупацией фашистскими войсками всей территории Ливии.

В 1923—1925 гг. военные действия развертывались главным образом в Триполитании, основные военные районы которой фашистам удалось оккупировать. В меньших масштабах происходили операции в Киренаике, где были захвачены некоторые прибрежные пункты.

Фашистские войска, используемые в Ливии, были реорганизованы, сделались более мобильными. Широко применялись авиация, танки, артиллерия, автомобили. Основной формой операций итальянских войск стало наступление. Атаки направлялись, как правило, не против отдельных постов или временных стоянок отрядов повстанцев, а по их основным лагерным расположениям. Использовались части, состоявшие из на вербованных африканцев. (По утверждению министра колоний Федерцони, из 16 «цветных» батальонов, воевавших в Ливии на стороне итальянцев к началу 1928 г., 13 «эритрейских» батальонов на $\frac{9}{10}$ состояли из жителей Эфиопии, на вербованных итальянскими агентами [87, т. 6, с. 104].)

Фашистские войска действовали активно, жестоко, широко применяли репрессии против мирного населения, смертную казнь. Вместе с тем в арсенале средств, используемых войсками фашистской Италии (в то время их численность составляла примерно 30 тыс. человек [291, с. 178]), были и политические (подобные тем, которые применялись французским карателем Лиотэ в Марокко): переговоры с местными вождями, переманивание их обманом и угрозами на сторону колонизаторов, игра на антагонизме между племенами, натравливание племен друг на друга и т. д. Применялись и меры экономического порядка: на захваченных территориях итальянцы открывали рынки, рыли колодцы, оперативно строили дороги (нужные в первую очередь для их собственных войск); в то же время в отношении районов, принадлежавших повстанцам, применялись меры экономической блокады, тяжело отражавшиеся на положении населения.

После некоторого перерыва с конца 1927 г. итальянцы возобновили наступательные операции в южных районах Триполитании, с января 1928 г.— крупные действия в Киренаике, а с декабря 1929 г.— операции по оккупации Фецдана, входившего административно в состав Триполитании. Наиболее серьезное сопротивление они встретили в Киренаике, где мощное освободительное движение возглавлялось с самого начала братством сенуситов (подробно о национально-освободительной борьбе народов Триполитании и Киренаики в тот период см. [204, с. 151—170]). Вождем повстанческого движения здесь был Омар аль-Мухтар, которого даже «Иллюстрированная история», журнал с откровенно колониалистскими симпатиями, характеризовала как человека «энергичного и простого, хитрого и мужественного», «беспристрастного и непримиримого, гордого и бедного», обладавшего «находчивым и живым умом» [386, 1966, № 99, с. 69].

Общее руководство всеми операциями осуществлял назначенный в январе 1929 г. губернатором Триполитании и Киренаики маршал П. Бадольо. Непосредственно руководил подавлением освободительного движения в Киренаике назначенный в

марте 1930 г. вице-губернатором этой провинции генерал Р. Грациани, «отличившийся» до этого при покорении Триполитании и Феццана. Кредо карателей совершенно недвусмысленно изложил один из них, заявивший, обращаясь к восставшим: «Если вы вынудите меня начать войну, я поведу ее такими способами и средствами, которые вы надолго запомните. Ни одного восставшего я не оставляю в покое: ни его самого, ни его семью, ни его имущество, ни стада. Я уничтожу все: и людей и вещи. Это мое первое слово, но в то же время и последнее» [246, с. 505].

Способ действий фашистских карателей вполне соответствовал их изуверским словам. Приступая к активным операциям, они разоружили все местное население; провели чистку среди вождей: многие из них были обвинены в предательстве и истреблены; всякая связь населения с восставшими каралась по решению «летучего трибунала» самими суровыми мерами; были введены ограничения на передвижения племен и т. д. Летом 1930 г. было принято решение о проведении неслыханной по своей бесчеловечности операции, которую фашистская пропаганда лицемерно называла «библейским переселением» и которая на деле являлась актом геноцида в отношении местного населения. Примерно 80 тыс. человек были насильственно переселены в северные районы, отстоявшие на сотни километров от мест их прежнего жительства, от пастбищ, на которых пасся их скот. В ходе длительного, изнурительного переселения умирали люди, погибал скот. Людей разместили в гигантских концентрационных лагерях, в районах Сулука, Марса-эль-Бреги, Барки, Дерны, а также в зоне между Бенгази и Тукрой. Вслед за этим с апреля по сентябрь 1931 г. на ливийско-египетской границе на протяжении 270 км была возведена сплошная полоса заграждений из колючей проволоки, вдоль которой постоянно патрулировали самолеты и бронемшины. Цель этих акций состояла в том, чтобы полностью изолировать вооруженные повстанческие отряды от местного населения и от поддержки извне.

После нескольких сражений и жестоких карательных операций основные силы повстанцев были уничтожены (остатки их эмигрировали в Египет и Судан), а руководитель освободительного движения 69-летний Омар аль-Мухтар захвачен в сентябре 1931 г. и немедленно повешен. Таким образом, к 1932 г. Ливия была в основном покорена и «умиротворена». Численность арабского населения Киренаики сократилась только с 1928 по 1931 г. более чем на одну треть [115, с. 29].

Жестокие методы, с помощью которых итальянский фашизм покорял Ливию, в нашей литературе связывались исключительно с именем Грациани. Несомненно, в действиях Грациани звериная сущность итальянского фашизма нашла свое самое полное и одиозное проявление. Но, как неопровержимо свидетельствуют недавно опубликованные архивные документы, все

основные решения, касавшиеся действий в Триполитании и Киренаике, принимались совместно высшими итальянскими руководителями в Северной Африке во главе с Бадольо (а часто и по его инициативе) на основе указаний из Рима и санкционировались Римом.

Характерно, что предложение о массовой депортации местного населения в Киренаике было внесено Бадольо. 24 июня 1930 г. он писал Грациани: «Прежде всего необходимо создать значительный и явный территориальный вакуум между частями восставших и покорившимся населением. Я отдаю себе отчет в важности и серьезности этого мероприятия, которое будет означать уничтожение так называемого покорившегося населения. Но другого пути нет, и мы должны идти до конца, даже если бы погибло все население Киренаики» [115, с. 17].

Это предложение было немедленно одобрено Муссолини и Де Боно [115, с. 18].

Не оставляя места для неясностей по поводу роли различных фашистских инстанций в осуществлении репрессий в Триполитании и Киренаике, П. Бадольо писал в приказе от 7 января 1932 г.: «Заявляю, что восстание в Киренаике полностью и окончательно искоренено. Пусть наша благодарная мысль обратится к их превосходительствам главе правительства и министру колоний, которые определяли и всеми средствами поддерживали наши действия. Для выражения признательности всех итальянцев, живущих в Триполитании и Киренаике, называю имя генерала Родольфо Грациани, который, неуклонно, энергично и умно следуя моим директивам, сумел полностью справиться с порученной ему миссией» [115, с. 28].

Следовательно, политика террора и массового истребления арабского населения в Ливии была политикой не той или иной отдельной личности, а политикой всего итальянского фашизма, который в самой Италии отправил на каторгу, в тюрьмы, в концентрационные лагеря, обрек на смерть сотни тысяч демократов, революционеров, патриотов.

Не случайно в те же самые годы в другой итальянской колонии — Сомали — фашистские каратели применяли аналогичные жестокие методы, покоряя местное население. К моменту прихода фашистов к власти под эффективным контролем Италии находилось не более трети колонии, номинально считавшейся «итальянским» Сомали. В 1923—1924 гг. итальянские власти полностью отобрали оружие у местного населения в районах, которые они контролировали. Фактически вне итальянского влияния были северные султанаты Оббия, Ногаль, Миджуртини. В 1925—1926 гг. губернатор Сомали Де Векки по указанию из Рима осуществил кампанию по покорению этих султанатов. В Миджуртини итальянские войска встретили серьезное сопротивление, которое было сломлено в ходе военных действий и карательных операций. В 1927 г. итальянские войска зверски

подавили восстания местного населения в Серенли (Верхняя Джуба), Було-Бурти (Хиран) и Эль-Бур (Мудуг) [246, с. 586, 592—599].

Другой особенностью политики фашизма в колониях был решительный переход к методам прямого управления. В первой итальянской колонии — Эритрее — этот метод использовался фактически на протяжении всего колониального периода.

Иначе дело обстояло с Ливией.

Система управления, установленная здесь в период до первой мировой войны, передавая все реальные рычаги власти и управления в руки итальянской администрации, предполагала вместе с тем известную степень приобщения верхушки местного населения к управлению. В соответствии с королевским декретом от 15 января 1914 г. на оплачиваемые должности в местной администрации привлекались туземная знать, вожди племен и т. д. Территория каждой из двух создаваемых колоний — Триполитании и Киренаики — была разделена на районы во главе с комиссарами-итальянцами. Каждый район, в свою очередь, делился на административные округа во главе с окружным делегатом, который назначался, как правило, из числа вождей и представителей туземной знати.

И хотя, по словам автора одного из серьезных исследований о колониальном законодательстве Италии, «автономия местной администрации была больше видимой, чем реальной» [294, с. 634], все-таки факт соучастия представителей туземной верхушки в управлении был налицо уже в довоенный период. В годы первой мировой войны итальянцы вынуждены были пойти на дальнейшее приобщение туземных элементов к администрации, рассчитывая таким путем сохранить свое влияние в колонии. В частности, были созданы два консультативных комитета в Триполитании и Киренаике, а также центральный консультативный комитет при министерстве колоний. В состав этих комитетов входили представители верхушки местного населения. Под угрозой полной потери колонии итальянцы вынуждены были признать правительство созданной в Триполитании республики, а главу сенуситского братства Идриса фактическим правителем Киренаики.

В июне 1919 г. итальянские правящие круги утвердили конституционный Статут для Триполитании, который предоставлял ей права внутренней автономии. В октябре 1919 г. его условия были распространены на Киренаику. По условиям Статута в каждой из колоний создавался местный представительный парламент, состоявший из выбираемых и назначаемых на четыре года членов; вместо подданства для части местного населения вводилось «итальянское гражданство Триполитании» и «итальянское гражданство Киренаики». Хотя оно и отличалось от гражданства метрополии, все же для части населения (лояльной к колонизаторам) были провозглашены активное и пассив-

ное избирательное право, гарантия личной свободы, неприкосновенность собственности и жилища, свобода печати и собраний и другие права и свободы [114, с. 106—111].

Провозглашение конституционного Статута было, без сомнения, вынужденным для итальянских правящих кругов актом. Фактически степень независимости колонии в момент провозглашения Статута была гораздо большей, чем это им предусматривалось. Хотя Статут никогда не был до конца проведен в жизнь, необходимо подчеркнуть, что осуществление мер, предусмотренных им, означало бы введение системы косвенного управления.

Фашизм выступил против Статута 1919 г. как «противоречащего реальному уровню политической культуры населения», как «опасного и несерьезного пережитка африканского парламентаризма» [291, с. 181]. На практике положения Статута попросту игнорировались фашизмом. А в 1926 г. был подготовлен проект нового закона об административно-юридическом статусе колонии, вдохновлявшегося, по словам одного из фашистских изданий, «духом прямого и ответственного правительственного действия, которое движет и характеризует всю деятельность фашистского правительства» (цит. по [291, с. 181]).

«Органический закон» от 26 июня 1926 г. о политико-административно-судебном устройстве Триполитании и Киренаики юридически узаконил уже осуществлявшийся фашизмом на практике переход к системе прямого управления.

Ликвидировались парламенты и всякие конституционно-представительные учреждения в Триполитании и Киренаике. Резко ограничивалось участие представителей туземного населения в разного рода административных органах. Упразднялись выборные советы, занимавшиеся в соответствии со Статутом 1919 г. местными вопросами, для крупных городских центров предусматривалось создание муниципальной администрации во главе с назначаемым старшиной (подестá) и консультативным совещанием, назначаемым губернатором. Резко сужались гражданские и политические права, введенные законом 1919 г. Фактически осуществление правосудия, за исключением узкого круга вопросов традиционной компетенции мусульманских судов, передавалось органам итальянского правосудия [294, с. 644—645].

С января 1929 г. с целью еще большей централизации власти в колонии стал назначаться один губернатор для Триполитании и Киренаики.

Система прямого управления укреплялась и дополнялась ярко выраженной ассимиляторской политикой, которая была узаконена после создания в соответствии с декретом от 3 декабря 1934 г. единой колонии Ливии, включившей обе прежние колонии. Средиземноморская часть единой колонии была разделена на четыре провинции (Триполи, Мисурата, Бенгази и Дерна), которые законом от 2 июня 1939 г. были провозглашены про-

винциями Итальянского королевства. Однако этот акт не изменил колониального положения указанных территорий, не увеличил прав и свобод местного населения, которое колонизаторы пытались заставить забыть национальную культуру, обычаи, традиции. Территория к югу от названных провинций — Южная военная территория (с 1939 г. — Ливийская Сахара) — продолжала и официально пребывать на положении колонии (во главе с комендантом).

Органы административного управления Ливии выглядели следующим образом: центральное правительство Ливии — правительство метрополии; местное правительство Ливии — в составе генерал-губернатора, генерального секретаря, командующего войсками, руководителей правительственных управлений. При правительстве колонии — два консультативных органа: генеральное правительственное совещание и правительственный совет, состоявший исключительно из высших чиновников итальянской администрации. В каждой провинции был создан провинциальный административный совет во главе с префектом (а с 1939 г. — с генеральным комиссаром); во главе административных округов, на которые делились провинции, и резидентств (еще более мелких административных единиц) стояли соответственно окружные комиссары и резиденты. Все основные посты аппарата управления находились в руках итальянцев. Дело доходило до того, что даже вожди племен назначались генерал-губернатором [294, с. 676, 679—680, 689—690].

Сути установленной итальянцами системы прямого управления отнюдь не менял тот факт, что с середины 30-х годов колониальная администрация стала уделять внимание крупным местным феодалам, племенной знати, привлекая их к участию в работе разного рода административных органов. В числе таких мер: награждение в 1935 г. итальянским орденом представителей знатного рода Караманлы; включение в состав муниципалитетов представителей арабской знати; возвращение в 1936 г. почти 200 арабским феодалам ранее конфискованных у них земель; разрешение местному населению Ливии пользоваться сельскохозяйственным кредитом и др. [155, с. 36—37]. Никаких реальных административных функций все представители местной знати выполнять не могли, а льготы, которые они получали, предоставлялись им как лицам, обладавшим либо «итальянским гражданством», либо «итальянским гражданством с личным и наследственным итальянским статусом». Это и было составным элементом политики ассимиляции, дополнявшей систему прямого управления.

Усиление элементов прямого управления имело место и в Сомали после установления фашистской диктатуры в Италии. Декретом от 11 сентября 1926 г. все Итальянское Сомали было разделено на семь административных округов, во главе каждого из которых был поставлен комиссар-итальянец. Границы окру-

гов не совпадали с границами расселения отдельных племен. Функции племенной знати были сугубо подчиненными по отношению к итальянской администрации. Какой-либо самостоятельной роли в системе администрации колонии она не играла.

Фашизм предпринял попытку на определенном этапе сделать Ливию поселенческой сельскохозяйственной колонией, экономически подчиненной метрополии. При этом фашистское правительство преследовало двойную цель. С одной стороны, с помощью итальянских поселенцев-земледельцев сделать более прочным итальянское господство в североафриканской колонии. С другой — использовать ее в качестве своего рода отдушины для «избыточных» рук, которые постоянно имелись в Италии, особенно в годы экономического кризиса.

Попытки привлечь итальянских поселенцев, которые бы занимались сельским хозяйством, как было показано выше, предпринимались и раньше, в Эритрее. Однако успеха эти попытки не имели. Количество семей итальянских поселенцев в Эритрее, занятых сельским хозяйством, исчислялось к началу первой мировой войны всего лишь несколькими десятками. Общее число итальянцев, живших в Эритрее в 1934 г., составляло 4500 [291, с. 190]. Большинство из них — чиновники колониальной администрации и служащие разного рода учреждений. Численность итальянских хозяйств в деревне, включая и мелкие, семейные хозяйства, составляла в 1939 г. лишь 150. Им принадлежали наиболее плодородные земли, площадь которых достигала 23 570 га [305, с. 30]. Основная часть земли принадлежала крупным хозяйствам, широко использовавшим местную рабочую силу, функционировавшим как капиталистические плантационные хозяйства. В их числе были такие крупные компании, как Пальмовый консорциум, Итальянское сельскохозяйственное общество и др.

В фашистский период Эритрея развивалась не как поселенческая колония, а главным образом как колония с политико-стратегическими функциями. Эритрея рассматривалась итальянскими правящими кругами при фашизме как плацдарм для экспансии в Эфиопию и в страны Аравийского полуострова. Экономический же аспект деятельности колонии был обусловлен прежде всего развитием торговли с Эфиопией и деятельностью указанных крупных итальянских сельскохозяйственных предприятий.

В сомалийской колонии с самого начала итальянская земельная собственность также приобрела характер крупной собственности. Наиболее плодородные земли вдоль Веби-Шебели и Джубы были экспропрированы, объявлены государственными и переданы итальянским компаниям, которые действовали как крупные капиталистические предприятия. В их числе были такие компании, как САИС («Сочьета Агрикола Итало-Сомала»), принадлежавшая члену королевского дома герцогу Аbruццскому и владевшая примерно 25 тыс. га плодородных зе-

мель, из которых лишь пятая часть обрабатывалась; «Соцета Романа ди колонизацоне», во владениях которой обрабатывалось в долине Джубы 5 тыс. га земли (см. [221, с. 31]).

В 1930 г. в Сомали существовало всего лишь 112 итальянских аграрных хозяйств, которым принадлежало 62 758 га земли, а перед началом второй мировой войны количество хозяйств составило 213, им принадлежало 64 936 га, из которых обрабатывалось 33 604 га [354, 1947, № 2, с. 30]. Из приведенных цифр видно, что на 100 вновь созданных хозяйств пришлось немногим более 2 тыс. га земли, т. е. они были небольшими. В 1934 г. в Сомали проживало 1600 итальянцев [291, с. 193]. Численность итальянцев по отношению к численности местного населения составляла в начале 30-х годов в Эритрее 0,76%, в Сомали 0,16%.

Итальянским правящим кругам не удалось создать скольконибудь значительного слоя сельских поселенцев в Эритрее и Сомали по двум, на наш взгляд, причинам. Во-первых, природные, в первую очередь климатические, условия и той и другой колонии сильно отличались от привычных для итальянского земледельца условий Италии. Приспособиться к ним очень многие итальянцы не могли. Во-вторых, переезд в колонию, устройство там и особенно налаживание хозяйства требовали немалых средств. Между тем итальянское государство не оказывало достаточной финансовой помощи переселенцам.

В Ливии по мере оккупации территории страны колониальная администрация активно создавала фонд государственных земель. На основе серии правительственных декретов были провозглашены государственными наиболее плодородные земли, которые объявлялись либо необработанными и заброшенными, либо принадлежавшими мятежникам, либо недостаточно обрабатываемыми [155, с. 22—23]. За период с 1922 по 1931 г. было объявлено государственными (т. е. в большинстве своем конфисковано у местного населения) 190 726 га против 9313 га за период с 1912 по 1922 г. Из них с 1922 по 1931 г. 118 468 га (против 3612 га за предыдущий период) было передано итальянским концессионерам [288, с. 47].

Эти, как правило, большие по размеру концессии принадлежали богатым итальянским предпринимателям и землевладельцам, китам фашистского режима, крупным деятелям колониальной администрации, генералам, в том числе Дж. Вольпи, Р. Грациани, брату Муссолини Арнальдо и др. Это было не случайно. Правительственный декрет 1923 г., на основе которого распределялись земли, исходил, по словам итальянского исследователя Мондаини, «из критерия крупной и средней колонизации в гораздо большей мере, чем мелкой» [294, с. 734]. В самом деле, в этот период (примерно до конца 20-х годов) концессии предоставлялись как на условиях аренды с ежегодно вносимой арендной платой и с правом последующего приобретения земли пу-

тем выкупа, так и на условиях приобретения земли с самого начала. Состоятельные концессионеры предпочитали, конечно, покупать землю [155, с. 25]. Все операции по распределению земель осуществлялись созданным еще в конце декабря 1919 г. Бюро по колонизации.

В 1927—1928 гг. заинтересованное в притоке итальянских поселенцев в Ливию фашистское государство приняло ряд мер для стимулирования переселения в колонию крестьян-земледельцев. В 1927 г. был опубликован декрет, устанавливавший денежное поощрение для семейных поселений итальянцев. Размеры его варьировались в зависимости от количества сельскохозяйственного инвентаря, ввезенного поселенцем скота, стоимости сельскохозяйственных и гидротехнических сооружений, количества обработанной земли и т. д. Особенно важное значение для стимулирования притока поселенцев придавалось декрету от 7 июня 1928 г. о сельскохозяйственных, пастбищных и промышленных концессиях в Триполитании и Киренаике и декрету от 29 июля 1928 г. о «выделении государственных средств в пользу демографической колонизации Ливии».

В соответствии с этими декретами земельные участки из государственного земельного фонда могли предоставляться крестьянам метрополии, итальянским компаниям и предприятиям, обладавшим необходимыми техническими и финансовыми возможностями. Однако предпочтение рекомендовалось отдавать крестьянам-землевладельцам и тем лицам, которые собирались стать собственниками мелких земельных участков. Правительству колонии поручалось составить общий план колонизации [294, с. 735—738]. Государство принимало на себя в среднем от 15 до 50% расходов по устройству поселенца [291, с. 185].

Для более активного осуществления колонизации на началах «мелкой трудовой собственности» в 1932 г. была создана Компания по колонизации Киренаики. В 1934 г. сфера ее деятельности была распространена и на Триполитанию. А с 1935 г. она стала называться «Компания колонизации Ливии». Специальным декретом в 1935 г. ей были выделены на 5-летний срок средства для финансирования колонизации Ливии. Компания получала право ежегодно расходовать 5 млн. лир [294, с. 740]. Кроме этой компании колонизацией земель занимались так называемый Национальный институт социального попечительства и Итальянская табачная монополия.

Под заселение выделялись лучшие земли Джебеля, которые, по словам Грациани, «являясь станovým хребтом сельскохозяйственной экономики колонии, должны оставаться свободными от местного населения и предназначаться для итальянской колонизации» [115, с. 36]. В 1933—1934 гг. были переселены 300 семей, в 1937 г.— 442 семьи. В 1938 г. была начата крупная операция по переселению около 1800 семей (всего около 20 тыс. человек) [288, с. 48—49; 294, с. 741].

В результате численность итальянского населения в Ливии росла, хотя и не такими темпами, как этого хотелось лидерам фашистского режима. В 1934 г. она составляла около 70 тыс. человек, в 1936 г.— 115 тыс., а максимальный уровень в период второй мировой войны — 120—125 тыс. [291, с. 186, 250; 354, 1947, № 8—9, с. 154]. Фашисты рассматривали итальянцев, поселившихся в Ливии (это были главным образом служащие и крестьяне) как главную социальную опору своего господства в стране.

В экономическом отношении основной силой итальянского господства в сельском хозяйстве Ливии были крупные помещичьи и капиталистические хозяйства. К созданным в 20-х годах прибавились хозяйства, возникшие в 30-х годах. Достаточно сказать, что Компании по колонизации Ливии принадлежало 15 хозяйств общей площадью 60 581 га [354, 1947, № 3, с. 55]. Именно такие крупные хозяйства и оказывались действительно жизнеспособными, тогда как мелкие крестьянские хозяйства нередко разорялись. В связи с этим весьма характерно сопоставление приводившихся выше цифр о количестве семей итальянских переселенцев, отправлявшихся в Ливию, с итоговым числом итальянских хозяйств в ливийской деревне (данные на начало 40-х годов). В Ливии было в это время всего 840 итальянских самостоятельных сельских хозяйств разного размера, которым было сдано в концессию 291 828 га земли, из них освоено 171 783 га [354, 1947, № 3, с. 55]. Почти половину из них составляли хозяйства размером менее 20 га каждое [114, с. 102]. Таким образом, фашизму не удалось создать многочисленного слоя сельских хозяев и в Ливии, хотя общее количество итальянских поселенцев в этой колонии значительно превышало их число в других колониях.

Следует подчеркнуть, что итальянская колонизация Ливии сопровождалась ухудшением экономического положения основной массы местного населения. Оно страдало от малоземелья, значительная часть его была вынуждена батрачить на землях итальянских колонистов. Итальянская колониальная администрация приняла меры по ограничению той отрасли хозяйства, которой традиционно занималось местное население,— кочевого скотоводства. Одновременно было принято решение о предоставлении пастбищных концессий итальянцам.

Итальянцы создали ряд предприятий обрабатывающей промышленности (главным образом по переработке сельскохозяйственного сырья, продуктов животноводства, рыбы), продукция которых потреблялась жившими в Ливии итальянцами и отправлялась в метрополию. Это отражалось прежде всего на направлении внешней торговли колонии. Около 90% экспорта и импорта Ливии приходилось на Италию. Фактически Ливия была превращена в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

4. «АГРЕССИВНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ» ФАШИЗМА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Еще одной существенной чертой политики фашистского режима на первом этапе являлось резкое усиление активности в арабских странах бассейна Средиземного и Красного морей. При этом необходимо подчеркнуть, что в каждом данном регионе арабского мира и в каждой данной стране политика фашистов имела в виду совершенно определенные, специфические цели. Борясь за достижение этих целей, фашизм проявлял большую напористость, изобретательность, использовал широкий арсенал средств: экономических, политических, культурных и т. д. В своей политике фашисты опирались на антиколониальные настроения в арабских странах, открыто поддерживали и подогревали эти настроения, когда они были направлены против Франции. Когда же речь шла об антианглийских настроениях, итальянские фашисты действовали осторожнее, проявляя известную гибкость, хитрость, а порою и сдержанность в проталкивании своих интересов.

Рассмотрим на конкретных примерах отмеченные черты фашистской политики на Арабском Востоке. Общая цель всей деятельности итальянского фашизма состояла в утверждении итальянского влияния. Но это была, так сказать, стратегическая цель, которая на каждом данном этапе, по отношению к данной стране, с учетом конкретной обстановки выражалась в определенной тактической цели, достижению которой подчинялись используемые средства.

В Магрибе взоры фашистской Италии были обращены на три пункта: Танжер, Тунис и в меньшей мере — Марокко.

По отношению к Танжеру, стратегическое значение которого исключительно велико, фашистская внешняя политика преследовала цель добиться признания за Италией права на равное с другими державами участие в решении вопросов, связанных с городом, и в управлении им.

Уже летом 1923 г. во время совещаний представителей Франции, Англии и Испании, на которых обсуждался вопрос о статуте Танжера, фашистские руководители усмотрели ущемление своих интересов. Они энергично протестовали против этого, а в подкрепление своих протестов направили в распоряжение итальянского дипломатического представителя в Танжере отряд карабинеров. Основание: судьба лучшего средиземноморского порта не может решаться без участия Италии, писал фашистский официоз «Пополо д'Италия» [291, с. 148]. Когда 18 декабря 1923 г. тремя державами была подписана конвенция о статуте Танжера, итальянское правительство открыто выступило против нее. В июле 1926 г. правительство Италии отклонило предложение Англии признать статут Танжера, пред-

почитая сохранять свободу действий [242, с. 214]. В 1928 г. Муссолини направил в Танжер три военных корабля, дабы напомнить о «правах» Италии. Летом 1928 г. состоялась новая конференция по вопросу о Танжере, в которой участвовала и Италия. В результате она была признана равноправной участницей конвенций, представлена в администрации, в международном суде, в военной полиции Танжера.

Общей задачей своей политики по отношению к Тунису фашисты считали укрепление позиций в стране при опоре на 90-тысячное итальянское население Туниса, а также на некоторых тунисских националистов, ослабление французского влияния, а в перспективе и подрыв всей системы французского господства в этой стране. Цель своей политики в Тунисе на протяжении 20-х годов фашизм видел в подогревании национализма у проживавших в Тунисе итальянцев. Для этого использовался вопрос об их правах и свободах. Непосредственным требованием, осуществлению которого фашистское правительство добивалось от правительства Франции, было признание в полном объеме положений конвенций 18 сентября 1896 г., которые предусматривали право итальянцев сохранять свое гражданство, передавать его своим детям, родившимся в Тунисе, освобождаться от несения военной службы во французской армии, иметь собственные национальные учреждения и институты: школы, торговые палаты, органы печати, клубы. В 1918 г. французское правительство, провозгласив, что статут 1896 г. учреждает «итальянское государство» внутри Туниса, объявило об его отмене.

Итальянские фашисты развернули активную деятельность как внутри Туниса, так и вне его: использовался каждый удобный случай и предлог для давления на французское правительство.

Среди итальянцев в Тунисе была резко активизирована пропагандистская и политическая деятельность. Там была создана организация фашистской партии. Фашистам удалось захватить руководящие посты в различных организациях: Ассоциации бывших военнослужащих (в 1923 г.), Благотворительном обществе (в 1924 г.), Обществе Данте Алигьери (в 1925 г.), Торговой палате (в 1926 г.). В 1925—1926 гг. под контроль фашистов перешли школы, больницы, разного рода кружки. Итальянская пресса в Тунисе, привлеченная на сторону фашизма, активно включилась в кампанию прославления итальянского духа. Каждое событие использовалось для разжигания национализма: годовщина прихода фашистов к власти в Италии, годовщина подписания Италией перемирия в первой мировой войне, приезд высокопоставленных фашистских деятелей (Вольпи в 1924 г., Бальбо в 1926 г.) и т. д. Аналогичная шумная кампания развертывалась и в прессе метрополии.

Уже упоминавшийся визит Муссолини в Триполитанию в апреле 1926 г. подлил масла в огонь страстей, горевших вокруг

Туниса. Приветствуя делегацию итальянцев из Туниса, дуче заявил их, что «итальянский народ не забудет о братьях, живущих в Тунисе», и приложился губами к итальянскому флагу, доставленному из этой страны [171, с. 98].

Фашистская пропаганда пыталась всеми возможными средствами воздействовать на тунисских националистических деятелей. Один из фашистских публицистов, указав на то, что Тунису предопределено обрести независимость, писал: «Италия знает, что именно ей в этот день предназначено судьбой заменить Францию; именно Италия будет призвана самими тунисцами, чтобы дать им богатство и благополучие». Обращаясь к тунисцам, он провозглашал: «Мы с вами создадим новую, свободную Африку, независимую и богатую... Знамя бея будет свободным, а его земля независимой. Италия гарантирует эту свободу и независимость перед лицом всего мира» (цит. по [291, с. 153]).

Французское правительство, с одной стороны, пыталось ослабить итальянский нажим путем переговоров с фашистским правительством, а с другой — усиливало антиитальянские меры в самом Тунисе (законом от 20 декабря 1925 г. предусматривалась систематическая натурализация иностранцев, в частности натурализация в течение 12 лет 12 тыс. итальянцев; принимались энергичные меры по переселению французов в Тунис с тем, чтобы их численность превысила численность итальянцев в этой стране и т. д.).

Итальянское правительство, в свою очередь, не упускало случая, чтобы поднять вопрос об итальянцах в Тунисе перед правительством Франции. Летом 1923 г. Муссолини поручил послу в Париже Авецанне выразить «печальное изумление» в связи с законом о гражданстве, принятым французским парламентом, поскольку-де он мог затронуть права итальянцев в Тунисе [87, т. 2, с. 85]. Этот вопрос был предметом франко-итальянских дипломатических переговоров в 1925—1926 гг. Очень настойчиво вопрос об итальянцах в Тунисе Муссолини поставил перед французским правительством в апреле 1928 г. Подчеркнув, что все французские проекты так или иначе сводятся к лишению итальянцев их гражданства и игнорированию их национальных особенностей, Муссолини настаивал на возобновлении на пятилетний срок с последующим продлением соглашений 1896 г. Однако французы отклонили это предложение [87, т. 6, с. 278, 213—214, 238—239]. Подобная позиция французского правительства послужила основанием для антифранцузской кампании итальянской прессы. Газеты писали о «Тунисе как итальянской колонии, управляемой Францией». Они требовали не просто возобновления соглашений 1896 г., а более широких привилегий для итальянцев в Тунисе, в частности участия их в политической жизни колонии. В 1929 г. у французских общественных зданий в Тунисе стали устраиваться взрывы. Атмосфера накалялась. Вплоть до середины 30-х годов фашизм ис-

пользовал вопрос о положении итальянцев в Тунисе для разжигания национализма как в собственной стране, так и среди итальянцев за ее пределами.

В Марокко фашистская политика не преследовала каких-то четко определенных целей. Речь шла, по удачному выражению французского историка Мьежа, об «агрессивной бдительности» [291, с. 150]. Аось да удастся что-нибудь урвать. Когда в августе 1931 г. в Мадриде начали ставить вопрос о возможном оставлении северной, «испанской» зоны Марокко, «Пополо д'Италия» немедленно объявила, что Италия противопоставит Франции «свои права, освященные историей и ее (Италии.— В. Т.) демографическим положением» [377, 23.VIII.1931]. Проводя антифранцузскую деятельность, фашизм активно использовал итальянскую колонию в Марокко, насчитывавшую 10 500 человек, из которых 7 тыс. проживали в Касабланке. Как и в Тунисе, основная работа проводилась через разного рода общества и организации. Танжерский успех убедил Муссолини в необходимости действовать решительно и напористо, чтобы добиваться успехов. Деятельность фашизма против Франции, против ее позиций и интересов, проходила то при поддержке, то при попустительстве Великобритании.

Яркую характеристику методам итальянской деятельности в чужих колониях дал французский посол в Риме Бомарше. В августе 1932 г. он писал: «Создание школ, „домов Италии“ и различных итальянских учреждений; посылка молодых и активных консулов, пропитанных фашистским духом; визиты военных кораблей — все это проявления одной и той же заботы, которая, кажется, господствует сегодня во всех сферах итальянской деятельности: иметь сильные армию, флот, авиацию, готовые к действию, а также использовать любую силу, которая может в определенный момент — в условиях мира или войны — послужить планам итальянской политики» (цит. по [291, с. 353]).

Если, добиваясь достижения своих целей в африканских странах западной части Средиземного моря, фашизм активно использовал политическое давление, нажим на страны-метрополи, а также итальянских колонистов в этих странах, то в странах Восточного Средиземноморья (как, впрочем, и в странах Среднего Востока в целом) основной упор делался на другие формы и методы активности, которые должны были способствовать утверждению итальянского влияния.

Прежде всего активно развивались экономические связи. Фашистская Италия прочно вышла на те самые морские пути, на которых когда-то господствовали морские республики Венеция и Генуя. 15 регулярных линий связывали Италию с Египтом, Сирией, Ливаном, Палестиной. Основными компаниями, действовавшими на этих линиях, были «Ллойд Триестино» и «Сервици маритими». С 1928 г. итальянский флот по тоннажу перевозок превысил в водах Турции английский флот, а в водах

французского мандата Сирии и Ливана конкурировал на равных с французским флотом [357, 1928, № 10, с. 320]. На основе соответствующих договоров расширялась торговля Италии со странами Ближнего и Среднего Востока. Итальянские банки открывали свои филиалы и отделения.

Огромное внимание уделялось развертыванию идеологической и культурной деятельности. В первую очередь упор делался на то, что Италия — «тоже мусульманская страна»: ведь в ее состав входят мусульманские территории Ливия, Эритрея и Сомали. Идея итало-исламской общности широко пропагандировалась не только после принятия либерального Статута 1919 г., но и в период военных действий в Ливии. Выступая в июне 1928 г. в сенате, Муссолини говорил об Италии как о «друге исламского мира, сознающем свою роль также великой мусульманской державы» [106, т. 23, с. 162]. Основной пункт итало-исламской общности, по утверждению фашистской пропаганды, — наличие общих интересов перед лицом экономического империализма великих колониальных держав. Активно распространялись журналы на арабском и итальянском языках, издаваемые в большинстве своем в Риме и Триполи. Резко активизировалась деятельность Общества Данте Алигьери: было создано много новых отделений в различных странах. В Сирии и Ливане, где раньше имелось очень незначительное количество итальянских культурных учреждений, они были созданы в Алеппо, Дамаске, Триполи, Бейруте и других центрах. Организуя университет на Родосе, фашистское правительство видело в нем источник своего влияния на интеллигенцию стран Ближнего и Среднего Востока.

Фашистская Италия претендовала на роль покровительницы католицизма в странах Востока. В то же время для утверждения своего влияния в странах Ближнего Востока фашисты использовали сионизм (см. [242, с. 210—212]).

Весьма высокой была и политическая активность фашистской Италии. Прежде всего развивались отношения с независимыми странами: Турцией, Ираном, Афганистаном, Йеменом. В этих странах, так же как в колониальных и зависимых, итальянский фашизм поддерживал националистические тенденции в идеологии и в политике местных правящих кругов в той мере, в какой они были направлены против старых колониальных держав и не мешали утверждению итальянского влияния. Итальянцы проявляли немалую активность в Ираке и добились там определенного влияния. Итальянское правительство активно поддерживало вступление Ирака в Лигу наций. Представитель Италии в комиссии Лиги наций по мандатам неоднократно выступал в «поддержку арабов». За всей этой политикой стояло одно единственное стремление: утвердить влияние итальянского фашизма как исходный пункт для проникновения итальянского капитала.

Если в Западном Средиземноморье итальянская колониальная политика приходила в прямое столкновение с интересами Франции, то в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока она соприкасалась с интересами Великобритании. Здесь проблема была гораздо сложнее, ибо на том этапе, утверждая итальянские колониальные интересы, фашисты стремились делать это не в борьбе с английскими правящими кругами, а в сотрудничестве с ними. Когда же это оказывалось невозможным, фашизм проявлял определенную самостоятельность, порою решительность, стараясь в то же время не доводить до обострения свои отношения с Англией. Ярким примером такого рода являлась итальянская политика по отношению к Йемену. Одновременно это ярчайший пример прагматизма, корысти, беспринципности и лицемерия фашистской внешней политики.

Итальянский империализм, опираясь на свои позиции в Эритрее, давно хотел утвердить свое влияние на Аравийском полуострове. Фашизм воспользовался той сложной обстановкой, в которой оказался Йемен к середине 20-х годов в результате агрессивной политики Англии, стремившейся поставить страну в фактическую зависимость от себя. Фашисты опирались также на откровенно антианглийские настроения руководителей Йемена. В этих условиях 2 сентября 1926 г. в г. Сана был подписан итало-йеменский договор о дружбе и торговле [79, т. 124, с. 1010—1013]. По условиям этого договора Италия признала независимость Йемена и приняла на себя обязательство не вмешиваться в его внутренние дела. Одновременно итальянское правительство согласилось поставлять в Йемен промышленное оборудование и товары, а также направлять технический персонал. Заключая этот договор, имам Йемена Яхья рассчитывал с помощью Италии прорвать экономическую и политическую блокаду, организованную Англией, и заручиться поддержкой Италии в борьбе против английской агрессивной политики.

Официально фашистские руководители много говорили об итало-йеменской и итало-арабской дружбе, проявлением которой провозглашался подписанный договор. А в служебном письме министра колоний Ланца ди Скалеа Муссолини договор характеризовался как «первое имперское слово колониальной политики» фашистской Италии. Министр подчеркивал, что договор открывал «новые горизонты нашей политической и экономической активности в арабском и мусульманском мире» [87, т. 4, с. 319].

Фашистское правительство пошло на заключение договора, так как считало, что Италии предоставляется уникальная возможность утвердить свои позиции, особенно экономические, в Йемене, а также использовать их для продвижения своего влияния на Аравийском полуострове в целом.

Заключение итало-йеменского договора (а за этим последовали некоторое расширение итало-йеменской торговли и постав-

ка нескольких партий оружия) вызвало недовольство в Лондоне. В конце сентября того же года состоялась встреча Муссолини и Чемберлена в Риме, на которой, судя по материалам итальянских дипломатических документов, Чемберлен с самого начала подчеркнул, что Англию чрезвычайно интересовало «все, что касается пути в Индию». Намекая на то, что Англии нежелательна слишком большая активность Италии на Аравийском полуострове, он призывал «избежать возможного конфликта между Англией и Италией, который может разразиться под вывеской Асира и Йемена» [87, т. 4, с. 345—346]. Муссолини заверил своего собеседника, что Италия будет уважать британские интересы в этом районе.

Итальянцам удалось добиться согласия на «сердечное и искреннее итало-британское сотрудничество в поддержании мира на Аравийском полуострове» (слова Чемберлена в передаче итальянского посла в Лондоне) [87, т. 5, с. 483—484], иначе говоря, получить согласие англичан на определенную степень своего участия в делах Аравии.

Упоминая о духе Римских переговоров, Муссолини писал позднее, что стороны условились действовать на Аравийском полуострове «по параллельным, а не по противодействующим линиям» [87, т. 5, с. 595].

На деле же английские правящие круги вовсе не собирались отказываться от намерения устранить итальянские позиции в этом районе. Об этом свидетельствовала вся их политика. Итальянский посол в Лондоне доносил осенью 1927 г., что борьбу за соперничество с Италией Великобритания будет продолжать и итальянцам следует быть готовыми вести ее долго и упорно [87, т. 5, с. 484]. А итальянский консул в Адене К. Медичи сообщал 25 сентября 1927 г. в донесении, направленном Муссолини, что англичане делают все возможное, чтобы установить в Аравии такой «порядок» и такую «обстановку», «которые могут обеспечить им абсолютное преобладание на всем полуострове, а также необходимые гарантии вдоль всего пути в империю» [87, т. 5, с. 421].

Не достигнув своих целей в Йемене, англичане усилили на него нажим, особенно после заключения итало-йеменского договора. В качестве инструмента своей политики английские правящие круги использовали расположенное к северу от Йемена государство Асир, эмиру которого они стали активно поставлять оружие и боеприпасы. Одна из ближайших целей британской политики в Аравии состояла, по словам К. Медичи, в устранении итальянского влияния в Йемене. В связи с этим итальянский консул призывал свое правительство к постоянной бдительности.

В борьбе против Йемена Англия использовала также многочисленные племена, жившие на юге Аравийского полуострова. Английское правительство постоянно оказывало давление

на правительство Италии, чтобы оно сдерживало имама Яхья в тех случаях, когда он пытался активно противодействовать агрессивной английской политике. Наконец, английское правительство не останавливалось перед угрозами по отношению к итальянскому правительству (даже если порою они были не столь явными). В сентябре 1927 г. заместитель министра иностранных дел Д. Гранди докладывал Муссолини об итогах своих бесед с Чемберленом в Экс-ле-Бене (Франция): «Чемберлен не скрыл от меня своей озабоченности по поводу положения в Аравии и выразил опасение, что Англия и Италия могут оказаться в определенный момент косвенно втянутыми, несмотря на взаимную добрую волю, в неприятную для них ситуацию» [87, т. 5, с. 420—425, 396].

Невзирая на это, в октябре 1927 г. Муссолини дал указание министру колоний Федерцони «подчинять каждый наш шаг по отношению к имаму основной задаче — не причинять ущерба нашим позициям в Йемене» [87, т. 5, с. 468]. В январе 1928 г. Муссолини требовал от министра колоний «укреплять наши привилегированные позиции в Йемене» [87, т. 6, с. 62]. (В этой связи мы не можем согласиться с утверждением Кароччи о том, что уже с августа — сентября 1927 г. под нажимом Чемберлена активная политика Италии в Йемене практически прекратилась [242, с. 223].)

Основными направлениями итальянской политики в этом районе в 1926—1928 гг. были следующие.

1. Воздействие на английские правящие круги с целью ослабления антиитальянского аспекта их политики на Аравийском полуострове, особенно в Йемене. Фашистская дипломатия постоянно призывала Лондон действовать в духе Римских переговоров 1926 г.

Одновременно итальянцы упорно подчеркивали общность англо-итальянских интересов на Аравийском полуострове. Муссолини требовал от посла в Лондоне убеждать английских руководителей в том, что «усиление нашей позиции в Йемене совершенно не противоречит интересам (Британской) империи». В конце 1927 г. Муссолини использовал новый аргумент для доказательства наличия у Англии и Италии общих интересов в Аравии в целом и в Йемене в частности. Учитывая патологический антисоветизм английских консерваторов, которые на протяжении всего 1927 года проводили ярую антисоветскую политику, а в мае этого года даже пошли на разрыв англо-советских дипломатических отношений, Муссолини выдвинул тезис о возможной угрозе советского проникновения в Йемен. Фашистский диктатор советовал своему послу в Лондоне доказывать английским руководителям, что, если бы не активность Италии в Йемене, туда, учитывая существовавшую на Аравийском полуострове напряженность, наверняка бы проникли большевики. Итальянская активность предотвратила-де такое раз-

витие событий, но они могут принять указанный оборот, как только итальянцы прекратят свою деятельность [87, т. 5, с. 597].

2. Иمامу Яхья фашистские руководители через своих представителей в Сане и в Эритрее рекомендовали проводить миролюбивую политику по отношению как к арабским государствам, расположенным на Аравийском полуострове, так и к английскому протекторату Аден [87, т. 5, с. 354, 453, 470]. Эти рекомендации можно было бы оценить как отвечающие национальным интересам Йемена, если бы он не был объектом постоянных агрессивных акций английских империалистов с территории Адена, а также провоцируемых англичанами враждебных действий феодальных правителей Асира. В тех условиях, когда основным источником напряженности в этом районе была провокационная политика Великобритании, итальянское «умиротворяющее» давление на имама Йемена было похоже на призыв к миролюбию, обращенный к человеку, подвергнутому нападению бандитов.

3. Итальянские руководители пытались оказывать определенное воздействие и на английские правящие круги, чтобы те принимали меры для ослабления антийеменской активности правителей Хиджаза, а также рекомендовали местным английским властям проводить более умеренную и осторожную политику по отношению к Йемену [87, т. 5, с. 354—356, 596]. Делалось это для того, чтобы сохранить свои интересы, а также в известной мере с той целью, чтобы не оказаться в нелепом положении перед йеменскими руководителями и не утратить влияния в стране. О каждом шаге итальянского правительства, предпринятом в интересах Йемена, немедленно сообщалось в Сану с соответствующими комментариями. Вот один из примеров. 6 октября 1927 г. Муссолини получил меморандум от английского поверенного в делах в Риме о якобы имевших место набегах йеменских отрядов на территорию протектората Аден и о намерении английского правительства осуществить бомбардировку Йемена. В тот же день дуче поручил министру колоний оказать воздействие на имама Яхья через губернатора Эритреи. Об этом было сразу же сообщено в Лондон вместе с просьбой не принимать слишком решительных мер по отношению к Йемену. 8 октября 1927 г. в Риме было получено сообщение о том, что, учитывая просьбу итальянского правительства, Англия предполагала приостановить репрессивные меры против Йемена. 10 октября Муссолини дал указание министру колоний раскрыть в полной мере перед имамом Яхья деятельность, проведенную «итальянским правительством в его интересах в Лондоне» [87, т. 5, с. 445, 447, 453].

4. Принимались меры для активизации усилий по осуществлению экономического проникновения в другие страны бассейна Красного моря. В январе—феврале 1928 г. Муссолини в письме министру колоний Федерцони, а Гуарилья, начальник управ-

ления стран Европы и Ближнего Востока, в письме губернатору Эритреи Гаспарини с большой остротой поставили эти вопросы.

Муссолини сообщал, что специальным решением в распоряжение губернатора Эритреи будет выделяться ежегодно для целей «расширения нашего экономического проникновения в страны бассейна Красного моря и в Африку» 1 млн. лир; что сумма впоследствии может быть увеличена. Фашистский диктатор предлагал всерьез изучить вопрос о наиболее рациональном использовании выделяемых средств. Сам он высказал мысль о создании специальной частной компании с государственным участием для организации экономической деятельности в бассейне Красного моря. Через эту компанию следовало бы, по мнению Муссолини, и осуществлять поставки оружия Йемену. Имам должен был бы обращаться с просьбой о подобных поставках не к правительству, а к компании, которая, в свою очередь, могла бы ставить удовлетворение таких просьб в зависимость от удовлетворения Йеменом ее просьб об экономических концессиях и льготах [87, т. 6, с. 62—63].

Гуарилья, в весьма резком тоне отчитав Гаспарини за отсутствие четко разработанной комплексной программы итальянского проникновения в близлежащие арабские страны, поучал: «В самом деле, пора иметь ясную экономическую линию в нашем проникновении на Аравийский полуостров» [87, т. 6, с. 79]. Гуарилья предложил два возможных, на его взгляд, пути повышения эффективности деятельности Италии в странах Аравийского полуострова. Первый — направить туда те компании, которые действовали, пусть даже в небольших масштабах, в Асмаре (банки, компания по эксплуатации соляных копей и т. д.). Второй, в пользу которого высказывался и сам Гуарилья, — создать специальную Торговую компанию Красного моря и поручить ей основную экономическую деятельность. Была высказана мысль о возможности создания при государственной поддержке Итальянского синдиката для Африки и значительного развития при содействии государства судоходства по Красному морю. Одновременно Гуарилья требовал от губернатора Эритреи конкретных предложений. Указанные идеи о развертывании экономической экспансии в страны бассейна Красного моря и Северо-Восточной Африки не были осуществлены в последующие годы главным образом из-за недостатка финансово-экономических средств, слабого участия частного капитала и малой оперативности итальянских властей в Эритрее, которая рассматривалась фашистским правительством как центр итальянской экспансии в этом регионе.

Летом 1928 г. произошло резкое обострение англо-йеменского конфликта в результате прямой военной агрессии Англии против Йемена. В дни, когда осложнение еще только назревало (появление английского корабля в Ходейде), Муссолини пору-

чил своему послу в Лондоне Борданаро рекомендовать английскому правительству избегать обострения. Тон, в котором было выдержано это письмо, был весьма резким [87, т. 6, с. 328—329].

Однако, как только фашистским руководителям стало ясно, что английские правящие круги намерены действовать энергично и решительно против независимого Йемена, основной их заботой стало убедить Уайтхолл в своей полной лояльности по отношению к англичанам. В письме Муссолини итальянскому послу в Лондоне рекомендовалось в качестве примера такой лояльности упомянуть об отказе имаму в просьбе о поставках в Йемен зенитных орудий [87, т. 6, с. 361—362].

В фашистских правящих кругах, видимо, не исключалась возможность участия итальянских военных кораблей и в боевых операциях против йеменцев. Во всяком случае, на это недвусмысленно указывала телеграмма Муссолини министру колоний Федерцони от 23 июля 1928 г., в которой говорилось, что, хотя правительство и не предусматривало военных действий, «они могли бы иметь место только в случае нападения местного населения и местного правительства на наших подданных» [87, т. 6, с. 371—372]. Так, итальянские фашисты, изображавшие из себя друзей и покровителей Йемена, почувствовав, что англичане могут встать на путь прямой военной оккупации этой арабской страны, были готовы быстро переориентироваться, чтобы сохранить, а может быть, и упрочить свои позиции в Йемене.

Как только выяснилось, что англичане не решились «пойти до конца», а приняли предложение имама прийти к соглашению, фашистское правительство вновь принялось уверять англичан, что у него нет других интересов, как действовать параллельно с Англией в поддержании спокойствия и равновесия на Аравийском полуострове. Одновременно из Рима последовали указания (август—октябрь 1928 г.) рекомендовать имаму не идти на обострение отношений с Англией, а сосредоточить внимание на политическом укреплении страны и ее экономическом развитии. Иمامу давалось обещание, что ему будет оказываться в этом помощь и будут осуществляться поставки оружия при двух обязательных условиях: 1) чтобы имам воздерживался от действий, которые могут вызвать серьезные военные акции со стороны англичан; 2) чтобы имам дал надежные заверения в том, что будет развивать экономическое сотрудничество с Италией, которое до той поры дало очень слабые результаты из-за недоверия и подозрительности имама [87, т. 6, с. 477—478; т. 7, с. 45—47].

В некоторых итальянских колониалистских кругах активно отстаивалась точка зрения, что Италия не заинтересована в урегулировании англо-йеменского конфликта, ибо только затягивание его даст возможность прочнее внедриться в Йемен.

В августе 1928 г. заместитель министра колоний Италии Болзон информировал Муссолини о своем письме руководителям Эритреи, в котором говорилось: «Совершенно не в наших интересах, чтобы англо-йеменские переговоры пришли к успешному завершению, особенно если они будут прямыми» [87, т. 6, с. 478]. Эту же точку зрения разделял и новый губернатор Эритреи Дзоли.

Однако руководители Йемена вовсе не собирались следовать чьим-либо указаниям, а также принимать диктуемые извне условия. Убедившись в своекорыстном империалистическом характере политики фашистской Италии, имам Йемена заключил договор с Советским Союзом, который способствовал прорыву экономической и политической блокады Йемена.

Следует отметить еще одну черту колониальной политики фашистской Италии в рассматриваемый период. Речь идет о несколько большей, чем прежде, самостоятельности в постановке колониальных вопросов и в борьбе за их решение. Конечно, эта самостоятельность была относительной, потому что итальянский империализм и при фашизме, добиваясь решения тех или иных колониальных проблем, выходивших за пределы его собственных двух колоний, как правило, обговаривал и утрясал их с другими колониальными державами. В связи с этим та чрезвычайно точная оценка зависимого характера колониальной политики Италии, которая была дана В. И. Лениным: «допустили к дележу добычи» [14, с. 15], — сохраняла свое общее значение и в этих новых условиях. Вместе с тем налицо были, несомненно, гораздо большая самостоятельность, напористость и изворотливость, чем у предыдущих итальянских правительств. Эти же черты проявились в связи с еще двумя проблемами: во-первых, с постановкой вопроса о мандатах, во-вторых, с деятельностью фашистского правительства по отношению к Эфиопии в 1926—1928 гг.

Вопрос о праве Италии на подмандатную территорию был всерьез поставлен итальянскими правящими кругами осенью 1925 г. Непосредственным стимулом для этого послужила активная постановка вопроса о колониях и мандатах Германией, в том числе на правительственном уровне.

В ноябре 1925 г. Муссолини направил послам в Лондоне и в Париже инструкцию по вопросу о мандатах. Смысл ее состоял в том, что итальянское правительство требовало признания за Италией — как ее неотъемлемого права — приоритета на получение мандата. В случае же, если это право не будет признано, итальянское правительство предупреждало, что оно может отказаться признавать те решения, которые не учитывают права и интересы Италии [87, т. 4, с. 135—136].

В период с 1925 по 1932 г. итальянские правящие круги, итальянская дипломатия неоднократно поднимали проблему подмандатных территорий. В разных политических ситуациях,

в разные годы, различными политическими деятелями назывались в качестве возможных мандатов различные территории: Сирия, Ирак, Танганьика, Камерун и т. д. В 1927 г. в Риме во дворце Киджи было созвано специальное совещание для рассмотрения вопроса о мандатах с участием видных политических деятелей, связанных с колониальной политикой. На заседании, где присутствовали Шалоя, Гранди, Теодоли, Дзоли, Туоцци и другие, назывались в качестве возможных объектов Танганьика и Сирия. Подтвердив в принципе необходимость настаивать на праве Италии иметь мандат, совещание решило рекомендовать министерству колоний немедленно начать углубленное изучение вопроса о том, какой именно территории следует Италии добиваться [87, т. 5, с. 273].

В 1930—1932 гг. основное внимание итальянской прессы было сосредоточено на том, чтобы, по утверждению Муссолини, «довести до сведения мирового общественного мнения, что Италия должна требовать теперь все то, в чем ей было отказано мирными договорами» [291, с. 161]. В связи с этим был поднят вопрос о Камеруне как о возможном мандате Италии.

И все-таки следует подчеркнуть, что вопрос о конкретной территории фашистские руководители не считали главным. Они отлично понимали, что в тех условиях никто не стал бы удовлетворять их индивидуальные притязания на получение того или иного мандата. Поэтому главное состояло в том, чтобы добиться принципиального признания первоочередного права на мандат на случай, если проблема мандатов будет поставлена в целом. Как следует из дипломатической переписки, они добились фактического признания такого права. Однако фашизм стремился получить и «формальное обязательство», в частности от правительства Франции [87, т. 6, с. 146]. Насколько позволяют судить опубликованные документы и материалы, такого обязательства итальянским фашистам добиться не удалось, несмотря ни на что.

5. КУРС НА «МИРНОЕ» УТВЕРЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОЗИЦИЙ В ЭФИОПИИ В 1926—1928 гг.

В связи с резким недовольством правительства Эфиопии англо-итальянским договором 1925 г. фашистские правящие круги стали принимать меры в двух направлениях. Во-первых, убеждать регента раса Тэфэри в сугубо дружественных чувствах фашистских руководителей к Эфиопии и в «нейтральном», безобидном характере соглашения Муссолини — Грэхема. Во-вторых, на случай крайнего обострения отношений с Эфиопией и возможных военных действий между Италией и Эфиопией было решено приступить к изучению военных возможностей Эритреи. С этой целью летом 1926 г. туда была направлена

специальная военная миссия, которую возглавлял генерал Малладра. Она имела весьма широкие полномочия. Главные задачи миссии состояли в том, чтобы рассмотреть военное положение колонии и выработать конкретные предложения, реализация которых сделала бы колонию готовой к войне. Итогом пребывания миссии в Эритрее был весьма обстоятельный доклад, в котором наряду с общеполитическими заключениями по поводу «постоянной угрозы» для колонии со стороны Эфиопии имелись и весьма конкретные выводы и предложения.

Прежде всего, делался вывод об абсолютной неготовности колонии к войне с точки зрения инфраструктуры (если использовать современный термин). В связи с этим предлагалось провести ряд срочных работ по строительству шоссе и железных дорог, укреплений полевого типа, складов и складских помещений и т. д. В докладе указывалось, что Италия должна быть готова направить 20 мобильных дивизий по 8 тыс. человек каждая, а также мобилизовать 30—40 тыс. жителей Эритреи. Приведенные цифры показывают, что генерал Малладра исходил из перспективы разгрома и захвата Эфиопии [112, с. 139].

Доклад предлагал также создать целую разведывательную сеть в Эфиопии.

Доклад миссии Малладры обсуждался на специально созданном в 1926 г. (в связи с ухудшением итало-эфиопских отношений) межминистерском комитете, куда входили представители министерства колоний и трех военных министерств. Комитет поддержал предложение миссии Малладры о выделении чрезвычайных средств на «военную организацию Эритреи» и даже увеличил в 2 раза сумму 25 млн. лир, названную в докладе. (Однако и через шесть лет, в 1932 г., в преддверии «большой войны» итальянского фашизма в Восточной Африке, «военная организация Эритреи» осталась почти такой же, как в 1926 г.) Вместо создания целой системы военной разведки вследствие соперничества колониальных и военных кругов было принято решение об учреждении в посольстве в Аддис-Абебе должности секретного военного атташе, который должен был руководить итальянской шпионской сетью и который подчинялся министерству колоний [112, с. 141].

Таким образом, события, связанные с миссией Малладры, показывают, что война против Эфиопии не рассматривалась в то время как вопрос ближайшей перспективы. Однако уже тогда, в 1926 г., некоторые правительственные военные и колониальные круги в принципе считали возможной «большую войну» для разгрома и захвата Эфиопии.

Одновременно фашистское министерство иностранных дел предпринимало отчаянные усилия, чтобы успокоить раса Тэфэри и других эфиопских руководителей по поводу смысла соглашения 1925 г. Итальянский посол в Аддис-Абебе Колли в ответ на свои тревожные сигналы получил от Муссолини целый ряд

указаний о характере разъяснений, которые следует дать Тэфэри. Рекомендовалось подчеркнуть, что, во-первых, речь шла не о договоре и даже не о соглашении, а всего лишь об обмене нотами; во-вторых, зафиксированная там договоренность отнюдь не была направлена против Эфиопии; в-третьих, основу реализации своих интересов Италия видела исключительно в поддержке целостности Эфиопии [87, т. 4, с. 190]. Было также направлено личное послание Муссолини расу Тэфэри, в котором фашистский диктатор убеждал регента, что он полон решимости уважать независимость Эфиопии, все ее права, что его политика — это политика дружбы и сотрудничества (см. [87, т. 4, с. 246]).

Со второй половины 1926 г. напряженность между Италией и Эфиопией начала несколько ослабевать. В конце 1926 г. в Риме было принято решение попытаться обеспечить мирное проникновение в Эфиопию, развивая дружественные отношения с центральными властями страны. В этих условиях фашистские руководители проявляли большую осторожность в своих международных обязательствах, когда объектом их оказывалась Эфиопия. Так, в ответ на просьбу английского правительства поддержать его ходатайство о концессии на оз. Тана 4 января 1927 г. Муссолини дал указание, чтобы итальянский посол в Аддис-Абебе оказал британскому послу соответствующую поддержку, однако сделал бы это «в такой форме и с такой осторожностью, которые бы позволили избежать всяких вредных последствий для итало-эфиопских отношений» [87, т. 4, с. 444—445]. Кроме этого, предлагалось не поднимать вопроса о железнодорожной концессии для Италии, поскольку «существующая обстановка не позволила бы нам провести ее в жизнь».

Значительный личный вклад в восстановление и развитие итало-эфиопских отношений внес Дж. Кора, назначенный в конце 1926 г. послом в Аддис-Абебе. Кора представлял ту часть политических деятелей фашистского режима, которая считала, что в тех условиях, которые существовали в 1926—1928 гг., Италии следовало ориентироваться в основном на развитие дружественных отношений с центральным правительством Эфиопии с целью утверждения политического влияния и экономических позиций итальянского империализма в этой стране. Кора не исключал использования средств давления и нажима на эфиопское правительство при определенных обстоятельствах. Но главным, по его мнению, было именно развитие сотрудничества и именно с центральной властью. Политику, исходящую из расчетов на скорый распад Эфиопии в результате использования и поощрения борьбы феодалов против центральной власти, он считал бесперспективной, «опирающейся на ложные надежды».

В одном из писем в министерство иностранных дел и в министерство колоний Кора довольно обстоятельно изложил свой собственный (не менее империалистический) план. Суть его

можно изложить следующим образом. Италия должна строить в Эфиопии дороги, способствовать экономическому развитию различных районов, в первую очередь периферийных. На основе конфликта между современной цивилизацией и архаичной структурой страны со временем может произойти изменение и в политическом устройстве, вплоть до распада империи. Этим состоянием должна быть готова воспользоваться Италия. Почва для этого уже будет создана: построенные итальянцами дороги дадут возможность проникнуть им во все периферийные области, где влияние центрального правительства менее ощутимо, а то и не существует вовсе, и «наша деятельность по мирному проникновению должна будет дать большие результаты не только в торговом плане, но и в политическом» [340, т. 1, с. 218—219]. Исходный же пункт всех этих построений — развитие отношений с центральной властью и активное проникновение в экономику страны.

В итальянских политических сферах, связанных с колониальной политикой и порою оказывавших непосредственное влияние на ее формирование, было немало деятелей, которые придерживались иных взглядов на данную проблему. Среди высшего персонала министерства колоний существовала в период 1926—1929 гг. точка зрения, что в отношении Эфиопии следует проводить более жесткую политику. По словам одного из ярких сторонников такой политики, К. Дзоли (в начале июля 1928 г. назначенного губернатором Эритреи, а до того — генерального секретаря министерства колоний), эфиопские руководители «тем больше будут расположены уважать нас, чем более ясными и спокойными будут проявления нашей силы и достоинства» [340, т. 1, с. 306]. Такой политики «с позиции силы» Италии следовало придерживаться, по мнению Дзоли, и до и после подписания итало-эфиопского договора (о котором речь пойдет ниже). Особое место в эфиопской политике деятели этой второй группы отводили отношениям с местными вождями (что Дзоли показал на практике в период своего губернаторства).

К представителям третьей группы политических деятелей может быть отнесен уже упоминавшийся Р. Гуарилья. Его точку зрения на проблему политической линии Италии в отношении Эфиопии можно резюмировать следующим образом.

1. Эритрея и Сомали не могут иметь реального значения для Италии, если они не будут дополнены территорией, выгодная экономическая эксплуатация которой найдет в них удобный выход к морю. Такой территорией является Эфиопия.

2. Вопрос о том, поддерживать ли политику централизации, проводимую расом Тэфэри, или способствовать как можно дольше межфеодалной борьбе с целью ослабить страну, следует решать в зависимости от многих факторов, и в первую очередь от планов Англии.

3. Если окажется, что английское правительство не намере-

вается принимать «энергичного решения абиссинской проблемы», то, поскольку одни итальянцы это сделать не в состоянии, «нам не остается ничего другого, как продолжать следовать политике дружбы с центральным Аддис-Абебским правительством».

4. В любом случае надо преодолевать неуверенную линию поведения, ибо, следуя ей, Италия может потерять Эфиопию раз и навсегда. Надо активно развивать итальянскую инициативу в Эфиопии во всех сферах, в первую очередь в экономике [146, с. 57—59].

Приведенные точки зрения различались по тактике, а отнюдь не по целям итальянской политики. Цель же — проникновение в Эфиопию, утверждение там итальянских позиций: экономических, политических — объединяла все эти группы политических деятелей. Решающее слово в пользу той или иной политической линии в конечном счете высказывал Муссолини, который, безусловно, сам вносил активный вклад в ее выработку, формулировку и реализацию.

В отношении Эфиопии в 1926—1928 гг. господствующей была первая из трех охарактеризованных нами линий, которая может быть названа линией Кора — Муссолини. Конечно, в ее формирование внесли свой вклад и другие деятели фашистской Италии. Тем не менее именно Кора был не только главным исполнителем при проведении в жизнь этой линии, но и инициатором многих ее основных элементов.

Одним из важнейших мероприятий, направленных на развитие сотрудничества Италии с центральным эфиопским правительством, призванных обеспечить проникновение и утверждение итальянского влияния, итальянского капитала в Эфиопию, фашистские правящие круги считали заключение конвенции о строительстве шоссейной дороги Асэб — Дэссе.

Впервые вопрос о возможности заключения с правительством Эфиопии соглашения о строительстве шоссейной дороги Асэб — Дэссе был затронут в письме посла Кора Муссолини от 23 апреля 1927 г. Кора сообщал, что он поставил вопрос перед регентом, который в принципе не возражал против этого. Строительство дороги способствовало бы развитию итальянской торговли с Эфиопией и в то же время нарушило бы фактическую французскую монополию на связь с Красным морем. Однако в обмен на это согласие руководители Эфиопии потребовали предоставить их стране выход к морю и оружие (500 ручных пулеметов). Кора в своем комментарии добавлял, что дело могло обойтись выделением Эфиопии в Асэбе определенной зоны на правах свободной территории (зона франка). Количество же ручных пулеметов можно было довести и до 300 [87, т. 5, с. 165—166; 340, т. 1, с. 186].

Муссолини немедленно 25 апреля направил ответ послу и министру колоний. Одобрив действия посла, он рекомендовал

ему быть в принципе очень осторожным в ходе переговоров, не обещать многого. Главное же — послу предлагалось выяснить, какого рода выход к морю хотели получить руководители Эфиопии. Если бы речь пошла о «вольной зоне», то такое требование, по словам Муссолини, могло бы быть принято [87, т. 5, с. 168—169].

3 мая Кора поспешил донести в Рим, что ему удалось договориться с регентом о том, что речь должна идти о дороге Асэб — Дэссе и о «вольной зоне». При этом посол в Аддис-Абебе подчеркнул, что передача территории на правах «вольной зоны» предполагает сохранение за Италией полной власти над данной территорией [87, т. 4, с. 189; 340, т. 1, с. 188].

В ходе визита в Эфиопию в мае 1927 г. члена итальянского королевского дома герцога Абрुццкого (переговоры о визите шли на протяжении ряда лет, и он был предпринят именно в этот момент, чтобы решающим образом способствовать развитию итало-эфиопских отношений) правители Эфиопии подчеркнули полезность и важность для Эфиопии дороги Асэб — Дэссе и особенно желательность получения «свободной зоны» [87, т. 5, с. 228].

Итальянцы поспешили представить проект дорожной конвенции, который предусматривал, что строительство дороги от Дэссе до границы должна была обеспечить эфиопская сторона, а от Асэба до границы — итальянская. Размеры территории, передаваемой на условиях «вольной зоны», и срок указаны в проекте не были (см. [340, т. 1, с. 196—197]). Их предстояло определить в ходе переговоров. Принципиальные вопросы, связанные со статьями конвенции, были согласованы с эфиопской стороной довольно быстро. Однако подписывать конвенцию руководители Эфиопии не спешили, ибо опасались, что это даст повод для новых активных домогательств англичан.

Действительно, английское правительство направило в Эфиопию летом 1927 г. меморандум по поводу концессии на строительство плотины на оз. Тана. В этой обстановке Муссолини принял решение проводить такую тактику: не мешать англичанам в их действиях, но и не помогать им. В письме послу Кора он дает весьма своеобразную трактовку соглашения Муссолини — Грэхема, которая была выгодна итальянцам в тот момент. Одна из целей этого соглашения состояла, по его словам, в том, чтобы иметь основание для вмешательства в англо-эфиопские переговоры по поводу оз. Тана, дабы «опекать наши интересы и выступать перед эфиопским правительством в виде дружественного посредника», а также умерять чрезмерные претензии англичан к Эфиопии [87, т. 5, с. 339—340]. В связи с этим Кора вовсе не был обязан поддерживать английский демарш. Кора действовал именно в таком духе. Когда же эфиопская сторона обратилась к нему за советом, сообщив при этом содержание своего ответа англичанам (который по сути был от-

рицательным), Кора, по его словам, «ничего не советовал и был сдержан» [87, т. 5, с. 425—426]. Как видим, фашистские лидеры сугубо прагматически подходили к соглашению даже со своим старшим партнером.

Упорное нежелание регента Эфиопии подписывать дорожную конвенцию и на протяжении всей второй половины 1927 г. стало вызывать недовольство в фашистских правящих кругах. Тем не менее там понимали, что в тех условиях не было иного пути ускорить подписание конвенции, как дать новые доказательства своей лояльности в отношении Эфиопии. Тем более что регент постоянно подтверждал свое принципиальное согласие с конвенцией, а отсрочку подписания объяснял боязнью дальнейшего осложнения отношений с Англией, а также возражениями некоторых влиятельных в империи лиц. Поэтому на обращение правительства Эфиопии с просьбой продать ему значительную партию оружия итальянское правительство ответило согласием. 2 декабря 1927 г. Кора доносил Муссолини, что эфиопы попросили разрешить приобрести в Италии 5 тыс. современных винтовок, 24 пулемета, 48 автоматов, 50 современных пистолетов и 3 млн. патронов. При этом Кора поддержал эту просьбу, подчеркнув, что продажа оружия усилит дружеское отношение Тэфэри к итальянцам и даст возможность ускорить подписание конвенции [87, т. 6, с. 593—594].

4 января 1928 г. Муссолини дал указание разрешить продажу оружия Эфиопии. Но одновременно посоветовал послу в беседе с Тэфэри поставить это согласие в зависимость от «предварительного и точного обязательства со стороны раса подписать без дальнейших отсрочек дорожную конвенцию, соединив таким образом два вопроса» [87, т. 6, с. 2].

Однако и это не помогало. В феврале 1928 г. вокруг Эфиопии складывалась весьма сложная ситуация. Английские правящие круги попытались организовать давление Англии, Франции и Италии на Эфиопию, преследуя при этом свои собственные империалистические цели. В начале февраля английский и французский представители в Аддис-Абебе предложили итальянскому послу осуществить совместный нажим на регента Эфиопии, чтобы он согласился наконец направить своего представителя на конференцию, которая бы рассмотрела вопрос о порядке разрешения ввоза оружия в Эфиопию.

Вопрос об этой конференции очень сложен и имеет длительную историю. В связи с исключением Лигой наций Эфиопии из числа государств, в которые запрещен ввоз оружия, фашистское правительство еще в 1925 г. предложило английскому правительству договориться с Францией о том, чтобы разрешение на провоз оружия давалось только после предварительного согласия всех трех стран. На этой основе Англия внесла предложение о проведении конференции четырех держав (с участием Эфиопии) в Европе с тем, чтобы на ней был рассмотрен и решен весь комплекс вопросов, связанных с ввозом оружия в Эфиопию. Итальянские правящие круги настаивали на предварительном решении этих вопросов на встрече трех держав. Прави-

тельство Эфиопии высказывалось за проведение такой конференции в Эфиопии. При этом указывалось, что председательствовать на ней (по крайней мере вначале) мог бы рас Тэфэри.

Империалистические правительства Англии и Италии хотели с помощью этой конференции, с одной стороны, установить жесткий контроль над вооружением Эфиопии, а с другой — подорвать позиции и влияние Франции в этой области. Руководители же Эфиопии были не прочь принять участие в конференции, но при таких условиях, которые бы позволили им добиться выгодного решения важной для них проблемы.

Вскоре в Риме было получено еще одно предложение из Лондона: выступить перед эфиопским правительством с совместным протестом против плохого осуществления правосудия в Эфиопии и потребовать проведения широкого круга реформ. Речь шла о чрезвычайно серьезном акте, о фактическом ультиматуме эфиопскому правительству. К фашистскому правительству поступали донесения от его дипломатических агентов, что в Лондоне настроены весьма решительно. Одно из донесений указывало, что министерство колоний и часть министерства иностранных дел были якобы «сторонниками энергичной политики в отношении Эфиопии не только в связи с оз. Тана, но и во всем том, что касалось англо-эфиопских отношений» [87, т. 6, с. 92].

К этому надо добавить, что и Кора подлил масла в огонь. Сообщив о сильных антиэфиопских настроениях в Англии и во Франции, Кора добавлял, что, хотя у Италии в целом хорошие отношения с Эфиопией, «может быть, целесообразно и нам переосмотреть наши политические действия по отношению к Эфиопии», поскольку-де рас Тэфэри не в состоянии сдержать слово по поводу дорожной конвенции [87, т. 6, с. 92]. 17 февраля в письме Муссолини Кора выразил еще более четко и определенно предложение относительно мер решительного давления на правительство Эфиопии. В письме говорилось, что итальянское правительство может со спокойной совестью объединить свои усилия с Англией и Францией, чтобы «эта анахроничная империя решительно встала на путь цивилизации» [340, т. 1, с. 204]. Из приведенных выдержек видно, что сторонник мирного внедрения в Эфиопию Кора в зависимости от обстановки заговорил языком самых ярких колонизаторов.

Однако лидеры фашистского режима вовсе не собирались в тот момент ввязываться в подобного рода авантюру. Они только что возобновили в крупных масштабах военные операции в Ливии, которые потребовали значительных сил и немалых средств. К тому же, как напомнил Муссолини министр колоний Федерцони 14 февраля 1928 г., набранные эфиопы составляли «основную часть наших колониальных вооруженных сил», действовавших в Ливии. Поэтому всякое ухудшение отношений с Эфиопией могло пагубно отразиться на операциях в Ливии [87, т. 6, с. 104].

Сам Муссолини писал в те дни в связи с инцидентом, происшедшим на эфиопско-сомалийской границе: «Нынешняя об-

становка подсказывает нам максимальную осторожность в отношениях с Эфиопией» [87, т. 6, с. 104—105].

В Лондон же послу Бордонаро 17 февраля было направлено инструктивное письмо, которое показывало, что в Риме отлично понимали обстановку и вовсе не собирались таскать каштаны из огня для английских правящих кругов, которым никак не удавалось добиться выгодной концессии на оз. Тана. В Риме понимали также, что не одна забота о концессии руководила колониальными ультра из консервативной партии в их попытках организовать серию мер по коллективному нажиму на Эфиопию как раз в тот период, когда процесс преодоления феодальной раздробленности и создания централизованного государства с сильной высшей властью вступил, пожалуй, в решающую фазу. Британские тори хотели помешать дальнейшему развитию этого процесса, но, естественно, чужими руками.

Итальянские фашисты были заинтересованы в том же, о чем мечтали и английские консерваторы, поскольку, как писал Муссолини, их «не могло не беспокоить формирование и активное вооружение централизованного абиссинского государства, не обладавшего выходом к морю» [87, т. 6, с. 102]. Но, как мы уже подчеркнули, в тот период они были вынуждены проявлять предельную осторожность. Поэтому в письме Муссолини говорилось о готовности итальянских правящих кругов вступить в переговоры с Форин офис по поводу совместной политики в отношении Эфиопии, но при одном непременном условии. Этим условием было наличие у английского правительства «желания достичь там осязаемых результатов вследствие давления и применения силы» с целью навязать Эфиопии программу реформ, которая бы открыла широкий простор для прямого проникновения цивилизации. Если же английское правительство не готово принять это условие, подчеркивал Муссолини, то итальянское правительство не может принять его предложение, ибо в этом случае нажим на Эфиопию имел бы лишь негативные для Италии последствия [87, т. 6, с. 103].

Это был явный и довольно решительный отказ. И, может быть, желая подсластить пилюлю, фашисты решили уступить в малом. 18 февраля было дано указание согласовать текст коллективной англо-франко-итальянской ноты правительству Эфиопии с целью побудить его принять участие в конференции по обсуждению вопросов, связанных с ввозом оружия в Эфиопию (хотя еще за неделю до этого было выражено отрицательное отношение к подобному рода мере) [87, т. 6, с. 103, 91]. Лондон, разумеется, не принял итальянского условия, указав, что он и не имел в виду организовывать давление на правительство Эфиопии, а тем более применять силу.

Между тем руководители Эфиопии, часть которых не без основания опасалась, что дорога Асэб — Дэссе могла быть использована итальянским фашизмом в захватнических, агрессив-

ных целях, предложили Италии заключить наряду с дорожной конвенцией договор о дружбе и добрососедстве, представив и проект договора. Хотя фашистское правительство не испытывало никакого энтузиазма в связи с этим предложением, оно было вынуждено в принципе согласиться с ним. Поставленный фашистским правительством в известность, Чемберлен выразил надежду, что этот договор послужит хорошим прецедентом для подобного же англо-эфиопского договора [87, т. 6, с. 152].

Вокруг содержания договора и конвенции развернулась напряженная борьба двух внешнеполитических линий: итало-фашистской и эфиопской.

Эфиопская сторона стремилась отстоять все те статьи своего проекта, которые могли обеспечить независимость страны и обезопасить ее границы. Она добивалась поэтому, чтобы в ряде статей указывалось на недопустимость таких действий, которые могли нанести ущерб независимости Эфиопии, на недопустимость использования оружия для решения спорных вопросов; в таких случаях следовало обращаться в Лигу наций. Срок действия договора предлагался максимальный — 99 лет.

Линия фашистского правительства по вопросу о договоре, напротив, состояла в том, чтобы добиться ликвидации или ослабления этих положений договора. Правящие круги фашистской Италии решительно выступали против привлечения внимания Лиги наций к возможным итало-эфиопским спорам, против включения в договор таких положений, которые могли бы рассматриваться как основа урегулирования пограничных проблем. Муссолини требовал от своего посла в Аддис-Абебе добиваться того, чтобы продолжительность договора была не более 5—10 лет и чтобы в нем была зафиксирована неподсудность итальянских подданных эфиопским судам, чтобы эфиопские руководители приняли на себя обязательство в том, что в случае подписания договора они не будут больше настаивать на делимитации границ Эфиопии с итальянскими колониями. Нежелание делимитировать границы объяснялось агрессивным стремлением фашистов без шума оторвать от Эфиопии некоторые территории и присоединить их к своим колониям.

Кроме этого, фашистские руководители настаивали на том, чтобы одновременно с подписанием договора была подписана и дорожная конвенция [87, т. 6, с. 162—163, с. 226—228, с. 323—324].

Эфиопские руководители, видя чрезвычайную заинтересованность правительства Италии в подписании дорожной конвенции, поставили вопрос об увеличении территории «вольной зоны», а также предложили зафиксировать в тексте конвенции, что все сооружения и здания, которые будут построены эфиопским правительством, останутся в собственности Эфиопии и после истечения срока конвенции (с самого начала они настаивали, чтобы «свободная зона» была предоставлена на 200 лет).

Видя главную свою задачу в том, чтобы получить эффективные средства для активного экономического проникновения в Эфиопию, фашизм проявил готовность идти на некоторые уступки при формулировании отдельных пунктов: лишь бы добиться подписания дорожной конвенции, которая рассматривалась фашизмом как важный рычаг утверждения своего влияния в Эфиопии. 2 августа 1928 г. «договор о дружбе, посредничестве и арбитраже между Италией и Эфиопией» и «конвенция о строительстве автомобильной дороги из Асэба в Дэссе и о предоставлении „свободной зоны“ в порту Асэб» были подписаны.

Договор о дружбе (см. [79, т. 129, с. 1]), подписанный на 20 лет с последующим продлением, провозглашал, что в отношениях между двумя странами будут господствовать мир, дружба и развиваться экономические и торговые связи. Стороны брали обязательства «не совершать ни под каким предлогом никаких актов, способных нанести вред или ущерб независимости другой стороны».

Дорожная конвенция гласила, что строительство дороги Асэб — Дэссе будет осуществляться каждой из договаривающихся сторон на своей территории. Для перевозки грузов и пассажиров планировалось создание итало-эфиопской транспортной компании. Эфиопскому правительству предоставлялась в Асэбе «вольная зона» площадью 30 тыс. кв. м на 130 лет. Все здания и постройки, которые могли быть возведены Эфиопией, должны были остаться ее собственностью и после истечения срока конвенции.

Как же оценивались эти документы в Италии?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что правящие круги, деловой мир старались не замечать договора о дружбе. Главное внимание уделялось дорожной конвенции. Ее экономическое значение ставилось некоторыми под сомнение. Однако все политические деятели подчеркивали политическое значение конвенции как «первой попытки», по словам Гуарильи, «начать то действенное итало-эфиопское сотрудничество, в результате которого усилилась бы вся наша позиция в отношении как абиссинского правительства, так и других держав, подписавших трехстороннее соглашение» [146, с. 55]. В докладной записке министерства иностранных дел, подготовленной для Муссолини после подписания договора и конвенции, отмечалось, что главное — возможность «нашего большего проникновения в империю, не говоря уже о соображениях военного характера» [340, т. 1, с. 253—254]. Здесь подчеркиваются два аспекта: общеполитическое влияние и военно-стратегическое значение.

Деловая пресса обращала основное внимание на экономическое значение конвенции. «Коррьере делла сера» писала хотя и лаконично, но довольно определенно: «Экономическое приложение к договору (имелась в виду дорожная конвенция.— В. Т.) может иметь благоприятные последствия для развития торговых

связей между Италией и Эфиопией». Еще более ясно формулировала настроения делового мира туринская «Стампа»: «Эфиопская империя с ее высокогорным умеренным климатом может явиться надежной отдушиной для нашей сельскохозяйственной эмиграции. Со своими обширными тропическими равнинами и богатством недр, содержащих многие полезные ископаемые, начиная с золота, нефти и платины и кончая углем, железом и ртутью, она может стать прекрасным источником сырья для нашей промышленности» (цит. по [340, т. 1, с. 260, 263]).

Как следует оценивать итало-эфиопские документы 1928 г.?

Подписание дорожной конвенции, а также включение в договор о дружбе статьи, которая фактически делала неподсудными эфиопским судам итальянских подданных, совершивших уголовные преступления в Эфиопии, были определенными успехами внешней политики фашистской Италии. Дорожная конвенция могла бы явиться базой, по крайней мере юридической, для утверждения итальянского влияния в Эфиопии, для активного проникновения итальянского капитала в экономику страны, если бы правительство Эфиопии не стало энергично противодействовать такого рода проникновению.

Но уже тогда Эфиопия выступала в качестве не только объекта, но и субъекта международной политики. Фашистская Италия натолкнулась на активное противодействие своим даже потенциальным агрессивным замыслам и намерениям, которые она связывала с осуществлением дорожной конвенции.

В самом деле, всплосним исходный пункт итальянской активности в Эфиопии в 1927 г.: получить концессию на строительство дороги Асэб — Дэссе как канал для усиленного проникновения в Эфиопию. Согласие на строительство части дороги итальянские фашисты в конечном счете получили, как и право на создание компании для эксплуатации дороги. Однако в обмен на это они вынуждены были предоставить Эфиопии «вольную зону» на чрезвычайно большой срок и подписать договор о дружбе, посредничестве и арбитраже с обязательством не посягать на независимость Эфиопии. Все это отнюдь не входило в первоначальные планы руководителей фашистской внешней политики. Поэтому данную выше характеристику подписанных документов как определенного внешнеполитического успеха Италии следует дополнить: успеха, достигнутого в обмен на некоторые территориальные и политические уступки, сделанные фашистской Италией Эфиопии. Подписанные документы были соглашениями с взаимными обязательствами, они не ущемляли суверенных прав, независимости и территориальной целостности Эфиопии, за исключением лишь той части статьи 4 договора, которая распространяла на итальянских подданных положение франко-эфиопского договора 1908 г. (о неподсудности). Однако и до 1928 г. это положение распространялось в Эфиопии фактически на всех европейцев.

Вскоре после подписания соглашений министерство иностранных дел Италии установило контакт с крупными представителями делового мира и обратилось к ним с предложением создать специальный синдикат для определения маршрута и проектирования будущей дороги. 31 октября 1928 г. в Милане такой синдикат был создан банком «Кредито итальяно», ФИАТом и генуэзским предприятием «Группо Марескалки» (каждый внес одну треть суммы). В учредительном акте синдиката в числе его задач было названо проектирование как дороги, так и «вольной зоны» в Асэбе (включая морские, торговые и промышленные объекты). Выразалась готовность заняться изучением и проектированием других объектов, которые будут создаваться в Восточной Африке вне связи с итало-эфиопской конвенцией [340, т. 1, с. 284]. Киты финансового и промышленного мира, создавшие синдикат, преобразованный еще в ноябре 1928 г. в акционерное общество, рассчитывали, что они будут заниматься не только проектированием объектов, но также и их строительством и эксплуатацией: они получили соответствующие обещания от Д. Гранди [340, т. 1, с. 283].

Итальянцы включили в сферу деятельности будущей Итало-эфиопской компании также создание «вольной зоны» в Асэбе и управление ею, хотя никакое соглашение таких прав за этой компанией не закрепляло. Возрос интерес к деятельности в Эфиопии у ряда других крупных итальянских компаний. Так, «Монтекатини» получила концессию на изыскания полезных ископаемых в Харэре [87, т. 7, с. 139].

Между тем с 1929 г. в итальянской политике по отношению к Эфиопии начали проявляться некоторые новые черты. В вопросе о реализации условий дорожной конвенции итальянцы стали действовать еще более энергично и напористо. Такая напористость уже выходила за пределы допустимого в отношениях между двумя суверенными государствами, напоминая поведение колонизатора по отношению к колонизируемому. Это проявилось, в частности, во время встреч итальянской и эфиопской миссий, обсуждавших с начала февраля 1929 г. вопросы конкретного осуществления условий конвенции. Итальянские представители категорически настаивали на южном варианте маршрута дороги Асэб — Дэссе, в то время как эфиопская миссия отстаивала северный. Между тем большая часть дороги должна была пролегать по территории Эфиопии, правительство которой, согласно духу и букве конвенции, было полностью ответственно за ее создание, в том числе и за маршрут прохождения по территории Эфиопии. Поэтому, строго говоря, итальянцы просто не имели права настаивать на своей точке зрения, когда речь шла о том, как пойдет дорога по территории Эфиопии. Тем более что эритрейский участок дороги при любом маршруте дороги в целом (южном или северном) оставался почти неизменным.

Яркую характеристику поведения итальянской миссии дал позднее Кора, который писал Муссолини, что поведение итальянской миссии «как по поводу выбора трассы на эфиопской территории, так и в связи с нашей будущей деятельностью за пределами эритрейских границ породило у абиссинцев подозрение, что мы намеревались „вести себя как хозяева“ у них в доме. Слишком быстро было забыто, что конвенция представляла эфиопскому правительству право строить участок дороги на своей территории (т. е. $\frac{7}{8}$ ее) собственными средствами или же предоставить строительство специальной компании» [340, т. 1, с. 349]. Деятельность итальянской миссии в Асэбе направлялась и поддерживалась губернатором Эритреи Дзоли. Настаивая на южной трассе дороги, итальянские правящие круги учитывали то, что в этом случае дорога пройдет через более богатые и плодородные территории, часть торговых которых можно будет отвлечь от железной дороги Джибути — Аддис-Абеба и привлечь к новой магистрали и, следовательно, к Асэбу.

Между тем у руководителей Эфиопии были основания отдавать предпочтение северному варианту: он затруднял возможность использования дороги Италией в военно-стратегических целях. Это было тем более важно, что, как мы уже видели из докладной записки министерства иностранных дел Италии, военно-стратегический аспект проблемы также постоянно учитывался итальянскими внешнеполитическими кругами, когда речь шла о дороге Асэб — Дэссе.

Другой чертой, которая характеризовала итальянскую политику в этом районе с начала 1929 г., было присоединение к Эритрее и Сомали некоторых пограничных территорий.

С самого начала своей деятельности на посту губернатора Эритреи поборником такой политики выступил Дзоли. Предложенная им линия была одобрена и поддержана министерством колоний и министерством иностранных дел. Суть этой линии состояла в том, чтобы, как писал Д. Гранди в министерство колоний, «привести фактическое положение в соответствие с правовым положением в тех зонах, которые были в прошлом оставлены (итальянцами) и над которыми не осуществляется эффективно наша власть, но на которые выдвигают притязания абиссинцы» [87, т. 7, с. 355—356]. Иначе говоря, речь шла об оккупации ряда спорных пунктов. Именно поэтому фашистские руководители не желали соглашаться на делимитацию границ итальянских колоний с Эфиопией: делимитация границ лишила бы итальянских колонизаторов возможности использовать пограничную проблему в своих целях [87, т. 7, с. 422—423].

Итальянская администрация Сомалийской колонии уделяла значительное внимание работе среди населения приграничных районов Эфиопии. Как следует из депеши, отправленной в январе 1929 г. заместителем министра колоний Де Боно в министерство иностранных дел, губернатору Итальянского Сомали

было дано указание продолжать деятельность «по вовлечению в нашу орбиту населения Огадена, находящегося вне границ колонии и стремящегося быть под властью Италии» [87, т. 7, с. 212]. Подобного рода деятельность вызвала серьезное беспокойство и недовольство в Аддис-Абебе.

Одновременно итальянская администрация в Эритрее активизировала контакты с местными эфиопскими вождями, особенно с мятежными по отношению к центральной власти.

В январе 1929 г. к итальянцам перешел и был принят итальянской администрацией фитаурари Галу, мелкий феодал из Северной Эфиопии. Это был первый случай с 1896 г., когда итальянская администрация приняла мятежного по отношению к центральной власти феодала. В мае 1929 г. итальянскому послу стало известно, что губернатор Эритреи собирался принять еще одного мятежного вождя [87, т. 7, с. 423—424].

Итальянцы установили тесные контакты с правителем Бэ-гемдыра расом Гугса-Уоле, поднявшим восстание против центральной власти летом 1929 г. Они установили дружеские отношения с губернатором Годжама расом Хайлу. Необычайную активность проявляли «итальянские торговые агенты» в Эфиопии, которые на деле занимались, как прямо признавал Дзоли, исключительно политическими проблемами [340, т. 1, с. 301].

Итальянская администрация в Эритрее и агентура в Эфиопии особенно активизировались в связи с тем напряженным политическим положением, которое складывалось в Эфиопии. За восстанием племен галла в западной части страны последовал мятеж раса Гугса-Уоле и целый ряд других выступлений против центральной власти. К осени 1929 г. почти половина территории страны либо находилась в состоянии открытого мятежа, либо отказывалась подчиняться центральной власти.

В этой сложной обстановке правительство Эфиопии предложило возобновить работу по определению трассы дороги при условии, однако, что о строительстве своей части дороги эфиопская сторона позаботится сама. Одновременно оно обратилось к итальянскому правительству с просьбой ускорить поставку двух легких танков, а также прислать два бомбардировщика с экипажами, которые бы вместе с правительственными войсками приняли участие в экспедициях по подавлению восставших против центральной власти феодалов [340, т. 1, с. 356—357].

Мотивируя необходимость отказа в поставке вооружения, министр иностранных дел Гранди и заместитель министра колоний Де Боно (с сентября 1929 г. — министр колоний) доказывали Муссолини, что демонстративная посылка военной техники могла бы создать у восставших впечатление полной и решительной поддержки Италией центрального правительства. А это могло бы «скомпрометировать окончательно наши дружественные отношения с правителем Годжама расом Хайлу, который, возможно, призван сыграть первостепенную роль в случае смерти ны-

нешнего ныгусэ или же внутренних беспорядков» [340, т. 1, с. 361].

Поэтому, когда в августе 1929 г. правительство Эфиопии предложило возобновить работу по реализации конвенции, Муссолини в письме к послу ограничился лишь ироническим замечанием по этому поводу. А 25 января 1930 г. последовал официальный отказ Италии на предложение о возобновлении работы итальянской и эфиопской миссий [340, т. 1, с. 354, 362].

Этот отказ был очевидным проявлением того существенного изменения в итальянской политике по отношению к Эфиопии, которое происходило с 1929 г. Ставка делалась теперь на развитие отношений с местными феодалами, на подрыв центральной власти, крушение которой казалось в то время итальянским фашистам почти неотвратимым, на возможное отделение от Эфиопии пограничных с итальянскими колониями территорий.

Однако ставка итальянских фашистов на развал Эфиопии оказалась несостоятельной. Центральная власть Эфиопии справилась с положением в стране и укрепила свои позиции (см. об этом подробно [227, с. 72—92]). Итальянским фашистам не удалось добиться осуществления планов мирного утверждения позиций Италии в Эфиопии.

Подводя краткие итоги сказанному в данной главе, нужно подчеркнуть следующее. Придя к власти в Италии в 1922 г., итальянский фашизм стремился решить те же основные колониальные проблемы, которые были поставлены итальянским империализмом в дофашистский период. Он сохранил преемственность главных направлений колониальной экспансии.

Вместе с тем уже на первом этапе фашизм вносил в методы борьбы за колонии и осуществления колониальной политики большую напористость, авторитаризм, силу. Покорив варварскими методами народы Сомали и Ливии, оказавшие героическое сопротивление колонизаторам, итальянский фашизм вписал одну из самых грязных страниц в историю мирового колониализма.

Борясь за расширение сферы колониальных владений, итальянские фашисты стремились опираться на поддержку Великобритании. Поддержка английских правящих кругов позволила Италии «приобрести» Джубаленд, добиться исправления в свою пользу границ Ливии, занять место в империалистической системе управления Танжером, возобновить активную деятельность на базе договора 1925 г. по утверждению своего политического и экономического влияния в Эфиопии.

Попытки мирного проникновения и укрепления итальянского фашизма в Эфиопии окончились на том этапе неудачей из-за противодействия правящих сил этой страны.

Деятельность фашизма в тот период на колониальном поприще не удовлетворяла полностью лидеров фашистской Италии. С их точки зрения, это были лишь первые шаги, которые должны были завершиться крупными колониальными начинаниями.

ПОДГОТОВКА ИТАЛЬЯНСКИМ ФАШИЗМОМ АГРЕССИИ ПРОТИВ ЭФИОПИИ (1932—1935)

1. ИТАЛЬЯНСКИЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ВОЙНА ПРОТИВ ЭФИОПИИ

Крупнейшим потрясением в жизни капиталистического мира был мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Кризис затронул самым непосредственным образом Италию. Промышленное производство в 1932 г. сократилось по сравнению с 1929 г. примерно на одну треть [244, с. 214; 241, с. 469]. Сокращение затронуло все отрасли, в том числе тяжелую промышленность. Производство стали, например, упало с 2122 тыс. т в 1929 г. до 1396 тыс. т в 1932 г. [245, с. 9], т. е. более чем на одну треть. Большое количество предприятий потерпели банкротство либо работали с убытком. В особенно трудном положении оказывались мелкие и средние предприятия. В 1932 г. из 2939 компаний с капиталом менее 1 млн. лир 1216 потерпели крах [270, с. 298]. Кризис затронул и сферу финансов. Возникла реальная угроза краха трех крупнейших банков: Итальянского коммерческого банка, Итальянского кредита, Римского банка.

Ухудшилось положение трудящихся. Резко возросло количество безработных в стране. Если в 1929 г. их численность составляла 300 тыс., то в 1933 г. она превысила 1 млн. Общий уровень зарплаты сократился в эти же годы на одну пятую (индекс уровня зарплаты в 1929 г.— 528, в 1933 г.— 430,8) [317, с. 178].

Серьезные экономические трудности сопровождались ростом недовольства трудящихся. Хотя забастовки были запрещены фашистским режимом, трудящиеся вынуждены были прибегать к этому средству для отстаивания своих интересов. В 1932 г. фашистские суды вынесли 72 обвинительных приговора за участие в забастовках, а в 1933 г.— 101 [270, с. 298]. Можно предположить, что это было ответом на рост забастовочного движения в эти годы.

Естественно, что обострение экономических и социальных

проблем в стране расшатывало фашистский режим и потому не могло не вызывать серьезного беспокойства у его лидеров. Фашистское государство приняло ряд мер с целью оказания помощи, а порою и просто спасения крупных компаний, банков. Со всей очевидностью еще раз подтвердились слова В. И. Ленина: «Государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионов той или иной отрасли промышленности» [15, с. 334]. Именно с целью спасения от экономического краха ряда частных промышленных компаний и банков с начала 30-х годов фашистское правительство стало создавать крупные государственные предприятия. В 1931 г. было создано Итальянское финансово-промышленное общество (СОФИНДИТ), через которое правительство осуществило операцию по спасению Итальянского коммерческого банка [321, с. 521].

В том же году государство создало учреждение промышленного кредита «Иstituto мобильяре итальяно» (ИМИ) с капиталом 550 млн. лир, главная задача которого состояла в замене обычных кредитных банков в осуществлении кредитования предприятий. В январе 1933 г. был создан Институт реконструкции индустрии (ИРИ), который на первом этапе своего существования являлся важнейшим инструментом в руках фашистского государства по спасению от краха крупных промышленных компаний и финансовых учреждений. ИРИ приобрел большую часть акций и фактически спас от разорения такие банки, как Итальянский кредит, Римский банк. К ИРИ перешел контроль над рядом промышленных предприятий, связанных с вышеназванными банками, а также над многими другими, прежде независимыми предприятиями. К 1934—1935 гг. ИРИ стал крупным государственным организмом, владевшим большим числом промышленных предприятий и банков или контролировавшим их.

Следует подчеркнуть при этом, что фашистское правительство действовало в соответствии с запросами бизнеса. Известно, например, что президент «Конфиндустрии» Бенни сообщил на заседании исполнительного совета объединения итальянских промышленников в ноябре 1931 г., что он намерен представить правительству план систематического субсидирования частных предприятий. С подобными же предложениями обращались к правительству и отдельные представители делового мира Италии того времени, в том числе бывший президент «Конфиндустрии», один из крупнейших итальянских дельцов, Э. Контти, влиятельный финансист Дж. Вольпи и др. [327, с. 118]. Обстоятельства вынуждали фашистское правительство и руководителей ИРИ не ограничиваться одним только субсидированием частных предприятий. Они должны были либо приобретать, либо ставить под свой контроль значительную часть предприятий. Причем подобные действия полностью соответствовали интере-

сам частного капитала. Объективно же указанные мероприятия обозначали первый серьезный шаг на пути создания в крупных масштабах государственной собственности в Италии. А это, в свою очередь, являлось важным составным элементом развития государственно-монополистического капитализма в Италии.

Одновременно фашистское государство осуществляло меры, которые способствовали повышению роли частного капитала в жизни страны. В 1932 г. было узаконено положение о том, что компании, которые давали 70% производства определенной отрасли промышленности, имели право контролировать и направлять деятельность всей данной отрасли в целом. Это привело к колоссальному увеличению роли и влияния таких гигантов монополистического капитала, как «Эдисон», ФИАТ, «Монтекатини».

В это же время фашизм дал новый толчок развитию корпоративной системы, которая на деле имела целью способствовать ослаблению классовой борьбы при все большем подчинении интересов трудящихся интересам монополистического капитала. Так называемое равное представительство в советах каждой из 22 корпораций и в Национальном совете корпораций работодателей и лиц, работающих по найму, оказывалось самым откровенным обманом трудящихся. Если капиталисты, предприниматели были действительно представлены крупными фигурами мира капитала типа президента ФИАТа Аньелли или владельца «Монтекатини» Донегани, то рабочих, крестьян, служащих представляли, как правило, фашистские чиновники, чернорубашечники и другие лица, верно служившие фашизму.

Корпоративная система способствовала централизации управления и усилению государственного вмешательства в экономику.

Указанные меры социально-экономического и административного характера, принимавшиеся фашистским государством в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. с целью ослабления его негативных последствий для фашистского режима, не решали проблем, с точки зрения фашизма, коренным образом.

Выход из положения лидеры итальянского фашизма видели в подготовке и развязывании колониальной войны. Они исходили из того, что осуществление быстрой победоносной войны даст возможность решить целый ряд важных проблем. Во-первых, война должна была потребовать значительного увеличения военного производства, что привело бы к общему оживлению экономики страны. Во-вторых, обстановка войны могла бы позволить раздуть националистическую и шовинистическую истерию, отвлечь внимание трудящихся от их насущных нужд, от классовой борьбы; а это способствовало бы стабилизации и укреплению фашистского режима. В-третьих, быстрая колониальная война, проведенная под «ура-патриотическими» лозун-

гами, могла поднять престиж фашизма как внутри страны, так и на международной арене. В-четвертых, в условиях узости внутреннего рынка Италии немаловажное значение приобретал вопрос о новом колониальном владении как устойчивом рынке сбыта для итальянской продукции. В-пятых, колония с благоприятными природными условиями могла стать хорошей отдушиной для «избыточного» населения. В-шестых, завоевание богатой полезными ископаемыми колонии могло помочь Италии решить хотя бы частично сырьевую проблему.

Если большинство вышеперечисленных мотивов подразумевалось, то последний мотив активно раздувался как фашистской верхушкой, так и всей пропагандистской машиной. Муссолини, например, уже в ходе войны Италии против Эфиопии заявлял на заседании Национального совета корпораций: «Италия не обладает некоторыми видами сырья, и в этом состоит основная причина ее колониальных требований» [108, т. 10, с. 56].

Идеологическое обоснование необходимости и «закономерности» для Италии войны вообще и колониальной войны в частности было дано в известной статье «Доктрина фашизма», написанной Муссолини вместе с философом Дж. Джентиле для итальянской энциклопедии в 1932 г.

В теоретических построениях дуче за исходный брался тезис о том, что существование и жизнь всякой «нации, отождествляемой фашизмом с государством», предполагают утверждение ее могущества и воли вовне. Муссолини заявлял: «Фашистское государство — это воля к могуществу и к империи... Империя — это не только территориальное, военное или торговое понятие, но также духовное и моральное... Для фашизма тенденция к империи, т. е. к экспансии, является проявлением жизненности нации; напротив, уход в себя — это признак упадка: рождающиеся и возрождающиеся народы являются империалистическими, вымирающие народы — капитулянтскими. Фашизм — это доктрина, наиболее адекватно отражающая тенденции и настроения такого народа, как итальянский, который возрождается после многих веков упадка и иностранного порабощения» [108, т. 8, с. 73, 88]. Однако создание империи «требует дисциплины, координации усилий, чувства долга и жертв», что и объясняет «необходимую суровость по отношению к тем, кто хотел бы противостоять этому спонтанному и фатальному порыву Италии в XX в.».

Следовательно, стремление фашистского государства к внешней экспансии во всех ее видах (в том числе территориальной и военной), к созданию империи провозглашалось закономерным явлением, вытекающим из внутренних, духовных потребностей самого итальянского народа.

Однако приведенные высказывания не дают еще ответа на вопрос о той основной форме экспансии, которая позволяет госу-

дарству, по мнению Муссолини, создать империю и тем самым утвердить и доказать свою жизненность и силу. Поэтому далее Муссолини совершенно определенно разъяснял: «Прежде всего фашизм... не верит в возможность и полезность вечного мира. Он отвергает поэтому пацифизм, который маскирует отказ от борьбы и трусость перед необходимостью жертв. Только война ведет к максимальному напряжению всех человеческих сил и налагает печать благородства на те народы, которые в состоянии ее выдержать» [108, т. 8, с. 77].

В 1932 г. (в отличие от 1926 г.) вопрос о колониальной экспансии, о создании империи ставился в прямой и непосредственной связи с вопросом о войне. Заметим попутно, что этот панегирик войне принадлежит тому самому Муссолини, который незадолго перед тем прославлял миролюбие фашистской Италии. «Мы все выступаем за мир... Фашистская Италия проводит такую внешнюю политику, которая, даже по признанию противников, является логичной и мирной» [108, т. 6, с. 283], — провозглашал дуче в палате депутатов, например, в декабре 1928 г.

Сугубый прагматизм этой демагогии Муссолини (как, впрочем, и других его псевдотеоретических построений) совершенно очевиден. Тольятти говорил по поводу идеологических установок фашизма: «Нельзя рассматривать фашистскую идеологию в отрыве от конкретной цели, которую фашизм намеревался достичь в определенный момент с помощью определенной идеологии» [38, с. 17—18].

Политические и экономические интересы фашистского режима побуждали его к войне, к активным колониальным захватам. Это служило основанием для создания соответствующей теории, обосновывавшей «закономерность» данного политического вывода и являвшейся исходным пунктом для широкой пропагандистской кампании, призванной подготовить общественное мнение.

Некоторые итальянские исследователи утверждают, что война против Эфиопии, развязанная итальянским фашизмом, отличалась от колониальных войн, которые вели другие империалистические державы, тем, что итальянский капитал якобы не был заинтересован в этой войне. Некто Эрра прямо пишет: «Никакой связи не может быть установлено между завоеванием Эфиопии и интересами итальянского капитала» [265, с. XXII]. (Указанный тезис Эрра высказывает с целью опровержения марксистской трактовки данной проблемы, которая объявляется не соответствующей фактам и потому несостоятельной.) Прогрессивный историк Дж. Роша считает, что война в Эфиопии «не отвечала структурным требованиям итальянской экономики», а носила престижный характер, отражая сугубо политические интересы фашистского режима [113, с. 268—269].

Объективно как первая, так и вторая точки зрения снимают

ответственность за агрессивную войну фашизма против Эфиопии с крупного капитала, как бы возводя китайскую стену между монополистическим капиталом и фашизмом. С таким подходом нельзя согласиться. Методологически он ошибочен, так как разрывает классовый (монополистическую буржуазию, финансовую олигархию) и политический (буржуазное государство) субъекты колониальной политики. Такой подход противоречит и реальному положению вещей.

Сам фашизм был порождением итальянского империализма, его наиболее реакционных, наиболее шовинистических сил. Вплоть до начала 40-х годов фашистское правительство при всей своей антибуржуазной демагогии исходило в своих основных решениях из коренных интересов итальянского монополистического капитала, даже если отдельные решения порою не отвечали ближайшим целям тех или иных его групп. А стремление к колониальной экспансии, органически присущее капитализму в его высшей стадии, было в полной мере свойственно и итальянскому капиталу в 20—30-х годах.

Конечно, взаимоотношения между фашистским государством и монополистическим капиталом не укладывались в примитивную схему: капитал диктует, государство исполняет. Эти взаимоотношения были диалектически сложны. Но при всем том достаточно определенны: первичными были интересы монополистического капитала.

Фашизм чутко улавливал эти интересы и потребности, делал соответствующие выводы, принимал на основе их политические решения, которые иногда могли показаться неожиданными даже для самих представителей капитала. При этом политические лидеры фашизма привносили свои идеологические и политические расчеты, опиравшиеся на их понимание внутренней и международной ситуации, а также учитывавшие соотношение классовых сил в стране и многие другие факторы.

Названные выше мотивы, которыми фашизм руководствовался, готовя и развязывая войну против Эфиопии, доказывают, что в основе их лежали именно интересы монополистического капитала, в первую очередь социально-экономические, как непосредственные (дать дополнительный стимул оживлению производства, сократить безработицу, предотвратить обострение социальных конфликтов и др.), так и перспективные (получить источники сырья, сферы выгодной эксплуатации, рынки сбыта).

И это было абсолютно естественно, закономерно. Ведь в 20-е годы и особенно в годы экономического кризиса активно развивался процесс, о котором французский исследователь писал: «Происходит тесное переплетение между государством и наиболее мощными промышленными и финансовыми группами, постепенно осуществляется слияние высшей бюрократии, промышленников с фашистскими иерархами и министрами» [270, с. 298]. В результате практически вся верхушка фашистской

государственной машины и партийного аппарата оказалась теснейшим образом связанной с итальянским монополистическим капиталом. Так, 112 сенаторов, 175 депутатов, большинство членов Большого совета и правления фашистской партии занимали оплачиваемые посты в руководящих органах капиталистических компаний. Характерно, что одно и то же лицо бывало связано, как правило, с несколькими монополиями. Так, «один из депутатов занимал служебные посты в 43 акционерных обществах, один — в 33, один — в 28, двое — в 26, один — в 23, один — в 20, один — в 19, трое — в 18, один — в 15, один — в 14, двое — в 13, один — в 11, двое — в 10» и т. д. [202, с. 21].

В сложнейших условиях мирового экономического кризиса и сразу после него эти связи сыграли важнейшую роль в принятии фашистской верхушкой решения в пользу агрессии против Эфиопии. «Производственные показатели и состояние прибылей приняли в тот период критический оборот, угрожавший теперь всей национальной экономике. Именно в это время (1932—1934 гг.— В. Т.) политические иерархи и экономические круги обратили свое внимание на Эфиопию, что соответствовало общей всемирной погоне за рынками сбыта и источниками сырья; на такой путь встали почти все крупнейшие (капиталистические) державы мира... Помимо преодоления неблагоприятной экономической конъюнктуры, помимо выгод заморской экспедиции некоторые экономические группы видели в новом колониальном рынке возможность такого применения капиталов и возможность такой эксплуатации, которых итальянская буржуазия никогда не имела ни на родине, ни в своих бедных дофашистских колониях» [323, т. 2, с. 164, 166], — пишет итальянский историк-коммунист Э. Сантарелли.

Чтобы подтвердить тезис о том, что в основе агрессии против Эфиопии лежали интересы монополистического капитала, мы вынуждены несколько нарушить историческую последовательность изложения и привести некоторые данные и факты, относящиеся к более позднему историческому периоду.

Вся пресса, связанная с деловым миром Италии, стояла на захватнических, шовинистических позициях перед войной, а после захвата Аддис-Абебы захлебывалась от восторга по поводу «победы».

6 октября 1935 г. деловые круги Италии телеграфировали Муссолини: «В этот решающий для будущего и для благополучия родины час итальянские промышленники обращают свои мысли к дуче, который управляет судьбами страны... Своими мыслями и делами, своими самыми глубокими чувствами они — вместе с фалангами солдат и чернорубашечников, которые страстно и самозабвенно приступают к самым тяжелым боям» [277, с. 180].

6 мая 1936 г. «Коррьере делла сера» в статье «Новая Италия» восхваляла фашизм за то, что только он «смог дать Ита-

лин империю. Эфиопия стала итальянской не как жалкая жертва, а как результат цивилизованного завоевания» [358, б.V.1936]. Как писала та же газета 13 мая 1936 г., в результате победы в Африке Италия заняла наконец среди великих держав то место, которое ей принадлежит из-за ее «древнего имперского призвания», а также вследствие «ее нынешней военной и политической силы». История воздаст должное Италии благодаря фашизму — провозглашалось в газете [358, 13.V.1936].

Итальянский капитал, уже в ходе военных действий с вождением поглядывавший на завоеванные земли, сразу же после провозглашения империи устремился в Эфиопию и Эритрею. Резко активизировали деятельность крупнейшие банки. Римский банк открыл 13 филиалов, Итальянский банк — 11, Национальный трудовой банк («Банка национале дель лаворо») и Неаполитанский банк — по 3 [348, с. 543]. Деятельность банков была чрезвычайно многосторонней и включала финансирование, поддержку торговой и промышленно-предпринимательской деятельности итальянцев в Эфиопии и в Северо-Восточной Африке в целом.

Фашистская Конфедерация промышленников вскоре после вступления итальянских войск в Аддис-Абебу созвала совещание представителей наиболее крупных монополий с целью определения основных сфер, в которые, по словам тогдашнего ее президента Дж. Вольпи, необходимо было «направить деятельность предпринимателей, значительное число которых уже обращалось с соответствующими запросами». 20 мая 1936 г. конфедерация создала Отдел Эфиопии, позднее переименованный в Отдел Итальянской Африки. Основные цели деятельности промышленных компаний были сформулированы конфедерацией следующим образом:

1) разработка местных ресурсов для обеспечения скорейших поставок сырья, необходимого метрополии;

2) развитие в Эфиопии производства, которое бы позволило обеспечить необходимыми вещами переселенцев из Италии (такое производство не должно было, однако, мешать сбыту в колонию готовых изделий из метрополии);

3) первичная обработка такого сырья, которое невозможно или нецелесообразно перевозить на большие расстояния в необработанном виде [96, с. 157—158; 97, с. 44].

Было указано также, что основными сферами деятельности могли быть наряду с разработкой минеральных богатств производство шерсти, хлопка и других волокон для текстильной промышленности, лесоматериалов, мяса, кофе, молока, шкур, разведение масличных культур. Речь шла, таким образом, в соответствии с планами крупного капитала о превращении Эфиопии в аграрно-сырьевой придаток Италии, в рынок сбыта итальянских товаров, в место переселения итальянских эмигрантов.

Конфедерация промышленников при поддержке и поощрении фашистского правительства (а также с участием государственных предприятий) сразу же стала создавать акционерные компании, которые должны были осуществлять на практике указанные цели. К 1937 г. было создано 17 таких компаний (с участием около 800 итальянских фирм). Среди них — Эфиопская горная компания, Компания по производству хлопка в Эфиопии, Компания по производству и обработке масличных культур, Эфиопская компания по производству мяса, Компания по производству цемента в Эфиопии, Эфиопская компания по производству танина, Эфиопская компания по производству шкур, Компания по освоению флоры Эфиопии и др.

Все эти компании создавались для эксплуатации природных богатств и трудовых ресурсов Эфиопии в интересах итальянского монополистического капитала. В самом деле, в Компанию по освоению флоры вложили капиталы наиболее крупные фармацевтические и химические фирмы, которые рассчитывали использовать растительные богатства Эфиопии и обеспечить поставки сырья для производства в Италии лекарств, лаков, эссенций, парфюмерных изделий.

Аналогичные цели преследовала так называемая Эфиопская горная компания (КОМИНА), в которую вложили капитал 13 монополий, в том числе такие гиганты итальянского капитала, как «Монтекатини», ФИАТ, «Пирелли», «Ильва» и др. Президентом КОМИНА был глава «Монтекатини» Донегани, а в административный совет входил А. Пирелли и другие крупные дельцы. КОМИНА ставила задачу обнаружения и эксплуатации полезных ископаемых Эфиопии. КОМИНА особенно интересовали золото, платина, серебро, железная руда, марганец, медь, свинец, никель. Для поиска минеральных богатств компанией были направлены 10 поисковых партий в различные районы Эфиопии и Сомали: Годжам, Харэр, юго-западные районы Эфиопии, в Миджуртини. Шла подготовка к налаживанию эксплуатации месторождений, как только они будут обнаружены. Сам факт создания этой компании с участием крупнейших итальянских монополий как нельзя лучше свидетельствует о том, в чьих интересах осуществлялась агрессия против Эфиопии.

Итальянские монополии действовали в Эфиопии не только через специально созданные акционерные компании, но и самостоятельно. ФИАТ основал в каждом из созданных итальянской администрацией губернаторств конторы-филиалы, которые осуществляли продажу машин и запасных частей, производили техническое обслуживание и ремонт автомобилей. Значительную активность проявляли в Эфиопии и такие автокомпании, как «Ланча», «Альфа-Ромео», «Изотто-Фраскини».

От промышленных фирм не отставали транспортные и торговые компании. Автотранспортные операции осуществляла Итальянская транспортная компания Восточной Африки, в ко-

торую вложили капитал наряду с государством ФИАТ, «Альфа-Ромео», «Ланча», «Пирелли» и др. [348, с. 542]. Итальянское колониальное общество (акционерная компания, связанная с крупным капиталом) после начала агрессии против Эфиопии резко активизировало предпринимательскую, банковскую и транспортную деятельность, перенеся центр ее из Эритреи в Эфиопию. В ходе войны общество, по утверждению одного фашистского издания, «оказало важные и деликатные услуги армии, королевскому флоту и министерству иностранных дел» [96, с. 307]. Оно укрепило уже существовавшие агентства и создало новые; в 1937 г. их число достигло 20. Капитал общества увеличился с 5 до 16 млн. лир.

Всего за 1936—1939 гг. правительственные органы Италии выдали фирмам и компаниям 1140 разрешений на предпринимательскую деятельность в колониях Восточной Африки, главным образом в Эфиопии. Статистика показывает, что среди устремившихся в Эфиопию преобладали компании промышленного Севера Италии (Ломбардии и Пьемонта), а также центральной области Лациум.

Количество разрешений распределялось по годам и месяцам следующим образом: 1936 г., июль — сентябрь — 42, октябрь — декабрь — 48; 1937 г., январь — март — 83, апрель — июнь — 160, июль — сентябрь — 599, октябрь — декабрь — 86; 1938 г., январь — март — 70 [97, с. 290—291].

Из приведенных данных видно, что резкое увеличение количества выданных разрешений приходится на второй и третий кварталы 1937 г. Видимо, массовые репрессии, усилившиеся после покушения на Грациани в феврале 1937 г., вселили в итальянских дельцов определенную уверенность в том, что фашизму удастся подавить освободительное движение эфиопского народа и создать благоприятные условия для эксплуатации ресурсов Эфиопии.

Фашистское правительство поощряло и стимулировало деятельность итальянского частного капитала. В то же время оно направляло в Эфиопию уже существовавшие государственные предприятия и создавало новые, которые должны были дополнять деятельность частного капитала, помогать ему. Государственная нефтяная компания АДЖИП («Ациенда дженерале итальяна петроли») направила поисковые партии в Харэр, Огаден, Сидамо.

Для решения вопросов, связанных с «освоением» и эксплуатацией минеральных ресурсов Эфиопии, при итальянском правительстве была создана специальная служба. В ноябре 1936 г. было организовано государственное управление Восточноафриканские рудники, подчиненное министерству колоний. Этому управлению предписывалось централизовать руководство добычей полезных ископаемых, а также организовать изучение и последующую эксплуатацию некоторых геологически перспектив-

ных зон Эфиопии с особым упором на поиски и разработку ценных металлов [97, с. 221; 288, с. 39].

Специальным декретом-законом от октября 1937 г. было создано Предприятие по производству хлопка в Итальянской Африке, действовавшее под руководством и контролем министерства по делам Итальянской Африки и министерства финансов. Его задачей были организация и развитие производства хлопка в Восточной Африке и Ливии. Предприятию была выделена крупная сумма, половину которой предоставило правительство.

Одновременно правительство фашистской Италии приняло в интересах капитала ряд декретов об освобождении некоторых компаний и принадлежавших им товаров, машин, механизмов и материалов, ввозимых в Эфиопию, от разного рода налогов и таможенных пошлин. Например, специальным правительственным декретом компаниям, занимавшимся выращиванием хлопчатника в трех основных хлопковых районах Эфиопии, были предоставлены значительные налоговые и таможенные льготы: освобождение от прямого налога на доходы с производства, освобождение от налога на землю и строения, сокращение налога на куплю-продажу, освобождение от пошлин на сельскохозяйственные машины и запасные части к ним и др. [97, с. 177—178].

В результате, говоря словами Сантарелли, «ФИАТ, судовладельцы, подрядчики, выполнявшие крупные общественные работы, капиталистические группы, стремившиеся к получению сельскохозяйственных и горнопромышленных концессий, временно поддержанные правительством и государственными средствами, смогли развернуть в Эфиопии свою деятельность... и первыми извлекли выгоду из фашистского предприятия» [323, т. 2, с. 166].

2. РАЗРАБОТКА ПЛАНОВ КОЛОНИАЛЬНОЙ ВОЙНЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА ПРОТИВ ЭФИОПИИ

Планы колониальной войны в Восточной Африке стали разрабатываться руководством фашистской Италии уже в 1932 г., вскоре после «умиротворения» Киренаики.

Эфиопия оказывалась объектом агрессивных планов фашистской Италии не случайно. Не решаясь ставить на повестку дня вопрос о новом переделе мира (это означало бы войну с одной из колониальных держав), итальянский фашизм обращал свои взоры к единственной африканской стране, сохранившей к 30-м годам свою независимость, — Эфиопии. Она прилегала к двум итальянским колониям — Сомали и Эритрее, которые могли служить хорошими плацдармами для вторжения на ее территорию. При всем том можно было с известной долей правдоподобия пытаться убедить мировое общественное мнение в на-

личии «угрозы» итальянским владениям в Африке со стороны «средневековой деспотии».

Между тем в Эфиопии после провозглашения в 1930 г. регента Тэфэри-Мэконнына императором Хайле-Сыллассе (Хайле-Селассие) I происходил процесс дальнейшего укрепления центральной власти. Принятая в 1931 г. конституция, создавая в глазах мирового общественного мнения вокруг личности нового императора ореол просвещенного и либерального правителя, закрепляла за ним всю полноту законодательной и исполнительной власти. Введение конституции не только не ограничило власть императора, а, наоборот, существенно укрепило ее. В 1932 г. была ликвидирована попытка ряда крупных феодалов свергнуть нового императора. В 1930—1935 гг. центральной властью были предприняты некоторые конкретные шаги, направленные на ликвидацию рабства; установлен более строгий, чем прежде, контроль центрального правительства над отдельными провинциями; приняты меры для создания регулярной армии и приобретения за границей оружия; создан национальный Банк Эфиопии; сделана попытка модернизировать налогообложение, ввести новую денежную единицу, развернуть дорожное строительство. Названные и некоторые другие меры способствовали централизации государственной власти, консолидации классового господства феодалов в стране.

Чрезвычайно знаменательно, что планы агрессии против Эфиопии вынашивались в начале 30-х годов в двух различных ведомствах фашистского государства: в министерстве иностранных дел и в министерстве колоний.

В министерстве иностранных дел Р. Гуарилья, возглавлявший управление политических проблем Европы, Ближнего Востока и Африки, представил 19 февраля 1932 г. министру иностранных дел Д. Гранди докладную записку, центральной мыслью которой была необходимость подготовки и осуществления захвата Эфиопии.

Ход рассуждений Гуарилья можно изложить примерно так.

1. Во время недавних франко-итальянских переговоров французская сторона назвала Абиссинию как возможную сферу итальянских устремлений (см. об этом [257, с. 396—397]); целесообразно теперь же поставить «абиссинскую проблему».

2. «Если мы хотим создать подлинную итальянскую колониальную империю, мы можем постараться сделать это только в Эфиопии».

3. «Ныне военная экспедиция в Абиссинию не представила бы таких трудностей и опасностей, как прошлые наши войны, если бы была осуществлена с максимальным использованием людских и материальных средств».

4. Италии следует в полной мере применить такое наступательное оружие, как авиация, которым совершенно не располагает Эфиопия, имеющая устаревшее вооружение.

5. Предварительно необходимо принять меры по разжиганию вражды между различными эфиопскими феодалами и центральной властью.

6. Необходимо также провести соответствующую дипломатическую подготовку, добившись нейтралитета Франции и Англии.

7. Завоевание Эфиопии позволит Италии кроме всего прочего создать боеспособную туземную армию, в достоинствах и силе которой легко можно убедиться, поскольку «именно из Эфиопии мы получали лучших бойцов для Ливии» [146, с. 167—170].

27 августа 1932 г. в новой докладной записке Гуарилья развил свои мысли: он призывал предпринять в Эфиопии «энергичные действия», поскольку-де «политика дружбы» не дала Италии никаких преимуществ. Гуарилья предложил ряд конкретных мер шантажа и угроз в отношении правительства Эфиопии [146, с. 763—773]. Взгляды фашистского дипломата находили поддержку у руководителей министерства иностранных дел, которые в это время стали явно склоняться к решению «абиссинской проблемы» с позиции силы.

Министр колоний Де Боно совершил в начале 1932 г. поездку в Эритрею. Посетив Эритрею, Де Боно сообщил Муссолини: «Эфиопия... является полуварварским государством. Поэтому язык, который она понимает лучше всего, и, может быть, единственный, который она вообще понимает,— это язык силы» (см. [239, с. 125—131]).

Летом 1932 г. Де Боно поручил командующему итальянскими войсками в Эритрее приступить к разработке «Меморандума по поводу наступательных действий против Эфиопии». А 29 ноября 1932 г. Де Боно направил военному министру Гадзере (копию — начальнику генштаба Бадольо), министру военно-воздушных сил Бальбо и губернатору Эритреи Астуту предложения относительно возможного плана боевых действий Италии против Эфиопии [113, с. 277—293].

В центре внимания направленных министром колоний документов находилась «наступательная гипотеза», которая, по словам Де Боно, «соответствует решению осуществить оккупацию ряда территорий в этой стране для достижения наших политических и экономических целей» [113, с. 277]. Основной исходной базой военных действий против Эфиопии должна была стать Эритрея (а не Сомали). Доводы в пользу Эритреи: она почти в 2 раза ближе к метрополии по сравнению с Сомали, она располагает достаточно оснащенным портом Массауа, а также весьма хорошей сетью военных сооружений. Кроме этого, указывалось на возможность более эффективного использования на эритрейско-эфиопском театре военных действий войск метрополии, тогда как по отношению к Сомали такая возможность отвергалась, главным образом из-за непривычных климатических условий. Сомалийскому же театру отводилась вспомогательная роль: отсюда предполагалось нанести лишь дополнительный удар по столице Эфиопии Аддис-Абебе как центру сосредоточения военных arsenалов.

Развертывание операций против Эфиопии представлялось министру колоний следующим образом: находившаяся в коло-

нии авиация, усиленная авиацией метрополии, должна была вначале нанести удары всеми имеющимися в распоряжении средствами по жизненным центрам Эфиопии, по центрам сосредоточения войск, по маршевым колоннам, чтобы парализовать силы Эфиопии и помешать подтягиванию войск к итальянским колониям. Затем имелось в виду развертывание наступательных операций всеми вооруженными силами, которые должны быть сконцентрированы в Эритрее и Сомали. С этой целью военному министерству предлагалось направить в Эритрею одну обычную и одну усиленную пехотные дивизии, которые должны были прибыть в Массауа соответственно через 15 и 19 дней после мобилизации. Кроме этого, военному министерству предлагалось направить необходимый командный и военно-вспомогательный персонал.

К министру авиации была обращена просьба «дать указания изучать все необходимые меры для быстрого направления в Эритрею выделенных воздушных формирований» [113, с. 293].

О себе Де Боно писал, что он старался «в пределах колониального бюджета максимально ускорить военную подготовку восточноафриканских колоний, чтобы создать... основную предпосылку реализации наших колониальных устремлений» [113, с. 291].

По свидетельству Де Боно, его план был благожелательно принят Муссолини. Запись Де Боно в дневнике гласит: «Отнес Муссолини проект эвентуальных действий в Абиссинии. Ему понравилось. Командовать должен был бы я... Должно бы произойти в 35 году» [113, с. 31].

Следовательно, уже в 1932 г., т. е. за два года до инцидента в Уольуле, руководство министерства иностранных дел и министерства колоний ставило и обсуждало вопрос о войне против Эфиопии, а в министерстве колоний был разработан первый вариант плана ведения этой войны.

Однако это еще не было решением фашистского правительства и лично Муссолини. А окончательное решение по такому вопросу мог принять только Муссолини. По утверждению Де Боно, Муссолини «начал думать практически о конфликте с Эфиопией» с 1933 г. «С тех пор у дуче ясно сформировалась идея, что вопрос должен был решиться не позднее 1936 г., о чем он мне и сказал», — писал Де Боно. Более того, Де Боно утверждал: «Дуче разделял мои мысли (о сложности внутренней обстановки в Эфиопии.— В. Т.) и дал мне приказ работать изо всех сил. Необходимо было быть готовыми как можно скорее». Именно в это время Муссолини дал согласие на назначение Де Боно командующим экспедиционным корпусом [139, с. 8—9].

Дж. Кора также определенно указывает на 1933 г. как на год, когда Муссолини принял решение о войне против Эфиопии. Кора писал: «К концу 1933 г. я был предупрежден одним другим, что в результате различных секретных переговоров гене-

рала Де Боно и исследователя барона Раймондо Франкетти с Муссолини дуче принял решение начать войну против Эфиопии через два года» [250, с. 94]. Содержание некоторых писем начальника генерального штаба Бадольо и генерала Бонцани, относящихся к концу 1933 — началу 1934 г., не оставляет сомнения в том, что принципиальное решение о войне против Эфиопии было принято Муссолини именно в 1933 г. [113, с. 36—38, 299—300].

Знаменательно, что в июле 1933 г. Муссолини стал военным министром, а осенью 1933 г. — военно-воздушным и военно-морским министром (с середины 1932 г. он был министром иностранных дел). Нет сомнения в том, что принятие фашистским диктатором руководства военными министерствами означало его намерение взять в свои руки общее руководство подготовкой войны против Эфиопии.

8 февраля 1934 г. Муссолини собрал совещание, в котором участвовали Бадольо, Де Боно и заместитель министра иностранных дел Сувич, для рассмотрения «оборонительных мероприятий» на границе Эритреи с Эфиопией. Резюме этого совещания было сформулировано Муссолини следующим образом:

«1. Завершение оборонительных мероприятий в кратчайший срок.

2. После завершения оборонительных мероприятий изучить вопрос о косвенном провоцировании акции со стороны Эфиопии.

3. В том, что касается нашего общего курса в отношении Эфиопии, продолжать политику, которая имеет целью избежать любых помех нашим военным приготовлениям» [196, с. 115].

Де Боно записал в дневнике по поводу этого совещания: «Наконец-то шеф сдвинулся по вопросу об Абиссинии. Состоялось совещание с ним, Бадольо и Сувичем. Заключение: нужно действовать... Поскольку Муссолини считает, что в Европе все спокойно, он хотел бы начать операции в 1935 г.» [239, с. 33; 257, с. 418].

В начале 1934 г. Муссолини лично имел беседу с командующим итальянскими войсками в Эритрее Кубедду и с военным атташе в Аддис-Абебе Руджеро, которые получили задание приступить немедленно к осуществлению программы политической подрывной деятельности в Эфиопии. В феврале 1934 г. Муссолини поручил заместителю военного министра генералу Баистрокки заняться разработкой оперативного плана наступления на Эфиопию.

В это же время Муссолини подключил к активному изучению вопросов, связанных с войной против Эфиопии, генеральный штаб итальянских вооруженных сил. В апреле — мае 1934 г. генеральный штаб направил в Эритрею полковника С. Висконти Праска, который представил Бадольо доклад о результатах изучения обстановки. Основная мысль доклада: колония не готова к серьезным военным операциям. На основе этого доклада

29 мая 1934 г. Бадольо направил Муссолини послание, из которого следовало, что, по мнению генштаба, для подготовки войны против Эфиопии нужно было затратить три года. Маршал подчеркивал, что в течение всего этого времени необходимо усыплять бдительность эфиопов, делая все возможное, чтобы убедить их в отсутствии у Италии агрессивных намерений [113, с. 349—350].

Тем временем с апреля 1934 г. министерству колоний были выделены чрезвычайные средства для подготовки войны против Эфиопии. В Эритрею увеличился ввоз вооружения и боеприпасов. К августу 1934 г. по сравнению с началом года количество винтовок в Эритрее увеличилось с 30 тыс. до 43 тыс.; пулеметов — с 734 до 1628, артиллерийских орудий — с 142 до 332 [113, с. 88].

Американский военный атташе в Риме сообщал в конце августа 1934 г. в Вашингтон, что итальянский генштаб составил план «военного завоевания и оккупации Абиссинии» (см. [236, с. 42]).

Некоторым диссонансом на первый взгляд с общим духом подготовки (хотя и не форсированной пока еще, но все-таки достаточно активной) к войне в Восточной Африке звучит послание, которое Муссолини направил 10 августа 1934 г. Де Бонно и ряду высших военных чинов Италии. В послании говорилось:

1) поскольку обстановка в Европе чрезвычайно неопределенная, итальянские вооруженные силы должны поддерживаться в состоянии бдительности и боевой готовности;

2) «всякое предприятие, которое в настоящий момент отвлекло бы значительные вооруженные силы с европейского театра, должно рассматриваться как вредное и вызывающее опасное уменьшение нашего военного потенциала»;

3) «в отношении Абиссинии наша линия поведения должна быть такой, чтобы у всех создавалось ощущение, что мы сохраняем верность договору о дружбе»; поэтому предлагалось решительно и всеми средствами искоренять всякого рода слухи по поводу «наших агрессивных намерений в отношении Абиссинии»;

4) в то же время министерству колоний предлагалось «ускорить темп оборонительной подготовки нашей колонии (Эритреи.— *В. Т.*) в соответствии с программами, уже определенными на межминистерских совещаниях во дворце Венеция» [113, с. 356].

Как следует трактовать этот документ? Как внезапный отказ от агрессивных планов в отношении Эфиопии в связи с намерением сосредоточить все силы на европейских делах? Безусловно, нет.

Речь шла о том, что министерство колоний, осуществляя важные приготовления в Эритрее, в то время не должно было

рассчитывать на привлечение вооруженных сил из метрополии. Это было связано с обстановкой, сложившейся в конце июля 1934 г. в связи с инспирированной Гитлером попыткой нацистов совершить в Австрии государственный переворот. 25 июля Муссолини отдал приказ об отправке четырех дивизий на перевал Бреннер и на границу австрийской области Каринтии, заявив при этом, что Италия будет «еще энергичнее» защищать независимость Австрии. И хотя в ответ на довольно твердую позицию Муссолини Гитлер был вынужден немедленно дать отбой нацистским замыслам в отношении Австрии, Муссолини все еще находился под впечатлением этих событий, не будучи уверен, что действительно наступила разрядка и что Гитлер не предпримет новую попытку осуществить аншлюс.

Одновременно, как видно из документа, Де Боно предлагалось «ускорить темп» военных приготовлений в Эритрее, а отнюдь не отказаться от них. Что касается мер камуфляжа фашистской политики в отношении Эфиопии, то они, по мнению фашистских лидеров, при любом развитии событий были бы выгодны Италии.

Следуя указанию Муссолини, колониальные власти в Эритрее действительно «ускорили темп». В результате за три месяца, с августа по октябрь 1934 г., численность туземных войск в Эритрее выросла почти в 3 раза (с 3850 до 10 800). В октябре 1934 г. начались работы по усовершенствованию порта Массауа и рейда Аркико с целью, по словам Де Боно, «приспособления того и другого к требованиям высадки экспедиционного корпуса». Проводились также работы по улучшению железной дороги Массауа — Асмэра, строительству шоссейных дорог, аэродромов. Началась доставка бомбардировщиков и самолетов-разведчиков [113, с. 370—372].

Но все это были частичные меры, не столь уж значительные по своим масштабам. Между тем Муссолини испытывал потребность в мероприятии «общенационального» масштаба, которое бы всколыхнуло всю страну. Убедившись в том, что вокруг Австрии действительно наступила некоторая разрядка, а других очагов напряженности в Европе пока не намечалось, Муссолини принял решение придать подготовке войны против Эфиопии новые масштабы, а также резко форсировать события. Тем более что теперь имелся и повод не только для разжигания антиэфиопских настроений в Италии и во всем мире, но и для отправки войск и техники к границам Эфиопии: инцидент в Уольуоле, где в декабре 1934 г. произошло вооруженное столкновение между итальянским и эфиопским патрулями.

30 декабря 1934 г. Муссолини направил военной верхушке фашистского государства меморандум-директиву по поводу подготовки войны против Эфиопии. Меморандум был этапным документом в истории подготовки агрессии фашистской Италии против Эфиопии.

Отдельные выдержки из этого документа содержались в изданных еще в 30-х годах книгах Де Боно и Армеллини [139; 133]. Полностью меморандум был опубликован в воспоминаниях А. Лессоны [148]. Кроме этого, текст меморандума опубликован в книгах Бьянки и Роша [239; 113; 114].

Основные положения меморандума можно резюмировать следующим образом.

1. Проблема итало-эфиопских отношений из области дипломатической перешла в область применения силы; она должна решаться «единственным средством, с помощью которого разрешались такие проблемы,— применением оружия», войной.

2. Решать проблему необходимо как можно скорее, т. е. сразу после окончания приготовлений, которые могут обеспечить Италии победу.

3. Срок окончания приготовлений — осень 1935 г.; до того времени следует избегать всяких инцидентов, которые могли бы ускорить начало военного конфликта.

4. Решать проблему в кратчайшие сроки следует по двум причинам. Во-первых, потому что в Эфиопии активно происходит процесс усиления центральной власти, оснащения эфиопской армии современным оружием; следовательно, «время работает против нас: чем дальше мы будем откладывать решение проблемы, тем труднее ее будет решать и тем больше жертв потребуется». Во-вторых, потому что обстановка в Европе довольно спокойная и она обещает остаться такой же.

5. «Целью (войны) не может быть ничто иное, кроме *уничтожения абиссинских вооруженных сил и полного завоевания Эфиопии*» (выделено в тексте документа).

6. Условия успешного осуществления военных операций против Эфиопии:

а) широкое использование тех видов техники, которыми Италия располагает в достаточных количествах, а Эфиопия не имеет совсем или имеет в недостаточном количестве;

б) сосредоточение к началу военных действий крупных сил, оснащенных современной техникой, в Эритрее: 60 тыс.—100 тыс. войск из метрополии и не менее 60 тыс. туземных войск; 250 самолетов и 150 танков; в Сомали—50 танков и 50 самолетов (численность войск не указывалась); «абсолютное превосходство в артиллерии и в газах», изобилие боеприпасов;

в) внезапное начало военных действий, без объявления войны, и форсированное осуществление операций, которое позволит поставить европейские страны перед свершившимся фактом;

г) политические акции внутри Эфиопии «с целью разложения и ослабления империи, возбуждая всеми средствами оппозицию» нелояльных к центральной власти вождей;

д) масштабность и размах подготовки к войне, которые должны оказать деморализующее влияние на эфиопских феодалов и в то же время способствовать сохранению лояльности эритрейцев по отношению к итальянцам;

е) наступательный характер операций, которые должны осуществляться под аккомпанемент пропаганды об их «чисто оборонительном характере» [113, с. 376—379].

Что же нового вносил в подготовку войны изложенный документ?

Во-первых, это была директива главы правительства и главы трех военных министерств (а через две недели и министра колоний), которую надлежало исполнять всем должностным лицам, и в этом состоял основной смысл документа.

Во-вторых, меморандум Муссолини поднимал предстоящую войну на уровень общенационального мероприятия, превращал ее в большую войну всей Италии против африканской страны.

В-третьих, директива Муссолини положила конец дискуссиям, которые происходили между министерством колоний и генштабом о характере войны (сначала обороняться, истощая силы противника, а потом наступать или наступать с самого начала). В соответствии с директивой война должна была быть наступательной с самого начала.

Кроме того, директива Муссолини положила конец и обсуждению вопроса о сроках начала военных действий. Несмотря на предложения генштаба отложить начало войны до осени 1936 г., срок, определенный в меморандуме, стал окончательным, с которым согласился и Бадольо [113, с. 382, 138]. Дальнейшие дискуссии касались уже исключительно техники ведения войны. Названные в меморандуме цифры о численности войск и вооружения, с которыми следовало начинать военные действия, Муссолини рассматривал как исходные, минимальные. В дальнейшем он их неоднократно увеличивал [113, с. 146, 162]. В ответ на просьбу Де Боно прислать до конца октября из Италии три дивизии Муссолини сообщал о своем намерении выслать десять дивизий. «Из-за отсутствия нескольких тысяч человек мы проиграли сражение при Адуа: я никогда не допущу этой ошибки. Я готов ошибиться в сторону избытка, но никогда в сторону нехватки» [114, с. 162].

Начинал же итальянский фашизм агрессию против Эфиопии, имея, по неофициальным подсчетам, на 1 октября 1935 г. в Эритрее 111 тыс. солдат и офицеров — итальянцев и 53 тыс. солдат-эритрейцев. Войска располагали 4200 пулеметами, 580 орудиями, 126 самолетами и 3700 автомашинами. В распоряжении армии было 35 тыс. животных (тягловая сила). В Сомали имелось 24 тыс. солдат и офицеров — итальянцев, 29,5 тыс. туземных войск. Боевая техника состояла из 1600 пулеметов, 117 артиллерийских орудий, 38 самолетов и 1850 автомашин. Тягловая сила — 7900 единиц.

В дальнейшем фашизм продолжал наращивать силы, участвовавшие в войне против народов Эфиопии. К маю — июню 1936 г. их численность составляла: 330 тыс. итальянцев-военных, 100 тыс. итальянских военизированных рабочих, 87 тыс. — вой-

ска из местного населения. Фашистские армии располагали 10 тыс. пулеметов, 1100 орудиями, 250 танками, 14 тыс. автомашин, 350 самолетами, огромным количеством винтовок и боеприпасов. Тяговая сила — 90 тыс. единиц [114, с. 139].

Всего, по официальным данным, за период войны было доставлено в Африку 570 тыс. военных и 68,5 тыс. гражданских лиц, 29 400 автомашин и механизмов, более 380 самолетов, 67 тыс. тяговых единиц, более 2 млн. т военных материалов и снаряжения [102, с. 52—53; 103, с. 37]. Такова была гигантская военная машина, которую итальянский фашизм привел в движение, чтобы поработить в угоду итальянскому империализму и черным силам реакции свободолюбивые народы Эфиопии. По численности вооруженных сил, по количеству боевой техники, использованной колонизаторами, это была одна из самых крупных войн во всей истории мирового колониализма.

На протяжении 1935 г. фашистская верхушка уделяла значительное внимание разработке оперативного плана войны. Общий замысел итальянского командования — нанести основной удар по Эфиопии из Северной Эритреи. (Основные черты итальянского стратегического плана были проанализированы вскоре после окончания итало-эфиопской войны такими авторами, как, например, Н. Г. Корсун [183], Р. Ксиландер [184].) Ближайшая задача состояла в том, чтобы, двигаясь тремя колоннами, достичь в результате первого броска линии Адди-Грат — Адуа — Аксум, затем двигаться в направлении Дэссе и дальше — к Аддис-Абебе.

Южный сомалийский фронт должен был играть вспомогательную роль. Основная задача этого фронта была сформулирована Муссолини в личной беседе с Грациани перед его отъездом в феврале 1935 г. в Сомали (куда он был вскоре назначен губернатором) как «обеспечение обороны Сомали, в первую очередь Могадишо», и создание для этого надежной оборонительной системы. Фактически же речь шла об отвлечении части вооруженных сил Эфиопии от основного для Италии — северного театра военных действий.

Вместе с тем в устных инструкциях, которые Муссолини дал Грациани, имелось указание и на последующие наступательные задачи сомалийского фронта. О получении такого рода инструкций лично от дуче Грациани доносил своему непосредственному начальнику Де Боно вскоре по прибытии в Сомали [113, с. 417]. Об этом же он писал позднее в своей книге (см. [145, с. 91]). Недавно опубликованные документы из Центрального государственного архива Италии свидетельствуют о том, что Муссолини действительно не исключал возможности выполнения южным фронтом наступательных операций. В телеграмме, направленной Де Боно 4 апреля 1935 г., Муссолини так разъяснял смысл устных инструкций, данных им генералу Грациани

в феврале: «Надо подготовить такую эффективную оборонительную систему, которая была бы в состоянии как отразить возможные действия противника, так и контратаковать, когда возникла бы совокупность благоприятных обстоятельств для этого» [113, с. 180].

Планируя и готовя операции против Эфиопии, итальянский генералитет и Муссолини уделяли особое внимание авиации. Бадольо писал Муссолини 6 марта 1935 г.: «С моей точки зрения, этому наступлению на Адуа должна предшествовать разрушительная активность всей нашей бомбардировочной авиации надо всеми основными абиссинскими центрами от границы вплоть до самой Аддис-Абебы. Все должно быть уничтожено фугасными и зажигательными бомбами. Надо посеять ужас во всей империи» [113, с. 403—404]. Соглашаясь с таким мнением, Муссолини отвечал Бадольо 8 марта 1935 г.: «Вначале задачей авиации должно быть разрушение абиссинской части железной дороги, ведущей в Аддис-Абебу, а затем — все обычные задачи бомбардировки войск, населения, материалов, источников жизни» [113, с. 406].

Из приведенных высказываний видно, что еще за полгода до начала агрессии против Эфиопии фашисты спланировали выполнение авиацией помимо чисто военных функций варварских разрушительных действий против мирного населения, по уничтожению жилищ, колодцев, посевов, дорог.

Важным аспектом подготовки войны против Эфиопии лидеры итальянского фашизма считали развертывание подрывной деятельности (использование межфеодалных, племенных, религиозных распрей, подкупа и т. д.). В январе 1935 г. Бадольо напоминал Муссолини об абсолютной необходимости проводить «с широким размахом деятельность, направленную на внутреннее разложение Абиссинии», как это делали англичане в 1868 г. [113, с. 389].

Весной и летом 1935 г. итальянцы активизировали эту деятельность. Так, в конце июня 1935 г. заместитель министра колоний А. Лессона подготовил доклад Муссолини, из которого следовало, что основной задачей в этой области министерство колоний считало привлечение на сторону Италии населения и вождей прилежавших к Эритрее территорий Эфиопии [113, с. 444—445]. Лессона сообщал, в частности, что в области Данакиль удалось завербовать на сторону Италии около 10 тыс. человек, что султан Аусы начал переправлять скот в Эритрею, что по-прежнему поддерживались хорошие отношения с одним из феодалов области Тигре, деджамачем Хайле-Сылласе-Гугса, а второго феодала этой же области — раса Сьюма продолжали обрабатывать, используя подкуп, запугивание и обещание сделать его правителем Тигре после оккупации этой области итальянскими войсками. Лессона отмечал, что итальянская агентура не теряла надежды на успех своей деятельности в Годжаме, воз-

действуя главным образом на сына раса Хайлу. Безуспешными оказывались попытки привлечения на сторону итальянцев двух могущественных вождей области Амхара — расов Имру и Каса.

3. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ФАШИЗМОМ ВОЙНЫ

Принимая решение о развязывании войны против Эфиопии, Муссолини и вся фашистская верхушка отлично понимали, что поставленная ими «проблема Эфиопии» касалась не одной только Италии. Она затрагивала империалистические интересы двух других держав, подписавших вместе с Италией в 1906 г. «соглашение о статус-кво» Эфиопии. Лидеры итальянского фашизма понимали также, что, ставя на повестку дня вопрос о судьбе такого крупного независимого африканского государства, каким была Эфиопия, они существенно подрывали международную систему, которая была установлена после первой мировой войны усилиями Англии, Франции, США и которая на том этапе устраивала английский и французский империализм. В Риме в полной мере отдавали себе отчет в том, что попытка захвата Эфиопии не могла оставить безразличными правительства Англии и Франции. А открыто враждебная позиция этих двух стран могла бы сделать практически неосуществимой успешное проведение войны против Эфиопии. Могли занять враждебную позицию по отношению к Италии (по разным мотивам) и некоторые другие империалистические государства, в том числе Германия.

Поэтому итальянский фашизм обратил самое серьезное внимание на дипломатическую подготовку войны. Наименьшее беспокойство вызывала в Риме позиция Германии. Фашистские лидеры понимали, что нацизм был заинтересован в том, чтобы Италия была втянута в войну против Эфиопии. Поэтому в Риме не были удивлены, когда в ответ на соответствующий запрос итальянский посол в Берлине В. Черутти сообщил Муссолини, что Гитлер поддержит итальянскую агрессию в Африке, поскольку это «ослабит оппозицию Италии аншлюсу» [388, 20.IV.1959]. Следовательно, вопрос о позиции Германии был ясен: исходя из своих империалистических целей, она не возражала против агрессии Италии в отношении Эфиопии.

Более сложным представлялось итальянскому фашизму дело обеспечения благожелательной или по крайней мере невраждебной позиции правительств Франции и Англии. (Изучение данной проблемы до сих пор затруднено из-за недостатка итальянских официальных документов, которые дали бы возможность в полной мере проанализировать деятельность итало-фашистской дипломатии в этот период.)

Франция. Прежде всего фашизм предпринял шаги для урегулирования отношений с правительством Франции (пожалуй, впервые в истории колониальной политики Италии правящие

круги этой страны искали основную поддержку своим колониальным устремлениям не в Англии, а во Франции). В Риме исходили из того, что политическая обстановка в первой половине 30-х годов в Европе и на Ближнем Востоке способствовала итало-французскому сближению.

Приход нацистов к власти в Германии в январе 1933 г., их доктрина и политические установки порождали беспокойство не только среди трудящихся масс, но и у части господствующего класса Франции. В 1934 г. это привело к попыткам противопоставить германскому нацизму коалицию европейских государств. Проводником такого курса был с февраля по октябрь 1934 г. министр иностранных дел французского правительства Луи Барту, считавший, что Италия вследствие существовавших у итальянского фашизма противоречий с немецким нацизмом (прежде всего из-за Австрии) могла оказать поддержку такой коалиции государств. Была достигнута договоренность о визите Барту в Рим. Гибель от руки террористов помешала Барту осуществить его намерение.

Визит в Рим совершил в начале января 1935 г. новый министр иностранных дел Франции П. Лаваль. Человек с явно профашистскими настроениями, Лаваль отражал взгляды той части французского капитала, которая с симпатией относилась к фашизму и была склонна идти на сговор с нацистской Германией и с фашистской Италией. Однако политические деятели, подобные Лавалю, вынуждены были считаться с антинацистскими настроениями широких кругов французской общественности и части буржуазии и заключать некоторые соглашения (или включать в них отдельные статьи), имевшие антинацистскую направленность. Одновременно они считали, что подобные соглашения могли повысить их акции в случае торга с нацистской Германией. Помимо этого, правящие круги Франции хотели отвлечь внимание итальянских фашистов от сфер французских империалистических интересов в Северной Африке и в Европе. Таковы были мотивы и обстоятельства, которые вели Францию к соглашению Лавалья — Муссолини.

Итальянский фашизм, учитывая складывавшуюся обстановку, сознательно шел на сближение с Францией. Вначале главным фактором, толкавшим итальянский фашизм по этому пути, были итало-германские противоречия, особенно обострившиеся после прихода Гитлера к власти в Германии. Основными пунктами этих противоречий являлись германо-итальянские экономические противоречия на Балканах, усилившаяся немецкая угроза Австрии (нацистские происки в Вене в конце 1933 — начале 1934 г., убийство проитальянски настроенного австрийского канцлера Дольфуса и попытка нацистского переворота в Австрии в конце июля 1934 г.), вызвавшая резкое обострение немецко-итальянских отношений в конце июля — начале августа 1934 г.

Другим мотивом, побуждавшим фашистскую Италию к сближению с Францией, было желание добиться наконец от французских правящих кругов колониальных компенсаций, предусмотренных статьей 13 Лондонского договора. К концу 1934 г. решающую роль приобрело стремление итальянского фашизма добиться согласия французского правительства на захват Эфиопии. При этом в Риме учитывали то, что, хотя французский империализм и имел определенные интересы в Северо-Восточной Африке, они не были столь значительными, как у Англии. Таким образом, стремление к итало-французскому сближению было обоюдным и имело довольно солидную базу.

В 1931—1933 гг. прошла серия итало-французских переговоров (см. о них [271; 291; 321]). В ходе их французская сторона добивалась согласия на выгодное для Франции решение вопроса об итальянцах в Тунисе. В обмен французы выражали согласие уступить Ливии некоторые оазисы. Кроме того, французская сторона заявила о готовности сделать некоторые уступки «по вопросу об Абиссинии»; в начале 1932 г. Гуарилья оценил их как «серию обязательств, которые должны были бы позволить и облегчить нашу будущую экспедицию в Абиссинию» [146, с. 165]. Маркиз Теодоли — итальянец, председатель комиссии по мандатам Лиги наций, представлявший на переговорах итальянскую сторону, оценивал их как «очень далеко продвинувшиеся». Однако Муссолини отклонил тогда французские предложения, расценив их как попытку отвлечь Италию от важных европейских проблем и заставить ее полностью увязнуть в африканских делах. Характерно, что уже тогда Р. Гуарилья рекомендовал сделать Франции уступки по вопросу о Тунисе, ибо «только эта жертва может позволить нам сегодня поставить на решение абиссинский вопрос» [146, с. 167].

В декабре 1932 г. премьер-министр Франции Поль-Бонкур дал вновь назначенному послу в Италии А. де Жувенелю указание «установить прочное согласие, объединив надолго обе страны» [291, с. 209]. На основе французской инициативы в марте 1933 г. в Риме начались переговоры, в которых принимал участие и Муссолини. В ходе переговоров затрагивался весь комплекс проблем, включая европейские и африканские.

Летом 1934 г. активизировалась итальянская дипломатия: именно она поставила вопрос о визите Барту в Рим. Готовясь к этому визиту, итальянцы решили добиваться соглашения на основе формулы: «Незаинтересованность Италии во французской Северной Африке, незаинтересованность Франции в Восточной Африке, включая Эфиопию» [257, с. 510]. Эта линия проводилась в ходе дальнейших франко-итальянских переговоров по колониальным вопросам.

Стремясь подчеркнуть свое желание развивать итало-французские связи, Муссолини заявил 6 октября в Милане, что отношения между Италией и Францией улучшились и что «согла-

шение с Францией было бы очень полезным и плодотворным» [236, с. 68].

В ноябре 1934 г. вновь возобновились переговоры с целью достижения соглашения. Итальянские представители на переговорах добивались продления еще на 10 лет конвенций 1896 г., касавшихся итальянцев в Тунисе, а также передачи Италии части Французского Сомали, за исключением порта Жибути. Они подчеркивали при этом, что исправлением границ Ливии и уступкой Италии Французского Сомали была бы окончательно урегулирована проблема компенсаций, предусмотренных статьей 13 Лондонского договора [236, с. 72].

Вместе с тем все большее место в делах итальянской дипломатии начали занимать вопросы, связанные с подготовкой войны против Эфиопии. 1 октября 1934 г. глава итальянской делегации в Лиге наций барон Алоизи после своей беседы с заместителем министра иностранных дел Сувичем записал в дневнике: «...говорили по поводу слухов о войне в Абиссинии. Констатировали, что ничего невозможно сделать без соответствующей международной подготовки» [132, с. 224]. 25 декабря 1934 г. Алоизи так передавал в дневнике слова Муссолини, сказанные в тот же день в беседе с ним: «Проблема Абиссинии окончательно созреет, когда мы заключим соглашение с Францией». Одновременно Алоизи отмечал, что Муссолини требовал «ускорить события» [132, с. 239].

По мере того как «проблема Эфиопии» приобретала все большее значение для итальянских фашистов, они готовы были идти навстречу Франции по другим вопросам. Уже в ходе ноябрьских переговоров итальянцы отказались фактически от притязаний на большую часть Французского Сомали.

Принципиально важным этапом в развитии итало-французских отношений в 30-х годах, а главное — важнейшей вехой подготовки итальянской агрессии против Эфиопии явились франко-итальянские соглашения от 7 января 1935 г., известные как соглашения Лавалья — Муссолини.

Сразу же после завершения переговоров были опубликованы общая декларация, договор об урегулировании интересов Франции и Италии в Африке, специальный протокол о статусе итальянского меньшинства в Тунисе, протокол, предлагавший заключение пакта о ненападении государств, граничивших с Австрией. Среди не опубликованных в то время документов — протокол о консультациях в случае, если нацистская Германия откажется от ограничений, наложенных на нее Версальским договором, протокол о поддержании статус-кво в районе Бабель-Мандебского пролива, обмен письмами, в соответствии с которым интересы Франции в Эфиопии ограничивались чисто экономической сферой и определялся размер итальянского участия в капитале железнодорожной компании.

Соглашения, преданные гласности сразу после подписания, были опубли-

кованы в ряде стран, в том числе в английском официальном издании [79, т. 139]. О наличии секретных соглашений и устной договоренности Лавалья — Муссолини писали многие авторы уже в 1936—1941 гг., в том числе французские публицисты, авторы книги «О тех, кто предал Францию» [209]. Документальное подтверждение наличия секретных соглашений и устной договоренности Лавалья—Муссолини приведено в статье Аскью [233, с. 48—49]. Текст писем Лавалья и Муссолини, дающих трактовку их устной договоренности, приведен в книге одного из бывших видных сотрудников французского посольства в Риме, Ю. Лагарделя [147, с. 275—287]. Секретные соглашения Лавалья—Муссолини, включая обмен письмами от 7 января 1935 г., были опубликованы с комментариями в одном из английских журналов [371, с. 69—78].

Соглашения касались главным образом двух групп проблем: европейских и африканских.

По европейским вопросам имелись две существенные договоренности:

1) обязательство сторон не наносить ущерба территориальной целостности или политическому и социальному строю других стран, а также консультироваться между собой и с третьими странами в случае возникновения угрозы целостности и независимости Австрии;

2) обязательство Италии и Франции (зафиксированное в секретном протоколе) консультироваться по поводу своей линии поведения в случае отказа Германии от соглашений, ограничивавших ее вооружение [371, 1961, № 1, с. 69—78].

Сразу же подчеркнем, что указанные положения соглашений Лавалья — Муссолини были мертворожденными. Для их осуществления нужна была твердая решимость противодействовать агрессивным устремлениям и действиям нацизма. А такой решимости не было ни у Лавалья, склонного к сговору с гитлеризмом, ни тем более у Муссолини, который сам приступил к активной подготовке агрессии против Эфиопии и, следовательно, к нарушению подписанных ранее соглашений, в частности итало-эфиопского договора о дружбе, посредничестве и арбитраже (1928 г.).

По африканским проблемам соглашение Лавалья — Муссолини содержало такие основные положения:

1) итальянское правительство отказывалось от основных требований по поводу особых прав итальянцев в Тунисе;

2) итальянское правительство согласилось с тем, что Франция передаст Италии пустынную территорию, прилегающую на юго-западе и на юге к Ливии площадью 114 тыс. кв. км, а также небольшую территорию на границе между Эритреей и Французским Сомали площадью 800 кв. км с островком Думейра (вместо крупных территориальных приращений, которых итальянские правящие круги добивались от Франции в течение полутора десятилетий);

3) французское правительство обязалось передать Италии 2500 акций железнодорожной компании Джибути — Аддис-Абе-

ба и добиться увеличения итальянского представительства в руководящих органах компании;

4) французское правительство брало на себя обязательство не добиваться в Эфиопии удовлетворения других интересов, кроме экономических, связанных с эксплуатацией железной дороги Джибути — Аддис-Абеба и с торговлей в определенной, прилегающей к ней зоне [371, 1961, № 1, с. 76—77; 147, с. 109].

Это последнее положение имело большое значение. Фактически речь шла о том, что Франция соглашалась удовлетвориться признанием чисто экономического характера ее интересов, связанных с железной дорогой, и в весьма ограниченной зоне. Представители Франции явно отступали от того, что было предусмотрено договором 1906 г. Там говорилось об «интересах Франции в Эфиопии, связанных с протекторатом Французский берег Сомали, хинтерландом этого протектората и зоной, необходимой для строительства и функционирования железной дороги Джибути — Аддис-Абеба» [90, с. 423]. Сам Лаваль писал позднее Муссолини: «Я согласился ограничить эти интересы (Франции.— В. Т.) в Эфиопии зоной, необходимой для поддержания движения и торговли по железной дороге Джибути — Аддис-Абеба» [147, с. 275—276, 285]. Но это была, пожалуй, единственная существенная уступка, сделанная французской стороной в тексте соглашений. Уступки итальянских фашистов, зафиксированные или фактические, были более значительными.

Почему же Муссолини уступил французам по вопросу об итальянцах в Тунисе; почему он удовлетворил серьезное предложение Франции по европейским делам (очевидно, что в положениях, касавшихся консультаций в связи с возможным отказом Германии от статей Версальского договора, была заинтересована прежде всего Франция); во имя чего он отказался от притязаний на очень крупные территориальные компенсации в Африке (районы к югу от Ливии до Чада и почти все Французское Сомали), которые настойчиво и последовательно выдвигались итальянским фашизмом вплоть до лета 1934 г.? Ответ может быть только один: Муссолини пошел на удовлетворение целого ряда французских предложений и на ограничение своих собственных притязаний по указанным проблемам, чтобы получить поддержку Франции в чем-то самом главном для итальянского фашизма. А этим главным в начале 1935 г. было разрешение «абиссинской проблемы». Алоизи писал в дневнике в начале 1935 г.: «Сувич сказал мне, что дуче абсолютно неприимим и не занимается ничем, кроме абиссинского вопроса» [132, с. 255]. В связи с этим многие политики, журналисты и историки уже в 30-х годах высказывали предположение о том, что Лаваль взял на себя какие-то еще более значительные обязательства, чем те, которые были зафиксированы в письменных соглашениях (в том числе и секретных, о существовании и содержании которых стало известно уже во второй половине

30-х годов). Некоторые наши издания писали даже о том, что Лаваль дал прямое согласие на агрессию Италии против Эфиопии или что он «подарил Муссолини Эфиопию» [174, т. 3, с. 617].

Как следует из обмена письмами, состоявшегося между Лавалем и Муссолини 22 и 25 декабря 1935 г., 23 января и 19 февраля 1936 г., Лаваль во время заключительной беседы с Муссолини действительно дал согласие на предоставление Италии «свободы действий» в Эфиопии (см. [147, с. 279, 285]). Однако Лаваль упорно настаивал на том, что речь шла только о свободе экономической активности Италии в Эфиопии, о ее экономическом преобладании в этой стране [89, т. 1, с. 146; 147, с. 276].

Муссолини, напротив, утверждал, что речь шла о «свободе действий» вообще, о свободе политических действий Италии по отношению к Эфиопии. Он писал: «В наших беседах неоднократно упоминалась „свобода действий“ для меня в Абиссинии... Очевидно, что ни одна потребность Италии не могла бы найти удовлетворения в Эфиопии, если бы она не была гарантирована политическим контролем» [147, с. 279—280]. Муссолини совершенно определенно указывал в письме Лавалю от 19 февраля 1936 г. на «политический и экономический характер» обязательств Франции по отношению к итальянским устремлениям в Эфиопии [147, с. 287].

Некоторую ясность в вопрос вносит, на наш взгляд, текст согласованного итало-французского документа от 4 января 1935 г., подготовленного накануне встречи Лавалья — Муссолини, в котором зафиксировано признание Францией того, что с некоторыми оговорками в пользу Франции и Англии «Италия имеет преобладающие права на всю территорию Эфиопии» и что «в указанном районе» возможно «изменение статус-кво» [257, с. 532].

Представляется наиболее вероятным, что Муссолини и Лаваль договорились на заключительной встрече, проходившей без свидетелей, о «свободе действий» Италии в Эфиопии вообще. При этом Муссолини исходил из того, что французское правительство не будет возражать против любых его действий в Эфиопии. И это было то главное, чего Муссолини добивался на итало-французских переговорах на том этапе. Если бы не было этого согласия, Муссолини вряд ли пошел бы на те уступки, о которых речь шла выше.

Лаваль отлично понимал, что Муссолини готов на самые решительные действия, и дал согласие на «свободу действий», однако из осторожности отказался фиксировать это в каком-либо документе. Не исключено, однако, что в январе 1935 г. он считал реальным удовлетворить колониальные притязания Италии за счет Эфиопии, не доводя дело до войны. Когда же позднее стало очевидно, что итальянский фашизм не хочет ни-

какого другого решения проблемы, кроме военного, Лаваль не противодействовал, а способствовал ему.

По существу, соглашения Лавалья — Муссолини были первым, начальным актом той политики поощрения фашистской агрессии, которая впоследствии получила название «мюнхенской политики». Впервые в послевоенный период фашистское государство встало на путь явной подготовки агрессии. А одна из великих держав — Франция соглашением Лавалья — Муссолини не только не противодействовала этим агрессивным устремлениям, а фактически санкционировала их. Такая позиция не могла не оказывать отрицательного влияния на общий дух международных отношений, существенно ухудшая его. Не случайно, именно в марте 1935 г. гитлеровская Германия, почувствовав капитулянтский дух в политике Запада, выразившийся прежде всего в соглашениях Лавалья — Муссолини, объявила о своем отказе от военных статей Версальского договора и о создании армии. Этим самым было положено начало целой серии агрессивных акций со стороны фашистских государств, финальным аккордом которых была вторая мировая война.

Наиболее важными задачами, которые решала итальянская дипломатия после соглашений Лавалья — Муссолини, были, во-первых, поддержание дружественных отношений с Францией, а также использование французского правительства в качестве союзника и помощника для решения целой серии частных вопросов, связанных с подготовкой войны против Эфиопии; во-вторых, удержание Англии на позициях нейтралитета по отношению к Италии.

На протяжении всего 1935 года итальянские правящие круги поддерживали самые тесные контакты с французским правительством, особенно с Лавалем, который был министром иностранных дел, а с 7 июня 1935 г. еще и главой правительства. Принимая во внимание заинтересованность Лавалья в итальянском сотрудничестве по европейским делам и его общую фашистскую ориентацию, руководители итальянской внешней политики широко использовали французскую поддержку для решения целого ряда перспективных и текущих задач.

Одной из основных задач с самого начала 1935 г., когда эфиопское правительство впервые обратилось в Лигу наций с жалобой на агрессивные действия Италии, итальянское правительство считало недопущение или по крайней мере оттягивание обсуждения жалоб Эфиопии в органах Лиги наций. Барон Алоизи писал 9 января 1935 г. по поводу инструкций, данных ему Муссолини: «Затем мы говорили об итало-эфиопском конфликте. Муссолини никоим образом не хочет уступать Аддис-Абебе, но он абсолютно не хочет также, чтобы Совет Лиги наций занимался этим спором. Я должен буду уладить дело и сделать невозможное» [132, с. 247].

Уже при обсуждении первого официального обращения

эфиопского правительства от 15 января относительно постановки вопроса на заседании Совета Лиги в ходе закулисных контактов и переговоров 17—19 января Лаваль оказывал активную поддержку барону Алоизи (см. [132, с. 251—252]). В результате ловкого маневра итальянского правительства, заявившего о своем согласии на прямые переговоры с представителями Эфиопии и на урегулирование конфликта на основе статьи 5 договора 1928 г., а также в результате давления на эфиопскую делегацию со стороны представителей Франции и Англии вопрос не был поставлен на немедленное обсуждение Лиги наций, а запланирован для рассмотрения на майской сессии Совета Лиги.

В связи с форсированной подготовкой фашистской Италии к агрессии (с середины февраля 1935 г. началась активная переброска итальянских войск в восточноафриканские колонии) Эфиопия трижды — 17 и 29 марта, а также 3 апреля — обращалась с просьбой о рассмотрении всей проблемы итало-эфиопских отношений в Совете Лиги. Однако в результате нового маневра итальянского правительства, сообщившего накануне Чрезвычайной сессии Совета Лиги, назначенной на 15 апреля, о своем согласии начать прямые переговоры и прибегнуть к арбитражу по поводу инцидента в Уольуоле, усилиями главным образом французских представителей и генерального секретаря Лиги наций француза Авоноля было вновь решено не ставить на немедленное обсуждение итало-эфиопский конфликт, поскольку-де уже запланировано его рассмотрение на майском заседании Совета Лиги.

В мае итальянская дипломатия прилагала отчаянные усилия, чтобы не допустить обсуждения на заседании Совета Лиги итало-эфиопского конфликта по существу. В результате активного нажима итальянских дипломатов, поддержанных французами, 25 мая Совет Лиги принял две резолюции, которые создавали иллюзию определенного прогресса в урегулировании итало-эфиопского конфликта и проявления доброй воли со стороны итальянского правительства. В самом деле, в соответствии с одной резолюцией устанавливалась дата — 25 августа — как срок завершения процедуры примирения и арбитража, на которую согласились обе стороны. Другая резолюция предусматривала, что Совет Лиги вновь соберется на заседание, если до 25 августа урегулирование не будет достигнуто [236, с. 153—154; 90, с. 146]. В действительности же итальянский фашизм получал трехмесячный срок для дальнейшей подготовки агрессии против Эфиопии. А резолюции Лиги наций до некоторой степени предохраняли его от критики со стороны прогрессивной общественности мира. Ведущую роль в принятии Советом Лиги выгодного итальянскому фашизму решения играла французская дипломатия, в первую очередь в лице Лавалья.

Алоизи записал в своем дневнике по этому поводу: «Во время всех переговоров, проходивших в последние дни, Лаваль

был великолепен и очень сильно помогал нам... Лаваль очень дружелюбен во всем» [132, с. 275].

В связи с дальнейшим наращиванием в июне — июле темпов подготовки агрессии Италии против Эфиопии и саботажем фашистским правительством осуществления арбитражной процедуры правительство Эфиопии 24 июля вновь потребовало созыва Совета Лиги наций и обсуждения проблемы. Французское правительство по согласованию с итальянским попыталось снова добиться отсрочки, однако под давлением ряда делегаций, в первую очередь советской, было вынуждено согласиться на обсуждение хода урегулирования конфликта на заседании Совета Лиги 3 августа. За несколько дней до заседания, 31 июля, Муссолини выступил в газете «Пополо д'Италия» со статьей, в которой весьма откровенно провозгласил свои милитаристские, захватнические планы. «Экспансия, которая не обеспечивается оружием, протекторат, который не опирается на военные меры, неизбежно будут иметь такой же конец, как протекторат, установленный Уччиалльским договором. С другой стороны, пока продолжает существовать эфиопская военная угроза, безопасность наших колоний будет ненадежной. Италия — единственный судья пределов этой безопасности» [106, т. 27, с. 110—111], — говорилось в статье.

Несмотря на эту открытую декларацию агрессивных устремлений, Совет Лиги в своей резолюции от 3 августа ограничился рекомендацией обеим заинтересованным сторонам продолжать придерживаться процедуры арбитража и примирения и предложил обоим правительствам сообщить о достигнутых результатах не позднее 4 сентября [90, с. 146]. Оценивая роль Лавала в конце июля — начале августа, Алоизи писал: «Лаваль помог мне изо всех сил» [132, с. 292]. А Муссолини в статье, опубликованной в «Джорнале д'Италия» 5 августа, отмечал: «Господин Лаваль может быть уверен, что Италия высоко ценит его усилия» (цит. по [147, с. 144—145]).

Таким образом, вплоть до сентября 1935 г. Лаваль оказывал всяческую помощь фашистским лидерам в недопущении обсуждения в Лиге наций существа итало-эфиопского конфликта. Когда же дальнейшее оттягивание такого обсуждения стало невозможным, Лаваль оказал максимум услуг фашистским дипломатам в ходе обсуждения итало-эфиопского конфликта в Лиге наций на новом этапе.

Важной задачей своей внешней политики с конца июля — начала августа 1935 г. фашизм считал обеспечение себе поддержки французского правительства в новых условиях, когда становилось все более очевидным (фашисты стали явно демонстрировать это), что единственным средством утверждения своего господства в Эфиопии Италия считает войну.

Дело в том, что до июля даже в своих неофициальных контактах с французскими политическими деятелями фашистские

лидеры не раскрывали того, что конечной целью их политики в Северо-Восточной Африке являлась в любом случае война против Эфиопии, военное завоевание этой страны. Осуществляя подготовку военных действий, Муссолини до тех пор не исключал возможности своего согласия на мирное удовлетворение итальянских притязаний. Ведь наращивание вооруженных сил могло рассматриваться и как средство военно-политического давления с целью достижения капитуляции Эфиопии.

В начале августа 1935 г. Муссолини решил раскрыть свои карты перед Лавалем. Инструктируя своих помощников в связи с предстоящим 16 августа в Париже совещанием представителей трех держав по поводу «эфиопской проблемы», Муссолини заявил: «Я не хочу соглашений, разве что мне дадут все, включая голову императора. Ибо я должен подготовить войну и даже подготовиться к всеобщему конфликту» [132, с. 293]. Давая последние наставления Алоизи перед его отъездом в Париж, Муссолини разрешил ему раскрыть Лавалю подлинную цель итальянской политики. «Он мне предложил поговорить начистоту с Лавалем и заявить ему, что Италия будет вместе с Францией по дунайским проблемам, что она согласится на договор, даже на союз с Югославией, лишь бы Франция поддержала нас в этом деле» [132, с. 294].— писал Алоизи.

Алоизи изложил Лавалю итальянскую позицию в соответствии с инструкциями Муссолини. В ответ Лаваль попытался было убедить Алоизи согласиться с рядом предложений, которые бы давали Италии господствующие позиции, вплоть до получения на Эфиопию прав такого же типа, как права, которые давал Англии мандат на Ирак [132, с. 295; 236, с. 263]. В беседе с итальянским послом В. Черутти Лаваль просил передать Муссолини, что он «готов сделать все для Италии, которая должна иметь возможность распространить свое господство на необходимые ей территории, но не следует говорить о войне и ставить под угрозу существование Лиги наций» [368, 1953, № 1, с. 48].

Одновременно Лаваль продолжал активно действовать, пытаясь добиться удовлетворения максимальных итальянских претензий к Эфиопии через Лигу наций (наилучший вариант с точки зрения Лавалья), не противодействуя в то же время подготовке Италии к войне против Эфиопии. Исходя из интересов французского империализма, Лаваль разрешал дилемму — престиж Лиги наций или дружба с итальянским фашизмом — в пользу последней. 28 августа на заседании совета министров Франции Лаваль отстаивал идею о необходимости оказывать сдерживающее воздействие на английское правительство, чтобы дело не дошло до разрыва и до войны с Италией из-за Эфиопии [236, с. 307].

В первых числах сентября, зная, что у Италии почти все было готово к началу военных действий, в связи с настойчивы-

ми требованиями общественности многих стран о применении санкций по отношению к потенциальному агрессору Лаваль предостерегал Идена, являвшегося в то время министром по делам Лиги наций, «как бы санкции не привели к войне». По словам Идена, Лаваль заявлял, что он не собирается поддерживать никаких мер вроде морской блокады, так как «это должно было повести к инцидентам и, вероятно, к войне» [140, с. 250].

В Комитете пяти, созданном Советом Лиги наций, Лаваль внес предложение об установлении «международного военного контроля», иначе говоря, международной оккупации Эфиопии, которую бы осуществляли Италия и некоторые мелкие государства — члены Лиги наций, о переходе в состав итальянских колоний части периферийных территорий Эфиопии (Огаден, Кэфа и др.), которых требовала Италия, о «праве» Италии на строительство железной дороги, связывавшей обе ее колонии, о предоставлении Францией и Англией капиталов, необходимых для финансирования соответствующих работ, и т. д. [132, с. 304]. (Муссолини, решительно ориентировавшийся на войну, отверг даже такие предложения.)

В напряженный месяц кануна итало-эфиопской войны фашистская дипломатия неоднократно обращалась за поддержкой к Лавалю, когда ей надо было добиться решения того или иного сложного вопроса. Так, в сентябре Алоизи обратился к Лавалю с просьбой сделать предложение английскому правительству о том, чтобы санкции в отношении Италии носили невоенный характер и не наносили ущерба ее престижу [132, с. 306—307]. 17 сентября Лаваль предложил английскому правительству дать заверение Муссолини в том, что против Италии не предусматриваются ни военные, ни экономические санкции, «способные поразить жизнь нации». Несмотря на колебания английских руководителей, Лаваль уже 19 сентября сообщил им, что он информировал Алоизи о том, что никогда и речи не шло о закрытии Суэцкого канала или о военных санкциях [306, с. 307].

После начала военных действий Италии против Эфиопии именно Лаваль решительно выступал против применения военных санкций в отношении Италии. В октябре 1935 г. Лаваль даже выразил сожаление по поводу присутствия в Средиземном море британских военно-морских сил в количестве, значительно превосходившем обычное, указав на необходимость вывода некоторых кораблей [147, с. 181].

Поддерживая постоянный контакт с руководителями фашистской Италии, Лаваль продолжал деятельность в Лиге наций в интересах агрессора. При активном участии Лавалья в первой половине декабря в момент вынужденной остановки фашистского наступления и начала применения экономических санкций против Италии разрабатывался проект позорного документа, вошедшего в историю под названием «План Хора — Лавалья».

Нельзя не упомянуть также о той позиции, которую заняло французское правительство по поводу поставок оружия в Эфиопию. С начала 1935 г. в связи с обострением итало-эфиопских отношений правительство Эфиопии приняло меры для увеличения закупок оружия в капиталистических странах. Это вызвало недовольство итальянского правительства, которое дважды — в апреле и в мае — обращалось в Париж с требованием запретить транзит оружия в Эфиопию через Джибути. Французское правительство официально отклонило эти демарши. Однако неофициально Лаваль согласился сделать все возможное, чтобы предотвратить экспорт оружия из Франции в Эфиопию [236, с. 227]. Одновременно Италия активно закупала во Франции недостававшее ей оружие.

Отметим попутно, что и английское правительство в ответ на соответствующее представление Италии, сообщило, что со времени Ульуольского инцидента из Великобритании не осуществлялось поставок оружия в Эфиопию и что английское правительство вообще предупредило британские оружейные фирмы против продажи оружия Эфиопии в дальнейшем. Фашистское правительство попросило англичан запретить провоз оружия через контролируемые Англией территории, граничащие с Эфиопией [236, с. 227].

Таким образом, итальянский фашизм сумел использовать в своих интересах профашистские симпатии влиятельных сил имущих классов Франции, одним из выразителей которых был П. Лаваль. Об этих силах говорилось в обзоре секретариата Лиги наций: «В этой стране (Франции) Муссолини стараются помочь как раз те, кто считает, что падение Муссолини сделает невозможным для французских фашистов захватить власть в их собственной стране... А на их стороне — организация, деньги и, может быть, даже армия» [306, с. 300].

Англия. Гораздо более сложной представлялась вторая крупная дипломатическая и политическая задача, которую решал итальянский фашизм в период подготовки агрессии против Эфиопии, — задача удержания Англии на нейтральных позициях. Сложнее эта задача была по ряду причин. Во-первых, потому что интересы британского империализма в Северо-Восточной Африке и в бассейне Красного моря были более значительными, чем французские. И дело не только в интересах, которые английский империализм имел в самой Эфиопии. Дело в том, что итальянский контроль над Эфиопией означал бы определенную опасность для английских империалистических интересов в Судане и Египте, для британских колоний в Восточной Африке, не говоря уже о Британском Сомалиленде. Возможное установление итальянского господства в Эфиопии могло рассматриваться в Лондоне как потенциальная угроза для всех английских коммуникаций, проходивших через Суэцкий канал, Красное море и Баб-эль-Мандебский пролив. Во-вторых, английские правящие круги вынуждены были постоянно учитывать антифашистские настроения общественности Англии, особенно в связи

с предстоящими в ноябре 1935 г. парламентскими выборами. Наконец, в не меньшей мере, чем для французских правящих кругов, для британского империализма имело значение поддержание Лиги наций как инструмента своей политики и того международного равновесия, которое сложилось после первой мировой войны.

Тем не менее решать данную задачу было необходимо, и итальянский фашизм приступил к этому с января 1935 г. 29 января советник итальянского посольства в Лондоне Л. Витетти в неофициальной беседе в Форин офис информировал о секретных соглашениях, подписанных в ходе переговоров Лавалья — Муссолини, и высказал пожелание своего правительства приступить к обмену мнениями по поводу интересов двух сторон в Эфиопии с тем, чтобы избежать столкновения этих интересов [371, 1961, № 1, с. 72]. При этом Витетти не раскрывал, естественно, характера планов итальянского правительства.

В февралье контакты с руководителями британского министерства иностранных дел продолжил посол Италии в Великобритании Д. Гранди. В беседах с министром иностранных дел Саймоном и заместителем министра Ванситтартом Гранди прямо предложил: «Было бы хорошо, если бы Англия последовала примеру Франции и достигла с нами соглашения по эфиопскому вопросу» [146, с. 216]. При этом Гранди подчеркивал, что «Эфиопия должна рассматриваться как объект колониальной политики трех держав, а не как субъект международной политики» [146, с. 218]. По словам самого Гранди, во время беседы он показал Ванситтарту одну телеграмму из итальянского министерства иностранных дел, «ясность, точность и обилие аргументов которой делали излишним всякий комментарий и всякое дополнительное иллюстрирование» [146, с. 230].

В Лондоне поняли чрезвычайно серьезный характер итальянских намерений в отношении Эфиопии.

Ванситтарт заявил Гранди 27 февраля: «Ваше предприятие в Абиссинии, а теперь ясно, что вы преследуете цель колониального завоевания, серьезно усугубляет замешательство всех тех, кто опасается, что этим африканским предприятием может быть поставлено под угрозу искреннее и полное итало-британское сотрудничество» [146, с. 217]. Иден пишет в своих мемуарах, что еще 26 февраля 1935 г. он представил государственному секретарю по иностранным делам меморандум, в котором указывал, что «итальянские устремления не ограничатся несколькими колодцами», что «Италия имеет целью не менее, чем поглощение Эфиопии по частям» [140, с. 199].

Саймон писал королю 21 февраля, что внимание Италии было занято в тот момент «абиссинским вопросом», развитие которого могло иметь, по его мнению, «серьезный исход». Однако «он должен быть улажен так, чтобы англо-итальянские отношения не приняли неблагоприятного поворота» [306, с. 296].

Поэтому в адрес самих итальянцев Саймон ограничился довольно общим предостережением относительно возможных опасных для Италии последствий ее африканских устремлений [236, с. 95]. В это же время для обстоятельного изучения проблемы в Англии была создана специальная комиссия во главе с заместителем министра колоний Дж. Мэффи.

Констатировав уже в январе — феврале 1935 г. серьезность намерений итальянских фашистов по отношению к Эфиопии, руководители английской внешней политики, по словам Д. Гранди, продемонстрировали «самую большую неуверенность и колебание» по поводу последствий итало-французского соглашения, а также целей «нашего начинания и наших действий» [146, с. 216].

Это поощряло фашистских агрессоров. Вместе с тем в Риме желали внесения большей ясности в вопрос о позиции Англии. В середине апреля в ходе конференции глав правительств и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии в Стресе, созданной в связи с денонсированием Гитлером военных статей Версальского договора, Муссолини нашел случай косвенно выяснить отношение британских руководителей к своим колониальным притязаниям. При всем различии изложения деталей эпизода, происшедшего при выработке заключительного коммюнике конференции (см. [147, с. 125—126; 236, с. 121—122; 131, с. 394—395]), неизменной остается суть вопроса. Муссолини смог сделать вывод: «Англичане не собираются препятствовать нам в Эфиопии» [131, с. 395].

Желая побудить английские правящие круги к поддержке своих устремлений или по крайней мере к благожелательному нейтралитету, фашистская дипломатия предприняла новую серию демаршей. В конце апреля — начале мая 1935 г. Гранди вновь имел беседы с Саймоном и Ванситтартом. Рим настаивал на проведении официальных англо-итальянских переговоров. Основной довод, который использовал итальянский посол, стремясь склонить Форин офис к соглашению с Италией, состоял в следующем: Великобритании выгодно, чтобы Италия была достаточно сильной в Европе, поэтому в интересах Англии не только не создавать препятствий, а, напротив, эффективно сотрудничать с Италией, «чтобы как можно скорее положить конец эфиопскому вопросу» и чтобы Италия с наименьшей затратой средств удовлетворила свои африканские притязания [146, с. 231—232].

В начале мая Муссолини направил в Лондон послание, в котором, по сведениям, приводимым Иденом, призывал английское правительство «проявить самое дружеское и доброжелательное отношение к действиям Италии в Абиссинии» [140, с. 203]. 4 мая Муссолини заявил английскому послу в Риме: «Италии необходимо решить эфиопскую проблему любыми средствами, чтобы иметь возможность свободно действовать в Ев-

ропе» [236, с. 139]. Иден совершенно справедливо определил смысл итальянских демаршей в тот момент как «дипломатическим языком сформулированное требование свободы действий в Абиссинии» [140, с. 204].

Руководители британской внешней политики отклонили итальянские предложения. Ванситтарт от имени своего правительства заявил Гранди, что при существовавших в тот момент внутривластных условиях Лондон не мог дать положительного ответа на итальянскую просьбу о проведении переговоров [146, с. 232].

Таким образом, получив в конце апреля — начале мая еще одно подтверждение крайней серьезности планов итальянского фашизма в отношении Эфиопии, английские правящие круги не согласились оказывать им явную поддержку. В то же время они не стали и активно противодействовать этим планам, что объективно было на руку фашистам.

Учитывая общую обстановку (некоторая активизация эфиопских представителей в Лиге наций, приближение обсуждения итало-эфиопского конфликта на Совете Лиги), Муссолини возобновил во второй половине мая дипломатический нажим на британское правительство. 21 мая он заявил британскому послу Друммонду, что Италия наметила путь решения эфиопской проблемы и отступить от него не намерена: это путь наращивания вооруженных сил и вооружений в итальянских колониях в Восточной Африке, а при необходимости — и войны. Если Лига наций будет поддерживать Эфиопию, то Италия выйдет из Лиги. Что касается Англии, то дуче выражал надежду, что английское правительство и народ Англии не захотят жертвовать хорошими отношениями с Италией из-за Эфиопии [146, с. 237; 140, с. 210; 236, с. 153].

Одновременно были предприняты шаги для улучшения итало-германских отношений. Немецкий посол в Риме Хассель писал 30 мая в Берлин: «Здесь тенденция к улучшению отношений с Германией стала более заметной, а в течение последних нескольких дней усилилась настолько значительно, что почти можно говорить о полном изменении отношения Италии к Германии» [236, с. 161]. В это же время Алоизи в своем дневнике констатировал «тенденцию к нашему сближению с Германией» [132, с. 279].

Почувствовав первые признаки новых настроений в Риме, Гитлер уже 21 мая 1935 г. в речи, произнесенной в рейхстаге, положительно откликнулся на них (см. [236, с. 160—161]). В ответ Муссолини 25 мая при отъезде из Рима немецкого военного атташе выразил надежду, что «постепенное и систематическое сближение между Германией и Италией будет происходить в рамках этой переориентации» [236, с. 161].

Подобного рода внешнеполитические изменения, как и обращенные к англичанам угрозы, о которых речь шла выше, не

могли оставить безразличными правящие круги Великобритании.

В английских правительственных сферах в это время определились две группы деятелей, позиции которых несколько различались в связи с итало-эфиопским конфликтом. Некоторые (лорд-хранитель печати Лондондерри, канцлер казначейства Н. Чемберлен, министр торговли Рэнсимен, лорд Галифакс) с симпатией относились к фашизму и склонны были оказывать поддержку экспансионистской политике Италии. Оставаясь верными стражами британских имперских интересов, они в то же время готовы были идти на значительные уступки итальянскому фашизму в его колониальных притязаниях.

В основе такой позиции лежала прежде всего классовая солидарность наиболее реакционных кругов английских имущих классов с итальянским фашизмом. В этой связи чрезвычайно характерными являются высказывания Дж. Саймона, который в частных беседах весьма откровенно высказывал опасения, как бы английское противодействие планам Муссолини не привело к кризису и к падению фашистского режима в Италии, поскольку-де вопрос стоял только так: «либо фашизм, либо большевизм» (см. [322, с. 547]).

По мнению политических деятелей этого типа, при всем значении Лиги наций как инструмента британской политики в жертву ей не следовало приносить англо-итальянские отношения, так как Италия была для Англии необходимым элементом европейского равновесия. Захват Италией Эфиопии, с их точки зрения, не мог представлять серьезной угрозы для британских колониальных интересов, поэтому можно было идти на удовлетворение итальянских притязаний в этой части Африки. Отражением таких взглядов был представленный английскому правительству 18 июня секретный доклад комиссии Мэффи.

Основные выводы комиссии сводились к следующему:

1) Италия стремится к установлению полного контроля над Эфиопией;

2) с точки зрения защиты британских имперских интересов независимая Эфиопия была бы предпочтительней «Итальянской Эфиопии», однако угроза британским интересам является весьма отдаленной и могла бы стать реальной только в случае войны между Англией и Италией, перспектива которой маловероятна;

3) «не существует британских жизненных интересов в Эфиопии и на прилегающих территориях, которые могли бы заставить правительство его величества воспротивиться завоеванию Эфиопии Италией»;

4) для Великобритании фактически безразлично, останется Эфиопия независимым государством или будет поглощена Италией;

5) в некоторых отношениях итальянское господство над

Эфиопией было бы даже предпочтительным для Великобритании: например, эффективное итальянское правление в Эфиопии создало бы более спокойную обстановку вдоль границ Британского Сомали;

6) в случае исчезновения Эфиопии как независимого государства британскому правительству следовало «постараться добиться установления контроля над территорией оз. Тана и над коридором, который связывал бы озеро с Суданом», а также по возможности воспользоваться случаем для исправления границ Британского Сомали, Кении и Судана путем включения в них тех пограничных районов, которые имеют экономическую и этническую общность с соответствующими английскими колониями [322, с. 383; 147, с. 129—131].

Будучи отражением мнения наиболее профашистски настроенных сил в английских правящих кругах, выводы комиссии в то же время подкрепляли их позиции: ведь речь шла о докладе, подготовленном видными экспертами и специалистами по колониальным проблемам.

Английские политические деятели другой группы вроде А. Идена, которые также являлись выразителями интересов крупного капитала, признавая необходимость некоторых уступок колониальным притязаниям Муссолини, не склонны были удовлетворять их полностью, поскольку полагали, что чрезмерные уступки итальянскому фашизму создали бы у малых стран — членов Лиги наций представление о бессилии Англии, что серьезно подорвало бы ее авторитет и ослабило бы Лигу наций. В то же время этим политическим деятелям не представлялось возможным не удовлетворять совсем итальянских колониальных притязаний: ведь тогда фашистская Италия могла выйти из Лиги наций, что тоже явилось бы для Лиги серьезным ударом. Влияли на их позицию и серьезные опасения за судьбу некоторых британских владений в Африке [140, с. 226].

Понятно, что политические деятели, подобные Идену, особенно болезненно реагировали на угрозу Муссолини относительно возможного выхода Италии из Лиги наций.

Анализируя факторы, оказывавшие воздействие в тот период на английскую внешнюю политику вообще, политику в связи с итало-эфиопским конфликтом в частности, следует указать на возраставшее недовольство и возмущение агрессивной политикой итальянского фашизма со стороны широких кругов английской общественности. Это нашло отражение, например, в ходе так называемого Плебисцита мира, результаты которого были опубликованы в июне 1935 г. 97% его участников высказались в пользу дальнейшего пребывания Англии в Лиге наций; 94% — за принятие экономических и невоенных мер против государства-агрессора и 74% — в пользу принятия военных мер против агрессора [217, с. 267]. Это было массовое голосование

против политики империалистической агрессии и попуститель-ства ей. Не считаться с такими настроениями не могли даже самые ярые «умиротворители» в английских правящих кругах, особенно в связи с предстоявшими в ноябре 1935 г. парламентскими выборами. Если не учитывать воздействия на английскую внешнюю политику, с одной стороны, двух течений, существовавших в британских правящих кругах, а с другой — антифашистски настроенных широких кругов общественности Англии, трудно понять внешнюю политику этой страны на протяжении 1935 г., особенно в связи с подготовкой и осуществлением агрессии фашистской Италии против Эфиопии.

В результате английский господствующий класс, проводя свою политическую линию, включавшую уступки агрессивным колониальным устремлениям итальянского фашизма, вынужден был маневрировать, изворачиваться, делать некоторые жесты и заявления, рассчитанные на удовлетворение требований общественности или являвшиеся следствием компромисса между различными течениями внутри самого правящего класса.

Сменивший в июне 1935 г. Дж. Саймона на посту министра иностранных дел С. Хор, который, по словам Г. Сальвемини, «был небезразличен к духовным основам нацизма» [322, с. 371], пытался соединить в своей политике решение двух задач: сохранения Лиги наций в качестве важного инструмента британской международной политики и удовлетворения колониальных устремлений итальянского фашизма. Серьезным шагом в этом плане было направление в Рим с ответственной дипломатической миссией А. Идена.

Фашистские руководители сразу же согласились с английским предложением о визите Идена, так как считали, что беседы с Иденом дадут им дополнительную возможность выяснить намерения английского правительства и побудить его не противодействовать итальянской политике. Следует подчеркнуть, что характер предложений Идена не был известен общественности, так же как содержание переговоров Идена с Муссолини. Этим пользовалась в то время (да и позднее) английская пропаганда, чтобы пытаться убедить общественность различных стран в том, что Иден ездил в Рим чуть ли не для нажима на Муссолини с целью спасения независимости Эфиопии. Опубликованные в последние годы документы, воспоминания и статьи исследователей, привлеченный документальный материал, позволяют лучше понять содержание и значение переговоров Идена — Муссолини.

Еще за несколько дней до приезда Идена в Рим заместитель министра иностранных дел Италии Сувич в беседе с английским послом Друммондом подчеркнул, что в тех условиях речь уже не шла об Уольуольском инциденте, «который не представляет больше никакого интереса», и что фашистскую Италию уже не могли удовлетворить ни передача Огадена, ни строи-

тельство железной дороги, которая связала бы обе итальянские колонии. Единственно удовлетворительное для Италии решение может быть только одно: «окончательная ликвидация раз и навсегда абиссинского вопроса». «Решение вопроса в рамках Лиги, которое надевало бы на нас путы Женевы и лишало бы нас свободой действий, не может быть даже принято в расчет» [124, с. 24], — заявил Сувич.

Английский посол, не раскрывая сути предложений, которые собирался сделать Иден, заверил, что первоначальные идеи, которых придерживались в Лондоне, изменились и английское правительство по-новому представляет себе проблему. Тем самым Лондон пытался как бы заинтересовать Муссолини в предстоящем визите Идена. Содержание этой предварительной беседы Сувича с Друммондом давало возможность британским руководителям заранее составить себе общее представление о серьезности притязаний фашистской Италии.

В этих условиях сам факт визита в Италию одного из видных деятелей английского правительства, которое всего за несколько месяцев до того отказалось вообще вести какие бы то ни было переговоры по поводу Эфиопии, означал успех для фашистской Италии.

24 и 25 июня 1935 г. состоялись две встречи Идена с Муссолини и другими итальянскими политическими деятелями. На первой встрече Иден изложил предложение английского правительства: Англия была готова передать Эфиопии Зейлу и полосу территории в Британском Сомали, которая бы связывала Эфиопию с Зейлой. В обмен на это Эфиопия могла бы сделать значительные уступки Италии: передала бы ей область Огаден, предоставила бы экономические концессии и другие преимущества, которые следовало определить (отметим, что такого рода предложения делались Иденом безо всякой консультации с правительством Эфиопии).

Муссолини сразу же отверг предложения Идена, заявив, что уступка Зейлы Эфиопии превратила бы ее в морскую державу и подняла бы ее престиж; Англия выглядела бы при таком решении проблемы как покровительница Эфиопии; из соображений престижа Италия не могла принять уступок из третьих рук. Кроме того, предложенные уступки были, по словам Муссолини, очень далеки от итальянских требований, которые предполагали «ликвидацию эфиопского вопроса» [124, с. 29].

Иден выразил сожаление, что английское предложение даже не рассматривалось по существу, а затем, судя по итальянским запискам беседы, «выразив восхищение мужеством и решимостью итальянцев, заклинал против такого решения, которое могло бы противопоставить друг другу Италию и Англию» [124, с. 29].

После этого Муссолини раскрыл Идену, что он имел в виду, говоря о «ликвидации эфиопского вопроса». Дуче заявил, что

возможно одно из двух решений — мирное или военное. Мирное решение предполагало, по словам Муссолини, передачу под прямое господство Италии всех территорий, населенных «представителями неэфиопской расы», завоеванных Менеликом и его преемниками, плюс протекторат Италии над центральной частью страны (провинции Тигре, Годжам, Шоа). Военное решение означало бы «устранение Эфиопии с географической карты» [124, с. 30; 140, с. 223].

В ответ Иден указал Муссолини, что это могло привести к кризису в отношениях между Великобританией и Италией, и выразил мнение, что «никакая Эфиопия не стоит такой тяжелой цены». Он попросил Муссолини пересмотреть свою позицию. Ответ Муссолини был совершенно недвусмыслен: «Избранная нами изложенная линия представляет собой окончательное решение» [124, с. 30].

Вторая беседа не внесла принципиально новых моментов в содержание переговоров. Заслуживают быть отмеченными отдельные нюансы. Иден попытался вначале настаивать на поиске пути для избежания войны, однако натолкнулся на твердую решимость Муссолини «ликвидировать создавшуюся ситуацию раз и навсегда». В ходе второй беседы Иден уже больше не возвращался к изложенному им накануне плану, а попросил уточнить на карте, какие районы желала получить Италия. Ему показали почти всю Эфиопию, за исключением только провинций Тигре, Годжам, Шоа, над которыми итальянцы хотели установить нечто вроде протектората, подобного существовавшему тогда в Египте, Ираке или Марокко. Желая хоть чем-нибудь подсластить пилюлю посланцу гордого Альбиона, Муссолини сообщил: «Мы не проявим инициативу выхода из Лиги наций».

В то же время Муссолини в ходе беседы посоветовал «Великобритании дать нам возможность сделать дело», а Идену предложил доказать своим коллегам, что решимость фашистской Италии идти намеченным путем ясна и бесповоротна. Иден ответил, что делает это. Вместе с тем он подчеркнул, что будет крайне трудно добиться того, чтобы император Эфиопии согласился удовлетворить требования Муссолини [124, с. 33].

Если попытаться выделить основное в переговорах Идена — Муссолини, следует, на наш взгляд, отметить следующее:

- 1) лидеры итальянского фашизма весьма откровенно раскрыли представителю английского правительства существо своих агрессивных, захватнических планов в отношении Эфиопии;
- 2) впервые после начала подготовки Италией агрессии против Эфиопии английские правящие круги проявили склонность к значительным уступкам агрессору за счет Эфиопии, хотя и не согласились на полное удовлетворение его притязаний;
- 3) для переговоров были характерны агрессивно-наступательная тактика и тон со стороны Муссолини и просительный оборонительный тон со стороны Идена.

Объективное значение встреч Муссолини — Идена в конце июня 1935 г. состояло в том, что они убедили лидеров итальянского фашизма в нежелании английских правящих кругов идти на серьезное противодействие агрессивным колониальным устремлениям итальянского империализма в Восточной Африке.

Н. Чемберлен писал в дневнике в начале июля: «После визита Идена в Рим ясно, что Муссолини полон решимости съезть Абиссинию, не обращая внимания на трактаты и пакты... Если бы Франция и мы захотели вместе принять какие-нибудь необходимые меры, чтобы остановить его, мы могли бы легко сделать это. Мы могли бы, например, остановить его перевозки через Суэцкий канал» [322, с. 390]. Однако идти на столь серьезные шаги ни английские консерваторы, ни французские правящие круги не собирались. Это поощряло итальянских фашистов к еще более решительным действиям.

В начале июля итальянское правительство обратилось к английскому с письмом, в котором содержалась прямая угроза. Заявлялось, что если Великобритания будет предпринимать дипломатические шаги против Италии, то она потеряет итальянскую дружбу, нарушит спокойную обстановку на Средиземном море и опрокинет Локарнские соглашения, Европа окажется расколотой на два лагеря, а Италия, намекалось в письме, будет вынуждена искать военного союза с Германией [140, с. 237—238]. 6 июля в речи в Эболи Муссолини впервые объявил, что Италия втянулась в подготовку «военного предприятия», от которого она не может отступить [106, с. 102—104].

С. Хор попытался было призвать Муссолини не разжигать страсти, заверив, что в Англии «всегда понимали и хорошо понимают стремление Италии к заморской экспансии» [236, с. 217—218]. Однако фашисты продолжали накалять обстановку, форсируя военные приготовления. Произошло серьезное обострение итало-английских отношений.

Под давлением общественного мнения Англии, которое, по словам Хора, все более и более становилось антиитальянским (см. [306, с. 298]), английское правительство выступило с рядом довольно решительных заявлений. Так, 1 августа Хор заявил, что британское правительство «ни в коем случае не согласится с ликвидацией независимости Абиссинии» [236, с. 237].

Одновременно на дипломатическом уровне в середине августа была предпринята еще одна попытка удовлетворить притязания Муссолини мирным путем, в ходе переговоров представителей трех держав в Париже. Был разработан англо-французский план, предусматривавший осуществление экономических и административных реформ в Эфиопии при «коллективной помощи трех европейских держав». При этом признавались специальные экономические права Италии в Эфиопии, которой гарантировалась основная роль «в экономическом развитии и административной реорганизации Эфиопии». Программа не исключала

и территориальных изменений в пользу Италии, но при уважении «принципа независимости и суверенитета Эфиопии». 18 августа Муссолини отклонил этот план, заявив, что такие предложения имеют целью «унизить Италию наилучшим образом».

После парижской встречи Муссолини не удовлетворил просьбу англичан о визите Ванситтарта в Рим, поскольку-де «вооруженное столкновение с Абиссинией было неизбежно» [146, с. 255]. Действия Муссолини в середине августа были явно рассчитаны на то, чтобы своей решимостью сломить то дипломатическое и политическое противодействие, которое английские правящие круги стали демонстрировать со второй половины июля по отношению к планам войны против Эфиопии.

Между тем итальянский генеральный штаб в ответ на запрос Муссолини о перспективе возможной войны с Англией в Средиземном море доложил, что итальянский флот и авиация несравненно слабее английских, поэтому, хотя у Италии и имелось превосходство в сухопутных силах в Средиземноморье, оно не могло быть реализовано вследствие главным образом безраздельного господства англичан на море [113, с. 226—227]. В начале сентября Бадольо вновь вернулся к оценке перспективы войны Италии против Англии, подчеркнув, что она «привела бы нас к подлинной катастрофе» [113, с. 229].

Понимая всю серьезность сложившейся обстановки, Муссолини дал указание включить в коммюнике о чрезвычайном заседании итальянского Совета министров 28 августа упоминание о том, что итальянские интересы в Эфиопии никакой угрозы для английских интересов не представляют [236, с. 276—277]. Одновременно прилагались новые усилия с целью улучшения итало-германских отношений. В августе послом в Берлине был назначен Аттолико, который заявил о своем твердом желании укреплять отношения с Германией [236, с. 277]. 9 сентября Гитлер принял Аттолико, что выглядело как явная демонстрация позитивного развития итало-германских отношений.

Английское правительство по-прежнему продолжало испытывать сильнейший нажим со стороны общественности.

5 сентября конгресс тредь-юнонов (а позднее съезд лейбористской партии) подавляющим большинством проголосовал за резолюцию, призывавшие использовать «все необходимые средства, предусмотренные уставом (Лиги наций.— В. Т.), чтобы противодействовать несправедливым и хищным атакам Италии».

В этих условиях правительство Великобритании пустило в ход еще два средства давления на Италию, имевшие целью помешать началу войны и склонить Муссолини к фактическому установлению мирного господства над Эфиопией. 11 сентября Хор произнес речь, в которой заявил, что английское правительство рассматривало итало-эфиопскую проблему скорее как экономическую, чем политическую и территориальную. Как прямая угроза в адрес Муссолини прозвучали слова Хора: «Лига

и Англия вместе с ней стоят за коллективное обеспечение полного соблюдения Устава Лиги и в особенности за твердое коллективное сопротивление всем актам неспровоцированной агрессии» [218, с. 109]. А 12 сентября начался ввод в Средиземное море дополнительных соединений британского флота. В глазах общественности это была угроза, мощная и эффективная. В действительности это был блеф. Ведь введенные в Средиземное море корабли британского флота имели боезапас всего лишь на 30 минут боя [341, с. 241]. Ни к каким решительным действиям британские правящие круги прибегать не собирались.

Сам С. Хор признавал позднее, что он и Лаваль договорились примерно 10—11 сентября о том, что война против Италии была бы слишком высокой ценой за защиту Эфиопии или за сохранение универсальности Лиги наций [236, с. 325]. По признанию Лавалья, они с Хором договорились исключить военные санкции, не применять никаких мер морской блокады, никогда не рассматривать вопрос о закрытии Суэцкого канала [236, с. 325—326]. Это принятое в самый ответственный момент решение означало согласие на свободу действий фашистской Италии, включая возможность начать войну против Эфиопии.

Муссолини ответил на внешне враждебные акции британского правительства распоряжением от 14 сентября о посылке в Ливию двух итальянских дивизий, а также серией контругроз в адрес Англии. 15 сентября было опубликовано коммюнике, в котором заявлялось, что итальянские вооруженные силы на земле, в воздухе и на море «ответят на любую угрозу, откуда бы она ни исходила». Высказывалось также предупреждение, что Италия пересматривает вопрос о своем членстве в Лиге наций [236, с. 340]. 15 сентября в интервью корреспонденту французской газеты «Матэн» [106, т. 27, с. 128—136] Муссолини заявил, что, хотя Италия и не хочет конфликта с европейскими нациями, она ответит войной на попытку навязать ей войну.

Возникает вопрос: как объяснить столь решительные заявления и действия Муссолини перед лицом явных угроз со стороны Великобритании? Известно, что Муссолини опасался войны с Англией [136, с. 12]. Это и понятно. Ведь большая часть итальянских вооруженных сил была сконцентрирована в Восточной Африке, а мнение генштаба было, как говорилось выше, отрицательным. Объяснение может быть только одно: Муссолини знал о подлинных намерениях английских правящих кругов и отвечал на блеф блефом.

Установлено, например, что Муссолини было точно известно о незначительном количестве боеприпасов на вводимых в Средиземное море кораблях британского флота, орудия которых, образно говоря, были направлены на Италию [309, с. 103]. У Муссолини могло быть несколько источников информации: итальянское посольство в Лондоне, итальянские разведывательные службы, Лаваль и другие каналы. (Сообщают, например,

что итальянская секретная служба на протяжении ряда лет, в том числе и в 1935 г., имела доступ к сейфу британского посла в Риме [336, т. 2, с. 81].)

Раздувал же Муссолини военную истерию главным образом для того, чтобы использовать явную военную демонстрацию англичан для дальнейшего разжигания национализма среди итальянцев и мобилизации мирового общественного мнения в поддержку своей политики. И небезуспешно.

Знаменательно, что в то самое время, когда делались воинственные заявления и отдавались распоряжения о переброске войск в Ливию и т. п., в Риме разрабатывались предложения английскому правительству, направленные на ослабление напряженности. С этим надо было спешить: ведь на конец сентября — начало октября было назначено начало военных операций против Эфиопии. Предложения предусматривали, что англичане и французы должны были взять обязательство не применять военных санкций; фашистское правительство выражало готовность отказаться от «некоторых военных мер предосторожности», принятых в связи с вводом английского флота в Средиземное море (имелось в виду прекращение переброски двух дивизий в Ливию). Как на самое эффективное средство разрядки указывалось на вывод английских военно-морских сил из Средиземного моря [236, с. 261—262].

20 сентября Друммонд заверил Сувича, что введение в Средиземное море соединений британского флота не преследовало агрессивных целей. 23 сентября Хор направил личное послание Муссолини, в котором говорилось, что он, Хор, «никогда не имел намерений унижать Италию», а хотел видеть ее «сильной и процветающей», что британское правительство никогда не рассматривало вопроса ни о военных санкциях против Италии, ни о закрытии Суэцкого канала. Что же касается экономических санкций, то он, Хор, не только не собирался проявлять какую-либо инициативу в этом плане, но и был против коллективных действий; самым лучшим он считал — найти почетное решение проблемы [306, с. 307; 341, с. 142].

Лидеры итальянского фашизма были полностью удовлетворены: им давали возможность беспрепятственно действовать. В коммюнике о заседании итальянского правительства 28 сентября указывалось на «сердечный тон недавнего послания Хора дуче». Одновременно заверялось, что «политика Италии не преследовала целей, как ближайших, так и отдаленных, которые могли бы нанести ущерб интересам Великобритании» [106, т. 27, с. 153].

Активность итальянской дипломатии по отношению к Англии не прекратилась и после 3 октября 1935 г., когда началось вторжение итальянских войск в Эфиопию. Основными целями итальянской политики по отношению к Англии в этот период были следующие: 1) добиваться того, чтобы введенные Лигой

наций 11 октября экономические санкции, ограничивавшие ввоз в Италию сырья и ряда стратегических материалов, не распространились на такие важные материалы, как нефть; 2) не допустить такого положения, когда правительство Великобритании, переживавшее предвыборный период, заняло бы под давлением общественности более решительно антифашистские позиции; 3) в момент вынужденной остановки наступательных операций создать видимость поиска решений путем переговоров.

Руководители английской внешней политики, в свою очередь, осуществили ряд актов, направленных на недопущение чрезмерного обострения итало-английских отношений. В результате за внешней напряженностью отношений, за санкциями и контрсанкциями (Италия резко сократила закупки угля в Англии), за острой газетной полемикой, за антиитальянскими позициями Англии в Лиге наций существовала другая нить англо-итальянских отношений, скрытая от взора общественности, — нить, дававшая возможность итальянскому фашизму продолжать агрессию.

В середине ноября с «частной» миссией в Лондон отправился Э. Гарibaldi, который в беседе с Хором изложил ряд предложений. С. Хор сделал свои конкретные замечания по «предложениям Гарibaldi» [146, с. 287—289]. Осуществив этот зондаж, итальянское правительство через своего посла Д. Гранди с 29 ноября начало переговоры с Ванситтартом. В ходе переговоров был выработан проект, который лег в основу так называемого плана Хора — Лавалья, утвержденного 9 декабря. 11 декабря этот план, предусматривавший передачу Италии большей части провинции Тигре и области Данакиль, а также огромной зоны для будущей экономической экспансии и колонизации на юге страны (всего почти $\frac{2}{3}$ территории) в обмен на порт Асэб и узкую полосу территории, дававшую доступ к нему, был передан итальянскому и эфиопскому правительствам. В Риме план был принят как основа для обсуждения. Однако правительство Эфиопии выступило с решительным протестом против него. Волну возмущения он вызвал и во многих малых странах, являвшихся членами Лиги наций, которые увидели в нем премию агрессору. С. Хор был вынужден уйти в отставку, а план Хора — Лавалья остался в истории международных отношений лишь как документальное свидетельство предательства французских и английских правящих кругов по отношению к народу Эфиопии, их попустительству агрессору.

Что касается роли правительства США в связи с агрессией Италии против Эфиопии, то, по признанию одного из тогдашних американских государственных деятелей, она мало чем отличалась от роли, которую играли Англия и Франция [344, с. 57]. В самом деле, принятый конгрессом США 31 августа 1935 г. Закон о нейтралитете, запрещавший поставку американского оружия воюющим сторонам, был на руку агрессорам.

5 октября 1935 г. Белый дом запретил ввоз оружия в Италию и Эфиопию. Это решение наносило удар не по агрессору, который не нуждался в приобретении оружия за рубежом, а по жертве агрессии — Эфиопии, не располагавшей своей военной промышленностью и испытывавшей острую нехватку современного оружия. Вместе с тем Закон о нейтралитете не ограничивал торговлю стратегическими материалами. Вскоре после вторжения итальянских войск в Эфиопию объем торговли между Италией и США во много раз увеличился. Экспорт нефти из США в Италию возрос в 1935 г. по сравнению с 1934 г. на 140%. США активно снабжали Италию многими важными видами стратегического сырья — железным ломом, сталью, хлопком [174, т. 3, с. 619].

Из великих держав лишь Советский Союз последовательно и принципиально выступал против развязывания агрессии, в защиту независимости Эфиопии.

Советские исследователи подробно раскрыли эту проблему. Среди последних работ необходимо упомянуть книгу В. Я. Сиполса [210] и статьи М. В. Райт [208] и Д. А. Макеева [191].

5 сентября 1935 г. на заседании Совета Лиги наций народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов призывал «не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги» [47, т. 18, с. 496]. Указав на наличие угрозы агрессии со стороны Италии, он решительно отверг попытки итальянского делегата оправдать действия итальянских фашистов ссылками на внутренний режим Эфиопии: «Ничто в Уставе Лиги не дает нам, однако, права различать между членами Лиги по их внутреннему режиму, цвету кожи, расовым признакам или по степени цивилизации и лишать тех или иных из них привилегий, которыми они пользуются в силу своего членства в Лиге, и в первую очередь права на сохранение своей территориальной целостности и независимости» [47, т. 18, с. 495]. Глава советской делегации предупредил, что бездействие Лиги наций «может иметь самые грозные последствия для всей международной жизни, для судьбы Лиги наций, для дела всеобщего мира» [47, т. 18, с. 494].

Принципиальная позиция советской делегации в Лиге наций была с благодарностью встречена правительством Эфиопии, которое отметило, что выступление советского наркома иностранных дел оказало Эфиопии «большую помощь, которую абиссинское правительство высоко ценит» [47, т. 18, с. 512].

15 сентября 1935 г. газета «Правда» подчеркивала, что Советский Союз стоит за подлинную самостоятельность и независимость Эфиопии.

6 октября, сразу после начала военных действий итальянских фашистов против Эфиопии, газета «Известия» писала:

«Следя из далекого СССР за этой войной, мы желаем абиссинским народным массам не только того, чтобы они не попали в колониальное рабство, но и того, чтобы в этом великом историческом испытании пали цепи крепостничества и внутреннего рабства, которое влачат на руках и ногах труженики Абиссинии».

Советский Союз решительно выступал за применение санкций к агрессору. Хотя участие в санкциях влекло для СССР значительные материальные потери, он пошел на них «в силу международной солидарности в интересах мира и независимости всех народов» [47, т. 18, с. 533]. Советское правительство настаивало при этом на единстве действий всех членов Лиги в вопросе о санкциях, ибо «единство действий является вернейшим средством ликвидировать конфликт, возникший на почве стремления к колониальной экспансии, грозящей территориальной целостности и независимости одного из членов Лиги, представляющей опасность для всего человечества» [47, т. 18, с. 526]. Советское государство последовательно проводило в жизнь решение о санкциях по отношению к агрессору.

В декабре 1935 г. сразу же после появления плана Хора — Лавая Советское правительство дало ему принципиальную оценку. В инструктивной телеграмме советскому представителю в Совете Лиги наций нарком иностранных дел писал: «Предложения Лавая — Хора означают раздел Абиссинии и нарушение ее территориальной целостности. Это противоречит Уставу Лиги, гарантирующему всем членам Лиги неприкосновенность и целостность их территории, во имя чего Лига наций и вмешалась в конфликт и стала применять санкции. Лига наций не может поэтому одобрить подобные предложения» [47, т. 18, с. 591].

Советский Союз выступал за использование самых решительных мер для обуздания фашистских агрессоров. На заседании Ассамблеи Лиги наций народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов подчеркивал, что «одними экономическими санкциями нет возможности вытеснить итальянскую армию из Абиссинии и вернуть последней независимость и что такая цель могла бы быть достигнута лишь более серьезными санкциями, вплоть до военных» [47, т. 19, с. 330]. СССР был одним из немногих государств, не признавших итальянского завоевания Эфиопии.

Последовательность и принципиальность советской внешней политики в связи с агрессивней фашистской Италией против Эфиопии вызывала благодарные отклики у народов древней африканской страны. Министр иностранных дел революционной Эфиопии говорил летом 1978 г.: «Эфиопский народ хорошо знает и высоко ценит помощь Советского Союза странам Африки. Еще в 30-х годах, когда Эфиопия подверглась нападению фашистской Италии, советский народ решительно поднял свой голос в ее защиту».

**ИТАЛЬЯНСКАЯ АГРЕССИЯ В ЭФИОПИИ
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.
КОЛОНИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ
ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА
В 1937—1943 гг.**

3 октября 1935 г. итальянский фашизм начал захватническую войну против народов Эфиопии. Фактически итало-эфиопская война продолжалась с осени 1935 по 1941 г. включительно. Следует подчеркнуть в этой связи, что утвердившееся в нашей исторической литературе датирование итало-эфиопской войны 1935—1936 гг. нельзя признать правильным. Оно было обусловлено ошибочным представлением о том, что с провозглашением 9 мая 1936 г. аннексии Эфиопии Италией война окончилась, а Эфиопия была якобы покорена. В действительности же дело обстояло иначе; провозглашенная фашистами империя существовала в тот момент только на бумаге: не менее $\frac{2}{3}$ территории Эфиопии оставалось вне итальянского контроля. Поэтому фашистские войска продолжали военные действия с целью оккупации всей Эфиопии. В свою очередь, патриотические силы Эфиопии не складывали оружия и на протяжении всех пяти лет почти непрерывно продолжали историческую борьбу против захватчиков вплоть до полного освобождения страны в 1941 г.

Историкам еще предстоит многое сделать, чтобы исследовать в полной мере масштабы и характерные черты освободительной борьбы народов Эфиопии в 1936—1941 гг. (правители фашистской Италии всячески скрывали от мировой общественности и собственного народа действительное положение дел в Эфиопии в 1936—1941 гг.). Однако даже тот материал, которым мы располагаем сейчас, позволяет утверждать, что итало-эфиопская война отнюдь не закончилась в мае 1936 г.

Условно можно выделить следующие этапы в ходе итало-эфиопской войны (учитывается предложенная Д. Р. Вобликовым периодизация освободительной борьбы народа Эфиопии против итальянского фашизма [163]):

- 1) октябрь 1935 — май 1936 г. — война вооруженных сил фашистской Италии против регулярной армии Эфиопии;
- 2) май 1936 — начало 1937 г. — военные действия итальянских

вооруженных сил против раздробленных частей эфиопской армии и разрозненных эфиопских воинских формирований; оккупация итальянцами основных районов Эфиопии;

3) начало 1937 — январь 1941 г. — партизанская борьба народов Эфиопии против итальянских захватчиков, вооруженные восстания в ряде провинций Эфиопии, тщетные попытки итальянских военных властей «умиротворить» страну;

4) 1941 г. — массовые вооруженные выступления народа по всей Эфиопии, поддержанного английским экспедиционным корпусом, французским и бельгийским отрядами, разгром итальянских войск и полное освобождение Эфиопии.

Ход военных действий на первом этапе войны достаточно хорошо изучен и освещен в литературе (см. [90; 156; 183; 184; 259; 277]).

Напомним лишь основные вехи первого этапа войны. 3 октября итальянские вооруженные силы начали вторжение в Эфиопию. Основной удар наносился на севере из Эритреи, вспомогательный — на юге из Сомали. Общее командование осуществлял генерал Де Боно, руководивший непосредственно войсками, наступавшими из Эритреи. Войсками, наступавшими из Сомали, командовал Р. Грациани. В результате первого удара северная группа итальянских войск захватила Адуа, Аксум и другие пункты и территории до р. Тэкэзе. Южная группа итальянских войск продвинулась примерно на 150 км. Эфиопские войска оказали серьезное сопротивление интервентам, остановив в начале ноября их наступление, а затем нанесли на севере ряд контрударов и потеснили их в нескольких пунктах. 19 ноября Муссолини поспешил заменить Де Боно маршалом Бадольо. В январе 1936 г. итальянцы возобновили наступление, в ходе которого им удалось нанести ряд поражений эфиопским войскам. 5 мая 1936 г. была захвачена Аддис-Абеба.

Гораздо меньше изучены основные черты политики фашизма в Эфиопии в 1936—1940 гг. (наиболее существенные данные по этому вопросу содержатся в книге Д. Р. Вобликова [163]).

1. ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА В ЭФИОПИИ В 1936—1940 ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАРОДОВ ЭФИОПИИ

Характер итальянской политики в Эфиопии зависел от многих факторов. Естественно, определяющее влияние оказывала тоталитарная сущность самого фашизма, его идеология с культом насилия, войны, произвола, с проповедью расизма и авторитаризма. Политика Италии определялась также целями, которые преследовал фашизм, развязывая войну против Эфиопии: полное порабощение страны в результате военного разгрома, превращение ее в аграрно-сырьевой придаток метрополии и в сферу эмиграции «избыточного» населения Италии. Поверженная, покоренная Эфиопия должна была свидетельствовать о могуществе и силе итальянского фашизма, его способности утверждать свою «волю к жизни и к экспансии».

Важнейшей задачей своей политики в Эфиопии после про-

возглашения империи итальянский фашизм считал установление эффективного фактического (а не номинального) господства на всей территории страны. При этом он широко пользовался методами насилия, массового уничтожения людей. Еще в самом начале военных действий 27 октября 1935 г. Муссолини в специальной телеграмме на имя Грациани, командовавшего тогда Южным фронтом, дал разрешение использовать газы, «чтобы сломить вражеское сопротивление, а также в случае контратаки» [114, с. 178]. Телеграмма главнокомандующему итальянскими войсками маршалу П. Бадольо (декабрь 1935 г.) гласила: «Разрешаю вашему превосходительству применять, в том числе и в крупных масштабах, все виды газов и огнеметы» [114, с. 169]. В январе 1936 г. Грациани и Бадольо получили разрешение применять все возможные военные средства. В телеграмме, направленной Бадольо, говорилось: «Разрешаю вашему превосходительству применять все средства ведения войны, подчеркиваю: все, как с воздуха, так и на земле» [114, с. 169].

Буквально накануне вступления итальянских войск в Аддис-Абебу, 3 мая 1936 г., Муссолини дал указание Бадольо, которое звучало как сигнал к проведению массовых репрессий против эфиопского населения. Текст документа гласил: «После оккупации Аддис-Абебы ваше превосходительство отдаст приказ, чтобы: 1) были расстреляны коллективно все лица, которые будут захвачены в городе или в его окрестностях с оружием в руках; 2) были коллективно расстреляны все так называемые младо-эфиопы; 3) были расстреляны все, кто участвовал в насилиях, грабежах, поджогах; 4) были коллективно расстреляны все, кто по прошествии 24 часов не сдаст огнестрельное оружие и боеприпасы» [114, с. 169]. Распоряжение фашистского диктатора давало военным итальянским властям возможность предъявить обвинение любому неуголному эфиопу.

В нашей литературе применение массовых репрессий в отношении как военнопленных, так и гражданского населения, использование самых варварских средств уничтожения людей в Эфиопии связывается обычно с именем Р. Грациани, который еще раньше зарекомендовал себя как палач ливийского народа. Слов нет (мы уже отмечали это), звериная сущность фашизма нашла в мрачной фигуре Грациани, в его действиях в Ливии и в Эфиопии самое яркое проявление. Однако приведенные нами документы показывают, что директивы об использовании средств массового уничтожения людей, о массовых репрессиях как основной форме подавления патриотических сил Эфиопии давались из Рима главой итальянского фашизма Муссолини и задолго до того, как Грациани стал вице-королем Итальянской Восточной Африки. Ответственность за произвол и массовые репрессии против народов Эфиопии лежит, следовательно, на фашизме как строе, на всей правящей верхушке фашистского государства.

Провозгласив «империю» официально и не имея ее в действительности, фашизм решил огнем и мечом в короткий срок сломить сопротивление патриотических сил, массовыми репрессиями запугать население и таким путем добиться эффективного господства над страной. В самом начале своей деятельности в качестве вице-короля Грациани, сменивший вернувшегося в Италию Бадольо, получил от Муссолини такие указания: «Все восставшие, взятые в плен, должны быть расстреляны» (5 июня 1936 г.); «...чтобы покончить с восставшими, как в случае с Анкобером, используйте газы» (8 июня 1936 г.); «...еще раз разрешаю вашему превосходительству начать и *проводить систематически политику террора и массового истребления* (курсив мой.— В. Т.) восставших и поддерживающего их населения» (8 июля 1936 г.) [81, с. 10 (11); 114, с. 170]. Грациани неуклонно исполнял подобные директивы. Соответствующие распоряжения были отданы им губернаторам провинций, всем итальянским войскам.

Вначале, в течение двух с половиной — трех месяцев после провозглашения империи, инициатива боевых действий находилась во многих районах в руках эфиопских патриотов, главной боевой силой которых были весьма крупные формирования рассеянной эфиопской армии во главе с военачальниками-феодалами. 28—29 июля патриотические силы осуществили операцию по освобождению Аддис-Абебы. С помощью восставшего населения патриоты, по сведениям эфиопского исследователя, овладели городом на короткое время. Но 30 июля они были вынуждены оставить его под ударами итальянских вооруженных сил [272, с. 297]. (Отметим, что итальянские источники не признают факта перехода города в руки восставших, а утверждают, что их атака была отбита.)

Активности патриотов колонизаторы противопоставили массовые репрессии. 30 июля по приказу Грациани был расстрелян абунэ Петрос, один из руководителей эфиопской церкви, который был объявлен итальянцами вдохновителем наступления на столицу. Грациани телеграфировал в Рим: «Расстрел абунэ Петроса... терроризировал вождей и население... Продолжается кампания вооруженных репрессий против частей и лиц, рассеянных по лесам. Были расстреляны все пленные. Были осуществлены беспощадные репрессии против всего населения, виновного или подозреваемого в сообщничестве» [81, с. 18 (19)].

После окончания сезона дождей, с сентября — октября 1936 г., огромных масштабов достигли карательные операции.

К концу 1936 — началу 1937 г. фашистам удалось ликвидировать крупные очаги эфиопского Сопротивления, а к апрелю 1937 г. оккупировать все основные центры и районы Эфиопии. На протяжении всего этого периода (а не только с февраля 1937 г., как считалось ранее) осуществлялись массовые репрессии, царил массовый террор. «С того времени в течение полу-

тора лет „лев Нэгэле“ (Грациани.— В. Т.) зверствовал над „восставшими“ и „невосставшими“ абиссинцами в ходе кампаний, которые описывались итальянцами „как крупные колониальные полицейские операции“ и которые в действительности представляли собой самые настоящие „прочесывания“ с участием десятков тысяч солдат» [277, с. 324].— пишет итальянский историк М. Джована. На остатки эфиопских войск обрушивались массированные бомбардировки, широко применялись газы и отравляющие вещества: стирались с лица земли целые населенные пункты, расстреливались пленные и местное население, силой и обманом захватывались вожди и руководители воинских формирований, большинство их предавалось смертной казни без суда, сжигались деревни, леса. Так действовали итальянские каратели не в одной какой-либо провинции или области, а по всей Эфиопии, следуя распоряжениям генерал-губернатора. Можно было привести сотни документальных свидетельств, авторами которых являются сами авторы репрессий (см. [93]). Ограничимся лишь некоторыми.

Телеграмма Грациани губернатору Харэра Г. Нази от 22 июня 1936 г. гласила: «Напоминаю попутно приказ его превосходительства главы правительства расстреливать всех восставших, взятых в плен, каким бы образом они ни оказались в плену» [936, с. 144]. Нази, как и все другие итальянские генералы, действовал в полном соответствии с подобного рода директивами, которые регулярно поступали от генерал-губернатора. О выполнении таких указаний генералы почти ежедневно доносили в Аддис-Абебу. В одном из донесений генерала Нази, от 21 октября 1936 г., например, сообщалось, что его войска продолжали операции по «прочесыванию», «ломаю сопротивление восставших. Десяток восставших расстрелян. Захвачены винтовки, 2700 голов скота. Сожжены все абиссинские тукули (хижины.— В. Т.)» [936, с. 155].

Генералу Пирцио Бироли 11 сентября 1936 г. был передан такой приказ: «Поскольку сегодня невозможно действовать, применяя войсковые колонны, цель может быть достигнута при использовании авиации, которая непрерывно, день за днем, должна применять все средства уничтожения, особенно удушливые газы» [81, с. 24—25 (26)]. Аналогичные приказы получали другие итальянские генералы. В результате тысячи деревень, поселков и городов были разрушены, сожжены, стерты с лица земли, а население варварски истреблено. Генералу Галлина 27 октября 1936 г. было передано по телеграфу распоряжение, главшее: «Необходимо непреклонно продолжать уничтожать все» (цит. по [259, с. 200]).

В конце 1936 — начале 1937 г. итальянцы силой или обманом захватили в плен и расстреляли многих эфиопских военачальников.

Массовый террор против народа Эфиопии разразился с но-

вой силой после неудачного покушения на Грациани, совершенного 19 февраля 1937 г. Итальянские колонизаторы массовой кровавой бойней хотели запугать население Эфиопии, сломить его волю к сопротивлению и предотвратить развертывание широкого освободительного народного движения. Огромных размеров репрессии достигли в Аддис-Абебе 19—21 февраля 1937 г. Приводятся разные данные о количестве жертв в результате этого страшного побоища: от 3 тыс. до 30 тыс. [259, с. 203]. Журналист крупной буржуазной газеты, не питавший никаких симпатий к эфиопам, писал в своем дневнике о «вызывающих ужас эпизодах бесполезного насилия», о «резне, обрушившейся на невинных людей» (цит. по [114, с. 198]).

Следует подчеркнуть, что акты массового террора в Аддис-Абебе и в других районах Эфиопии в феврале 1937 г. санкционировались из Рима правительством фашистской Италии. Об этом свидетельствуют, в частности, новые архивные материалы, опубликованные в последние годы Дж. Роша.

Еще за месяц до покушения на Грациани Муссолини требовал от него сломить сопротивление населения Шоа. «Это упорство можно сломить просто: усилив гарнизон Аддис-Абебы и всего района, а также выжигая огнем все ненадежные элементы без всякого исключения» [116, с. 14],— говорилось в телеграмме Муссолини от 15 января 1937 г. В день покушения, 19 февраля 1937 г., министр колоний А. Лессона направил Грациани телеграмму такого содержания: «Я уверен, что, прежде чем сможет распространиться возбуждение среди абиссинцев в связи с вестью о покушении в Аддис-Абебе, Вы примете самые суровые меры, которые на месте окажутся необходимыми». Муссолини телеграфировал Грациани 20 февраля: «Он (факт покушения.— В. Т.) должен знаменовать начало радикальной чистки, абсолютно необходимой, на мой взгляд, в Шоа». 21 февраля Муссолини дал следующее указание Грациани: «Ни один из тех, кто уже был задержан или будет арестован, не должен быть освобожден без моего приказа. Все гражданские или духовные лица, в какой-либо мере находящиеся под подозрением, должны быть расстреляны без промедлений» [114, с. 199; 116, с. 20—21].

Подобные весьма недвусмысленные распоряжения стимулировали дальнейшее развертывание массовых репрессий, которые обрушивались как на восставших, так и на мирное население всех сословий. Отчеты, которые направлял Грациани в министерство колоний, буквально пестрят сообщениями о массовых казнях и расстрелах. Сообщение от 19 марта 1937 г. гласит: «Я приказал, чтобы все сказители, прорицатели и колдуны в городе (Аддис-Абебе.— В. Т.) были арестованы и расстреляны» [81, с. 62 (63)]. В донесении от 25 мая 1937 г. говорилось: «21-го числа казнены 297 монахов монастыря Дэбрэ-Либанос и еще 23 сообщника». А через несколько дней следовало дополнение: «Учитывая сообщничество дьяконов, я приказал, чтобы

они (в количестве 129) были расстреляны в Дэбрэ-Бырхане... Таким образом, от монастыря Дэбрэ-Либанос не остается больше и следа» [114, с. 201; 259, с. 204]. (Этот монастырь был одним из важнейших центров эфиопской культуры.) В свою очередь, в Аддис-Абебу потоком шли донесения не менее каннибальского содержания. Например, генерал П. Малетти сообщал 21 апреля 1937 г.: «Населенные пункты в местах сражений 18 и 19 (апреля) сровнены с землей, и тысячи тукулей уничтожены. Примерно сотня туземцев, потворствовавших восставшим, расстреляна» [93г, с. 447].

Особое внимание уделялось колонизаторами борьбе против представителей патриотической интеллигенции. Еще в октябре 1936 г., по словам корреспондента «Коррьере делла сера», Грациани выступил с утверждением: «Необходимо уничтожить всю интеллигенцию, если желаешь мира в империи. Это цинично, но без цинизма колонии невозможно удержать» (см. [114, с. 197]). С зимы 1937 г. репрессии против патриотической интеллигенции усилились. По приказу Грациани были расстреляны, например, все члены «партии младоэфиопов», офицеры и кадеты военной школы в Гэннэте и т. д.

Дикие репрессии, обрушенные на население колонизаторами после покушения на Грациани, не остановили освободительной борьбы патриотов Эфиопии.

Для эфиопов «война была совсем не проиграна. Напротив, она только начиналась. Оправившись от начального удара и, что еще более важно, от морального потрясения, испытанного в результате решения Хайле-Сыллассе покинуть поле битвы ради относительной безопасности и комфорта заграничного изгнания, эфиопы призвали себе на помощь особенности территории своей родины, чтобы не давать захватчикам ни минуты передышки», — подчеркивалось в одном из правительственных изданий революционной Эфиопии [127, с. 27].

Завершенный зимой 1936/37 г. разгром остатков военных формирований эфиопской армии отнюдь не означал ликвидацию эфиопского Сопrotивления. «Но абиссинское Сопrotивление не было покорено и не будет никогда покорено. Оно прекратится... в 1941 г.» — пишет итальянский историк М. Джована [277, с. 324]. Основной движущей силой его стали широкие массы крестьянства, а также трудового люда города. В движении активное участие принимали патриотическая интеллигенция, часть феодалов. Выдвинулись новые талантливые руководители освободительной борьбы, отряды которых на протяжении 1936—1939 гг. нанесли ряд крупных поражений оккупантам. Сопrotивление приняло подлинно массовый, всенародный характер (см. об этом [163, с. 118—124]). В начале 1937 г. в Эфиопии произошла встреча патриотических руководителей Сопrotивления. Принципиально важным было решение не создавать крупных отрядов и формирований, а действовать сравнительно небольшими отрядами без единого командования. Это было вызвано тем,

что крупные формирования было трудно обеспечить продовольствием и они были более уязвимы для неприятеля, обладавшего авиацией и широко применявшего средства массового уничтожения, вплоть до газов [272, с. 305].

Новыми элементами в тактике патриотических сил были отказ от атак на города и центры сосредоточения итальянских вооруженных сил; максимальное рассеивание сил, уход в горы в период «прочесываний», которые обычно осуществлялись крупными воинскими формированиями; внезапные атаки на маршевые колонны и на линии коммуникаций итальянских войск; резкое изменение фронта и направления атаки; внезапные нападения на изолированные итальянские гарнизоны [272, с. 293; 114, с. 183]. Такая тактика держала итальянцев в постоянном напряжении. С зимы 1936/37 г. итальянцам противостояли не остатки регулярных армий, а еще более опасная для колонизаторов сила — массовое партизанское движение, поддерживаемое и питаемое самим народом. «Для итальянцев началась новая война, более трудная, более коварная, война засад и ловушек, в которой их преимущество в вооружении имело малое значение» [259, с. 218], — справедливо пишет А. Дель Бока.

К осени 1937 г. вся Эфиопия вновь была охвачена массовым освободительным движением. Крупные выступления патриотов произошли в сентябре — октябре в Бэгемдыре, Годжаме. Продолжались действия патриотов в Шоа, Сидаме, других районах и провинциях страны. В конце сентября 1937 г. Чиано писал в своем дневнике о «многочисленных, но локализованных восстаниях». «То, что происходит, мешает демобилизации, а это обременительно для финансов» [136, с. 22], — записывал итальянский министр иностранных дел.

Особенно крупных масштабов достигло восстание в Годжаме. Уже в середине сентября 1937 г. Чиано отмечал: «Дуче встревожен восстанием в Годжаме, которое достигло значительных размеров» [136, с. 17]. Итальянцы прилагали отчаянные усилия, чтобы подавить его, включая использование газов [136, с. 19]. Однако восстание продолжало разрастаться. В январе 1938 г., по словам того же Чиано, «дуче был очень обеспокоен состоянием империи: Годжам объят восстанием; число восставших — 15 тысяч; наши гарнизоны осаждены. Чтобы задушить движение, потребуются два месяца и много сил» [136, с. 94].

В конце 1937 г. в Риме пришли к выводу, что тактика массового террора и тотальных репрессий, как средство покорения Эфиопии, оказалась несостоятельной. Муссолини отозвал Грациани, на которого попытался свалить всю ответственность за проводившуюся политику («он хорошо сражался, но плохо управлял» [136, с. 122]), и назначил генерал-губернатором Итальянской Восточной Африки герцога Д'Аоста, главной задачей которого фашистские руководители объявили «умиротворе-

ние империи». Репрессии продолжались и при новом вице-короле. Однако были несколько ограничены их масштабы; колониальные власти избегали тех кровавых боен, которые широко практиковались в предшествовавший период. Теперь смертные казни или расстрелы осуществлялись, как правило, на основе приговоров судов, иначе говоря, создавалась определенная видимость их законности.

Для достижения больших результатов в борьбе против освободительного движения итальянцы стали менять систему организации и тактику карательных сил. Основной боевой единицей становились батальоны, значительная часть которых укомплектовывалась на вербованными представителями одной из народностей Эфиопии (по 500—600 человек в каждом), находившимися под командой восьми-десяти офицеров-итальянцев. Эти подразделения, принаравливаясь к тактике патриотов, были более мобильными и маневренными, чем прежде.

Однако и эти меры, принятые колонизаторами с начала 1938 г., не дали того результата, на достижение которого они были рассчитаны. Во второй половине 1938 г. практически во всех областях Эфиопии разворачивалось и крепло освободительное движение. Области, в которых оно приобрело наибольшую силу, были Амхара и Шоа. Весьма красноречиво характеризовал обстановку в этих двух областях на конец 1938 г. генерал П. Малетти, назначенный командующим войсками в Амхаре. Он писал в частном письме: «Я нахожусь в Гондэре почти месяц. Думаю, что я бы поступил правильнее, если бы не возвращался в Африку, тем более в Амхару, где сложилась тяжелая обстановка, где дезориентация и беспорядок достигли предела... Разведывательная служба определяет число восставших в 26 тыс., но эта цифра представляется преуменьшенной... В Шоа дела обстоят не лучше... В целом за истекший год положение ухудшилось, восстание разрослось, охватило новые районы, пустило глубокие корни... К чему мы придем?» [114, с. 203—204]. 1 января 1939 г. Чиано записывал в дневнике: «Амхара все еще объята восстанием, и 65 наших батальонов, находящихся там, вынуждены жить в небольших фортах» [137, т. 1, с. 13].

Назначенный летом 1938 г. губернатором области Галла и Сидамо генерал П. Гадзера писал позднее, что, хотя «крупное восстание в Гардуле, происшедшее в январе 1938 г., было жестоко задушено», на территории области к моменту его прибытия «имелось много районов, которые предстояло умиротворить» [141, с. 15].

В брошюре министерства информации и национальной ориентации революционной Эфиопии отмечается: «В 1939 г., за год до того, как развернулась победоносная кампания, и полных три года спустя после вторжения, две трети страны — включая большую часть Шоа и Годжама, обширные районы Бэгемдыра и Сымена, так же как значительные территории, протянувшие-

ся от столицы к югу, вдоль линии озер,— были практически освобождены от вражеского контроля. Даже внутри хорошо обороняемых городских центров и других стратегических пунктов смелые рейды и саботаж делали беспокойной жизнь врага, который редко отваживался покидать свои укрепления» [127, с. 32—33].

Сложность обстановки побудила итальянскую администрацию вступить с лета 1939 г. в переговоры о мире с расом Аббэбэ Арэгай, возглавлявшим с начала 1939 г. силы эфиопского Сопротивления. Итальянцы выражали готовность признать Аббэбэ Арэгай независимым правителем большей части территории Шоа, лишь бы восставшие не совершали нападений на итальянские войска и гарнизоны на других территориях. Итальянцы заявляли также о готовности не предпринимать никаких враждебных акций против вооруженных сил Аббэбэ Арэгай и контролируемых им территорий. Испытывая значительные трудности с продовольствием, Аббэбэ Арэгай пошел на переговоры с итальянцами. Когда же итальянцы возобновили военные действия против патриотических сил, они вновь встретились с сильным сопротивлением, которое так и не смогли сломить [272, с. 311—313].

В 1940 г. эфиопское Сопротивление продолжало набирать силу. В середине апреля 1940 г. на секретном совещании итальянских военных руководителей Грациани (в это время начальник генерального штаба) так характеризовал обстановку: «Положение в Итальянской Восточной Африке очень тяжелое. Амхара охвачена восстанием. Годжам — вне нашего контроля. В Шоа после восьми месяцев бесполезных переговоров возобновлены операции против Аббэбэ Арэгай, который воспользовался этим периодом времени, чтобы обеспечить себя боеприпасами, полученными на наших глазах из Джибути» [339, с. 341—342]. По словам Чиано, герцог Аоста весной 1940 г. считал чрезвычайно проблематичной возможность удержания итальянцами тогдашних позиций, поскольку «население, часть которого все еще охвачена волнениями, восстало бы все сразу же, как только почувствовало наше затруднительное положение» [137, т. 1, с. 61].

К аналогичному выводу приходили многие итальянские военные, знавшие положение, существовавшее в Эфиопии. Генеральный инспектор частей берсальеров в Итальянской Восточной Африке (ИВА) генерал Бонакорси писал незадолго до объявления Итальян войны Франции: «Если из-за любви из наших границ (границ ИВА.— В. Т.) хотя бы одна английская или французская часть решительно вступит на нашу территорию... ей не нужны будут другие военные, ибо большая часть народа Абиссинии присоединится к ней и будет воевать против нас» [278, с. 249].

Так и случилось на заключительном этапе военных действий

в Эфиопии в 1941 г., когда, по словам генерала Гадзера, «восставшие всюду атаковали наши позиции с флангов и с тыла; население поднималось почти повсюду, делая общее дело с восставшими». «Именно их натиском в большей мере, чем действиями британцев и бельгийцев с их конголезцами, было сломлено наше желание продолжать сопротивление» [141, с. 72, 159], — писал десять лет спустя после событий итальянский генерал.

Эфиопское Сопротивление на протяжении 1936—1941 гг. сковывало весьма значительные вооруженные силы итальянского фашизма. К августу 1936 г., по сведениям официального итальянского издания, в Эфиопии находилось свыше 240 тыс. итальянских солдат и офицеров и около 90 тыс. солдат-африканцев [93в, с. 19]. В начале 1938 г. количество итальянских войск составило 88 тыс., а численность солдат-африканцев достигла 125 тыс.; в 1940 г. — 90 тыс. и около 200 тыс. соответственно [114, с. 185; 259, с. 231]. Итальянский фашизм был вынужден расходовать гигантские средства на содержание этих вооруженных сил, без которых «империя» не смогла бы существовать даже на карте.

Своей активной борьбой против итальянских оккупантов с 1935 по 1941 г., успехами в освобождении родины от фашистского господства патриоты Эфиопии внесли существенный вклад в антифашистскую борьбу народов в 30—40-х годах.

«Остается фактом, что эфиопские патриотические силы освободили большую часть страны к началу апреля (1941 г. — В. Т.). Именно широкие народные массы были героями борьбы. Победа повсюду принадлежит народу», — говорится в брошюре «День победы», изданной властями революционной Эфиопии.

Агрессия итальянского фашизма, массовый террор и репрессии, обрушенные итало-фашистскими колонизаторами, политика «выжженной земли» стоили народам Эфиопии огромных человеческих и материальных жертв. По данным правительства Эфиопии, людские потери составили: 275 тыс. — в ходе военных действий в 1935—1936 гг.; 75 тыс. — во время партизанской войны против оккупантов; более 18 тыс. — гражданское население, погибшее в ходе «прочесываний»; 30 тыс. — жертвы кровавых репрессий, следовавших за покушением на Грაციани; 24 тыс. — расстрелянные на основе приговоров итальянских военных трибуналов; 35 тыс. — погибшие в концентрационных лагерях; 300 тыс. человек — погибшие в результате голода и лишений, вызванных массовым уничтожением жилищ и скота, принадлежавших местному населению (за годы войны и оккупации было уничтожено 5 млн. голов крупного рогатого скота, 7 млн. голов мелкого скота, 1 млн. лошадей и 700 тыс. верблюдов) [114, с. 185]. Общее число человеческих жертв превысило 750 тыс.

Система управления, которая была установлена итальянским законодательством и внедрялась в практику итальянским фашизмом в Эфиопии, была типичной системой прямого управле-

ния. Ее основными составными элементами были передача всех рычагов управления на всех уровнях в руки итальянской администрации и полное отстранение местного населения от решения всяких вопросов управления.

Эта задача решалась итальянцами как законодательно, так и в повседневной практике. В соответствии с первыми же законодательными актами от мая — июня 1938 г. было провозглашено создание новой административной единицы — Итальянской Восточной Африки, которая была разделена на шесть губернаторств: Эритрея (главный город Асмэра), Сомали (Могадшо), Амхара (Гондэр), Харэр (Харэр), Галла и Сидамо (Джимма), Аддис-Абеба (с 1938 г. — Шоа с главным городом Аддис-Абеба). Во главе каждого стоял губернатор, непосредственно подчинявшийся генерал-губернатору Итальянской Восточной Африки — вице-королю Эфиопии. Название «Эфиопия» сохранялось только в связи с титулом итальянского короля, который стал еще и «императором Эфиопии», и с титулом «вице-короля Эфиопии». В политической практике итальянский фашизм стремился ликвидировать как всякое единство Эфиопию, вместо которой фигурировали теперь пять губернаторств. Губернаторства делились на комиссариаты, которые подразделялись на резидентства, а эти последние могли делиться, в свою очередь, на вице-резидентства.

Руководителями всех названных административных единиц могли быть лишь итальянские граждане, в руках которых сосредоточивалась вся реальная власть. «Подданные» и «ассимилированные», т. е. местное население, никаких прав не имели. Не только названные, но и все остальные административные должности могли занимать и действительно занимали итальянцы [294, с. 439].

Только в состав Консультативного совета ИВА, состоявшего из членов Генерального совета, секретарей федераций фашистской партии, командующих войсками губернаторств, представителей итальянских граждан, поселившихся в Восточной Африке, назначалось несколько представителей местной знати. В состав губернских советов, которые рассматривались как некое подобие представительных органов, распоряжением генерал-губернатора также могли включаться не более двух «подданных», имевших особые заслуги перед Италией. При этом их право высказываться на заседаниях губернского совета ограничивалось лишь некоторыми вопросами культурного и экономического развития местного населения, его социальной и экономической структуры и местных традиций. Да и то при условии, что губернатор пожелает, чтобы такое выступление имело место [294, с. 431]. В городах вся реальная власть находилась в руках городского старшины — подеста, являвшегося представителем фашистской колониальной верхушки [294, с. 449—450; 252, с. 31].

Политическая линия в отношении местных вождей была суммарно изложена в «Директивах фашистского правительства по поводу организации империи», которые министр колоний А. Лесона 5 августа 1936 г. направил генерал-губернатору Р. Грациани (см. [114, с. 188—191]).

Основной принцип, которым предлагалось руководствоваться по отношению к местным вождям и знати и который преподносился как «недвусмысленный приказ дуче», — «никакой власти расам» (термин «рас» в данном контексте имел собирательное значение и подразумевал эфиопскую знать и вождей разных ступеней). В директивах отмечалось, что «в первое время местные вожди могут служить посредниками, как бы рупорами правительства», однако «туземцы должны чувствовать, что вождь говорит исключительно от имени правительства (итальянского.— В. Т.) и что если он пользуется еще некоторым престижем, то это потому, что наделило его им правительство» [114, с. 188]. У самих же вождей, как указывалось в официальном издании итальянской колониальной администрации, следовало «создавать иллюзию, что они еще что-то значат». Такая линия квалифицировалась как «разумное использование обстановки и подготовка тоталитарного поглощения» [93а, с. 43].

В конце 1935 г. и в первой половине 1936 г. на сторону итальянцев перешли по различным причинам несколько представителей крупной эфиопской знати со своими отрядами, в том числе рас Сьюм Мэнгэша, рас Хайлу Тэклэ-Хайманот, рас Кэббэдэ Мэнгэша. Итальянское командование и администрация на протяжении всего 1936 года и в начале 1937 г. прилагали немало усилий, чтобы привлечь на свою сторону и заставить служить себе и других эфиопских военных руководителей и феодалов. Особое внимание итальянские колонизаторы уделяли «работе» с вождями народности галла, по отношению к которым они выступали в роли якобы покровителей и защитников от их «врагов» — амхара. Так, в письме от 4 октября 1936 г. Грациани уговаривал одного из вождей галла, перешедшего на сторону итальянцев, верно служить и не изменять «могучему итальянскому правительству, которое умеет как вознаграждать достойных, так и наказывать недостойных». «Работая на правительство (итальянское.— В. Т.), ты действуешь в интересах твоей страны и всех галла, ускоряя их освобождение от гнета и рабства, в котором они находились раньше» [93г, с. 78, 232], — писал Грациани. Аналогичные мотивы звучали, как правило, во всех письмах, которые направлялись вождям галла.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на все посулы и угрозы итальянцев, большинство знати Эфиопии, в том числе и вождей галла, не пошли на службу к фашистским колонизаторам. Одна из причин этого — жестокий террор и репрессии, которые были обрушены на население Эфиопии и которые не щадили никого.

Расы-изменники использовались колониальной администрацией в основном для осуществления карательных операций против патриотов и для пропаганды среди населения. Так, рас Хайлу часто помогал итальянским войскам в проведении «прочесываний» [259, с. 223—224]. Деджазача Хабтэ-Марьяма, например, итальянцы активно использовали в своей пропагандистской работе среди населения. Официальная публикация итальянской колониальной администрации воспроизводит целую серию его обращений к населению города Нэкэмте и других районов области Уоллега. Послания эти, чрезвычайно похожие одно на другое, составлялись итальянской администрацией и широко распространялись среди народности галла [93г, с. 221]. Феодалная знать была простой пешкой в руках итальянской колониальной администрации.

В еще большей степени это относилось к вождям и нотаблям более низкого ранга (вождь рода, деревенский староста и т. д.). Они назначались итальянскими властями и находились в непосредственном подчинении резидентов, вице-резидентов или комиссаров. Круг их полномочий был чрезвычайно ограничен: они отвечали за исполнение приказов и распоряжений итальянских властей, выполняли некоторые судебные функции на основе обычного права, а также занимались отдельными вопросами земельных и других отношений в рамках данной территориальной или этнической единицы [294, с. 444—446].

Одно из средств утверждения своего господства в колониях, особенно в Эфиопии, а также националистического развращения собственного народа итальянские фашисты видели в идеологии и политике расизма. Именно расизм определял в значительной мере «социальную» политику Италии в ее колониях вообще и в Эфиопии в частности.

Нельзя сказать, как это делают некоторые итальянские исследователи (см., например, [312, с. 24]), что до итало-эфиопской войны итальянскому фашизму были вообще чужды идеология и политика расизма. Яркий национализм и шовинизм, которые с самого начала были неотъемлемой составной частью фашистской идеологии, содержали в себе элементы расизма. Так называемый Органический закон для Эритреи и Итальянского Сомали, принятый 6 июля 1933 г., ввел в качестве узаконенных такие понятия, как «лица смешанной расы», «физические характеристики» в качестве критерия для проведения различий между людьми. В Эритрее, например, совершенно официально проводились меры расовой дискриминации: были ликвидированы средние школы для эритрейцев, для них вводился особый тип обучения (особые учебники, программы), полностью отличавшийся от обучения в соответствующих классах школы для детей итальянцев; на транспорте «белым» выделялись специальные места, на которые не имели права садиться эритрейцы и т. д. [301, с. 273].

Необходимо подчеркнуть вместе с тем, что до итало-эфиопской войны расистская пропаганда в Италии в значительных масштабах не проводилась. Именно агрессия против Эфиопии явилась тем событием, которое стимулировало расцвет идеологии и политики расизма, ставшего важным составным элементом всей деятельности фашизма. Расизм был поднят на уровень государственной политики, расистская пропаганда стала набирать силу. 21 мая 1936 г. «Гадзетта дель пополо» опубликовала явно инспирированную статью под многозначительным заголовком «Фашистская империя не может быть империей мулатов». С лета 1936 г. расистские статьи стали весьма обычным явлением на страницах фашистских газет, а с начала 1937 г. количество таких статей значительно возросло. Особую активность в пропаганде расизма проявлял А. Лессона, бывший с 1929 по 1936 г. заместителем министра колоний, а в 1936—1937 гг. — министром колоний.

Новая волна расистской пропаганды в Италии поднялась с лета 1938 г. после опубликования подготовленного по указанию Муссолини группой «ученых-расистов» манифеста по проблеме рас и расовой политики (текст манифеста см. [312, с. 250—252]).

Смысл манифеста состоял в утверждении особого, избранного характера итальянцев как представителей высшей, арийской расы, призванной господствовать над другими, в первую очередь африканскими, народами, представлявшими низшую расу. Одна из целей этого «расового воспитания» состояла в таком расистском оглулении итальянцев, которое позволило бы превратить их в послушных исполнителей воли фашизма, в палачей порабожденных народов.

Пропаганда расизма сопровождалась активным внедрением расизма в политическую практику в ИВА. Расизм буквально пронизывал уже упоминавшиеся директивы фашистского правительства от 5 августа 1936 г. по поводу организации империи. Центральная установка директив гласила: «Белая раса должна утвердить свое превосходство не только аксиоматически, но и практически». В качестве важнейшего средства достижения этой цели указывалось на «поддержание четкого разграничения между двумя расами — белой и черной» [114, с. 189]. Для этого итальянской администрации вменялось в обязанность сделать так, чтобы белые «вели совершенно отдельную жизнь от жизни туземцев». Речь шла о том, чтобы «максимально ограничить с помощью полицейских мер контакты между итальянцами и туземцами» [114, с. 190].

Колониальная администрация активно проводила в жизнь политику расовой дискриминации и сегрегации в отношении коренного населения ИВА: «подданные» (в отличие от «граждан» — итальянцев) фактически были лишены всяких политических и гражданских прав; итальянский язык был объявлен офи-

циальным языком во всей империи, использование родных языков было ограничено; началось наступление на национальную культуру и на возможности отправления культа; итальянская школа была объявлена образцом учебного заведения, доступ детей местного населения в школу был резко ограничен; города делились на итальянские и туземные кварталы; были законодательно запрещены браки между итальянцами и местными женщинами.

Закон от 29 июня 1939 г. об «Уголовных санкциях по защите престижа расы от уроженцев Итальянской Африки» как бы венчал серию предыдущих законов, декретов, указов. Закон предусматривал за нарушение расовых барьеров применение суровых наказаний как в отношении местного населения, так и итальянцев. Для местного населения предусматривалось увеличение срока наказания на одну треть по сравнению с обычным, если преступление «наносило ущерб престижу итальянской расы». Для итальянских граждан наказание также увеличивалось, если оно совершалось в присутствии местного населения, с помощью представителя местного населения и т. д., т. е. при обстоятельствах, «наносящих ущерб престижу итальянской расы» [294, с. 411—412].

Совершенно очевидно, что сама формула — «наносит ущерб престижу расы» — открывала самые широкие возможности для всякого рода злоупотреблений и для преследования неугодных итальянским властям людей.

Был принят также специальный закон, который определял положение метисов в обществе. Закон приравнивал метисов к «туземцам», предусматривая целую серию специальных мер, которые полностью относили метисов к «туземной» среде [294, с. 415].

Если к изложенному добавить, что местное население было лишено практически всякого медицинского обслуживания, что школы могла посещать лишь крайне незначительная часть детей местного населения, что сами школы для «туземцев» имели задачу лишь готовить будущих солдат, что в соответствии с фашистской теорией и практикой уделом «туземцев» был только физический труд, а интеллектуальный предназначался только представителям «высшей» расы, картина социальной политики итальянского фашизма в Эфиопии (да и в итальянских колониях в целом) станет довольно отчетливой.

Наряду с противопоставлением итальянцев как «избранных» местному населению, людям «второго сорта», итальянский фашизм проводил политику натравливания друг на друга различных народностей, населявших Северо-Восточную Африку. Фашисты всячески разжигали вражду между народностями галла и амхара, натравливая первых на вторых, между мусульманами и христианами (поощрялась мусульманская религия, даже строились мечети, и преследовалась христианская церковь); пытались

возродить средневековые эмираты Джимма и Харэр в качестве противовеса государственно-административным устремлениям основной народности Эфиопии — амхара. Особое внимание обращалось на разжигание вражды между эритрейцами и сомалийцами, с одной стороны, и эфиопами — с другой. Еще в ходе итало-эфиопской войны, весной 1936 г., Грациани доносил Лесоне, что в результате усилий итальянцев у сомалийцев «складывается убеждение в их превосходстве над абиссинцами» и что «идея реализации проекта „Великого Сомали“ под итальянским господством распространилась теперь среди всех сомалийцев» [259, с. 209].

Картина итальянской политики в Эфиопии в 1936—1940 гг. не будет полной, если не коснуться экономической области. Основные ее направления были кратко определены уже в директивах министерства колоний от 5 августа 1936 г. Указывалось на необходимость добиться, во-первых, самообеспечиваемости колонии, т. е. такого положения, когда бы она «могла жить, обороняться и нападать без помощи метрополии в предвидении любой политической и военной ситуации». Во-вторых, «Итальянская Восточная Африка должна поставлять метрополии сырье». Рекомендовалось также изучить, какие материалы, необходимые Италии и импортировавшиеся из других стран, можно было бы ввозить из Эфиопии. Наконец, давалось указание изучить возможности экспорта из Эфиопии в другие страны сырья с целью получения валюты для Италии. В-третьих, предлагалось изучить возможность налаживания производства тех видов готовой продукции, которые можно было бы экспортировать в афро-азиатские страны [114, с. 190—191].

В директивах речь шла, следовательно, о том, чтобы не только превратить восточноафриканскую колонию Италии в источник сырья для метрополии, но и развить в ней такие виды обрабатывающей промышленности, которые бы позволили обеспечивать всем необходимым обосновавшихся там итальянцев. Кроме того, колония должна была стать плацдармом для экономической экспансии в другие афро-азиатские страны. (В этой связи невозможно согласиться с мнением Дж. Роша, который утверждает, что «экономическое развитие завоеванных земель осуществлялось на основе престижных установок», а «программа общественных работ имела целью придать Эфиопии такой вид, который бы соответствовал фашистским амбициям» [114, с. 180].) Однако это была экономическая программа-максимум, для выполнения которой, по утверждению Муссолини, необходимо было несколько десятилетий (не менее 25 лет) [108а, с. 155].

Программа-минимум предполагала эффективную и немедленную эксплуатацию сырьевых ресурсов Эфиопии. Но решение и этой проблемы требовало осуществления ряда мер: необходимо было организовать разведку полезных ископаемых, стимулиро-

вать или наладить производство соответствующей сельскохозяйственной продукции или хотя бы скупку ее у местных производителей, а также организовать ее транспортировку. Это, в свою очередь, предполагало наличие по крайней мере двух условий: благоприятной (с точки зрения колонизаторов) политической атмосферы в стране и достаточно развитой системы дорог. Ни складывавшаяся политическая ситуация, ни существовавшая система сообщений не благоприятствовали колонизаторам. Фашисты принялись создавать благоприятные для себя условия: началось активное «умиротворение» страны (о чем речь шла выше), а в хозяйственном плане был сделан выбор в пользу строительства дорог.

Фашизм полагал, что, осуществив в крупных масштабах строительство стратегических дорог, он достигнет двух целей: во-первых, создаст условие для легкой и быстрой переброски войск в различные районы страны, во-вторых, создаст тот необходимый элемент инфраструктуры, без которого абсолютно невозможна экономическая эксплуатация колонии. За период с 1936 по 1940 г. итальянские колонизаторы построили (конечно, с использованием местной рабочей силы) 17 крупных стратегических шоссе общей протяженностью 10 794 км и ряд дорог местного значения [342, с. 572—573]. Из общей суммы почти 5 млрд. лир, израсходованной итальянским правительством в 1937—1940 гг. на осуществление разного рода работ в Эфиопии, почти 4,4 млрд. лир пошло на дорожное строительство; свыше 0,5 млрд. лир — на строительство административных зданий и жилья для итальянской администрации и офицеров итальянской армии [98, с. 4].

Взяв на себя расходы по «умиротворению» страны, а также по созданию инфраструктуры, фашистское государство полагало, что экономическая эксплуатация природных ресурсов Эфиопии будет постепенно осуществляться специально созданными компаниями (о которых речь шла в предыдущей главе). Однако значительного размаха деятельность большинства из этих компаний не получила, главным образом из-за постоянной напряженной военно-политической обстановки в Эфиопии, являвшейся следствием упорного сопротивления патристических сил.

Что касается эксплуатации сельскохозяйственных ресурсов, то она, хотя и получила некоторое развитие, не достигла тех масштабов, на которые рассчитывал фашизм. Одна из причин этого состояла (помимо тяжелой для колонизаторов политической обстановки) в крайне неблагоприятном воздействии, которое оказали на традиционное местное хозяйство некоторые финансовые и экономические мероприятия итальянской колониальной администрации (о них речь пойдет ниже). От осуществления же крупных вложений в разведку полезных ископаемых, в горнодобывающую промышленность и, за редким исключением, в создание значительных сельскохозяйственных пред-

приятый итальянский капитал воздерживался до «лучших времен».

В результате частные капиталы (частные производственные капиталовложения составили 2,7 млрд. лир) оказались вложенными главным образом в предприятия, связанные с обслуживанием итальянцев (администрации, войска, поселенцев) и с производством материалов для строительства, т. е. в предприятия, которые с самого начала были доходными. Это были разного рода мастерские (обувные, пошивочные, ремонтные), гаражи, каменоломни, карьеры, кирпичные и цементные заводы, мельницы, предприятия по производству масла, вина и т. д. [303, с. 75].

Другой выгодной сферой, в которую итальянский частный и полугосударственный капитал активно внедрялся при поддержке колониальной администрации, была скупка сельскохозяйственной продукции у населения и экспортно-импортная торговля. Несколько монополий и полугосударственных компаний монополизировали все эти операции в Итальянской Восточной Африке. Среди этих компаний особенно значительную роль играли Итальянское колониальное общество (ИКО), Акционерное общество мореплавания Эритреи, Эфиопское национальное общество и др. Колониальная администрация заставляла местное население продавать сельскохозяйственную продукцию именно этим компаниям. Филиал ИКО — Итальянское колониальное сельскохозяйственное общество — создал в области Аруси ферму на площади 1200 га по выращиванию зерна и разведению лошадей и овец.

За этими и другими компаниями чаще всего стояли итальянские банки и компании, а также бюрократия фашистского государства. По словам одного из итальянских дельцов, «разного рода полугосударственные учреждения и монополии мешали всякой разумной инициативе, душили ее; эти монополии находились в руках крупных фашистских „шишек“, которые прибывали из Рима и относились к деятельности здесь как к своему феодальному праву» [302, с. 60].

Отдельные крупные итальянские монополии открывали в колониях агентства по сбыту производимой в Италии продукции. ФИАТ, например, осуществлял сбыт своей продукции в Восточной Африке через Акционерное колониальное общество — Прометалл и Акционерное общество Дзанолетти. Эти и другие итальянские компании получали все возможные льготы и привилегии от колониальной администрации. Финансово-экономическую выгоду извлекали, как справедливо пишет буржуазный историк К. Дзаги, «предприниматели, промышленники, торговцы, дельцы, подрядчики, служащие, офицеры, чиновники, имевшие огромные заработки» [348, с. 467].

Покровительствуя итальянскому капиталу, создавая ему условия для извлечения прибылей, итальянская фашистская ад-

министрация в Восточной Африке осуществила ряд мер в области экономики и финансов, которые серьезно подрывали сложившуюся систему хозяйственных связей Эфиопии.

Уже летом 1936 г. колониальная администрация запретила всякий перевод валюты из ИВА без специального разрешения, поставила под контроль все экспортные операции и объявила итальянскую лиру единственной законной валютой ИВА, приступив к изъятию из обращения эфиопской национальной денежной единицы — талера Марии-Терезии. Затем колониальная администрация приняла меры, направленные на дискриминацию иностранных, в первую очередь английских, товаров; торговцам-иностранцам разрешалось ввозить, как правило, только итальянские товары.

С 1936 г. итальянцы приступили к вытеснению иностранных торговых компаний: англо-арабской, англо-французской («Бесс и К°») и индийской («Мохамед Али»). По оценке британского консула в Аддис-Абебе Стоунхэвера-Бэрда (январь 1938 г.), итальянцы «допустили с экономической точки зрения очень серьезную ошибку, устранив такие старые фирмы, как „Мохамед Али“, „Бесс“ и „Арабская компания“, так как «никто пока еще не в состоянии заменить их, а контакт с туземцами, на установление которого им понадобились годы, утерян» [302, с. 55].

Испытывая недостаток в иностранной валюте, фашистское правительство дало указание колониальной администрации ИВА сделать более жестким контроль над экспортом. В начале 1938 г., чтобы увеличить поступление иностранной валюты, для экспортеров из ИВА был установлен коэффициент, который ставил в зависимость от экспорта в другие страны объем допустимого экспорта продукции в Италию. Чтобы выкачать золото у населения Эфиопии, итальянские власти монополизировали продажу соли населению, причем продавали ее только за золото. Операция «соль» продолжалась до тех пор, пока не была изъята основная масса золота, находившегося у населения Эфиопии. «Солевой бизнес» стал поистине золотым для Итальянского банка, Эфиопского национального общества, занимавшихся обменом соли на золото, а также для крупных фашистских администраторов и дельцов, подвизавшихся в Эфиопии [302, с. 57].

Административный произвол, внедренный в сферу экономики и финансов, создал почву для расцвета взяточничества, коррупции, воровства, охвативших деятелей итальянской колониальной администрации, фашистской партии и значительные круги колониального чиновничества, о котором даже герцог Аоста говорил, что оно на 50% состояло из людей бездарных и неумных, а на 25% — просто из воров [136, с. 194].

Наибольшие жертвы от экономического и финансового произвола колонизаторов несли простые труженики Эфиопии, в первую очередь крестьяне. Уже с лета 1936 г. крестьянина, приво-

жившего продукцию в город, заставляли брать за нее бумажные деньги — лиры, которые в его представлении не имели никакой ценности. За отказ брать лиры крестьян подвергали тюремным заключениям. Тогда крестьяне сначала сократили, а затем стали вообще прекращать подвоз сельскохозяйственных продуктов в города. Крестьян облагали самыми различными налогами и поборами, вплоть до налога на урожай, на скот, на дом или хижину, в которой проживала семья крестьянина. При этом власть в каждой данной губернии могла устанавливать дополнительные налоги в пользу казны [294, с. 495—496]. Производимую крестьянами продукцию зачастую принудительно скупали по заниженным ценам, а то и просто реквизировали. В годовом отчете английского правительства о положении в Эфиопии за 1937 г. говорилось, что местное население резко ухудшило свое отношение к захватчикам, а многие простые труженики «прибегли к единственно доступному им средству — средству пассивного сопротивления: они прекратили производить» [302, с. 62].

Экономическое положение Эфиопии уже в 1937—1938 гг. было крайне тяжелым. Английская военная разведка сообщала из Судана в феврале 1938 г.: «Сельское хозяйство Абиссинии — в состоянии застоя, мясо и муку вынуждены ввозить в страну, которая в прошлом обеспечивала себя мясом, а в некоторые годы имела и избыток зерна» [302, с. 63].

В конце 1938 г. уже упоминавшийся консул Стоунхэвер-Бэрд доносил в Лондон, что, по мнению директора одной из крупных итальянских компаний, «основная проблема (Эфиопии) не политическая, а экономическая: производство вместо роста сократилось до такой степени, что даже туземцы не могут просуществовать... Экспорт стремительно приближается к нулевой отметке... Не исключено, что в недалеком будущем и кофе придется импортировать» [302, с. 60].

Хотя исследователи не располагают статистическими данными об объеме производства в Эфиопии в указанные годы, многочисленные свидетельства очевидцев совершенно определенно показывают, что политика итальянских колонизаторов привела к резкому сокращению производства в стране, к дезорганизации ее экономики. Свидетельством этого являются статистические данные, характеризующие внешнюю торговлю Эфиопии в указанные годы.

Экспорт кофе сократился с 15 822 т в 1935 г. до 200 т в 1939 г., а в 1940 г. он вообще прекратился [302, с. 64]. Экспорт шкур и кож уменьшился с 7954 т в 1935 г. до 48 т в 1939 г. и 20 т в 1940 г. Экспорт зерна (в 1935 г.— 3010 т) в 1936 г. прекратился, и зерно, в первую очередь пшеница, стало ввозиться в Эфиопию.

В импорте Эфиопии в годы итальянской оккупации значительное место заняли строительные материалы, продукты питания, напитки.

Год	Экспорт	Импорт
1935	28 497	21 508
1936	14 836	63 112
1938	453	79 907
1939	480	53 691

Приведенные данные подтверждают положение о том, что экономика Эфиопии была доведена до состояния упадка. Расчеты итальянского фашизма на организацию экономической эксплуатации Эфиопии, в частности на превращение ее в аграрно-сырьевой придаток метрополии, провалились. Одна из причин этого — сопротивление патриотических сил, народа Эфиопии, не желавшего мириться с произволом колонизаторов.

В итоге эта же причина явилась решающей в провале и еще одного колонизаторского замысла фашизма — о заселении колонии большим количеством итальянских эмигрантов. В июне 1936 г., говоря о планах переселения итальянцев в ИВА, Бадольо определил численность возможных итальянских поселенцев в ИВА в 1 млн. человек. Затем стали говорить о 10 млн. поселенцев [259, с. 212]. В 1936—1938 гг. в правительственных кругах, среди специалистов-ученых, в печати широко обсуждался вопрос о юридических основах и путях создания колониационного земельного фонда, о наиболее целесообразных способах колонизации (об этом см., например, [314]). При всем многообразии проектов и предложений для всех них было характерно одно — стремление решить проблему итальянских поселенцев за счет народа Эфиопии, превратив местное население в слуг итальянцев-поселенцев.

В соответствии с одним из проектов итальянские колонисты должны были селиться в специальных поселках, вокруг которых «располагались бы более скромные жилища туземцев, работающих на белых... К туземцам надлежало относиться на основе принципа абсолютного и неизменного превосходства белых над черными» [118, с. 5, 8, 10].

Колониальная администрация с самого начала приступила к созданию колониационного земельного фонда, в который включались (позднее это было зафиксировано в специальном декрете [294, с. 568]) земли, принадлежавшие ранее эфиопскому государству и ряду феодалов, административно конфискованные земли, «невозделанные, заброшенные или ничейные земли», земли, за пользование которыми не были уплачены налоги, и др.

Уже в 1936 г. созданный при итальянском правительстве специальный комитет приступил к практическому осуществлению колонизации. В конце 1937 г. в трех областях Италии, в наибольшей степени страдавших от аграрного перенаселения, — Ро-

мании, Венето и Апулии (а позднее также в Лигурии и в Пьемонте) — были созданы компании («Компания колонизации эфиопской Романии», «Компания колонизации эфиопской Апулии» и т. д.), которые должны были осуществить заселение определенных районов Эфиопии эмигрантами из соответствующих областей Италии. Первые поселения были организованы в Шоа, Харэре, к востоку от оз. Тана, близ Джиммы. Общее количество семей итальянских сельских поселенцев составило к весне 1940 г. 3550, им было передано 113 760 га земли (см. [259, с. 212]). Этим дело и ограничилось. Создать из Эфиопии крупную поселенческую сельскохозяйственную колонию итальянский фашизм не смог главным образом из-за крайне неблагоприятной для колонизаторов обстановки, существовавшей в сельской местности вследствие постоянной активности патриотических партизанских сил. Кроме этого, в условиях назревания, а затем начала войны в Европе итальянский фашизм считал невозможным для себя отвлекать материальные средства на финансирование переселенческих операций.

Основная же часть итальянских эмигрантов, направлявшихся по собственной инициативе в ИВА, оседала в городах, где чувствовала себя в большей безопасности. По данным на 1939 г., из 185 тыс. итальянцев, поселившихся в ИВА, проживали в городах: Аддис-Абебе — почти 39 тыс., Асмэре — 49 тыс., Харэре — более 4 тыс., Джимме — более 5 тыс., Дыре-Дауа — 3,5 тыс., Гондэре — 2 тыс. [259, с. 278], Могадишо — 8 тыс., Массауа — 5 тыс. [291, с. 251]. В городах эмигранты не только чувствовали себя спокойнее, но и находили поле для прибыльной предпринимательской деятельности, становясь мелкими хозяйчиками. Оценивая итальянскую политику в Эфиопии в 1935—1940 гг., ей можно дать только одно определение: это был колониализм в самых отвратительных, античеловечных его проявлениях. Итальянский фашизм попытался создать в Северо-Восточной Африке колонию с системой прямого управления, с экономикой, полностью зависимой от экономики Италии и подчиненной ей, колонию, в которой итальянские поселенцы стали бы расой господ, поставленной над «туземной» расой.

Фашизм нанес колоссальный материальный и моральный ущерб народам Эфиопии. Навязанные фашистской агрессией государственные расходы Эфиопии на оборону в ходе итало-эфиопской войны достигли почти 27 млн. ф. ст.; материальный ущерб, причиненный агрессорами, оценивался эфиопским правительством в 132,5 млн. ф. ст. [225, с. 33—34]. Итальянские банки и фашистские бонзы вывезли значительную часть валютных фондов страны, часть ее материальных и культурных ценностей. Хозяйственная жизнь страны была дезорганизована, производство находилось в состоянии упадка, нищета трудящегося населения достигла невероятных размеров. К классовому угнетению основной массы населения Эфиопии добавился

национальный гнет, расовая дискриминация во всех ее формах и проявлениях.

Итальянская агрессия против народов Эфиопии имела еще одно, более отдаленное последствие: объективно она создала такие условия, которые были использованы правящим феодальным классом Эфиопии для консервации феодальных отношений, для торможения социально-экономического прогресса страны.

Дело в том, что некоторые патриотически настроенные феодалы приняли активное участие в борьбе за освобождение Эфиопии от итальянских захватчиков, а император и члены императорской семьи, находясь в эмиграции, своей дипломатической и общественной деятельностью способствовали мобилизации мирового общественного мнения и внутреннего сопротивления против итало-фашистской оккупации страны. После освобождения Эфиопии заслуги феодальной верхушки и лично императора в освобождении страны стали до такой степени раздуваться и возвеличиваться официальной пропагандой, что фигура императора стала как бы олицетворять национальную независимость Эфиопии. Император и связанные с ним феодалы использовали подъем национальных, патриотических чувств, пробудившихся у трудящихся масс Эфиопии в ходе антифашистской освободительной борьбы, для сохранения и упрочения своих классовых позиций. Играя на этих чувствах масс, монархия и феодальная верхушка постарались помешать развитию прогрессивных классовых движений, развертыванию классовой борьбы в стране и тем самым консервировали архаичные феодальные отношения.

Таким образом, итало-фашистская агрессия косвенно сыграла роль фактора, давшего эфиопской феодальной монархии второе дыхание: она послужила монархии поводом для раздувания националистических настроений в массах и возвеличивания собственной роли в деле сохранения национального суверенитета страны, который отождествлялся с фигурой императора и с существовавшим в Эфиопии феодальным строем.

2. НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИТАЛО-ЭФИОПСКОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ИТАЛИИ

Многообразным и разноплановым было влияние итало-эфиопской войны на Италию.

Взрыв национализма и шовинизма, искусственно разжигаемых всей фашистской пропагандистской машиной в связи с подготовкой войны, ее ходом и провозглашением империи, способствовал известному временному политическому укреплению фашистского режима, росту его престижа.

Это политическое последствие войны (сравнительно кратко-

срочное, ибо буквально через несколько лет, когда рассеялись шовинистический угар и упоение фактом создания империи, фашизм столкнулся с серьезнейшими трудностями) достаточно хорошо освещено в нашей литературе (см., например, [175, т. 3, с. 122—123]).

Менее изучен, на наш взгляд, вопрос о влиянии войны на экономическую структуру и некоторые стороны социально-экономического развития Италии. Между тем итало-эфиопская война, потребовавшая колоссальной мобилизации людских и материальных ресурсов Италии, превращенная фашизмом в мероприятие общенационального масштаба, оказала весьма существенное влияние на экономическую структуру итальянского общества, на эволюцию итальянского империализма в целом.

Подготовка и ведение войны против Эфиопии потребовали увеличения военных заказов итальянской промышленности и приспособления экономики страны к военным нуждам. Задача увеличения военного производства, в свою очередь, поставила со всей остротой проблему сырья, прежде всего стратегического, и энергоресурсов. Между тем энергетический баланс Италии, не располагавшей жидким топливом и лишь на 20—25% покрывавшей собственным производством свои потребности в твердом топливе, даже накануне второй мировой войны (после ряда специально принятых мер, направленных на форсированное развитие гидроэнергетики) складывался с дефицитом в размере свыше 50% [164, с. 38, 40]. Добыча минерального сырья в целом составляла в стоимостном выражении лишь 20—25% потребления Италии в мирное время. При этом по таким видам стратегического сырья, как хром, вольфрам, никель, медь, олово, молибден, ванадий, Италия в 1937 г. на 90—100% зависела от импорта [164, с. 40, 42].

Следует добавить, что определенные (хотя и не столь значительные, как это изображали лидеры фашистского режима) сложности для экономики Италии возникли в связи с решением Лиги наций от 11 октября 1935 г. о применении против Италии с 18 ноября 1935 г. экономических санкций. Решение о санкциях имело весьма существенные изъяны: оно не распространялось на нефть, автомашины и некоторые другие важные изделия и материалы, не предусматривало закрытия Суэцкого канала для итальянского морского флота. Отказались поддерживать решение о санкциях такие государства — члены Лиги наций, как Австрия, Венгрия, Албания. Не участвовали в санкциях США, Германия, Бразилия, Япония, не являвшиеся членами Лиги. Некоторые западноевропейские страны (в том числе инициаторы санкций) зачастую не выполняли этого решения Лиги о санкциях. Тем не менее последовательное осуществление санкций Советским Союзом и рядом других стран создало определенные трудности фашистскому правительству в получении дефицитного сырья и материалов. Фашизм был вынужден перестраивать свои

внешнеэкономические связи, изыскивать внутренние возможности и т. д.

Такое положение побуждало фашистское правительство продолжать и даже усиливать начатый в годы мирового экономического кризиса курс на государственное вмешательство в экономику, на государственное регулирование экономического развития.

Одним из важнейших проявлений этого курса была политика экономической автаркии (экономического национализма). Главной целью этой политики было ослабление импортной зависимости Италии в условиях колониальной войны, а затем в ходе подготовки к большой войне. Хотя официально директиву приступить к составлению «генерального плана автаркии» Муссолини дал на третьей ассамблее фашистских корпораций 15 мая 1937 г., а осуществление его стало разворачиваться в полной мере на рубеже 1937 и 1938 гг., фактически политика автаркии стала проводиться в жизнь уже в 1935—1936 гг., т. е. в разгар военных действий в Эфиопии. 23 марта 1936 г. на национальной ассамблее фашистских корпораций Муссолини провозгласил в качестве главной цели экономики достижение «максимального уровня экономической автономии на период войны» [106, т. 27, с. 244].

Именно в 1935—1936 гг. был принят ряд законов, дан ряд директив, которые предусматривали осуществление мероприятий, вошедших потом в «автаркические программы». Речь шла о мерах, направленных на сокращение импортной зависимости Италии, на стимулирование поисков полезных ископаемых и организацию добычи всех видов стратегического сырья на территории Италии, даже в случае нерентабельности месторождений, на введение государственной монополии на добычу, импорт и распределение некоторых видов сырья (угля, олова, никеля, меди) и т. п. [164, с. 38—40; 323, т. 2, с. 288].

Стимулировав развитие производства на военные нужды в связи с итало-эфиопской войной, фашизм стремился сохранить, укрепить и усилить это направление в развитии итальянской экономики. Это было связано с общим усилением агрессивности всей внешнеполитической деятельности итальянского фашизма. Захватнический политический курс итальянского фашизма в значительной мере обусловил дальнейшее разворачивание политики автаркии.

Разрабатывая «автаркические программы», фашистские корпорации сосредоточивали основное внимание на четырех основных направлениях:

- 1) максимальное использование минеральных ресурсов самой Италии;

- 2) перестройка металлургической промышленности в «национальных интересах страны», иначе говоря, удовлетворение потребностей агрессивной внешней политики фашизма;

3) замена дефицитного импортного сырья и материалов местными недефицитными материалами;

4) сокращение потребления наиболее дефицитных материалов и устранение потерь [164, с. 48].

Направляющая линия, пролежавшая через все «автаркические» мероприятия, состояла в поддержке и поощрении «автаркических» отраслей промышленности, т. е. отраслей, имевших военно-экономическое значение. Это делалось через систему лицензий, выдававшихся государственными органами на строительство новых промышленных предприятий и на расширение существовавших, через государственные капиталовложения и т. п. Проведение в жизнь политики автаркии означало ограничение выгодных и необходимых для страны экономических связей, осуществление явно нерентабельных и неперспективных капиталовложений, которые зачастую были самым настоящим расточительством национального богатства, игнорирование нужд и интересов гражданских отраслей экономики (так, например, с целью экономии меди «автаркическая программа» предусматривала резкое сокращение расхода медного купороса на опрыскивание виноградников, в результате чего предполагалось высвободить для отраслей промышленности, связанных с военным производством, 20—25 тыс. т меди в год) [164, с. 49].

Другим проявлением резкого усиления государственного вмешательства в экономическое развитие было дальнейшее «огосударствление» различных отраслей национальной экономики. Выше уже говорилось, что решающие шаги в этом направлении были сделаны в период экономического кризиса 1929—1933 гг. Подготовка, а затем развертывание агрессии фашистской Италии против Эфиопии и связанная с этим необходимость форсирования военного производства и материального обеспечения войны в условиях чрезвычайной отдаленности и масштабы театра военных действий, слабости сырьевой базы в метрополии, финансовых затруднений потребовали дальнейшей централизации в руках государства ряда новых отраслей экономики и крупных финансовых средств.

Ведущая роль в этом деле принадлежала Институту реконструкции индустрии (ИРИ), предприятия которого стали главным военным арсеналом итальянского фашизма. В 1936 г. по решению фашистского правительства ИРИ создал холдинг-компанию «Финмаре»; она стала контролировать четыре крупные судоходные компании с общим капиталом 1,1 млрд. лир. Летом 1937 г. с целью осуществления контроля, реорганизации и координации в области металлургии была создана холдинг-компания «Финсидер» (60% капитала — у ИРИ); она стала контролировать компании «Терни», «Ильва», «Сиак» (бывшая «Ансальдо»), «Дальмине» и другие, которые, в свою очередь, осуществляли контроль над другими более мелкими фирмами [323, т. 2, с. 292].

В 1937 г. фашистское государство приобрело акции ряда крупных судостроительных компаний, которые вместе с уже ранее принадлежавшими ИРИ предприятиями стали основой военного судостроения; возникли две крупные судостроительные базы — Лигурийская и Адриатическая. В 1938 г. в Неаполе было основано государственное предприятие «Навальмекканика», которое рассматривалось как третья база военного судостроения.

В том же году ИРИ совместно с концерном «Пирелли» создал три смешанные компании по производству синтетической резины (капитал — 50 : 50). К этому времени в ИРИ уже входил ряд крупных компаний по производству артиллерийских орудий и танков («Ансальдо», «Ото»), самолетов («Альфа-Ромео») и др. [223, с. 80—82]. Июньский декрет 1937 г. давал ИРИ право устанавливать контроль над частными фирмами, когда это отвечало «интересам национальной обороны, политики автаркии и развития империи» [327, с. 124—125].

Ряд решительных мер был принят фашистским правительством по «огосударствлению» и государственному регулированию в области внешней торговли и финансов. Характерно, что большинство этих мер приходится на период подготовки и развертывания активных военных действий в Эфиопии. 8 декабря 1934 г. и 16 февраля 1935 г. фашистским государством были приняты суровые меры по установлению строгого контроля над движением валюты и валютными операциями. Меры эти стали особенно неукоснительно соблюдаться, когда в главе управления (суперинтенданства) по валюте и валютным операциям был поставлен Ф. Гуарнери, бывший до своего назначения на этот государственный пост одним из руководителей «Конфиндустрии». В феврале 1935 г. правительство полностью взяло в свои руки контроль над импортом и предоставление экспортно-импортных лицензий. 20 мая 1935 г. правительство учредило управление по надзору за движением ценных бумаг, которое с января 1936 г. было преобразовано в секретариат по контролю за движением валюты.

Наконец, 3 марта 1936 г. был создан Инспекторат по экономике и кредиту. В результате весь банковский механизм оказывался в руках государства или под его непосредственным контролем. Устанавливался контроль над всеми видами кредита [223, с. 90—95; 147, с. 217—219].

Упомянутые меры фашистского правительства Италии, в том числе и «банковский закон» 1936 г., хорошо известны в нашей литературе. Однако принятие этих мер рассматривается в большинстве работ исключительно как реакция на экономический кризис 1929—1933 гг. Между тем, как видно из вышеизложенного, фактическое начало осуществления политики «автаркии», значительное расширение государственного сектора в промышленности и в финансах, связанное с деятельностью ИРИ, принятие большинства мер по государственному регулированию в

области финансов, кредита, внешней торговли — все это происходило в 1935, 1936, 1937 гг., т. е. в период активной подготовки войны против Эфиопии, ведения военных действий против регулярных вооруженных сил Эфиопии вплоть до взятия Аддис-Абебы и последующих операций против отдельных отрядов эфиопских войск и партизанских отрядов в 1936—1937 гг. Указанные финансово-экономические меры не просто хронологически, а органически были тесно связаны с войной против Эфиопии, обеспечивали ее ведение.

Поэтому есть все основания утверждать, что война фашизма против Эфиопии в значительной степени способствовала росту государственно-монополистических тенденций в итальянском империализме. Развитие Италии в 30-х годах вновь подтвердило принципиальное значение слов В. И. Ленина, относившихся к Германии и Англии начала XX в.: «Война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению» [17, с. 355].

Увеличилась концентрация капитала в Италии. Капитал 21 крупнейшей итальянской промышленной монополии («Эдисон», «Монтекатини», ФИАТ, «СНИА-Вискоза», «Италгаз», «Ломбарда элеттричита», САДЕ, СМЕ, «Бастоджи», «Пирелли», «Фальк» и др.) вырос с 6 млрд. лир (12,61% капитала всех акционерных компаний) в 1931 г. до 11 млрд. лир (20,11% всего акционерного капитала) в 1939 г., а прибыли достигли 9,68% на вложенный капитал [296, с. 226].

Возросло могущество крупнейших монополистических групп. Капитал группы ИФИ—ФИАТ увеличился с 1931 по 1936 г. в 2 раза (с 60 млн. до 120 млн. лир), а производство грузовых автомобилей достигло в 1936 г. 14 887 шт. (в 1934 г.— 3894 шт., в 1935 г.— 8625 шт.). В 1939 г. капитал группы уже составлял 240 млн. лир.

Капитал «Монтекатини», производившей взрывчатые вещества, алюминий (57% всего производства алюминия в 1937 г.), свинец (50% всего производства в 1937 г.) и другие материалы для войны, увеличился с 1934 по 1938 г. более чем в 2 раза (с 600 млн. до 1300 млн. лир), тогда как за предыдущие 10 лет прирост капитала этой компании составил лишь 20% (с 500 млн. до 600 млн. лир).

Капитал фирмы «Эдисон» (электроэнергетика) вырос с 1934 по 1938 г. с 1,35 млрд. до 1,8 млрд. лир, а в 1941 г. достиг 2 млрд. лир.

Возросли производство и капитал фирмы «Пирелли», на долю которой в 1937 г. приходилось (по стоимости) 60% продукции резиновой промышленности, 50% производства кабеля и изолированных проводов. Не менее стремительным был рост капитала промышленных компаний, непосредственно производивших вооружение. Капиталы компании «Фальк» увеличились с 1936 по 1939 г. почти в 2 раза (со 156 млн. до 290 млн. лир),

а «Бреда» — более чем в 2,5 раза (с 96 млн. в 1935 г. до 250 млн. в 1939 г.) [202, с. 136, 138, 151, 168, 169; 323, т. 2, с. 294].

Значительно выросли прибыли монополий. Чистая прибыль итальянских акционерных компаний, составлявшая в 1931 г. всего лишь 0,08% на вложенный капитал, достигла в 1934 г. 4,1%, в 1935 г. — 5,74, в 1936 г. — 7,28% [323, т. 2, с. 166]. По сведениям Итальянского банка, чистая прибыль предприятий металлургической и металлообрабатывающей промышленности составила в 1936 г. 8,4% [244, с. 214]. Весьма высокими были прибыли и других предприятий, связанных с военным производством. С 1934 по 1937 г. прибыли ФИАТа выросли в 2,3 раза, «Бреда» — в 2,1, «СНИА-Вискоза» — в 1,9, «Монтекатини» — в 1,6, «Пирелли» — в 1,3 раза (см. [152, с. 97]).

Неслыханно обогащалась также вся фашистская верхушка, в первую очередь сам Муссолини, его зять Г. Чиано и другие иерархи. Это было прямым следствием интеграции политической и экономической власти, одним из проявлений которой являлось то, что крупнейшие деятели делового мира были постоянно представлены в правительстве. На смену Дж. Вольпи, закончившему свою деятельность в правительстве и возглавившему с середины 30-х годов «Конфиндустрию», в правительство пришел в качестве министра бывший президент «Конфиндустрии» А. С. Бенни [323, т. 2, с. 286]. На протяжении ряда лет министром без портфеля в правительстве Муссолини был А. Пирелли, один из крупнейших промышленников фашистской Италии.

Частный капитал извлек в то время все возможные выгоды из государственных или полугосударственных компаний и учреждений. Когда тяжелый период экономического кризиса остался позади, частный капитал выкупил у ИРИ текстильные, электроэнергетические и другие предприятия (в том числе, например, «Италгаз»), которые обещали вновь стать прибыльными. Под контролем ИРИ сохранились предприятия металлургической, судостроительной, некоторые отрасли металлообрабатывающей промышленности, судоходные, телефонные компании и др.

Накануне второй мировой войны контролируемые ИРИ предприятия производили 77% чугуна, 45% стали, 75% труб, 50% оружия и боеприпасов; ИРИ контролировал 80% производства в судостроении, 22% — в авиастроении, 39% — в машиностроении, а в целом около 23% производства металлообрабатывающей промышленности Италии. Кроме того, под контролем ИРИ находились судоходные компании, которые обеспечивали судами 90% итальянских судоходных линий (см. [317, с. 192]).

Нельзя не согласиться с американским исследователем Сарти, который писал: «Если подходить к делу с долгосрочным критерием, то не может быть никакого сомнения, что деятельность ИРИ была благодеянием для частной промышленности.

ИРИ освободил частный капитал от всякой ответственности за невыгодные обязательства и функции и предоставил ему полную свободу сосредоточиться на развертывании прибыльных капиталовложений» [327, с. 122].

Мы вовсе не склонны объяснять отмеченные процессы, характеризовавшие итальянский империализм того периода, исключительно воздействием итало-эфиопской войны. Становление и развитие государственно-монополистических черт итальянского империализма происходило в 30-х годах под воздействием многих факторов, в первую очередь мирового экономического кризиса. Несомненно вместе с тем (это мы и стремились показать), что одним из важнейших факторов такого рода явилась колониальная агрессия фашизма против Эфиопии.

Диалектика процесса развития капитализма в Италии в 30-х годах такова, что, складываясь под значительным воздействием агрессивной колониальной войны, итальянский государственно-монополистический капитализм толкал страну к новым агрессивным авантюрам, к новым захватам. «После эфиопской кампании фашистская Италия гораздо быстрее двинулась по пути военных авантур» [220, с. 17], — пишет советский историк Г. С. Филатов. В этих условиях происходило все более тесное слияние силы фашистского государства и могущества монополий в интересах крупного капитала и правившей фашистской верхушки.

Данный вывод вовсе не означает признания полной и абсолютной идентичности позиций крупного капитала и фашистского государства по всем вопросам. Одной из важных черт итальянского фашизма являлось его внимание к сохранению и поддержанию массовой базы своего режима. «Фашистская диктатура, таким образом, стремится опереться на массовое движение, организуя с этой целью крупную и мелкую буржуазию» [38, с. 11—12], — подчеркивал П. Тольятти. Это предполагало не только широкое использование социальной демагогии и разжигание шовинизма, но и осуществление реальных мер, которые бы в той или иной степени отвечали интересам средних слоев города и деревни, а порою и простых тружеников. А это могло создавать и действительно создавало почву для трений и разногласий между властью и крупным капиталом. К этому надо добавить, что некоторые решения и меры фашистского государства иногда не соответствовали конкретным непосредственным интересам и целям отдельных групп крупного капитала или всего крупного капитала в целом. Это тоже могло служить источником разногласий.

Недовольство крупного капитала вызывали некоторые экономические меры, принимавшиеся фашистским государством в период итало-эфиопской войны и сразу после нее. К ним относились импортные ограничения, декрет о шестипроцентном максимуме на распределяемый дивиденд (сентябрь 1935 г.);

закон о десятипроцентном налогообложении всех активов компаний (октябрь 1937 г.) и др. [327, с. 126—127]. И хотя крупный капитал, как правило, пользовался различного рода льготами, привилегиями, компенсациями, которые полностью покрывали те или иные потери, а иногда получал фактическое право не уплачивать неугодные налоги, тем не менее возникла объективная основа для разногласий и недовольства. Однако поскольку разногласия касались частных вопросов, до определенного периода они не приводили к серьезным противоречиям, а тем более к конфликтам. Итальянский крупный капитал научился обходить отдельные, не устраивавшие его акты в политике фашизма, а на откровенную демагогию просто закрывал глаза.

Характерно, что упомянутый закон о десятипроцентном налоге, по признанию А. Пирелли, применялся министерством финансов в отношении крупных бизнесменов довольно непоследовательно. Расплачивались менее крупные предприниматели. Однако официально закон касался всех корпораций. И это служило основанием для безудержной фашистской демагогии.

Все основные рычаги управления экономикой страны сосредоточились в руках тех немногих, кого один итальянский исследователь образно назвал «хозяевами пара» (см. [318]). Характеризуя роль этого слоя фашистского общества, видный представитель делового мира Э. Конти писал о конце 30-х годов: «В наше время, когда каждый день твердят о необходимости приблизиться к народу, создается финансовая олигархия, которая напоминает в области промышленности средневековый феодализм. Большая часть производства контролируется несколькими группами, во главе каждой из которых стоит один человек. Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и немногие другие буквально господствуют в различных отраслях производства» (цит. по [220, с. 62]).

Отмеченные общие явления в развитии итальянского империализма не исчерпывали всех разнообразных, сложных процессов, происходивших в социально-экономическом развитии Италии в годы итало-эфиопской войны и сразу после нее.

Подготовка, а затем ход агрессии против Эфиопии привели к колоссальному росту чрезвычайных военных расходов, которые составили в 1934/35 г.— 811 млн. лир, в 1935/36 г.— 10 500 млн., а в 1936/37 г.— 13 144 млн. лир [245, с. 10]. В результате общий объем военных расходов итальянского государства вырос с 25 млрд. лир в 1931/32 г. до 43,5 млрд. лир в 1936/37 г. [114, с. 140]. Рост расходов, связанных с войной, отражал не только значительное увеличение вооруженных сил, но и рост военных заказов целому ряду отраслей промышленности, резкое увеличение морских перевозок, активизацию деятельности судоходных компаний. Поток военных заказов коснулся прежде всего наиболее крупных компаний.

Произошел весьма значительный рост промышленного про-

изводства, общий уровень которого, сократившийся в 1932 г. почти на $\frac{1}{3}$ по сравнению с 1929 г., достиг в 1935 г. 113,5%. В 1935—1938 гг. среднегодовой прирост промышленного производства составил +17,8% [374, 1971, № 104, с. 58].

Приведенные средние цифры, характеризующие прирост промышленного производства, скрывали крайнюю неравномерность развития различных отраслей. Если производство в черной металлургии и особенно в машиностроительной и химической промышленности (связанное в основном с военными заказами) росло довольно быстро, то текстильная промышленность находилась в состоянии застоя.

Рост в указанных отраслях промышленности обеспечивался не за счет технического прогресса, а за счет простого расширения производства, интенсификации труда, усиления эксплуатации трудящихся. Итальянские исследователи специально обращают внимание на техническую отсталость итальянской промышленности в те годы и слабый технический прогресс [245, с. 11].

Активизация промышленности способствовала росту занятости, сокращению безработицы в стране. Некоторому рассасыванию безработицы содействовало направление в Африку экспедиционного корпуса, а также посылка туда почти 100 тыс. гражданских лиц, связанных с обслуживанием вооруженных сил, строительством дорог, разного рода объектов и «освоением» завоеванных территорий. Вербовка лиц в фашистскую милицию осуществлялась главным образом среди безработных, особенно в экономически отсталых районах Юга. Вследствие этого число безработных сократилось с 1158 тыс. человек в 1934 г. до 739,7 тыс. в 1935 г. и 700 тыс. в 1936 г. [348, с. 460].

Вместе с тем рост расходов, связанных с агрессией в Эфиопии (один так называемый колониальный бюджет вырос в 1937/38 г. по сравнению с 1936/37 г. в 4 раза, составив 12,5% расходной части госбюджета [291, с. 252]), серьезно подорвал финансы Италии.

Произошло резкое сокращение золотых запасов государственного банка Италии: с 12,5 млрд. лир в 1933 г. до 3,4 млрд. лир в конце 1935 г. В 1936 г. продолжалось сокращение золотого запаса. В стране развивалась инфляция: количество денег, находившихся в обращении, выросло только за один год (с конца 1934 по конец 1935 г.) с 13,1 млрд. до 16,3 млрд. лир [348, с. 460; 245, с. 14]. Война против Эфиопии привела к резкому росту дефицита государственного бюджета. В 1935/36 г. он вырос в 2 раза по сравнению с 1933/34 г.— с 6,4 млрд. до 12,7 млрд. лир, а в 1936/37 г. достиг 16,2 млрд. лир [245, с. 35].

Характерной чертой эволюции Италии в рассматриваемые годы была крайняя территориальная неравномерность экономического развития. Разрыв в уровне между Севером и Югом про-

должал углубляться, поскольку промышленное развитие очень мало касалось Юга. Итальянский фашизм, расхоровавший миллиарды на снаряжение экспедиции в Ливию и Эфиопию, громко объявлявший миру о том, что он «несет цивилизацию» народам чужих стран, отказывал в современной цивилизации и в экономическом прогрессе доброй половине населения своей собственной страны. Интересы отсталых районов Юга Италии фашизм приносил в жертву колониальным устремлениям итальянского империализма.

Колониальная война и сопровождавшие ее возросшие военные расходы покрывались фашистским правительством за счет наступления на жизненный уровень трудящихся. Были повышены налоговые ставки и введены новые налоги [164, с. 115; 220, с. 56].

Рост инфляции и стоимости жизни вынуждал фашистское правительство дважды (в 1936 и 1937 гг.) повышать зарплату трудящимся. Однако рост стоимости жизни обгонял рост заработной платы. Хотя официальная фашистская статистика умышленно неопределенно формулировала состояние заработной платы и жизненного уровня в 1934—1938 гг., указывая на «колебание заработной платы в сторону повышения до 24,85%, а рост стоимости жизни — до 29,75%», уже из сопоставления этих цифр видно, что рост стоимости жизни обгонял рост заработной платы (см. также [245, с. 38]).

Сокращение средней дневной заработной платы в промышленности, происходившее во время экономического кризиса, продолжалось и в годы подготовки и развертывания итало-эфиопской войны. Оно характеризовалось следующими цифрами: 1934 г.— 14,86 лиры; 1935 г.— 14,3 лиры, 1936 г.— 14,2 лиры [348, с. 464]. По некоторым данным, реальная заработная плата в стране сократилась с 1934 по 1938 г. примерно на 24% [291, с. 278].

Как уже отмечалось выше, одним из следствий «создания империи» в результате агрессии итальянского фашизма в Эфиопии было широкое распространение в Италии идеологии расизма. На почве расизма в Италии вырос и расцвел антисемитизм.

Первые элементы антисемитских идей стали появляться в выступлениях лидеров итальянского фашизма с осени 1936 г. 31 декабря 1936 г. рупор Муссолини газета «Пополо д'Италия» напечатала статью, в которой антисемитизм оправдывался как реакция на «засилье и исключительность» евреев [312, с. 100—103] (заметим, что в то время в Италии, население которой составляло 44 млн. человек, насчитывалось 50—60 тыс. евреев). В это же время в фашистской печати была выдвинута идея о необходимости определенного ограничения гражданских прав евреев [312, с. 112]. Но все это были лишь отдельные симптомы надвигающейся кампании. Подлинная буря антисемитизма разразилась после опубликования 14 июля 1938 г. расистского

«Манифеста» (в котором, в частности, говорилось: «евреи не принадлежат к итальянской расе») и после расистской манифестации 26 июля 1938 г.

При этом пропаганда антисемитизма разворачивалась в тесной связи с проповедью превосходства итальянцев по отношению к народам колоний, с проповедью колониального расизма. Чрезвычайно точно передает весь дух пропагандистской кампании заголовок статьи, опубликованной газетой «Коррьере делла сера» 6 августа 1938 г.: «Защита расы в Италии — охрана духовного достояния народа, основы государства, фактор безопасности империи». В июле — августе 1938 г. буквально все газеты были заполнены статьями, пропагандировавшими расизм и антисемитизм. Достаточно, например, сказать, что в «Коррьере делла сера» с 17 июля по 24 августа 1938 г. было напечатано 12 крупных статей по данной тематике.

Но фашисты не ограничились пропагандой. За газетными статьями последовали политические и административные меры. 5 сентября 1938 г. был принят декрет-закон, в соответствии с которым иностранцам-евреям предлагалось в течение 6 месяцев покинуть территорию Италии, Ливии и Додеканеза; итальянским евреям запрещалось преподавание в государственных школах, они исключались из научных и художественных академий, институтов, ассоциаций, лишались ученых званий, их детям запрещалось поступать в государственные учебные заведения всех ступеней [312, с. 136].

Затем последовала целая серия мер, лишивших еврейское население Италии буквально всяких гражданских, политических и экономических прав [312, с. 142, 281—284].

Одновременно принимались законы, декреты и административные распоряжения, которые ужесточали расовую дискриминацию в колониях, в первую очередь в ИВА (о них речь уже шла выше).

Подъем расизма и антисемитизма в идеологии и политике итальянского фашизма во второй половине 30-х годов не был случайным. Встав на путь захватнических войн, столкнувшись с отчаянным сопротивлением народов Эфиопии, фашизм почувствовал необходимость, по словам Муссолини, преодолеть «недостаточность расового воспитания» своего собственного народа. Только внушив итальянцу вообще, итальянскому солдату в Северо-Восточной Африке в частности, что он — человек высшей, арийской расы — призван самой природой господствовать над африканцами как представителями низшей расы, только расистски обработав свой собственный народ, можно было надеяться превратить его в палача африканских народов, в послушное орудие осуществления захватнических замыслов итальянского фашизма в Европе.

Но проповедь расизма вообще, проповедь презрения и ненависти к народам колоний, находящимся за многие сотни, а то

и тысячи километров от Италии, порою оказывалась слишком абстрактной, недостаточно предметной и убедительной. Нужно было найти врага поближе, внутри собственной страны, врага не социального, а национального, борьба против которого означала бы расистскую обработку итальянского народа. И такой «внутренний национальный враг» был найден фашизмом в лице еврейского населения Италии. Примером в этом отношении итальянскому фашизму, выдававшему себя за преемника традиций древнего Рима, служили немецкие нацисты, одним из коренных идейно-политических устоев которых был ярый антисемитизм. Влияние расистской идеологии и антисемитской практики немецкого нацизма на идеологию и политику итальянского фашизма во второй половине 30-х годов, когда происходило активное сближение двух европейских фашистских диктатур, несомненно. Однако нельзя согласиться с исследователями, которые рассматривают расизм и антисемитизм в политике итальянского фашизма как простой результат заимствования у гитлеровцев, связанный со сближением фашистской Италии и гитлеровской Германии (см. [175, т. 3, с. 141]). Утверждение расизма и антисемитизма в идеологии и политике итальянского фашизма, хотя и происходило под известным воздействием извне, вытекало из всей агрессивной, захватнической политики итальянского фашизма, отвечало внутренним потребностям колониальной политики итальянского империализма в условиях фашистского режима.

Война против Эфиопии явилась отправным пунктом для новой внешнеполитической ориентации фашистской Италии. Итальянский фашизм, осужденный в Лиге наций за агрессию против Эфиопии, подвергнутый экономическим санкциям, стал искать новых союзников. Началось сближение итальянского фашизма с немецким нацизмом. Этому сближению способствовали как общность политических устремлений двух фашистских государств, так и определенные экономические интересы, в первую очередь экономические потребности Италии. Введение Лигой наций экономических санкций по отношению к Италии побудило итальянское правительство резко увеличить товарооборот с Германией. Доля Германии в итальянском импорте выросла (по стоимости) с 1933 по 1938 г. почти в 2 раза (с 14,7% до 27,3%), тогда как доля Британской империи и Франции снизилась в эти же годы с 22,9 до 14,3% [164, с. 56]. Сближению гитлеровской Германии и фашистской Италии способствовали также антидемократизм, тоталитаризм и антикоммунизм их идеологии и политического строя, антисоветизм внешнеполитического курса, а также наличие общих капиталистических соперников в лице Англии и Франции.

Немецкий нацизм в период подготовки итальянским фашизмом агрессии вел сложную дипломатическую и политическую игру. Цель этой игры состояла прежде всего в том, чтобы Ита-

лия поглубже втянулась в африканскую авантюру. Как показано в одной опубликованной в ФРГ работе, выполненной на основе немецких архивов [269], немецкие нацисты по крайней мере до лета 1935 г. осуществляли поставку в Эфиопию оружия, стремясь сделать неизбежным военное столкновение между Италией и Эфиопией и несколько продлить способность Эфиопии к сопротивлению. Это было необходимо фашистской Германии для того, чтобы отвлечь Англию и Францию от европейских проблем, ибо только при такой ситуации нацизм видел для себя возможным освобождение от пут Версаля. Кроме этого, перенесение центра внимания Италии с европейского театра в Африку было удобно Германии, так как ослабляло позиции Италии у границ Австрии.

Правда, оказывая военную помощь Эфиопии, Гитлер делал это в определенных, скромных размерах, таких, которые, несколько повышая боеспособность Эфиопии, не могли сильно ослабить Италию, действия которой должны были удерживать внимание Англии на африканских проблемах. Расчеты Гитлера в основном оправдались; ему удалось с успехом осуществить свои замыслы.

Основные этапы становления и развития германо-итальянской «оси» достаточно хорошо изучены и изложены в нашей литературе (см. [175, т. 3, с. 130—135, 148—152; 220, с. 91—114]). Мы считаем необходимым подчеркнуть только то, что у истоков этого империалистического союза лежала наряду с другими факторами агрессивная колониальная война итальянского фашизма против Эфиопии, которая привела итальянский фашизм к сотрудничеству с более сильным и агрессивным германским империализмом и с его порождением — немецким фашизмом.

Германский империализм стремился добиться превращения экономики Италии в придаток немецкой, отводя итальянскому капиталу служебную, подчиненную роль. Выражая интересы германского капитала, немецкий экономический комиссар В. Функ довольно откровенно предложил Ф. Гуарнери в январе 1939 г. провести такого рода экономическую специализацию: Германия специализируется на промышленном производстве; Италия — на сельскохозяйственном [327, с. 131]. Речь шла, таким образом, о превращении Италии в аграрно-сырьевой придаток Германии.

Итальянский капитал боялся такой перспективы и всячески противодействовал ей. Вместе с тем он рассчитывал укрепить свои позиции, добиться роста прибылей путем расширения экспансии в союзе с немецким фашизмом, «делая ставку на карту немецкой победы». Один из руководителей «Конфиндустрии» заявлял в это время: «Нужно создать новые рынки... нужно проникнуть на рынки любой ценой» [270, с. 395]. Отсюда поддержка курса Муссолини и его клики на сотрудничество с гитлериз-

мом, что и привело в конечном счете к полному подчинению итальянского фашизма нацизму.

«Фашизм — это был не только режим, при котором были ликвидированы демократические свободы. Это был также режим автаркии и подкармливания крупной промышленности, безумных расходов и расточительства, связанных с военными и колониальными авантюрами... По существу, на протяжении 20 лет тормозилось развитие производства, санкционировалась изоляция нашей страны от остальных стран мира, итальянское общество было приковано к своей отсталости. И завершилось все это поражением, вторжением на национальную территорию, разорением» [34, с. 21—22], — говорил генеральный секретарь ИКП Э. Берлингуэр на XIII съезде в марте 1972 г.

3. КОЛОНИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Задача «умиротворения» и «освоения» Эфиопии была основной, но не единственной задачей итальянского фашизма в области колониальной политики в 1936—1940 гг.

В этот период вновь возросла его активность в Средиземноморье, на Ближнем Востоке. Стремясь использовать в своих интересах борьбу арабских народов против английского и французского колониального гнета, итальянский фашизм снова активизировал свою пропаганду в арабских странах. Во время поездки в Ливию весной 1937 г. Муссолини опять пытался выступать в роли покровителя ислама и арабских народов. Фашистский официоз «Пополо д'Италия» писал 20 марта 1937 г.: «Мусульманский мир всегда нуждался в едином вожде и покровителе... Оказавшийся вакантным после упразднения Халифата пост покровителя ислама должен быть ныне занят дуче» (цит. по [174, т. 3, с. 685]). Фашистская печать, радио в специальных передачах (трансляции из Бари) уверяли народы арабских стран в поддержке арабского национализма и панисламизма со стороны «дуче, покровителя ислама и восстановителя мечетей». Одновременно фашистская пропаганда не жалела слов осуждения в адрес французской и английской политики на Арабском Востоке во всех ее проявлениях. Фашизм вновь активизировался на Аравийском полуострове. В 1937 г. был возобновлен итало-йеменский торговый договор. Возобновились политические контакты государственных деятелей Италии и Йемена [291, с. 260].

Колониальные устремления итальянского фашизма, подогретенные созданием империи, были весьма внушительными. Итальянские фашисты мечтали расширить свои владения в Северной Африке, соединить свои североафриканские владения с ИВА,

иначе говоря, наложить руку на Египет и на Судан. Однако это относилось скорее к области перспективных целей. Практически же, имея в 1936—1937 гг. двух мощных противников на фронте колониальной политики в лице Англии и Франции и такого своекорыстного союзника, как фашистская Германия, добиться можно было лишь немногого.

Поэтому-то (а также в расчете на британскую финансовую поддержку) итальянские фашисты решили урегулировать отношения со «старым и традиционным другом Италии» — Англией. Такое стремление стало проявляться у Рима уже с осени 1936 г. В результате 2 января 1937 г. была подписана декларация о статус-кво в Средиземном море. А 27 января 1937 г. было достигнуто англо-итальянское соглашение об использовании Италией портов Зейла и Бербера [291, с. 253]. Однако вплоть до марта 1938 г. в итало-британских отношениях не было достигнуто более существенных сдвигов. Лишь с усилением влияния профашистски настроенных деятелей в английском кабинете, стремившихся к сближению как с Муссолини, так и с Гитлером, были подписаны итало-английский протокол (16 апреля 1938 г.) и серия совместных заявлений по средиземноморским и колониальным проблемам (см. [291, с. 383—394]). Документы касались многих вопросов и регионов: статус-кво Средиземноморья; взаимная информация об изменениях в численности и дислокации вооруженных сил во владениях двух государств в Средиземноморье, бассейне Красного моря и на побережье Аденского залива; поддержание независимости Саудовской Аравии и Йемена, а также политика обеих стран на Аравийском полуострове в целом; признание Италией особых интересов Англии в районе оз. Тана; свобода судоходства через Суэцкий канал в любых условиях и т. д. Наибольшее политическое значение для итальянского фашизма имело содержавшееся в приложенном к соглашению письме британского посла в Риме лорда Перта фактическое признание от имени британского правительства итальянских «прав» на Эфиопию [291, с. 393] (официально это произошло 16 ноября 1938 г.).

Улучшение отношений с Англией было использовано для того, чтобы предъявить целый ряд территориальных претензий, в том числе колониальных, к Франции. Итальянский фашизм, восстановив в известной мере традиционный проанглийский аспект своей внешней политики, предпринимал попытку добиться от Франции колониальных уступок в свою пользу.

Мюнхенский стговор (29—30 сентября 1938 г.), являвшийся крупной вехой в развитии политики попустительства агрессии, поощрял итальянских фашистов к более активным действиям. В ноябре 1938 г. Муссолини, по словам Чиано, так определил основные направления итальянской внешней политики в тот момент: «В Европе основное — „ось“. В Средиземном море — сотрудничество с англичанами до предела возможного. Франция

остается вовне: к ней теперь направляются наши требования» [136, с. 293].

В конце 1938 — начале 1939 г. в итальянской прессе была развернута шумная кампания территориальных притязаний фашистской Италии к Франции. Вдохновителями этой кампании были лидеры итальянского фашизма, лично Муссолини. Чиано писал 8 ноября 1938 г., что Муссолини так определил основные объекты итальянских притязаний к Франции: Джибути, Тунис, Корсика, часть материковой Франции [136, с. 288]. 30 ноября в присутствии нового французского посла в Риме Франсуа-Понсе в фашистском парламенте была устроена шумная антифранцузская манифестация. Во время выступления министра иностранных дел Г. Чиано, после его слов о «естественных устремлениях итальянского народа», фашистские «депутаты», повскакав с мест, криками «Тунис, Корсика, Ницца, Савойя!» изобразили взрыв восторженного одобрения словам Чиано.

17 декабря 1938 г. фашистское правительство в специальном меморандуме объявило недействительными соглашения Лавалля — Муссолини: теперь они уже не только не удовлетворяли Рим, но и мешали ему, сдерживали его колониальные устремления.

В ноябре 1938 г. итальянскому послу в Лондоне было предложено информировать английское правительство об объектах итальянских притязаний и постараться заручиться его поддержкой [136, с. 292; 146, с. 358]. Весьма знаменательно, что за две недели до передачи французскому правительству меморандума по поводу соглашений Лавалля — Муссолини лорд Перт, по словам Чиано, согласился с мнением о том, что «они не могут рассматриваться как имеющие силу» [136, с. 304]. Добиться большего от англичан ни в конце 1938 г., ни в январе 1939 г. во время визита Чемберлена и Галифакса в Рим лидерам итальянского фашизма не удалось.

Возникает вопрос: действительно ли лидеры итальянского фашизма рассчитывали добиться от Франции удовлетворения всех своих территориальных притязаний? Конечно, нет. В Риме отлично понимали, что французские правящие круги добровольно не согласятся на уступку части территории метрополии. А вот некоторые колониальные уступки они могут сделать, если на них оказать соответствующий нажим. Поэтому фашисты действовали согласно правилу: требуй многого — кое-чего добьешься.

Не случайно, когда премьер-министр Франции Даладьё и министр иностранных дел Боннэ направили в начале февраля 1939 г. в Рим президента Индокитайского банка П. Бодуэна с целью выяснения действительного объема итальянских притязаний, ему были названы лишь «колониальные объекты». По сведениям, содержащимся в книге Боннэ «Кэ д'Орсэ при трех республиках», Муссолини потребовал для Италии два места в административном совете компании Суэцкого канала, объ-

явления Джибути свободным портом, продажи французами итальянцам акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, пролонгации конвенции 1896 г. о положении итальянцев в Тунисе (см. [213, с. 272]). Эти требования количественно были более скромными, а «качественно» — на уровне минимальных требований, которые Муссолини называл несколько раньше в разговоре с Чиано.

В беседе с Чиано Муссолини следующим образом определил последовательные ступени итальянских притязаний по каждому из объектов. Корсика: автономия, независимость, аннексия; Тунис: особый статут для итальянцев, независимость бая, итальянский протекторат; Джибути: свободный порт, со-владение с Францией, передача Джибути Италии; Суэцкий канал: решающее участие в администрации; по договоренности с Белградом аннексия Албании [137, с. 22].

Естественно, французские «мюнхенцы» нашли, по словам Боннэ, эти предложения интересными, позволявшими начать «официальный разговор». Даладе был даже склонен предоставить Италии значительную свободную зону в Джибути, согласиться на участие итальянцев в управлении и уступить Италии часть железной дороги на территории Эфиопии.

Возмущение французской общественности притязаниями итальянских фашистов, а также просочившимися в печать сведениями о склонности французских правящих кругов вести на этой основе переговоры с Римом сорвало возможную империалистическую сделку. Французское правительство приняло меры по укреплению своей колонии на побережье Аденского залива: была создана система оборонительных сооружений в северной части колонии, в том числе на полосе территории, которая была уступлена по соглашению Лавалея — Муссолини Италии и которую фашисты к своим владениям не присоединили [304, с. 30].

Начало сентября 1939 г. — трагический рубеж в истории человечества: разразилась вторая мировая война, унесшая за шесть лет десятки миллионов человеческих жизней, причинившая страшные разрушения и безмерные страдания народам многих стран мира. Война была порождена капитализмом, империализмом. Непосредственными зачинщиками второй мировой войны явились правящие круги Германии, Италии, Японии. Однако фашистские и милитаристские режимы этих стран смогли втянуть человечество в мировую бойню лишь вследствие политики попустительства агрессии, осуществлявшейся на протяжении ряда лет правительствами Англии, Франции и США. Ослепленные классовой ненавистью к первому в мире социалистическому государству, боявшиеся революционного и освободительного движения народов, руководители трех могущественных империалистических государств торговали судьбами малых народов и государств, шаг за шагом удовлетворяли претензии

агрессоров. Они надеялись при этом направить агрессию Германии, Японии и Италии против Советского Союза. Однако вопреки их замыслам вторая мировая война началась как столкновение двух групп империалистических держав. Постепенно в мировую войну вовлекались все новые и новые страны и народы, так что на заключительном этапе в войне участвовало в той или иной степени большинство народов мира.

Одна из важных проблем, которую стремились разрешить силы империализма и реакции в ходе войны,— проблема сфер империалистического господства, колоний, источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала. Во всяком случае, для фашистской Италии вопрос о новых колониях, о новых сферах господства для итальянского империализма был центральным вопросом его международной политики. Не случайно, излагая программу действий итальянского империализма накануне надвигающихся бурных событий первой половины 40-х годов, Муссолини заявил иерархам на заседании Большого фашистского совета: «Я пригласил вас для того, чтобы сообщить мои намерения и ориентировать вас на ближайшее время или, возможно, на длительный период, может быть, на очень длительный... Италия не имеет свободного выхода в океан. Она заперта в Средиземном море. Чем больше будет расти ее население и мощь, тем больший ущерб будет приносить ее заточение. Брусьями решетки ее тюрьмы служат Корсика, Тунис, Мальта и Кипр. Ее сторожами являются Гибралтар и Суэц.

Задача итальянской политики заключается прежде всего в том, чтобы взломать решетку ее тюрьмы. После этого у нее будет одна цель — марш к океану. Но к какому океану? К Индийскому, через Судан, который связывает Ливию с Абиссинией? Или к океану Атлантическому, через французскую Северную Африку? И в том и в другом случае мы встретим сопротивление как англичан, так и французов». Именно поэтому, заключал Муссолини, союз с Германией, которая прикроет Италию с тыла, «является основополагающей исторической необходимостью» (см. [196, с. 288; 175, т. 3, с. 144; 220, с. 147]).

Решив таким образом окончательно вопрос о союзнике (22 мая 1939 г. было подписано соглашение о военно-политическом союзе между Италией и Германией — «Стальной пакт»), а также о ближайших противниках, Муссолини вовсе не спешил сразу после начала второй мировой войны вступить в нее на стороне нацистской Германии. Во-первых, его удерживало от этого наличие серьезных недостатков в подготовке итальянских вооруженных сил к большой войне. А во-вторых, дуче хотел понаблюдать некоторое время со стороны, как пойдут дела у партнера, подождать такого момента, когда при минимальных усилиях можно будет урвать максимальный куш. Поэтому с сентября 1939 до июня 1940 г. Италия не участвовала во второй мировой войне.

Лишь 10 июня 1940 г., буквально за несколько дней до разгрома Франции войсками гитлеровской Германии, Италия объявила войну Франции и Англии. Хотя успехи итальянских войск в «параллельной войне» против Франции были минимальными, итальянские руководители выдвинули максимальные претензии, когда речь зашла об использовании результатов поражения Франции. Центральное место в итальянских предложениях об условиях мира с Францией, сделанных Муссолини Гитлеру во время встречи в Мюнхене 18 июня 1940 г., занимало требование передачи Италии Корсики, Туниса, Джибути, французских военных баз в Алжире и в Марокко, а также оккупации итальянскими войсками Юго-Восточной Франции (вплоть до р. Роны) и передачи Италии части французского военного флота и авиации. Однако Гитлер, хотевший использовать профашистское французское правительство Петэна для вовлечения Франции в нацистскую «новую» Европу и не желавший, чтобы большинство французских колоний досталось Англии и США, не дал согласия на удовлетворение этих притязаний Муссолини. Формулу «Ницца, Савойя, Тунис, Джибути — Италии» Муссолини вновь отстаивал на встрече с Гитлером осенью 1940 г. (см. [304, с. 30]). Но и на этот раз его усилия оказались тщетными.

Полагая, что после разгрома Франции Гитлер обрушит всю военную машину на Великобританию (вплоть до высадки десанта на Британские острова), итальянские фашисты решили продолжить «параллельную войну» на Балканах и в Африке.

Объектом их устремлений на Балканах (подробнее об этом см. [212]) были Греция и Югославия. Используя в качестве исходной базы Албанию, оккупированную в апреле 1939 г., итальянские войска начали вторжение в Грецию 28 октября 1940 г. (день встречи Муссолини с Гитлером, за час до которой фюрер узнал о начале итальянского вторжения). После первых незначительных успехов итальянские войска стали терпеть одно поражение за другим. К концу ноября они уже не только оставили захваченную часть греческой территории, но и уступили грекам часть территории Албании. Попытка итальянских войск возобновить наступление против греков в марте 1941 г. потерпела провал. Лишь начало немецкого вторжения в Грецию и Югославию в апреле 1941 г. дало возможность итальянским войскам оправиться от неудач, а итальянскому фашизму получить в конечном счете долю «балканского пирога».

Желая высвободить максимум немецких дивизий для нападения на Советский Союз, Гитлер передал Италии из расчлененной Югославии часть Словении, побережье Далмации и протекторат над Черногорией. Кроме этого, под протекторат Италии было передано созданное марионеточное королевство Хорватия. Таким образом, если в Грецию итальянский империалистический хищник смог проникнуть как «побитый шакал»

(выражение У. Черчилля, использованное им во время выступления в палате общин), то в Югославии он даже и не пытался действовать самостоятельно, а с самого начала шел по пятам своего более сильного партнера.

Во второй половине 1940 г. итальянские войска развернули боевые действия с целью захвата Англо-Египетского Судана и Кении, оккупировали Британское Сомали. Однако наступление на Судан развито не было, а в Кении в результате ряда контратак англичан итальянские войска перешли к обороне. В начале 1941 г. английские войска начали контрнаступление в Северо-Восточной Африке и совместно с патриотическими силами Эфиопии, освободившими свою страну, в течение 1941 г. разгромили итальянцев. Англичане оккупировали Эритрею и Итальянское Сомали. Итальянская Восточная Африка перестала существовать.

Более длительной и напряженной была борьба в Северной Африке. В сентябре 1940 г. итальянские войска вторглись из Ливии в Египет и углубились примерно на 150 км. Английские войска в Египте не оказали какого-либо сопротивления, однако итальянцы не смогли развить достигнутый успех. Более того, в декабре 1940 г. англичане перешли в контрнаступление в Египте. Основные силы итальянских войск, которыми командовал Грациани, были разгромлены. Остатки войск, изгнанные из Киренаики, отступили в Триполитанию. Положение итальянцев в Ливии становилось угрожающим. В этих условиях из чисто политических соображений Гитлер решил прийти «на помощь» своему незадачливому союзнику и в Северной Африке: «Для хода войны,— говорил он,— жизненно необходимо, чтобы Италия не потерпела крах» [220, с. 176]. В середине февраля 1941 г. в Триполи начали прибывать немецкие войска, которые составили «Африканский корпус» под командованием Роммеля. В конце марта Роммель предпринял контрнаступление против англичан и вытеснил их из Киренаики. В результате Роммель стал хозяином положения, а решающая роль в боевых действиях против англичан перешла к немцам.

В ноябре — декабре 1941 г. итальянцы потерпели еще одно поражение при попытке развернуть наступательные операции в Египте с территории Ливии. После этого командование всеми объединенными силами итало-германских войск в Северной Африке перешло к Роммелю. В мае — июне 1942 г. итало-германские войска осуществили новое вторжение в Египет, продвинувшись на 300 км в глубь страны. Однако в конце октября 1942 г. армия Роммеля потерпела тяжелое поражение под Эль-Аламейном и поспешно отступила. Зимой 1942/43 г., когда немецкие и итальянские войска были разгромлены под Сталинградом, Роммель не смог получить достаточного подкрепления, и войска «оси» оставили Триполитанию и Киренаику. Это был последний акт потери Италией всех ее колониальных владений в Африке.

В мае 1943 г. прекратили сопротивление итало-германские войска в Тунисе, который был оккупирован ими в ноябре 1942 г. Военные действия в Северной Африке были окончены.

К сказанному следует добавить, что 22 июня 1941 г., в день вторжения войск фашистской Германии в Советский Союз, итальянский фашизм объявил войну СССР и направил на германско-советский фронт экспедиционный корпус. В ноябре — декабре 1942 г. в боях в районе среднего течения Дона были разгромлены семь итальянских дивизий, еще три дивизии были уничтожены в ходе Сталинградской битвы. К середине февраля 1943 г. Итальянская армия в России (АРМИР) перестала существовать (подробнее см. [219]).

Так бесславно завершились империалистические, захватнические авантюры итальянского фашизма. Столь же бесславный конец ожидал в скором времени и сам фашистский режим в Италии, который рухнул под ударами как сил внутреннего Сопротивления, в формировании которого решающую роль сыграла Коммунистическая партия Италии, так и сил антигитлеровской коалиции, центральное место в которой принадлежало Советскому Союзу.

**ИТАЛЬЯНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ
ИТАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ**

Разгром сил реакции и фашизма во второй мировой войне, решающий вклад в который внес Советский Союз, привел к коренному изменению соотношения сил на мировой арене в пользу сил прогресса, демократии и социализма. Возникла и стала успешно развиваться мировая система социализма; под ударами национально-освободительного движения начался распад колониальной системы империализма; резко усилилось и достигло крупных успехов рабочее и демократическое движение в странах капитала.

Итальянский фашизм потерпел сокрушительное поражение: фашистское государство перестало существовать. Это было вместе с тем крупное поражение итальянского империализма в целом, всех сил итальянской реакции. Мирный договор 1947 г. закрепил это поражение итальянского империализма. В разделах договора, касавшихся колоний, Италия отказалась от всех прав на колониальные владения в Африке и признала независимость Эфиопии. Судьба Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали решалась позднее державами-победительницами, а затем Организацией Объединенных Наций. По мирному договору Италия передавала Додеканезские острова Греции и отказывалась в пользу Китая от всех выгод и привилегий (включая концессию в Тяньцзине), которые она имела в Китае.

В первые послевоенные годы своей центральной задачей итальянская буржуазия считала сохранение самой системы капиталистического господства в Италии, предотвращение дальнейшего сдвига влево в развитии страны. Основной политической силой, которая взяла на себя решение этой задачи, стала Христианско-демократическая партия. В 1947—1948 гг. она осуществила консервативный поворот в политическом и социально-экономическом развитии Италии.

Итальянский государственно-монополистический капитал стремился полностью восстановить, укрепить и расширить свои позиции, добиться повышения своего престижа и влияния, пол-

ной реабилитации себя в новой политической обстановке, признания своих заслуг перед Италией, способствовавших якобы «ее величию и авторитету». Решение этих (и ряда других) задач обеспечивала деятельность ХДП, которая, после того как с 1947 г. консервативные силы стали играть в ней господствующую роль, превратилась в главную партию итальянского монополистического капитала.

Полностью отмежевываясь от фашизма и его деяний, действуя под лозунгами демократии и прогресса, правые силы ХДП наряду с другими политическими актами стали выдвигать и требование фактического возврата Италии ее «дофашистских» колониальных владений — Эритреи, Сомали, Ливии. Конечно, речь шла не о прямом возврате их Италии в качестве колоний, а об установлении итальянского господства в новых, соответствовавших новой исторической обстановке формах. Именно в эти годы, когда на международных конференциях оживленно обсуждалось будущее бывших итальянских колоний, в Италии возродилось внимание к колониальным, в первую очередь к африканским, проблемам.

Поскольку основным объектом устремлений Италии в послевоенный период является Африка, а методы действий в других районах мира мало отличаются по своей сути от тех, которые применяются на этом континенте, в настоящей главе будет рассматриваться главным образом политика Италии в Африке.

1. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЖАНИЯ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В первое десятилетие после окончания второй мировой войны в Италии происходило возрождение интереса к колониальным проблемам (вначале — вокруг требований о передаче под итальянскую опеку бывших африканских колоний этой страны).

С 1950 г. Италия стала осуществлять опеку над своей бывшей колонией Сомали. В этот же период, с начала 50-х годов, определенные силы итальянского государственно-монополистического капитализма приступили к поискам путей и средств экономического проникновения Италии в страны Африки и Ближнего Востока.

Социальными силами, непосредственно заинтересованными в возрождении колониальной политики и выступавшими инициаторами требования о передаче Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали под опеку Италии, были нажившиеся на эксплуатации колоний дельцы и землевладельцы, возвратившиеся в Италию бывшие чиновники колониальной администрации, часть высшего офицерства и генералитета. Эти силы полагали, что «опека» послужит отличной ширмой для восстановления на названных территориях колониального режима и для эксплуатации их.

Лидеры итальянского государственно-монополистического капитализма считали, что если Италии удастся вернуть ее прежние колонии (хотя бы и под новой вывеской), то это будет способствовать укреплению изрядно пошатнувшегося престижа итальянской буржуазии. В первые послевоенные годы это было главным побудительным мотивом для итальянских правящих кругов.

Требование установления итальянской опеки официально выдвигалось в тот период итальянским правительством, которое добивалось поддержки своих домогательств со стороны других империалистических держав, в первую очередь США. Еще в начале 1947 г. премьер-министр Италии Де Гаспери, незадолго перед тем возвратившийся из США, открыто заявил о «надеждах Италии на возможность продолжить в условиях демократического режима и под эгидой ООН дело колонизации... бывших итальянских колоний» и о благожелательном отношении к подобному рода надеждам со стороны правящих кругов США [354, 1947, № 2, с. 26]. Мотивировались итальянские притязания тем, что именно Италия якобы смогла бы наилучшим образом вести свои бывшие колонии «по пути прогресса к самоуправлению». Она-де доказала это, создав чрезвычайно либеральный режим в колониях в дофашистский период. Кроме того, Италия осуществила-де крупные государственные и частные капиталовложения, направила в колонии многих своих сынов и вообще «связана с ними широкой сетью частных интересов». Все это, по утверждению Де Гаспери, делало надежды итальянских правящих кругов совершенно обоснованными и справедливыми.

Министр иностранных дел Сфорца заявлял: «Италия считает несправедливым и незаслуженным оскорблением для себя тот факт, что ей мешают продолжать в Африке в соответствии с принципами ООН и в рамках ее институтов то благородное дело цивилизации, которое Италия вершила, принося бесчисленные жертвы...» [291, с. 270]. Возврат Италии ее бывших колоний и, следовательно, пребывание там итальянцев Сфорца объявлял благом не только для Африки, но и «для всей Европы и для западной цивилизации», ибо, если бы итальянцы покинули африканские земли, они «вновь превратились бы в пустыни» [101, с. 291].

Правая и проправительственная пресса принялась активно шуметь об Италии-благодетельнице, Италии — носительнице цивилизации в колониях и т. д. Наиболее ярые сторонники колониальной политики сгруппировались вокруг журнала «Африка», начавшего выходить еще в 1946 г. и сразу ставшего их идеологической трибуной.

«Дороги, промышленные предприятия, школы, больницы, церкви, деревни и целые города, развитая торговля, освоенные недра — все эти плоды созидательного труда итальянцев во имя

цивилизации и прогресса (а отнюдь не эксплуатации! — В. Т.) вызывают восхищение, так как они преобразовывали облик земли и несли жизнь туда, где прежде царили смерть и пустыня», — расписывал благодеяния итальянцев христианский демократ Дж. Ведовато [354, 1947, № 4, с. 76].

Одновременно трубадуры итальянского колониализма стремились доказать мировому общественному мнению, что Африка — это удобное место, куда может направиться итальянская эмиграция, что «миллионы рабочих и крестьян думают об Африке как о единственной возможности решения их насущных повседневных проблем», поскольку Италия страдает от избытка населения (см. [354, 1947, № 3, с. 68, 1948, № 2, с. 56, 1948, № 8, с. 223]). Такая постановка вопроса была рассчитана помимо всего прочего на мобилизацию общественного мнения самой Италии в пользу установления итальянской опеки над названными африканскими территориями. Этой же цели были призваны служить проведенные в мае 1947 г. конгрессы, посвященные колониальным проблемам.

4—6 мая 1947 г. в Риме состоялся Национальный конгресс «в защиту интересов итальянского народа в Африке», в котором участвовали представители основных политических партий, различных государственных и частных организаций и учреждений. Резолюция конгресса провозглашала желание Италии «способствовать в соответствии с Уставом ООН осуществлению новой организации Ливии, Эритреи и Сомали» путем установления над ними опеки [354, 1947, № 5—6, с. 102]. 12—15 мая 1947 г. на конгрессе итальянских африканистов во Флоренции это требование пытались уже «обосновать теоретически», выдвигая на первый план аргумент «взаимозависимости» и «взаимной пользы». При этом многие ораторы видели основной смысл пресловутой «взаимозависимости» в возможности для Италии направить на будущие подопечные территории массы итальянских эмигрантов и обеспечить эксплуатацию сырьевых ресурсов, необходимых для Италии (см., например, [354, 1947, № 5—6, с. 107]).

В тот же период по всей Италии при поддержке правительства развернули активную деятельность всевозможные объединения итальянских беженцев из колоний. Начала действовать Ассоциация итальянских предприятий в Африке. В Милане в феврале 1946 г. была создана Группа Витторио Боттего. Возникнув по инициативе частных лиц, наживших богатства и звания на колониальном поприще в фашистский период, она сразу же стала пользоваться поддержкой правительственных учреждений, итальянских банков и монополий. Достаточно сказать, что, как гласил один из официальных документов этой организации, с самого момента ее создания «скромные взносы для работы группы делались президентом республики, министерством иностранных дел, министерством торговли, Институтом внешней торговли, Итальянским банком, Римским банком, Итальянским

кредитом, Национальным трудовым банком» [53, с. 8]. Деятельность Группы развертывалась при финансовой поддержке крупнейших промышленных и строительных компаний Севера Италии и в теснейшем сотрудничестве с торговой палатой Милана. Своими основными целями Группа Витторио Боттего провозгласила защиту притязаний Италии на ее бывшие колонии, защиту прав и интересов итальянцев, как продолжавших подвизаться в Африке, так и вынужденных покинуть ее; широкое развитие всеми возможными средствами итало-африканских отношений; организацию в этих целях различных конгрессов и собраний, а также пропагандистских кампаний как внутри Италии, так и за границей [279].

В 1948 и 1949 гг. Группа провела в Англии серию пропагандистских кампаний (выступления, пресс-конференции, статьи в печати) с обоснованием итальянских притязаний на ряд африканских территорий. С 1952 г. совместно с Миланской торговой палатой она стала ежегодно проводить итало-африканские экономические конгрессы, в работе которых принимают участие итальянские высокопоставленные правительственные чиновники, включая министров, представители всех важнейших промышленных монополий, строительных фирм и банков, а также правительственные и торговые делегации африканских стран.

В 1946—1949 гг. итальянская дипломатия прилагала значительные усилия, стремясь добиться передачи под опеку Италии ее бывших колоний. При этом итальянские домогательства наталкивались на империалистические притязания других западных держав. Рождались проекты типично империалистических сделок и комбинаций. Достаточно напомнить хотя бы внесенный английской делегацией на второй части III сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект, одобренный предварительно правительствами США и Италии, в основе которого лежало англо-итальянское соглашение Бевина — Сфорца. Составной частью проекта был раздел Ливии на три подопечные территории: намечалось передать Киренаику под опеку Англии, Триполитанию — Италии, Феццан — Франции. Только решительные выступления народа Ливии, а также резкая критика со стороны представителей Советского Союза, Польши, Чехословакии и ряда азиатских стран помогли сорвать этот империалистический проект.

Следует отметить, что в начале указанного периода за опеку Италии над ее бывшими колониями высказывались представители Итальянской коммунистической партии и другие прогрессивные силы страны. Однако они исходили из принципиально иных позиций, чем правящие круги. Они считали возможным подержать установление итальянской опеки, имея в виду, что целью ее должна быть подлинная (а не словесная) подготовка народов подопечных территорий к самоуправлению и независимости. Значительные успехи, достигнутые прогрессивными силами Италии в 1944—1947 гг. (когда коммунисты и социалисты

участвовали в правительстве) в борьбе за демократизацию итальянского общества, давали основание коммунистам верить в реальную возможность подобной эволюции подопечных территорий при условии, конечно, что дальнейший прогресс демократических преобразований в самой Италии не будет сорван и не уступит место регрессу. При этом коммунисты с самого начала выступали против намерения реакционных сил Италии решать внутренние проблемы страны (экономические, социальные, демографические) за счет стран, над которыми будет установлена опека.

Происшедший в 1947—1948 гг. в обстановке начатой империализмом холодной войны консервативный поворот в развитии Италии проявился в резкой активизации реакционных сил, в наступлении реакции на права, интересы и демократические завоевания трудящихся. Политика правительства Де Гаспери на протяжении пятилетия 1948—1953 гг. зиждилась на «трех китах»: полицейском антикоммунизме, клерикализме и «атлантизме». Вступление в НАТО (апрель 1949 г.) реакционные правящие круги Италии стремились использовать для того, чтобы при поддержке заправил этого агрессивного блока, в первую очередь США, решить как внутренние, так и внешнеполитические проблемы. В частности, почувствовав себя «равноправными» членами НАТО, итальянские фашисты стали добиваться фактического пересмотра Мирного договора и передачи Италии (конечно, в новой форме) большей части ее бывших колоний. Итальянский министр иностранных дел Сфорца требовал компенсации за участие Италии в НАТО в виде опеки над ее бывшими колониями. На одном из совещаний с американскими и английскими представителями Сфорца прямо заявлял, что, «если решение будет противоречить интересам Италии, это может оказаться поводом для трений внутри Атлантического союза» (см. [170, с. 80]; данное исследование дает подробный анализ борьбы вокруг судьбы итальянских колоний).

Американцы были не прочь удовлетворить итальянские притязания. Однако далеко не все зависело от их желания. Борьба народов бывших итальянских колоний, активные усилия СССР и других социалистических стран, межимпериалистические противоречия мешали осуществлению империалистических сделок за спиной народов Ливии, Сомали, Эритреи. Тем не менее заправили НАТО делали все возможное, чтобы как-то «вознаградить» итальянских империалистов.

В 1949—1950 гг. ООН решила наконец судьбу бывших итальянских колоний. Резолюцией IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце 1949 г. предусматривалось предоставление независимости Ливии к 1 января 1952 г. (до этого Триполитания и Киренаика оставались под управлением Англии, а Феццан — под управлением Франции) и установление с 1950 г. на десять лет опеки Италии над бывшим Итальянским Сомали. V сессия

Генеральной Ассамблеи ООН приняла в 1950 г. решение о создании федерации Эфиопии и Эритреи.

С 1941 г. территория Эритреи была оккупирована английскими войсками и управлялась английской администрацией. Политика англичан по сути своей мало отличалась от политики итальянских колонизаторов. В документе одной из делегаций, посетивших Эритрею в 1950 г., отмечалось: «В течение последнего десятилетия не предпринималось никаких мер для улучшения экономического положения территории, тогда как многое было сделано в обратном направлении. В качестве примера можно указать на то, что ряд отраслей сельского хозяйства, как, например, хлопководство, был заброшен; наиболее значительные разработки золота были закрыты; выращивание табака и ряда других культур приостановилось». Расходы на содержание тюрем и полиции в 40 раз превышали расходы на образование. Англичане, подобно своим колониальным предшественникам, натравливали христиан и мусульман друг на друга, провоцировали их столкновения, создавали и поддерживали террористические организации, а также выгодные для колонизаторов политические группировки.

В то время как в международных органах и организациях обсуждался вопрос о будущем бывших итальянских колоний, в самой Эритрее развернулась острая политическая борьба между различными организациями; одни выступали за возвращение Эритреи в состав Эфиопии (сильная Юнионистская партия), другие — за раздел территории Эритреи, третьи — за независимость, четвертые — за сохранение той или иной формы господства европейских колониальных держав.

Сущность всех предложений империалистических держав о судьбе Эритреи состояла в сохранении ее как стратегически важной территории под контролем или в сфере влияния империализма. Советский Союз делал все возможное, чтобы не допустить осуществления этих империалистических замыслов, сорвать их. Руководитель Временного военного административного совета революционной Эфиопии позднее так оценивал принятое ООН решение о создании федерации Эфиопии и Эритреи: «Бесспорно, решение о назывании федерации народу ни в историческом, ни в экономическом, ни в культурном отношениях не отличавшемуся от остальных народов Эфиопии, было результатом империалистического сговора. В связи с тем, что были сорваны планы сохранения прямого господства империалистов в Эритрее, они переориентировались на создание с помощью федерации благоприятных условий для неокOLONиализма» [109, с. 13—14].

В 60-х годах в Эритрее развернулось освободительное движение. В тех условиях это движение как бы отражало протест против существовавшего в Эфиопии реакционного феодально-монархического режима и его политики. «Прогрессивные силы Эфиопии поддерживали эту борьбу в надежде, что она ослабит феодально-капиталистический режим Хайле-Сыллассе и тем самым будет способствовать наступлению эфиопской революции», — говорится в брошюре, изданной информационным центром революционной Эфиопии [92, с. 11]. Однако сразу после победы революции в Эфиопии, несмотря на предложения ВВАС, направленные на справедливое мирное урегулирование эритрейской проблемы, сепаратистское движение усилилось, став объективно резервом сил реакции и империализма. Революционное правительство Эфиопии, активно поддержанное народными массами, было вынуждено принять решительные меры для ликвидации сопротивления сепаратистов.

Таким образом, лишь одно Сомали было передано под итальянскую опеку. Но и это решение рассматривалось известной частью правящих кругов Италии как успех, даже как определенная реабилитация ее колониального прошлого.

Вернувшись в качестве «опекунов», итальянцы принялись

Было восстанавливать в Сомали порядки, существовавшие там в самые мрачные времена фашистского периода. Именно так выглядела их деятельность на подопечной территории в 1950—1954 гг. Все основные посты в административном аппарате были переданы чиновникам бывшей фашистской колониальной администрации. А во главе администрации была сделана попытка поставить генерала Нази, в 30-х годах участвовавшего в организации массового истребления людей в Эфиопии и Сомали (только в результате протестов населения подопечной территории и Эфиопии одиозная фигура кровавого генерала была устранена). Как говорил в итальянском сенате в 1952 г. сенатор-республиканец, «в Сомали с самого начала установления нашей опеки создалась обстановка засилия бывших фашистов, которые практически стали хозяевами территории, сделав совершенно невыносимой жизнь сомалийцев» [354, 1952, № 7—8, с. 213].

Чиновникам итальянской администрации были установлены баснословно высокие оклады, так что, по словам очевидца, «они жили буквально в роскоши». А сомалийцы? «Мы выполняем в море очень утомительную и чрезвычайно опасную работу, будучи вынуждены работать днем и ночью за плату 3 сомало в день, т. е. за сумму, меньшую той, которую итальянец — владелец собаки ежедневно расходует на ее питание... Служащие фирмы, колониальные чиновники обращаются с нами хуже, чем с животными», — писали 14 декабря 1952 г. о своем положении в Совет по опеке ООН матросы и рабочие-сомалийцы «Погрузочно-разгрузочного предприятия Луиджи Галотти» в Могадишо (см. [49, 1954, Т/Соп. 11/L 90]).

Администрация создавала благоприятные условия для деятельности итальянских дельцов-предпринимателей, в первую очередь компаний, занимавшихся выращиванием бананов и других культур. В их интересах начался систематический сгон с плодородных земель той немногочисленной части сомалийского населения, которая вела оседлый образ жизни.

«Фирмы Галотти, Бугамелли, Карицци, Ривальди, Джуриати хотят насильственным путем без нашего согласия завладеть законно принадлежащим нам имуществом. На некоторых полях тракторы фирм Галотти и Бугамелли уже уничтожают наши посевы. Многие землевладельцы были арестованы только за то, что они настаивали на своих правах; отношение местных властей напоминает нам годы фашистского режима, когда итальянцы захватили большую часть принадлежавших нам земель (1933—1938 гг.). Участок земли, которым мы располагаем, кормит около 3 тыс. человек, не имеющих другого занятия и не владеющих скотом» [49, Т/Pet. 11/288/ADD], — писали 23.VI.1952 г. вожди и старейшины одного из сомалийских племен. Проводя подобного рода политику, итальянская администрация подопечной территории руководствовалась интересами

таких крупных итальянских сельскохозяйственных компаний, как «Соьета агрикола итало-сомала» и «Дженале».

Не ставя перед собой цели давать подробную характеристику политики Италии в Сомали в 1950—1954 гг. (см. по этому поводу книгу А. М. Хазанова [221]), мы хотели бы только подчеркнуть, что это был колониализм в самых грубых его формах. В июле 1954 г. сомалийцы с полным основанием писали в одной из петиций: «Еще раз мы торжественно подтверждаем наличие критического и отчаянного положения в Сомали со всех точек зрения, особенно в экономической и социальной областях: мы живем при колониальном режиме, а не при режиме опеки» [49, Т/Рет., 11/Л, 15].

Но такая откровенно колониалистская политика явно не учитывала духа времени. Бурный рост национально-освободительного движения на Африканском континенте, рост национального самосознания сомалийского народа, его решительные выступления за национальную независимость и прогрессивное развитие страны, резкая критика представителем Советского Союза в Совете по опеке ООН действий итальянской администрации в Сомали вынудили итальянских колонизаторов пойти после 1955 г. на некоторые уступки местному населению. На подопечной территории были созданы муниципалитеты и Законодательное собрание, образовано первое «национальное правительство», вступил в силу трудовой кодекс, были сделаны робкие шаги в области народного образования.

Объясняя причины этих уступок, орган итальянских промышленников газета «Глобо» писала позднее: «Сила национального сознания африканцев постоянно растет. Нравится нам это или нет, но это национальное сознание является политической реальностью, с которой мы должны считаться» [365, 26.II.1960].

Конечно, сделанные уступки носили крайне ограниченный характер. В выборные органы и в «правительство» колонизаторы привлекли лишь верных им людей. Основа жизни нации — экономика целиком оставалась и во второй половине 50-х годов в руках итальянцев. Даже к моменту провозглашения независимости на итальянских плантациях и предприятиях производилось 75% сельскохозяйственной и 85% промышленной продукции страны [376, 7.XII.1960]. Все лучшие земли принадлежали итальянцам, все немногочисленные предприятия были итальянскими.

И в этот период «опекуны» всячески препятствовали развитию национальной промышленности. Они, например, вывозили из Сомали в Италию хлопок, а ввозили в Сомали итальянскую пряжу и текстильные изделия. Незадолго до окончания срока опеки они закрыли единственную на подопечной территории текстильную фабрику, в то время как 21,5% сомалийского импорта в 1958 г. составляли текстильные изделия. 76% экспорта и почти 50% импорта подопечной территории в 1959 г. приходилось

на долю Италии. В 1958 г. почти половину импорта этой сельскохозяйственной страны составляли пищевые продукты, напитки и текстильные изделия, а машины для сельского хозяйства — 0,1%.

Сомалийскому народу годы опеки принесли снижение жизненного уровня. С 1950 по 1958 г. только прямые налоги возросли почти в 14 раз. Подавляющее большинство населения продолжало оставаться неграмотным, просвещение не коснулось кочевого и полукочевого населения, т. е. более чем $\frac{2}{3}$ жителей. Ко дню провозглашения независимости в Сомали не было ни одного сомалийца инженера или врача. Ассигнования на нужды просвещения и здравоохранения в 1957 г. были значительно ниже ассигнований на полицию и вооруженные силы.

Речь шла, таким образом, об одной из разновидностей классического колониального режима со всеми присущими ему чертами: с безраздельным политическим господством колонизаторов, с абсолютной подчиненностью сомалийской экономики экономике метрополии, с полным политическим и социальным бесправием местного населения.

В 50-х годах в правящих кругах и в среде дельцов начались поиски наиболее доступных и целесообразных путей эффективного экономического проникновения итальянского капитала в Африку. Основной причиной такого рода поисков на том этапе был происходивший с самого начала 50-х годов активный экономический подъем в Италии. В связи с бурным развитием промышленности резко возростала потребность в сырье, в первую очередь в нефти, меди, хлопке, шерсти и других материалах, которые либо вообще отсутствовали, либо имелись в недостаточном количестве в Италии. С особой остротой вставал перед итальянским империализмом вопрос о нефти и горючем газе. Весьма существенной для итальянского капитала была и проблема рынков сбыта готовой продукции.

«Африка является зоной, представляющей для нас огромный интерес... ибо она может открыть значительные возможности для нашей деятельности и экономической экспансии» [354, 1953, № 10, с. 259], — заявил в палате депутатов в 1953 г. премьер-министр Италии Дж. Пелла.

Между тем в условиях первой половины 50-х годов, когда основная часть Африканского континента находилась в колониальном владении европейских держав и являла собой сферу безраздельного политического и экономического господства Англии, Франции, Португалии и Испании, вопрос о путях экономического проникновения Италии в заповедные зоны других колониальных держав был весьма сложным.

Наиболее реальное решение проблемы идеологи итальянского колониализма видели в то время в различного рода проектах коллективного колониализма. Одним из наиболее популярных был проект создания Еврафрики (1950—1954 гг. были годами

наиболее оживленного обсуждения этого проекта). Идея Еврафрики возникла впервые еще в начале 30-х годов нашего века. Тогда один из авторов этого проекта, итальянец П. Д'Агостино Орсини ди Камерота, в книге «Еврафрика» (1934 г.) призывал рассматривать Европу и Африку как некий единый политический и экономический комплекс, в котором бы не отдельные части Африканского континента играли роль придатков соответствующих европейских колониальных держав, а Африка в целом была бы аграрно-сырьевым придатком Европы. Понятно, что в таком откровенно колониалистском варианте возродить проект Еврафрики в новых условиях роста национально-освободительного движения было невозможно. Его нужно было хотя бы внешне немного модернизировать, что и принялись делать итальянские идеологи и политики — сторонники Еврафрики.

Они утверждали, что раздельное политическое и экономическое существование Европы и Африки невозможно. Однако связь между двумя континентами должна осуществляться не по тем каналам, по которым она осуществлялась прежде и которые выражались формулой «метрополия — колония», а в виде иной, качественно новой экономико-политической комбинации, выражаемой формулой «объединенная Европа — Африка в целом». «Необходим поэтому процесс пересмотра колониальных систем и отношений в целях достижения экономической взаимодополняемости между Европой и Африкой», — писал журнал «Африка» [354, 1950, № 7, с. 130]. Смысл этого «пересмотра» журнал видел в том, чтобы в результате совместных усилий европейских держав «Африка стала бы объектом коллективной (выделено мною. — В. Т.) эксплуатации со стороны европейских держав и местных народов в рамках „атлантического единства“» [354, 1950, № 7, с. 130]. Успешное же экономическое освоение и эксплуатация африканских территорий возможны только при наличии более либеральной политики «открытых дверей» Африки для проникновения капитала и рабочей силы из всех европейских стран. «В рамках европейской солидарности и интеграции Италия высказывается за принцип „открытых дверей“». Иными словами, европейцы должны сотрудничать в освоении Африки и способствовать прогрессу цивилизации ее народов путем объединенных усилий и при равенстве прав и тягот в любом районе этого континента» [354, 1952, № 5—6, с. 129].

Необходимость объединения усилий европейских держав в рамках Еврафрики мотивировалась следующим образом.

Такое объединение будет-де в интересах самих африканцев, ибо, во-первых, позволит вместо разрабатываемых каждой страной-метрополией изолированных планов развития ее колоний выработать единый общий план, призванный регулировать более справедливое распределение средств между различными районами Африки, и даст возможность каждой европейской державе внести наибольший вклад в соответствии с ее возмож-

ностями, опытом и специализацией в развитие стран Африки (Италия, например, может внести свой вклад квалифицированными техническими специалистами, квалифицированной рабочей силой и богатым опытом строительства). Во-вторых, убеждая африканские народы «в солидарности белой расы» и в ее стремлении оказать помощь их экономическому развитию, объединение предостернет зарождающиеся и развитие в среде африканцев направленного против бывших колониальных держав национализма, ибо национализм-де может привести страны Африки, когда они станут независимыми, к отрыву от капиталистической Европы, а это, в свою очередь, чревато для них очень тяжкими последствиями из-за ограниченности имеющихся у них средств и технической неподготовленности (см. [354, 1953, № 11, с. 297—299, 302]).

Кроме того, в создании Еврафрики заинтересованы-де и европейские страны. Во-первых, потому что это поможет им сразу же разрешить целый ряд насущных экономических проблем: смягчить острый долларовой дефицит путем увеличения ввоза сырья из Африки, достичь большей экономической стабильности и сократить безработицу. Во-вторых, совместные усилия по освоению неразвитых зон Африканского континента в перспективе дали бы толчок повышению покупательной способности местного населения, открыв перед странами Европы новые важные рынки сбыта готовой продукции [354, 1950, № 7, с. 130, 1952, № 4, с. 98].

Выдвигая идею Еврафрики, итальянские колониалистские круги исходили из интересов крупного капитала. За разговорами о принципе «открытых дверей» скрывалось в первую очередь стремление приоткрыть плотные колониальные засовы, на которые державы-метрополии запирали свои колонии от стран-конкурентов. Несомненно, основной проблемой, решение которой итальянский капитал рассчитывал найти в усилении своего проникновения в Африку, была проблема сырья.

Наряду с этим подчеркивалось (и не только в пропагандистских целях), что «открытие дверей» помогло бы Италии направить в Африку часть своей эмиграции, что способствовало бы и лучшему экономическому «освоению» африканских территорий. «Бином „свободная земля и сотрудничество“ мог бы стать идеальной формулой африканской политики завтра. Свободные и экономически наиболее перспективные территории Африки должны быть открыты для заселения трудолюбивыми и перенаселенными нациями», — провозглашалось в статье под весьма красноречивым заголовком «Латифундия без пределов и границ» [354, 1950, № 11, с. 258], опубликованной в 1950 г., когда обсуждение проблем Еврафрики только начиналось.

«Наша страна как вследствие недостаточности имеющегося у нее сырья, так и в силу значительного избытка рабочих рук глубоко заинтересована в том, чтобы африканские ресурсы были

должным образом освоены в результате совместных действий европейских государств, в усилия которых мы сможем внести более чем ощутимый вклад», — писал на страницах «Африки» крупный эксперт итальянского финансового мира в 1955 г., когда идея Еврафрики и европейского Общего рынка обсуждалась как нечто вполне реальное и близкое к своему осуществлению [354, 1955, № 5, с. 147].

В ходе обсуждения проекта Еврафрики первоначальная точка зрения, согласно которой с его помощью удастся сохранить Африку только как источник сырья и рынок сбыта готовой продукции, стала уступать место более реалистическим оценкам. В середине 50-х годов настойчиво высказывалось мнение о том, что, учитывая усилившееся в Африке стремление развивать собственную обрабатывающую промышленность, для итальянского (и иностранного в целом) капитала будет только один выход — «участвовать в создании на месте предприятий со смешанным капиталом». Это позволит-де экспортировать машины и оборудование и оказывать техническую помощь, а также на протяжении довольно длительного периода времени вывозить туда полуфабрикаты [354, 1955, № 1—2, с. 11].

Одновременно в кругах итальянских «африканистов» все определеннее стал звучать тезис, гласивший, что создание Еврафрики позволит обеспечить такое социально-экономическое и политическое развитие африканских стран, при котором и после получения независимости они будут развиваться в «еврафриканском духе» (следует читать: зависимом, капиталистическом, прозападном, оставаясь в сфере влияния империалистических держав).

Появление подобного рода мотивов было связано главным образом с ростом размаха и зрелости национально-освободительного движения в мире в целом, в Африке в частности, где уже в середине 50-х годов стали возникать независимые государства (Судан, Марокко, Тунис).

Таким образом, проект Еврафрики в том виде, в каком его выдвигали и отстаивали в Италии с начала 50-х годов, в случае реализации означал бы в тех условиях объединение действий империалистических держав для усиления эксплуатации народов колоний, т. е. он был формой коллективного колониализма. Вместе с тем с помощью проекта Еврафрики итальянский империализм стремился экономическими методами принять участие в эксплуатации народов стран, политически не зависевших от Италии, а являвшихся в основном колониями других империалистических держав. При этом к середине 50-х годов наряду с чисто экономическими мотивами все большую роль стали играть политические цели удержания африканских народов в орбите капиталистического Запада. Речь шла, следовательно, о замыслах и методах, типичных для неоколониализма. Вполне естественно, что в последующий период итальянский капитал

выступил за ассоциацию африканских стран с Европейским экономическим сообществом, т. е. за проект, который, по существу, являлся претворением в жизнь проекта Еврафрики в новых условиях.

В начале 50-х годов проект Еврафрики и все идеи, связанные с более активным «экономическим освоением» Африканского континента, в полной мере отражали интересы итальянского монополистического капитала, который активно способствовал проведению мероприятий, направленных на их осуществление. Представители итальянского капитала участвовали, в частности, в организации итало-африканских экономических конгрессов, которые с 1952 г. стали ежегодно проводиться в Милане. На этих конгрессах они открыто призывали усилить внимание к Африканскому континенту, поддерживали разного рода еврафриканские проекты, излагая в то же время свои требования правительству Италии.

Уже в резолюции I конгресса содержалось обращение к государству «расширить сеть и задачи торговых представительств в основных африканских странах с целью получения более полной информации и стимулирования частной инициативы», а также создать «специализированные органы для поддержания и развития частной инициативы» (см. [52]). На II конгрессе в 1953 г. президент миланской Ассоциации внешней торговли, отметив отсутствие специального банковского учреждения, которое бы финансировало и поддерживало разного рода инициативы итальянских компаний, потребовал серьезного изучения возможностей итальянского проникновения в Африку, прежде всего объединения усилий правительства, торговых и промышленных кругов в создании «подходящего страхового учреждения, которое бы стимулировало частную инициативу, помогало ей и руководило ею» [53, с. 47—48].

III конгресс выразил пожелание, чтобы итальянское правительство «без дальнейших проволочек рассмотрело в комплексе все проблемы, связанные с Африкой, с целью выработки конкретной последовательной и эффективной африканской политики». Было подчеркнуто, что, поскольку «европейское единство необходимо для постановки и разрешения африканских проблем», а будущее Европы тесно связано с эволюцией африканского континента, Италия должна поддерживать «всякую инициативу, преследующую цель рассмотрения африканских проблем в общеевропейских рамках». Одновременно снова было высказано соображение о необходимости принятия правительством конкретных мер, направленных на развитие и поддержку частной инициативы (см. [54]).

Стремление итальянского капитала к проникновению в Африку, выразившееся в одобрении им проекта Еврафрики, отражало внутренне присущую ему потребность в экономической экспансии. Об этом свидетельствовал тот факт, что в 1950—1955 гг.

в «деловом» общественном мнении выдвигался еще ряд проектов, преследовавших ту же цель.

В 1951 г. на страницах журнала «Африка» ставился и довольно обстоятельно обсуждался вопрос об активном проникновении итальянцев в португальские колонии в Африке. Речь шла о возможном итало-португальском сотрудничестве в колониях Португалии; при этом особо подчеркивалось, что Италия может направить туда значительное число квалифицированных рабочих. Видимо, были предприняты и конкретные шаги в плане установления контактов с представителями португальского правительства, так как в конце 1951 г. констатировалось, что правительство Салазара не согласилось открыть двери своих колоний для сколько-нибудь значительной итальянской эмиграции. Вместе с тем оно выразило готовность предоставить некоторые возможности для деятельности итальянского капитала при том, однако, непрременном условии, что речь пойдет о компаниях со смешанным итало-португальским капиталом при равном или даже преобладающем влиянии португальцев в административных советах.

И хотя в Италии были силы, которых устраивал этот вариант (они создали Группу друзей Португалии, а также Комитет по изучению португальских колоний при журнале «Африка»), итальянский капитал в основной своей массе не захотел пойти на такое решение проблемы [354, 1951, № 2—3, с. 9—10].

Позднее, в 1955 г., в ходе работы Комитета по изучению итало-африканских проблем, состоявшего из представителей итальянского Института по изучению международной политики и одноименного французского центра, были подняты проблемы участия Италии в «экономическом освоении» французских колоний в Африке. И впоследствии, особенно после ассоциации большинства французских колоний с Общим рынком, были предприняты конкретные шаги в этом направлении.

Учитывая все возрастающий интерес к Африке, итальянский парламент одобрил в марте 1956 г. закон о коренной реорганизации Итальянского института Африки (созданного еще в 1908 г.), который был объявлен «национальным центром по изданию документов и популяризации деятельности Италии в Африке, по изучению, исследованию и обеспечению соответствующего участия (Италии.— В. Т.) в жизни и эволюции Африканского континента, по расширению и углублению экономических и культурных отношений дружбы и сотрудничества между Италией и Африкой в рамках, определяемых правительством» [354, 1957, № 1—4]. Институт должен был работать под руководством министерства иностранных дел. Имелось в виду, что Институт станет чем-то вроде центра координации усилий всех организаций и учреждений Италии по экономическому проникновению в Африку, по развитию культурных отношений Италии с Африкой, по сбору информации об африканских странах и распро-

странению ее в Италии в целях стимулирования эмиграции в эти страны.

В первые после реорганизации Института годы его руководством был создан ряд корреспондентских пунктов (в Аккре, Аддис-Абебе, Асмэре, Каире, Касабланке, Кейптауне, Йоганнесбурге, Лагосе, Леопольдвиле, Могадिशе, Найроби, Солсбери, Танжере, Триполи и Тунисе) для сбора экономической информации и изучения возможностей направления итальянских технических специалистов и просто эмигрантов в африканские страны. В 17 крупнейших городах Италии были организованы своего рода периферийные отделения Института. При Институте были созданы комиссии: экономическая, научно-культурная, этнолингвистическая, еврафриканская, по туризму, по морским и воздушным сообщениям с Африкой.

Основное внимание Институт сосредоточил на направлении экономических миссий поочередно в различные регионы Африканского континента, а также на проведении в Италии ежегодных конгрессов, посвященных развитию связей между Италией и Африкой.

Институтом Африки в течение четырех лет были направлены три крупные экономические миссии в страны Африки в составе представителей различных министерств, «Конфиндустрии», крупных компаний и банков. В ноябре — декабре 1958 г. итальянская экономическая миссия во главе с тогдашним президентом Института Африки сенатором Гульельмоне посетила Либерию, Гану и Нигерию. Подводя итоги своей работы, миссия рекомендовала: «а) в области крупных инициатив добиваться горных и лесных концессий в Либерии и построить плотины на Верхней Вольте в Гане; б) участвовать в мелких и средних работах по строительству дорог, гражданскому и промышленному строительству и созданию гидросооружений; в) поставлять машины, оборудование и различные материалы для разного рода строительных работ; г) способствовать активности мелких и средних предприятий, которые смогли бы развернуть параллельно также торговую деятельность» [354, 1959, № 1, с. 28]. Характерно, что впоследствии почти все пожелания и рекомендации миссии были претворены в жизнь.

В декабре 1959 г. миссия во главе с новым президентом Института Африки С. Фодераро посетила Сьерра-Леоне, Гвинею, Сенегал, Берег Слоновой Кости, т. е. страны, в которых экономические позиции Италии были ничтожны или вообще отсутствовали. «Было бы очень жаль, если бы мы недооценили и не воспользовались возможностями, которые открываются перед нами вследствие особенно благоприятного отношения к нам в Африке и которые могут позволить нам обеспечить наилучшие позиции во всех областях деятельности там» [354, 1960, № 1, с. 20], — говорилось в выводах миссии. В июне — июле 1962 г. новая миссия, возглавляемая С. Фодераро, была направлена на

Мадагаскар, Маврикий, в Мозамбик и Кению. В 1960—1961 гг. по приглашению Института Африки Италию посетили деловые и правительственные миссии из многих африканских стран.

Одновременно с 1957 по 1964 г. Институтом было организовано восемь конгрессов, которые должны были способствовать развитию итало-африканских экономических отношений, активизации деятельности в Африке итальянского капитала. Вначале на конгрессы приглашались представители определенных регионов Африки. I (1957 г.) — страны Магриба: Марокко, Тунис, Ливия, а также Сомали; II (1958 г.) и III (1959 г.) — страны Западной Африки: Гана, Либерия, Нигерия, Берег Слоновой Кости, Гвинея, Сенегал, а также Мадагаскар; IV (1960 г.) — Центральная Африка: Чад, Конго, Габон, Камерун, Нигер; V (1961 г.) — независимые страны Восточной Африки: Эфиопия, Сомали, Судан. Три последних конгресса были посвящены каждой определенной крупной проблеме: VI (1962 г.) — роли европейской и африканской печати в развитии различных связей между двумя континентами, VII (1963 г.) — проблеме «питание в Африке», VIII (1964 г.) — «кредитной политике и торговле в экономике африканских государств». Обычно на конгрессах анализировался тот или иной аспект отношений Италии с Африкой или состояние этих отношений на данный момент. Африканским представителям всячески внушалось, что странам Африки следует активно развивать отношения с Италией, которая изображалась лучшим другом африканцев; велась ярая антикоммунистическая пропаганда.

Однако, располагая недостаточными финансовыми средствами, Институт часто ограничивался лишь тем, что только ставил вопросы, не подкрепляя их соответствующими материальными мерами и средствами. Пожелания же и просьбы, высказываемые африканскими участниками конгрессов, тоже далеко не всегда находили положительный ответ у итальянской стороны. Это не могло не вызывать недовольства африканцев. Поэтому в ходе работы VII и особенно VIII конгрессов они высказали ряд резких критических замечаний в адрес итальянских правящих кругов. После этого Институт счел нецелесообразным созывать новые конгрессы. Следует отметить, что с середины 60-х годов роль Института Африки в развитии итало-африканских отношений заметно упала. Он превратился в заурядное учреждение академически-пропагандистского характера.

Деятельность же итальянского капитала в Африке стала регулироваться и направляться непосредственно «Конфиндустрией» и государственными учреждениями. А основным местом ежегодных контактов итальянского «делового мира» с представителями африканских государств стали итало-африканские экономические конгрессы, организуемые Торговой палатой Милана и Группой Витторио Боттего в дни весенней миланской ярмарки.

**2. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИКИ
ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА В АФРИКЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-х—СЕРЕДИНА 60-х ГОДОВ)**

Вторая половина 50-х годов ознаменовалась тем, что в развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап. Одним из основных факторов, определивших его наступление, был наряду с укреплением мирового социализма и обострением противоречий капитализма активно развивавшийся процесс крушения колониальной системы империализма. На месте колоний возникали независимые национальные государства. Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов подавляющее большинство африканских колоний завоевали государственную независимость. Перед народами освободившихся стран со всей остротой встали сложнейшие социально-экономические и политические проблемы. Народы этих стран начали искать пути их решения. Целый ряд стран избрали путь борьбы против засилья иностранных монополий в своей экономике, за экономическую самостоятельность, за укрепление политической независимости, за социальный прогресс. Эти страны выступили за социалистическую ориентацию, отвергая капиталистическое развитие как неприемлемую для них перспективу.

В этих условиях основное место в политике империалистических государств в отношении освободившихся от колониального гнета стран заняла политика неокOLONИАЛИЗМА. Центральной социально-экономической задачей неокOLONИАЛИЗМА стало утверждение в освободившихся странах капиталистических отношений: в этом империализм видит основу сохранения своего контроля над происходящими там социально-экономическими процессами, закрепления зависимого положения этих стран, чтобы продолжать их эксплуатацию, используя усовершенствованные методы, приспособленные к происшедшим в мире огромным общественным переменам (см. [160, с. 96—97; 205, с. 53—54, 60]).

Политика итальянского империализма в отношении освободившихся стран решала ту же двуединую задачу: обеспечения непосредственных экономических интересов итальянского государственно-монополистического капитализма в этих странах и удержания их в сфере влияния мировой империалистической системы путем всемерного стимулирования и поддержки их развития по капиталистическому пути.

С этой целью использовался весь арсенал средств современного неокOLONИАЛИЗМА, среди которых особое место занимают экономические («помощь», «техническое сотрудничество», «производительные» капиталовложения и т. д.), а также политико-идеологические (пропаганда достижений Италии в ее социально-экономическом развитии, создание легенд относительно «Италии как бескорыстного друга африканских народов», антикоммунизм и т. д.). Ведущую роль в осуществлении политики

неоколониализма играли итальянское государство и государственные холдинг-компании типа ИРИ, ЭНИ и др.

Отмечая возросшую активность империалистической Италии в молодых государствах, Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркнуло: «Возрастает экспансия монополистического капитала Италии» [28, с. 296].

Существенным мотивом, определявшим деятельность Италии в Африке, были непосредственные экономические цели итальянского империализма, особенно его заинтересованность в Африке как источнике минерального сырья, потребность в котором возрастала из года в год в значительных размерах. Это откровенно признавали представители делового мира Италии. «Наше присутствие в Африке абсолютно необходимо, так как мы должны базировать нашу промышленную экономику на более или менее постоянных источниках сырья», — заявил один из руководителей объединения итальянских промышленников «Конфиндустрия» [65, с. 38]. Немалое значение имела также заинтересованность итальянской буржуазии в Африке как сфере приложения предпринимательской инициативы и как рынке сбыта готовых изделий. Основными отраслями, к которым обратил взоры итальянский государственно-монополистический капитал в Африке, являлись поиски и добыча нефти и газа, нефтепереработка, добыча некоторых других видов минерального сырья, гидромелиорация, строительство.

При этом следует иметь в виду, что итальянский империализм, проводя политику неоколониализма, решал и решает задачу своего внедрения в экономику освободившихся стран, где в период существования колониальной системы у него не было (за редким исключением) экономических позиций. Это отличает его от французского и английского империализма, еще в колониальный период имевших крупные экономические позиции в этих странах и стремящихся теперь сохранить, укрепить и расширить их.

Это обстоятельство приводило к тому, что в экономической политике итальянского империализма большое место занимали такие мероприятия, которые имели не только экономический, но и престижный для Италии характер (строительство плотин, электростанций и других объектов, становившихся частью государственного сектора соответствующих стран). Кроме того, указанное обстоятельство (конечно, наряду с экономическими возможностями итальянского империализма) обусловило то, что итальянский капитал сосредоточил свое основное внимание лишь на некоторых сферах, в которых он либо достаточно силен (деятельность ФИАТа, например), либо чрезвычайно заинтересован экономически и имеет необходимые финансовые возможности для активной деятельности (деятельность ЭНИ в области нефте- и газодобычи и переработки).

По данным на середину 60-х годов, среднегодовая сумма

итальянской «помощи» развивающимся странам (за вычетом их платежей Италии) равнялась 325 млн. долларов, что составляло 0,8% национального дохода Италии. (Термин «помощь» используется нами в том значении, в каком он применяется в итальянских официальных материалах и исследованиях, т. е. наряду с «дарами» и займами в «помощь» включаются коммерческие кредиты и частные капиталовложения.) 4% средств шло через механизмы многосторонней «помощи», 20% — государственные дары, займы и кредиты на двусторонней основе, 76% — государственные коммерческие кредиты, капиталовложения и займы частных и контролируемых государством компаний (данные взяты из справки итальянского министерства иностранных дел «Политика помощи третьему миру»). Основными географическими районами активности итальянского капитала являются Африка (в первую очередь Северная), Ближний Восток, Латинская Америка.

Внимание к Латинской Америке стало особенно возрастать с начала 60-х годов. В 1964 г., по итальянским данным, в страны Латинской Америки направлялось почти 35% всей итальянской «помощи» развивающимся странам. В Латинской Америке итальянский капитал направлялся прежде всего в Аргентину, Бразилию, Мексику, Чили, главным образом в автомобильную, химическую, металлообрабатывающую и текстильную промышленность. Следующие итальянские компании имели здесь филиалы своих предприятий или капиталовложения: ФИАТ — в Аргентине, Бразилии, Чили; «Оливетти» — в Аргентине, Мексике, Перу; «Дальмине» — в Аргентине; «СНИА-Вискоза» — в Аргентине и Бразилии; «Монтэдисон» — в Перу и Венесуэле; «Пирелли» — в Аргентине и Мексике; «Мотта» — в Перу и т. д. В период пребывания у власти в Италии левоцентристского правительства итальянские правящие круги стремились активно способствовать развитию связей империалистической Италии с латиноамериканскими странами. Тогдашний президент Италии Дж. Сарагат в сопровождении министра иностранных дел Фанфани совершил в сентябре 1965 г. поездку в ряд стран Латинской Америки: Бразилию, Уругвай, Аргентину, Чили, Перу и Венесуэлу.

Однако не Латинская Америка была (и остается поныне) главным районом устремлений итальянского капитала. Таким районом является Африка, где, по словам Э. Сантарелли, итальянский неоколониализм «нашел свое главное поле деятельности» [326, с. 151]. Неоколониалистская политика Италии в Африке принимает прежде всего форму так называемого экономического и технического сотрудничества.

Одна из форм такого сотрудничества — государственная «помощь», оказываемая Италией двумя путями: на основе двусторонних соглашений со странами-получателями и через международные организации.

Государственная «помощь» первого типа до 1960 г. оказывалась главным образом в форме «даров» и займов подопечному Сомали (через госбюджет) и в форме кредитования экспорта итальянских товаров в Африку. Однако до начала 60-х годов в Италии не существовало общего законодательства, которое устанавливало бы юридическую основу оказания «помощи». Потребность в подобном рода законодательстве стала особенно острой после 1960 г., когда значительное число стран Африки стало независимым и процесс завоевания независимости продолжался.

С 1961 г. итальянский парламент принял ряд законов, создавших юридическую базу для дальнейшего расширения «помощи», оказываемой итальянским государством освобожденным странам, в том числе странам Африки. Закон № 635 от 5 июля 1961 г. установил нормы государственного кредитования экспорта итальянских товаров, предоставления финансовых гарантий итальянским фирмам на выполнение ряда работ за границей, а также предусмотрел возможность предоставления кредитов, как связанных, так и не связанных с поставками итальянских товаров [62, с. 28]. Дополнением этого закона явились законы № 1834 от 3.II.1962 г. и № 1532 от 10.XI.1963 г. Закон № 1594 от 26.X.1962 г. предусматривал нормы технического сотрудничества Италии, оказания «помощи» за счет средств итальянского правительства в выработке планов развития, в создании проектов строительства различных промышленных предприятий и других объектов; закон № 131 от 27.II.1967 г. касался финансирования экспорта товаров, предоставления услуг и осуществления разного рода работ за границей, а также финансирования «помощи» развивающимся странам.

С 1964 г. наметился новый сдвиг в планировании итальянской государственной «помощи» молодым независимым странам — включение ее в общенациональные программы. Так, программа экономического развития Италии на 1965—1969 гг. предусматривала выделение 1000 млрд. лир (1,6 млрд. долл.) на все виды финансовой «помощи» этим странам.

Государственные дары, займы и кредиты Италии африканским странам, кроме Сомали, на основе двусторонних соглашений с 1950 по 1960 г. составили 60 млн. долл. «Помощь» Италии Сомали с 1950 по конец 1961 г. достигла примерно 150 млн. долл. [340, т. 2, с. 286]. В последующие годы финансовая помощь странам Африки составляла: в 1962 г. — 20,8 млн. долл., в 1963 г. — 53,2 млн. [340, т. 3, с. 467], в 1964 г. — 46 млн., в 1965 г. — 47,5 млн. долл. (данные служебной записки министерства иностранных дел Италии).

Характерная черта итальянской государственной «помощи» — низкий по сравнению с другими видами «помощи» процент «даров» (18% — в 1962 г.; 13% — в 1963 г.). Из африканских стран они предоставлялись исключительно Сомали (на его долю при-

ходилось от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ всех «даров», выделяемых Италией развивающимся странам). По сведениям из итальянских официальных источников, «дары» Италии Сомали составили с 1961 по 1964 г. (включительно) 53,1 млн. долл.

«Дары» обычно являлись средством поддержки итальянского частного капитала. В самом деле, значительную часть итальянских «даров» Сомали составляла «банановая дотация» (Италия закупала у Сомали бананы по цене, превышавшей цены мирового рынка). С 1950 по конец 1962 г. эта дотация превысила 14 млрд. лир (около 23 млн. долл.). Но ведь до конца 50-х годов все производство бананов (а в первые годы независимости большая часть его) сосредоточивалось на плантациях, принадлежавших итальянцам. Дотация итальянского правительства, столь «великодушно» предоставляемая Сомали, была на деле дотацией итальянским плантаторам, которые восстановили и модернизировали свои хозяйства, поставили на широкую ногу производство бананов и в короткие сроки перевели часть прибылей в Италию (не менее 5—6 млрд. лир), а другую часть реинвестировали в Сомали, а также в Кению и Конго. К этому надо добавить, что за тот же период (1950—1962) Сомали переплатило за купленные в Италии товары около 11 млрд. лир [354, 1963, № 5, с. 246—249].

Основную же долю итальянской государственной «помощи» составляли займы (покрываемые нередко поставкой итальянских товаров) и экспортные кредиты. Средняя продолжительность сроков, на которые Италия предоставляла займы освобожденным странам,— одна из самых низких в капиталистическом мире (9,5 года), а средний процент, под который эти займы предоставлялись,— один из самых высоких в мире (4,7%). Основными получателями итальянских займов являлись страны Северной Африки: ОАР, Ливия, Тунис, Марокко. Такого рода займы, не говоря уже о коммерческих кредитах, являлись рычагом внедрения итальянского капитала в экономику африканских стран.

Значительное внимание уделяло итальянское правительство техническому сотрудничеству с африканскими странами. Оно осуществлялось в форме предоставления стипендий африканским студентам и стажерам; содержания итальянских школ в африканских странах; направления итальянских экспертов и техников в Африку с целью разработки планов развития и проектов строительства предприятий. В 1965 г., например, Италия израсходовала 10 млн. долл. на техническую помощь африканским странам [66, с. 145].

В 1960—1965 гг. Италия предоставляла в год в среднем около 700 стипендий юношам и девушкам из африканских стран, причем количество стипендий из года в год увеличивалось. Стипендии выделялись как по линии министерства иностранных дел, так и отдельными государственными и контролируемым госу-

дарством предприятиями (в первую очередь ИРИ и ЭНИ). Около 77% стипендиатов получали техническое образование; 23% — гуманитарное. Государство в большинстве случаев предоставляло стипендии для обучения в университетах и высших учебных заведениях. Предприятия — для обучения на специально организуемых краткосрочных (продолжительностью до 1 года) курсах технического усовершенствования. Основная часть стипендиатов — из Сомали, Эфиопии, ОАР, Туниса, Марокко, Ливии, Конго—Киншаса (Заир). По социальному составу это, как правило, выходцы из привилегированных и состоятельных семей.

15 октября 1965 г. в Турине был открыт Международный центр технического совершенствования, где проходят подготовку специалисты из развивающихся стран. В финансировании его приняли участие итальянское правительство, а также ряд государственных и частных компаний [65, с. 89]. Итальянские правящие круги рассматривают подготовленных в Италии специалистов как друзей капиталистической Италии и потенциальных сторонников «западного образа жизни» в своих странах. С учетом этого со стипендиатами строится вся идеологическая и политическая работа. (Автор имел возможность изучать на месте эту работу в 1965/66 учебном году.)

В значительной мере аналогичную цель преследуют итальянские школы, функционирующие в ряде стран Африки. В середине 60-х годов в Африке существовало 85 правительственных и частных итальянских школ, субсидируемых итальянским правительством (в Ливии, ОАР, Марокко, Эфиопии и Сомали), в которых было занято около 700 преподавателей-итальянцев и обучалось 13,5 тыс. африканцев (в странах Латинской Америки насчитывалось 44 итальянские школы). Помимо этого, итальянские строительные компании и промышленные фирмы в ходе работ, которые они осуществляли в африканских странах, обучали ежегодно примерно 18 тыс. нанимаемых ими местных рабочих.

Важный канал технического сотрудничества Италии с африканскими странами — направление технических экспертов-консультантов и участие в разработке разного рода планов развития. На протяжении 60-х годов постоянно увеличивалось количество итальянских экспертов и число африканских стран, в которых они работали. Если до 1963 г. итальянское правительство направляло экспертов лишь в три африканские страны (большинство — в Сомали), то в 1964—1965 гг. — уже в 12 стран [66, с. 102].

Итальянское правительство финансировало разработку соответствующими итальянскими специализированными фирмами проектов создания промышленных и сельскохозяйственных предприятий, градостроительных планов и т. д. (итальянское правительство оплачивает до $\frac{2}{3}$ стоимости проектных работ; прави-

тельство данной страны — $\frac{1}{3}$). В 60-х годах таким путем за счет средств итальянского правительства были разработаны проекты освоения сельскохозяйственных зон в Алжире и Марокко, гидроэлектростанций в Конго и Камеруне, металлургического завода в Нигерии, развития туризма в Эфиопии и Дагомее, разработан градостроительный план столицы Гвинеи Конакри, а также планы градостроительства в Эфиопии и др. Следует особо подчеркнуть, что, как гласил официальный документ итальянского правительства, Италия «старается, насколько это возможно, оказывать техническую помощь тем странам, где наибольшими были или, как предполагается, могут быть итальянские экономические позиции» [340, с. 475].

В целях дальнейшего развития технического и экономического сотрудничества итальянское правительство в 60-х годах заключило серию соглашений с африканскими странами: с Заиром в 1963 г., с Алжиром, Чадом, Гвинеей, Мадагаскаром, Мали в 1964 г., с Кенией, Дагомеей, Суданом, Танзанией, Либерией в 1965 г.

Италия — участник международных организаций и органов, оказывающих «помощь» развивающимся странам. В первую очередь в этой связи необходимо назвать фонд помощи ассоциировавшимся с Европейским экономическим сообществом странам (вначале — Фонд развития заморских стран и территорий, затем — Европейский фонд развития). Взнос Италии в Фонд развития заморских стран и территорий (1958—1962) составлял 40 млн. платежных единиц (6,9% всей суммы фонда), взнос в Европейский фонд развития равнялся 100 млн. платежных единиц (13,7% всей суммы фонда). Помимо этого, Италия участвовала в специальном фонде ООН (создан в 1958 г.), средства которого направляются главным образом на финансирование разработки планов развития и подготовки кадров развивающихся стран, а также в таких международных финансовых органах, как Международный банк реконструкции и развития, Международная ассоциация развития.

На протяжении 60-х годов правящие и деловые круги Италии совершенно определенно выступали за интернационализацию помощи, за расширение экономического сотрудничества со слаборазвитыми странами на многосторонней основе и проводили эту линию в жизнь. При этом они исходили не только из того, что это отвечало бы интересам капиталистического лагеря в целом, но и в первую очередь из корыстных собственных интересов. Участие в экономическом сотрудничестве на многосторонней основе с освободившимися странами, в том числе с африканскими, дает итальянскому империализму целый ряд преимуществ.

Во-первых, итальянские фирмы активно используют предоставляемые международными финансовыми фондами и органами займы для расширения своей активности в странах — полу-

чателях «помощи». Делается это, как правило, в размерах, превышающих размер итальянского вклада в соответствующий фонд.

Так, если взнос Италии в Фонд развития заморских стран и территорий составлял 6,9% всей суммы, то в объявленных фондом торгах на заключение с африканскими странами контрактов по разным операциям, финансируемым фондом, итальянские фирмы выиграли (к середине 60-х годов) 10,33% (по стоимости) контрактов на проведение строительных работ; 7,49% контрактов на поставку материалов и оборудования и 17,3% контрактов на оказание технической помощи [340, т. 2, с. 220—221]. Всего по операциям, финансируемым Европейским фондом развития, итальянские компании сумели получить заказы на сумму, равную 16% всех расходов фонда [66, с. 36].

Во-вторых, деятельность международных финансовых органов помогает итальянским строительным фирмам (особенно занимающимся созданием гидросооружений, строительством дорог, портов и т. п.) добиваться получения заказов на крупные строительные работы в африканских странах на основе смешанного финансирования при весьма скромном собственном вкладе Италии.

В-третьих, «помощь» через международные органы, по мнению итальянских специалистов, «не затрагивает национальных чувств стран-получателей и не вызывает неблагоприятных отзвучков как в политическом, так и в психологическом плане» (из служебной записки «Об экономической помощи странам третьего мира», подготовленной Управлением экономических связей министерства иностранных дел Италии в 1966 г.). В то же время сохраняется возможность контроля над характером и ходом капиталовложений со стороны формально «обезличенного» коллективного империализма.

Ведущая роль в проникновении Италии в Африку (обозначаемом безобидным термином «сотрудничество») принадлежит контролируемым государством компаниям и некоторым частным монополиям. При этом с самого начала следует подчеркнуть, что так называемые частные капиталовложения включают в себя инвестиции не только и не столько действительно частных компаний, сколько государственных или контролируемых государством предприятий типа ИРИ и др. Это является одним из проявлений той огромной роли, которую играет государственный сектор в экономике современной Италии.

Итальянские капиталовложения в африканские страны за 1950—1959 гг. оцениваются в 42,6 млн. долл. В 1960 г. они составили 25,2 млн. долл., а в 1961 г.— 33,5 млн. долл. (соответственно 42,4 и 44,3% всех итальянских инвестиций в развивающиеся страны) [369, 30.XI.1963, с. 2795]; в 1962 г. 31,5 млн. долл. (28,5%); в 1963 г.— 41,7 млн. долл. (35,3%); в 1964 г. капиталовложения вместе с займами частного сектора

(мы, к сожалению, не располагаем данными о чистых инвестициях, без займов в 1964 и в 1965 гг.) составили 44 млн. долл., а в 1965 г.— 60 млн. долл. [66, с. 145]. Таким образом, итальянские инвестиции в Африку по середине 60-х годов составили около 260 млн. долл. Вкладывались они главным образом в разведку нефти, в нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность и некоторые другие отрасли.

ЭНИ вложила в Африку за полтора десятилетия к середине 60-х годов 125 млрд. лир, т. е. 200 млн. долл., в том числе 85 млрд. лир (136 млн. долл.) в строительство серии крупных нефтеперерабатывающих предприятий и широкой сети распределительных колонок и 40 млрд. лир (64 млн. долл.) в изыскательские работы. Даже если часть затрат ЭНИ осуществлялась в форме займов и поэтому не входила в общую сумму итальянских капиталовложений, все равно доля ЭНИ в итальянских инвестициях в Африку представляется чрезвычайно высокой (не менее 70%).

Деятельность ЭНИ в Африке осуществлялась в основном через следующие компании: «Аджип минерария» (100% акционерного капитала у ЭНИ) — в области поисков и добычи нефти и газа; АНИЧ (51%) — в области нефтепереработки; АДЖИП (60%) — в сфере распределения нефтепродуктов и др. Конкретные данные об активной деятельности ЭНИ, развертывавшейся в 50—60-х годах почти во всех странах Африки, публиковались в нашей печати [181, с. 230—232].

Всего в 1965 г. через АДЖИП, СНАМ и АНИЧ ЭНИ своим капиталом участвовала в 33 компаниях, действовавших в Африке (или контролировала их). Во второй половине 60-х годов ЭНИ значительно расширила и активизировала свою деятельность. По некоторым данным, уже на конец 1968 г. капиталовложения ЭНИ в странах Африки превысили 300 млрд. лир (480 млн. долл.) [355, 22.XI.1968].

Успехи в проникновении в Африку были достигнуты ЭНИ в результате острой конкурентной борьбы, в первую очередь с семеркой гигантов, входящих в мировой картель. Вступив в 50-х годах на путь активной международной деятельности, ЭНИ предложила развивающимся странам более выгодные условия, чем те, которые предлагались другими монополиями.

Во-первых, ЭНИ первой среди капиталистических компаний ввела в практику более выгодную для афро-азиатских стран норму распределения прибылей (75:25). ЭНИ охотно пошла на создание предприятий со смешанным капиталом, в которых наряду с итальянским участвовал местный, часто государственный капитал.

Во-вторых, ЭНИ начала вкладывать значительную часть причитающихся ей прибылей в создание производственных предприятий на территории данной страны.

В-третьих, ЭНИ стала активно помогать подготовке кадров

всех уровней для нефтеперерабатывающей промышленности как путем широкого привлечения местного населения ко всем видам проводимых работ, так и через обучение представителей африканских стран в Высшей школе по жидкому топливу, созданной компанией в Италии.

В-четвертых, ЭНИ предоставляла ряд финансовых, материальных и технических преимуществ африканской стране, с которой имела дело.

В-пятых, ЭНИ, как правило, не ставила политических условий правительству страны-контрагента.

Кроме того, ЭНИ активно использовала противоречия, возникающие между крупными империалистическими державами и странами зоны национально-освободительного движения. Нет сомнения, например, что заключению в сентябре 1967 г. соглашения между «СНАМ-проджетти» и алжирской государственной компанией о строительстве нефтепровода в Алжире (протяженностью около 700 км) в известной мере способствовало возмущение в арабских странах позицией США, Англии и ФРГ в период агрессии Израиля против арабских стран.

Серьезное недовольство в Африке отношением Англии и других крупных капиталистических держав к расистскому режиму Смита в Родезии было использовано ЭНИ для заключения соглашения с Замбией и Танзанией о строительстве нефтепровода Дар-эс-Салам — Ндола. Итальянское правительство, в свою очередь, поспешило предоставить Замбии и Танзании заем почти в 20 млрд. лир для покрытия части расходов, связанных со строительством нефтепровода [67, с. 43, 123]. (Аналогичным образом ЭНИ действует и в других районах, в том числе на Ближнем Востоке.)

В целом ЭНИ завоевала в экономике многих африканских стран значительные позиции, которые могут использоваться в качестве рычагов для влияния на экономическое развитие этих стран.

Итальянская специальная пропаганда, шумно прославляющая деятельность ЭНИ в Африке, обычно «забывает» об этой стороне дела. Умалчивают и о том, что, во-первых, такая деятельность приносит весьма крупные барыши самой ЭНИ: капиталы, вложенные в нефтеперерабатывающие предприятия, распределительные станции, строительство мотелей (этим также широко занимается ЭНИ), возвращаются полностью в течение 10—11 лет, принося чистую прибыль в размере 6—9% [350, 1966, № 9, с. 142].

Во-вторых, деятельность ЭНИ чрезвычайно выгодна многочисленным частным и государственным итальянским компаниям, использующим ввозимые предприятием нефтепродукты.

В-третьих, в политике ЭНИ со второй половины 60-х годов стала четко проявляться тенденция к сговору с крупнейшими международными нефтяными монополиями, что не могло не

вызывать отрицательной реакции в прогрессивных кругах развивающихся стран. Не случайно в ответ на одну из сделок ЭНИ с американской компанией ЭССО конгресс рабочих-нефтяников Алжира заявил, что «соглашение ЭССО — ЭНИ преследует цель подорвать политику независимости, проводимую Алжиром», что «нынешняя политика ЭНИ может повредить хорошим отношениям Италии с развивающимися странами и поставить под удар перспективы сотрудничества между Италией и Алжиром» [389, 22.II.1966].

Характерен и такой пример. Вскоре после оккупации в июне 1967 г. израильскими войсками Синайского полуострова правительство Израиля установило контроль над нефтеразработками в Абу-Сувейре, где добычу нефти вела одна из компаний группы ЭНИ совместно с египетской организацией. Буржуазная печать Италии, в том числе газета «Джорно», связанная с ЭНИ, буквально ни словом не обмолвилась об этой акции Израиля. А некоторое время спустя американская компания «Филипс» привлекла ЭНИ в качестве партнера к заключению с правительством Саудовской Аравии важного нефтяного соглашения, по которому в концессию компаниям «Филипс», АДЖИП и государственной компании Саудовской Аравии была передана очень перспективная территория в юго-восточной части Аравийского полуострова площадью более 77 тыс. кв. км. Соглашение предусматривало осуществление поисков нефти и эксплуатацию нефтяных месторождений, а также ряд совместных мероприятий как в области создания предприятий нефтехимии, так и в области международных операций с нефтью [352, 19.IX.1967; 389, 3.X.1967].

Весьма активно действовали в Африке ИРИ, ФИАТ, «СНИА-Вискоза», «Оливетти», «Монтэдисон» и некоторые другие компании. ФИАТ построил совместно с французской компанией СИМКА близ Касабланки (Марокко) предприятие по сборке автомобилей, заключил с правительством Замбии соглашение о создании автотранспортного хозяйства, создал в ряде стран автотракторные хозяйства. К этому надо добавить, что из года в год ФИАТ значительно увеличивает продажу своих автомашин в африканских странах.

Итальянский капитал завоевал позиции также в таких международных компаниях, действовавших в горнодобывающей промышленности в Африке, как «Сосьете де мин де фер де Мекамбо», «Сосьете алюминий де Гине», «Сосьете д'этьюд пур л'экипеман минье эндюстриель э агриколь дю Габон» и в ряде других.

Значительную роль в странах Африки играла (и играет) деятельность крупных итальянских строительных фирм и проектных компаний, которые в ряде случаев участвовали в финансировании создаваемых ими объектов, а чаще выступали как подрядчики. В начале 1966 г. официоз итальянского министерства

иностранных дел журнал «Эстери» с удовлетворением отмечал расширение позиций итальянских компаний в создании «плотин, аэропортов, морских портов, шоссейных и железных дорог, предприятий рыбной, нефтеперерабатывающей, горнодобывающей и автомобильной промышленности в Верхней Вольте, Руанде, Конго, Береге Слоновой Кости, Эфиопии, Габоне, Гане, Либерии, Нигерии, Мадагаскаре, Родезии, Сьерра-Леоне, Танзании, Кении, Уганде, Камеруне, Сенегале» [362, 1966, № 3, с. 2].

Масштабы этой деятельности весьма внушительны. Достаточно сказать, что к середине 1966 г. итальянские фирмы завершили строительство 35 объектов (в том числе ряда очень крупных), продолжали строить 40 и планировалось начало строительства еще 8 объектов (см. [66, с. 16]). Среди построенных: Карибская плотина с гидроэлектростанцией в Родезии, плотина и электростанция Акосомбо в Гане, построенные консорциумом миланских фирм «Импреджило» («Импрезит», находящийся под контролем ФИАТа, «Джирола», «Лодиджани»), плотина и электростанция Кхашм-эль-Джирба в Судане, созданная фирмой «Торно» (финансировалась частично этой фирмой, суданским правительством и некоторыми другими организациями). Строилась плотина Росейрес в Судане (строил консорциум «Импреджило», финансировали МБРР, Международная ассоциация развития и правительство ФРГ), разворачивались мелиоративные работы на территории 60 тыс. га в дельте Нила и в долине Верхнего Нила в Египте (работы осуществлялись специальным акционерным обществом «Бонифика», созданным двумя крупными итальянскими компаниями «Италконсульт» и «Импрезит») и т. д.

В Нигерии около 70% всех строительных работ осуществляли итальянские фирмы [65, с. 174]. К 1966 г. в этой стране ими было построено более 1 тыс. км шоссейных дорог; велись портовые работы, строилась крупная гидроэлектростанция Каинджи, шло строительство трех дорог в разных районах страны общей протяженностью более 300 км, проводились мелиоративные работы.

Помимо вышеназванных в значительных масштабах ведут строительные работы в африканских странах фирмы «Стирлинг Астальди», «Вианини», «Борини Проно», «Рекки», «Паризи ди Ронка» и др.

Особо следует сказать о деятельности в Африке компании «Италконсульт» — крупнейшей в Италии компании по инженерной консультации и проектированию, имеющей отделения более чем в 50 странах. В «Италконсульт» вложили капитал ФИАТ, «Оливетти», «Монтэдисон», «Инноченти», «Пирелли», «Италчементи», «Чентрале» и ИРИ. Филиалы «Италконсульт» осуществили работы по мелиорации 60 тыс. га земель в Египте, строительство шоссейной дороги вдоль ливийского побережья протяженностью 1125 миль, изучение режима р. Нигер в Да-

гомее, Мали, Нигере и Нигерии, разработку планов экономического развития в Руанде, ирригационные и грунтовые исследования в Эфиопии и Кении и др.

В первое послевоенное десятилетие в Эфиопии, Эритрее, Сомали и Ливии возобновили прерванную войной деятельность филиалы и отделения крупнейших итальянских банков: «Банка д'Италия», «Банко ди Рома», «Банко ди Наполи». Со второй половины 50-х годов резко активизировал свою деятельность, особенно в странах Северной и Западной Африки, «Банка коммерчале италяна». К началу 1965 г. он имел филиалы, отделения, а также капиталовложения и участия в Дагомее, Береге Слоновой Кости, Нигерии, Камеруне, Габоне, Сенегале, Тунисе, Марокко, Заире. Развернули деятельность в странах Африки и другие банки: «Банка нацонале дель лаворо» — в Нигерии и Тунисе; «Монте дей паски ди Сиена» — в Нигерии; «Медиобанка ди Наполи» — в Либерии и т. д. В Южной Родезии действовали совместно «Банко ди Рома», «Банко ди Наполи» и «Медиобанка».

Отделения итальянских банков, приспособляясь к новой обстановке, уже с начала 60-х годов стали активно участвовать в создании банков со смешанным капиталом. Так, в 1963 г. в Тунисе отделение «Банка нацонале дель лаворо» вместе с отделениями западногерманского, швейцарского и американского банков приобрели акции контролируемого французским капиталом «Банк де Тюниси». В том же, 1963 г. филиал «Банка коммерчале италяна» в Тунисе принял участие в создании объединенного Международного банковского союза в Тунисе, в состав которого вошли также отделение французского «Креди Лионнэ», филиал государственного тунисского банковского общества, а позднее приняли участие также «Бэнк оф Америка» и «Коммерцбанк» (Дюссельдорф) [356, 5.VI.1963, 10.IX.1963; 372, 11.IX.1963]. Подобные же явления имели место и в ряде других стран Африки.

Торговля Италии с Африкой составляла на протяжении 50—60-х годов 6—8% общего объема итальянской внешней торговли. Характерно, однако, что торговля Италии с Африкой росла как по объему, так и по стоимости более быстрыми темпами, чем итальянская внешняя торговля в целом (см. [122, 1950—1951, 1955—1956, 1959—1965]). Основными торговыми контрагентами Италии в 60-х годах являлись страны Северной Африки, на долю которых приходилось чуть меньше половины всей итальянской торговли с Африкой. Если же брать отдельные африканские страны, то первое место занимала Южно-Африканская Республика.

На протяжении 60-х годов Италия торговала с Африкой, имея из года в год дефицит в торговом балансе. Используя этот факт, правящие круги Италии говорили о выгодности для африканских стран торговли с Италией. При этом игнориро-

вались два немаловажных обстоятельства. Во-первых, в тот период ножицы в ценах между итальянской готовой продукцией и африканским сырьем не сокращались, а росли к выгоде итальянских дельцов, а дефицит возникал вследствие того, что Италия ввозила из Африки дешевого сырья по объему в несколько раз больше, чем вывозила товаров в африканские страны. Во-вторых, торговый дефицит носил, как писал орган французских деловых кругов, в «значительной мере теоретический характер», так как он покрывался деятельностью итальянских строительных фирм, которые использовали его как стимул для получения новых заказов.

Следует особо отметить, что для расширения торговых связей с Африкой итальянский капитал ловко пользуется тем, что многие африканские страны, получив независимость, стремятся отказаться от односторонней торговой ориентации на бывшие державы-метрополии и расширять круг своих торговых контрагентов. «Нельзя отрицать, что достижение независимости ныне уже почти всеми африканскими территориями... облегчает проникновение итальянских товаров в Африку» [354, 1964, № 6, с. 176],— заявил президент итальянского Института Африки в конце 1964 г.

В 50—60-х годах в итало-африканской торговле господствовал крупный итальянский капитал. Однако в середине 60-х годов в Италии активно обсуждался вопрос о принятии конкретных мер для привлечения к торговле с африканскими странами мелких и средних итальянских предприятий. В 1964 г. на очередной встрече итальянских дельцов и представителей правительства в Милане обсуждалась идея создания торгового консорциума мелких и средних промышленных предприятий, который бы при поддержке и участии крупного частного и государственного капитала «с помощью гибкой современной организации занялся продвижением на внешние рынки» продукции этих предприятий. При этом подчеркивалось, что основной сферой влияния такого консорциума должна была бы являться Африка, поскольку «в связи с образованием многочисленных независимых государств этот континент стал более открытым для международной конкуренции» [64, с. 83—84].

Оценивая значение для африканских стран их «экономического сотрудничества» с ЕЭС в рамках ассоциации, газета «Унита» писала: «За столько лет существования ассоциация не разрешила ни одной проблемы действительного развития той или иной африканской страны... Ни инвестиции, ни „помощь“, ни торговые отношения не преследовали цели заложить основы самостоятельного национального развития... Только привилегированная элита африканских стран, состоящая из посредников, через которых осуществляются все неокOLONIALISTские операции, извлекает для себя выгоду. Она представляет собой одно из основных препятствий подлинного экономического освобождения».

дения Африки... Италия, конечно, действует в плане общей политики» [389, 17.VI.1969].

Экономическая активность итальянского империализма в Африке сопровождается широкой пропагандистско-политической деятельностью по восхвалению всех аспектов политики Италии в Африке на различных этапах исторического развития, что является важным составным элементом политики неокOLONиализма.

Следует особо выделить две линии в политико-идеологической и пропагандистской активности апологетов итальянского империализма: отрицание всякой причастности Италии к колониализму и неокOLONиализму, а также ярый антикоммунизм.

Утверждение о непричастности Италии к колониализму и неокOLONиализму — лейтмотив многих изданий, выступлений итальянских государственных деятелей и дельцов в послевоенный период.

«Италия чужда современному колониализму... На протяжении трех четвертей века итальянцы приносили жертвы, строили, предоставляли Африке все то, что только мог дать ей великий народ древней культуры, обладающий испытанной веротерпимостью, мудрым и великодушным гуманизмом» [354, 1953, № 9, с. 226], — писал известный африканист Кароселли в начале 50-х годов. «Нельзя считать Италию страной, имеющей колониальное прошлое, поэтому-то в Африке и не существует по отношению к ней той сдержанности, которую вызывают сейчас намерения некоторых, в прошлом колониальных держав» [369, 30.XI.1963, с. 2778], — провозглашал один из представителей делового мира Италии в начале 60-х годов.

Можно было бы привести довольно много подобного рода высказываний, на которые не скупятся итальянские государственные деятели, дельцы, все виды итальянской пропаганды: книги, газеты, журналы, передачи радио и телевидения. И это не случайно. Создание антиколониального ореола вокруг Италии должно было помочь правящим кругам и капиталу этой страны в расширении и укреплении влияния на Африканском континенте. Однако африканские народы хорошо знают свою подлинную историю. Не могут они забыть и о тех кровавых страницах, которые вписал в историю Африки итальянский колониализм, какими бы красивыми фразами их ни пытались замаскировать апологеты колониализма и неокOLONиализма.

Другой центральный мотив итальянской буржуазной пропаганды — антикоммунизм.

Коммунизм провозглашался (и провозглашается) «опасностью, серьезно угрожающей африканским странам» [354, 1957, № 1—4, с. 25], поскольку-де «Африка теперь осаждается коммунизмом» [354, 1961, № 2, с. 60]. В связи с волнующей африканские народы проблемой выбора путей социально-экономического развития итальянские апологеты капитализма объявляют

не подходящими для африканских стран «марксистские экономические доктрины» [354, 1964, № 6, с. 170]. В то же время африканцам предлагается «не замыкаться в своих традиционных нравах и обычаях», а применять у себя «законы и методы» развития капиталистического Запада.

3. АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Непримиримым противником всех и всяких разновидностей колониализма и неоколониализма итальянской буржуазии выступает рабочий класс Италии во главе со своим политическим авангардом — Итальянской коммунистической партией.

Антиколониальные позиции современного итальянского рабочего движения опираются на глубокие традиции, которые сформировались на базе собственного политического опыта рабочего класса Италии и активной интернационалистской деятельности коммунистической партии. Борьба итальянского рабочего класса против колониальной политики являлась важным фактором, противодействовавшим агрессивной захватнической политике итальянских правящих кругов. Условно можно выделить три этапа становления и развития антиколониальной традиции итальянского рабочего движения.

Первый этап охватывает период с начала 80-х годов XIX в. примерно до середины 20-х годов XX в. — от разрозненных антиколониальных выступлений итальянских трудящихся начала 80-х годов XIX в. до массового организованного антиколониального выступления пролетариата в начале итало-турецкой войны 1911—1912 гг. и классовых битв трудящихся после первой мировой войны.

Один из первых антиколониальных документов итальянского рабочего движения был связан с английской интервенцией в Египте летом 1882 г. К участию в этой аванюре английские правящие круги пытались привлечь и итальянское правительство. Это намерение вызвало возмущение итальянских рабочих. 18 июля 1882 г. ассамблея рабочих ассоциаций Милана, интересовавшихся прежде исключительно экономическими вопросами, приняла специальную резолюцию, в которой «перед лицом преднамеренного преступления, совершающегося в Египте», подняла «голос протеста и возмущения против самоуправства английского правительства и против действий тех европейских правительств, которые приветствуют или принимают сторону торжествующей несправедливости». Ассамблея призвала «рабочих и демократов Италии присоединиться к этому протесту» и потребовала принятия мер, которые «не позволили бы угнетать слабых и разрешили бы возникший конфликт в соответствии с принципами человечности и справедливости» [316, с. 73—74].

Антиколониальная позиция характерна и для первого про-

граммного документа возникшей в 1882 г. в Милане Итальянской рабочей партии. В программе говорилось: «Признавая, что нынешняя дипломатическая политика является абсолютным отрицанием прав народа, Итальянская рабочая партия провозглашает всемирное братство и независимость всех народов» [231, с. 149].

В период активного развертывания итальянской колониальной экспансии в Северо-Восточной Африке (1885—1896) рабочее движение во весь голос заявило о своем отношении к политике правящих кругов массовыми выступлениями во многих городах Италии. В 1887 г. в связи с актами итальянской агрессии в Африке произошли манифестации трудящихся в Риме, Болонье, Милане, Генуе, Терни и других центрах. Участники митинга, организованного 46 рабочими ассоциациями Милана, протестовали «против оскорбления принципов, лежавших в основе освобождения Родины и попрания права, равного для всех народов без различия цвета кожи», и призвали «рабочие объединения Италии присоединиться к активной и неустанной агитации за отзыв наших солдат из Африки» [316, с. 151—152].

В парламенте депутат-социалист А. Коста решительно заявил от имени «подлинной Италии, Италии, которая производит, Италии, которая трудится, которая не желает колониальной политики, а хочет, чтобы все усилия были направлены на развитие сельского хозяйства и промышленности, на моральный и политический прогресс», о бескомпромиссном осуждении авантюры правящих кругов в Африке. «Для продолжения африканских безумств мы не дадим вам ни одного человека, ни одного солды» [231, с. 171—172],— провозгласил А. Коста. С того времени призыв «Ни одного человека, ни одного солды!» стал боевым антиколониальным лозунгом итальянского рабочего класса.

В начале марта 1896 г., после разгрома итальянских войск при Адуа, по всей Италии прокатилась волна массовых манифестаций протеста против агрессивной политики итальянских правящих кругов. Участники манифестаций требовали прекращения войны в Африке, вывода оттуда итальянских войск. Одним из лозунгов демонстрантов был: «Да здравствует Менелик!». В палате депутатов А. Коста заявил: «Поскольку африканская кампания противоречит принципам человечности, цивилизации и национального суверенитета, поскольку она противоречит интересам итальянского народа, мы требуем отозвать войска из Африки» [231, с. 273].

В 1911—1912 гг., когда итальянский империализм развязал захватническую колониальную войну в Северной Африке, передовая часть итальянского рабочего класса выступила против колониального разбоя. Под давлением низовых организаций руководители Всеобщей конфедерации труда и Социалистической партии осудили колониальную войну и призвали провести

27 сентября 24-часовую забастовку протеста. Несмотря на запреты, преследования и репрессии властей, несмотря на колебания и непоследовательность руководства Социалистической партии, массовые манифестации и забастовки трудящихся против колониальной войны прошли во многих городах и населенных пунктах, особенно в Северной, а также в Центральной Италии (подробнее об этом см. [261, с. 29—46]).

Так закладывалась основа интернационалистских традиций итальянского рабочего движения, понимания революционным пролетариатом несовместимости интересов трудящихся с захватническими колониальными планами и действиями империализма.

Второй этап развития антиколониальной борьбы итальянского рабочего класса связан с политической деятельностью возникшей в 1921 г. Коммунистической партии и антифашистским движением. Принципиальная последовательность и бескомпромиссность в борьбе против колониальных авантюр фашизма — характерная черта всей политики компартии Италии. Активные выступления против репрессий фашистов в отношении арабских народов в Триполитании и Киренаике, решительное осуждение империалистической агрессии в Китае и ее поддержки итальянским фашизмом, борьба против агрессии в Эфиопии, осуждение итальянской агрессии против Албании и Греции — таковы основные моменты антиколониальной деятельности коммунистов в 20—30-х годах.

В Манифесте IV съезда компартии Италии (март 1931 г.), обращенном к итальянскому народу, подчеркивалось, что КПИ борется за право национальных меньшинств и народов колоний, угнетаемых итальянским империализмом, на отделение от итальянского государства.

В связи с развертыванием операций фашистских войск по покорению народов Северной Африки ЦК компартии Италии обратился в середине 1929 г. к итальянским солдатам с призывом: «Солдаты! Не стреляйте в восставших арабов! Они — ваши братья, а не враги. Братайтесь с ними! Ваши враги и враги восставших — это фашисты и угнетатели-капиталисты».

Обращаясь к трудящимся Италии, подпольный орган КПИ газета «Унита» писала в том же году: «Итальянские трудящиеся должны поддержать усилия колониальных народов. Они должны бороться... за эвакуацию колониальных войск, против колониальных военных бюджетов, за сокращение на 75% налогов и за повышение зарплаты рабочим» [389, декабрь 1929].

В связи с агрессивной японской милитаристов против Китая и последовавшей за этим высадкой десанта итальянских моряков в Шанхае КПИ призвала трудящихся Италии сплываться под лозунгами: «Долой войну!», «Руки прочь от Китая!», «Свободу итальянским трудящимся!» [389, 31.I.1932]. Обращение ЦК КПИ гласило: «Трудящиеся, не позволяйте посылать

войска против Китая! Следите, чтобы не отправлялось оружие и боеприпасы в Китай!». Обращение призывало железнодорожников, моряков, докеров саботировать транспортировку войск, оружия, боеприпасов, направляемых в Китай. Вместе с тем антиколониальные призывы сочетались с призывами к борьбе против фашизма, против капиталистического рабства, за хлеб и свободу, за Советы в Италии [389, 20.II.1932]. Эти и подобные обращения публиковались в подпольных периодических изданиях КПИ, содержались в листовках, которые тайно распространялись коммунистами в фашистской Италии.

Особенно значительных масштабов достигла антиколониальная антифашистская пропаганда КПИ в связи с агрессивней итальянского фашизма против Эфиопии. На страницах теоретического и политического органа партии «Стато операйо» (издававшегося главным образом во Франции) итальянские коммунисты уделяли серьезное внимание анализу экономических и классовых корней колониальных, экспансионистских устремлений итальянского фашизма. Подчеркивалось, что в основе агрессивной колониальной политики фашизма лежат интересы крупных промышленников, банкиров, аграриев, фашистской бюрократии. Агрессией против Эфиопии Муссолини и его клика стремились укрепить позиции фашистского режима в целом, которые были основательно подорваны в годы мирового экономического кризиса (см. [334, т. 2, с. 281—291]). Поэтому КПИ тесно связывала борьбу против политики войны с борьбой против фашистского режима.

В середине 1933 г. в связи с появлением среди части антифашистов мнения о том, что развязывание фашизмом войны могло бы облегчить дело подготовки и совершения революции, «Унита» глубоко вскрыла несостоятельность подобного рода позиций. Она убедительно доказала, что подвести массы к революции можно, только последовательно проводя в жизнь лозунг «Долой фашистскую войну!». Те же, кто провозглашал: «Да здравствует война!» — вольно или невольно помогали фашизму [389, 1933, № 9].

В ответ на форсирование фашистами подготовки войны в Северо-Восточной Африке КПИ поставила задачу борьбы против развязывания войны в центр всей своей деятельности. Сразу же после Уольуольского инцидента ЦК КПИ опубликовал манифест, в котором разоблачались агрессивные цели итальянского фашизма в Эфиопии и содержался призыв к итальянским рабочим и солдатам активно бороться против войны, добиваться вывода войск из всех итальянских колоний [314а, с. 21]. Состоявшийся в конце февраля 1935 г. пленум ЦК КПИ подчеркнул: «Борьба против войны становится в настоящий момент осью политики КПИ, которая добивается военного поражения фашистского правительства и защиты независимости Эфиопии» [389, 1935, № 5].

В апреле 1935 г. КПИ обратилась к итальянскому народу с манифестом «Спасем нашу страну от катастрофы». В этом документе задачи борьбы против войны в Эфиопии — «войны, противоречащей жизненным интересам итальянского народа», теснейшим образом увязывались с защитой непосредственных нужд широких слоев трудящихся, демократических прав и свобод. Одновременно манифест выдвигал «программу освобождения итальянского народа», программу борьбы за ликвидацию «системы фашизма, капитализма и войны». Важнейшим средством достижения поставленных целей, указывала КПИ, является создание «широкого народного фронта против войны и фашизма, за свободу», фронта итальянского народа и народов захваченных фашизмом колоний [389, 1935, № 7].

Одновременно с обращением к различным слоям трудящихся КПИ ориентировала активистов, всех членов партии, действовавших в Италии, на усиление внимания к работе в армии: «Борьба против милитаризации и против войны будет эффективной только при том условии, что мы перенесем нашу основную деятельность внутрь армии, внутрь военно-морского флота» [389, 1935, № 1].

Итальянские коммунисты исходили из общности интересов итальянских трудящихся и народов Эфиопии в борьбе против фашизма. П. Тольятти подчеркивал на VII конгрессе Коминтерна: «Наша коммунистическая партия Италии была вполне права, заняв пораженческую позицию в отношении империалистической войны итальянского фашизма, выдвинув лозунг „Руки прочь от Абиссинии!“ ... Абиссинский народ является союзником итальянского пролетариата против фашизма, и мы с этой трибуны заверяем абиссинский народ в нашем сочувствии» [37, т. 1, с. 147].

Это сознание солидарности, общности интересов итальянского народа и народов Эфиопии в борьбе против фашизма побудило КПИ обратиться со специальным воззванием к народу Эфиопии. «Итальянский народ знает, что ваша война в защиту независимости Эфиопии справедлива, он не хочет воевать против вас. Итальянский народ — против грабительской войны, которую хочет вести фашистское правительство» [389, 1935, № 10], — говорилось в воззвании. Понимание общности интересов двух народов в борьбе против фашизма нашло свое символическое воплощение в таком факте, как участие трех граждан Италии, антифашистов, сражавшихся в Испании, демократов и коммунистов Илио Баронтини, Антона Укмара и Бруно Ролла в освободительной войне народов Эфиопии (подробнее о них см. [389, 14.V.1966; 380, 1966, № 19, с. 17—20]).

КПИ уделяла большое внимание сплочению всех итальянских антифашистов за пределами Италии, а также мобилизации мирового общественного мнения на борьбу против агрессии в Эфиопии. При ее активном участии в середине октября

1935 г. в Брюсселе был созван конгресс итальянцев, выступавших против войны в Эфиопии. Конгресс обратился ко всем трудящимся страны, ко всем честным людям мира, ко всем народам с призывом усилить борьбу против захватнической политики итальянского фашизма в Африке (о позиции итальянских коммунистов на конгрессе см. [314а, с. 167—180]).

В октябре 1935 г., когда агрессия фашистской Италии против Эфиопии развертывалась полным ходом, пленум ЦК КПИ рассмотрел вопрос о задачах партии в новой обстановке и дал конкретные рекомендации об основных направлениях деятельности коммунистов. (О подготовке пленума и о дискуссии на нем см. [314а, с. 194—201].) Опираясь на решения VII конгресса Коминтерна и развивая дальше положения апрельского манифеста КПИ, пленум сосредоточил главное внимание на создании широкого народного фронта против фашизма и войны. Ставился задача усилить единство действий коммунистов и социалистов по месту работы, в массовых фашистских организациях и т. д. Пленум подчеркнул, в частности, что «наша партия должна активизировать и расширить деятельность среди всех слоев народа, и в особенности среди рабочих-фашистов и среди фашистов, принадлежащих к средним слоям, преследуя цель объединить их и вовлечь в борьбу за их непосредственные экономические интересы, за *немедленное установление мира, за вывод войск из Восточной Африки, за отстранение от власти виновников войны, за свободу*» [389, 1935, № 16].

Антивоенную, антифашистскую, демократическую борьбу пленум ЦК КПИ не связывал на том этапе с борьбой за немедленное свержение власти капитала, за немедленную социалистическую революцию. Такой подход, вытекавший из решений VII конгресса Коминтерна, более соответствовал существовавшей обстановке.

Третий этап развития антиколониальных традиций в итальянском рабочем и коммунистическом движении связан с периодом распада и крушения колониальной системы империализма под ударами национально-освободительных революций, а также с современной стадией борьбы народов за национальное и социальное освобождение.

Это этап, когда Итальянская коммунистическая партия решительно и принципиально выступает в поддержку борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки за национальное и социальное освобождение. ИКП явилась вдохновителем и организатором охвативших всю Италию массовых кампаний солидарности с освободительной борьбой народов. Следует подчеркнуть, что итальянские коммунисты рассматривают эту деятельность как важнейшую, неразрывную составную часть всей своей политической борьбы, как средство воспитания политического, интернационалистского сознания у итальянского рабочего класса и у всех трудящихся, как важный составной элемент усилий

по сплочению широкой коалиции антимонополистических и антиимпериалистических сил в Италии.

Исходными для партии были и остаются указания В. И. Ленина, который, учитывая глубочайшую общность интересов рабочего класса стран капитала и народов колоний, говорил: «Необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях... и колониях» [18, с. 165].

Итальянская коммунистическая партия вместе со всем мировым коммунистическим движением высоко оценила на международных Совещаниях коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 гг. всемирно-историческое значение успехов борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. На проходивших в послевоенный период съездах партии и пленумах ЦК неоднократно подчеркивалось огромное значение освободительного движения как важной составной части мирового революционного процесса. Так, на X съезде ИКП (1962 г.) П. Тольятти указал на большое значение «широкого и мощного движения народов, борющихся за то, чтобы завоевать себе свободу и открыть путь к построению нового общества» [37, т. 2, с. 781].

В декабре 1973 г. на пленуме ЦК ИКП генеральный секретарь ИКП Э. Берлингуэр еще раз подчеркнул: «Коммунисты не могут выступать иначе, как сила, которая видит в пробуждении угнетенных народов великое, позитивное и прогрессивное событие мировой истории, мощный фактор прогресса человеческой цивилизации, а также расширения и дальнейшего развития революционного процесса в мировом масштабе» [389, 19.XII.1973].

После окончания второй мировой войны, когда обсуждалась судьба бывших колоний Италии в Африке, итальянские коммунисты, выступая в принципе за право народов колоний на самоопределение, не исключали возможных переходных решений их судьбы. Но при этом они отвергали намерения имущих классов, стремившихся разрешить внутренние проблемы Италии за счет народов бывших колоний.

Итальянские коммунисты неизменно выступали и выступают против колониализма и неоколониализма, требуя, чтобы в отношении молодых независимых стран Италия проводила курс на равноправное политическое и экономическое сотрудничество, отвергая всякий колониализм. Издания ИКП бескомпромиссно разоблачали и разоблачают все проявления открытой поддержки итальянскими правящими кругами агрессивных антинародных действий колонизаторов в Африке: факты поставки Италией оружия португальским колонизаторам для ведения кровавых войн в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау, поставки самолетов расистам ЮАР, отказ от голосования за применение санкций в отношении расистского режима Смита в Родезии и др. [389, 27.IV.1966]. Компартия решительно раскрывает неоколо-

ниалистскую суть политики Италии в рамках ЕЭС по отношению к «ассоциированным» странам. Требование «отказаться от отношений неокOLONИАЛИСТСКОГО типа с развивающимися странами» остается одним из важнейших требований ИКП.

В послевоенные годы по всем крупным проблемам борьбы угнетенных народов против империализма за национальное и социальное освобождение ИКП неизменно занимала интернационалистские позиции. На конференции коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы в Брюсселе в конце января 1974 г. Э. Берлингуэр высказался за необходимость для стран Западной Европы «занять в отношении арабских стран и в отношении арабского народа Палестины новую позицию — эффективной поддержки прав, признанных резолюциями ООН, и полного равенства как ради справедливости, так и ради защиты своих самых элементарных интересов» [389, 27.I.1974].

Поистине общенациональных масштабов достигла кампания солидарности итальянского пролетариата с борьбой вьетнамского народа против империалистической агрессии, кампания, в организацию и проведение которой Итальянская коммунистическая партия внесла решающий вклад. В ходе кампании солидарности с вьетнамским народом в 1964—1973 гг. в стране было проведено свыше 140 тыс. различных массовых мероприятий, в которых участвовали десятки миллионов итальянцев.

ИКП выступала и выступает за развитие тесного сотрудничества коммунистов с народами, борющимися за национальное и социальное освобождение. При этом, как подчеркивал П. Тольятти в 1964 г., «такие отношения следует устанавливать не только с коммунистическими партиями этих стран, но и со всеми силами, ведущими борьбу за независимость и против империализма, и далее, в меру возможности с правящими кругами тех стран, недавно получивших свободу, в которых существуют прогрессивные правительства» [352, 10.IX.1964]. Цель установления таких отношений состоит, по мнению ИКП, в том, чтобы способствовать успешному прогрессивному развитию народов. Достижение такой цели тем более реально, что объективный ход развития «побуждает эти страны сопротивляться империализму и неокOLONИАЛИСТСКОМУ проникновению, устанавливать связи с социалистическим миром и с прогрессивными силами Запада, искать пути некапиталистического развития в направлении к социализму» [40, с. 29].

Практически претворяя в жизнь эту линию, ИКП уделяет большое внимание развитию отношений сотрудничества с революционно-демократическими силами Алжира, Сирии, Ирака и других стран. Тем самым итальянские коммунисты вносят свой вклад в дело содействия борьбе народов освободившихся стран за прогрессивное развитие, национальное и социальное возрождение, за социалистическую ориентацию.

В развитии колониальной политики Италии можно выделить следующие основные этапы, связанные с определенными социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в этой стране, а также в мире в целом.

Первый этап — с начала 80-х годов XIX в. до 1896 г. — связан с завершением домонополистической стадии развития итальянского капитализма и резким усилением борьбы крупнейших капиталистических держав, вступивших в стадию империализма, за раздел мира. На этом этапе в проведении колониальной политики были заинтересованы те слои итальянской буржуазии, которые действовали в судостроении, мореплавании, металлургии, некоторых отраслях текстильной промышленности, а также крупные землевладельцы Юга, часть финансовой олигархии и военщины. Вместе с тем влиятельные круги буржуазии Севера, особенно связанной с новыми отраслями промышленности, выступали (хотя и непоследовательно) против дорогостоящих колониальных авантюр.

Зародившееся в Италии проколониальное движение быстро набрало силу. Колониальные притязания сделались важной частью внешнеполитических планов и деятельности итальянских правительств. Наиболее значительными вехами были захват Асэба, оккупация Массая и других районов на побережье Красного моря, создание колонии Эритреи, начало экспансии в глубь Африканского континента, а затем и утверждение Италии на сомалийском побережье. Кульминацией этого этапа стала захватническая война 1894—1896 гг. против Эфиопии, которая, по замыслу правящих кругов Италии, должна была ликвидировать Эфиопию как независимое государство, обеспечив фактический контроль Италии над всей Северо-Восточной Африкой. Разгром народами Эфиопии итальянских войск в битве при Адуа (март 1896 г.) приостановил активную колониальную экспансию Италии в этом районе.

Второй этап охватывает 1911—1919 гг. В это время итальянский капитализм, достигший империалистической стадии, принял участие в борьбе за раздел Османской империи, выступил одним из инициаторов территориального передела мира, открыто предъявив претензии как на ряд европейских территорий, входивших в состав Австро-Венгерской империи, так и на

колониальные владения Англии и Франции. Именно стремление захватить новые колонии явилось одним из основных побудительных мотивов для вступления Италии в первую мировую войну на стороне Антанты. Грандиозные планы колониальных приобретений в Африке, разработанные наиболее шовинистическими, колониалистскими силами итальянских правящих кругов, составляли наряду с балканскими и ближневосточными притязаниями комплекс империалистических интересов итальянских имущих классов, ради удовлетворения которых итальянский народ был втянут в первую мировую войну.

На этом этапе (что особенно отчетливо проявилось в период итало-турецкой войны) колониальная политика нашла поддержку всех основных сил итальянского крупного капитала, при этом ведущую роль играл банковский капитал.

Хронологические рамки третьего этапа условно можно обозначить 1922—1943 гг., когда колониальную политику итальянского империализма проводило фашистское государство. В фашистской Италии, где ведущую роль стал играть промышленный капитал, крупнейшие монополисты — Аньелли, Пирелли, Фальк, Чини и другие — вместе с высшими чинами фашистской партийной и государственной бюрократии явились основной движущей силой захватнической политики Италии.

Характер фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов итальянского финансового капитала отразился и на его способах борьбы за колонии. Фашизм использовал широкий арсенал форм и методов: от мирного «выпрашивания» колоний у правящих кругов Англии и Франции до шантажа правительств этих держав, от попыток мирного внедрения в ряд районов и стран Средиземноморья (Турцию, Палестину и др.), Йемен, Эфиопию (20-е годы) до варварского покорения народов Триполитании, Киренаики и Сомали, ранее лишь номинально являвшихся колониями Италии, до кровавой войны 1935—1941 гг. против народов Эфиопии и попыток захватить вооруженным путем Египет, Судан, Британское Сомали и Кению в ходе второй мировой войны.

Усиление государственно-монополистических процессов в итальянском империализме в 30-х годах использовалось правящими кругами фашистской Италии для форсирования агрессивного курса итальянской внешней политики, для подготовки и развязывания захватнических войн. Первая война такого рода — колониальная агрессия против Эфиопии, в свою очередь, стимулировала развитие государственно-монополистических черт в итальянском империализме. Формируясь под значительным воздействием колониальной войны, итальянский государственно-монополистический капитал толкал страну к новым авантюрам, к новым захватам. Именно расчеты добиться удовлетворения колониальных притязаний итальянского империализма за счет

владений Англии и Франции явились одним из важнейших стимулов вступления Италии во вторую мировую войну на стороне Германии.

Конец этого этапа, ознаменовавшийся началом полного крушения недолговечной итальянской колониальной империи под ударами освободительной борьбы народов, был началом заката итальянского фашистского режима.

На четвертом этапе, начавшемся после второй мировой войны, в политике итальянского империализма стали утверждаться формы и методы неокOLONиализма. Ключевая роль в осуществлении политики неокOLONиализма принадлежит государству и крупным государственным предприятиям (ЭНИ, ИРИ и т. п.). Проводимый ими комплекс мероприятий отражает как ближайшие, так и перспективные цели итальянского государственно-монополистического капитала.

Важная особенность борьбы итальянского империализма за колонии на всех этапах состояла в том, что реализация колониальных притязаний в значительной (а порою даже в решающей) степени зависела не только от расстановки сил внутри Италии, но и от международных факторов, от позиции других империалистических держав. В 80—90-х годах XIX в., когда великие державы активно делили мир, недавно воссоединившаяся, слабая в финансово-экономическом отношении Италия, различные слои имущих классов которой занимали неоднозначные позиции по вопросу о целесообразности осуществления в то время колониальных захватов, могла позволить себе на поприще колониальной политики лишь то, что не вызывало серьезного противодействия великих держав.

В XX в. каждый шаг по пути новых колониальных приобретений предпринимался итальянским «империализмом бедняков» не иначе, как с учетом позиции других империалистических держав, а то и по прямому согласованию с ними. Это в полной мере относится к действиям правительств дофашистской Италии. Это же, хотя и в меньшей степени, характеризовало политику фашистского правительства, которое, будучи вообще склонно к более решительным, авторитарным методам, проявляло большую самостоятельность и настойчивость в вопросах колониальной политики (как это было, в частности, в период подготовки агрессии против Эфиопии в середине 30-х годов). Тем не менее и оно, особенно в первое десятилетие существования фашистского режима, действовало не иначе, как с согласия более крупных империалистических держав.

При этом правящие круги Италии обычно выделяли ту из великих держав, которая в силу объективного хода событий могла стать покровителем или пособником их колониальных устремлений. В 80—90-х годах прошлого века ориентация на Англию позволила Италии развернуть экспансию в Северо-Восточной Африке. В годы первой мировой войны выдвижение

итальянскими правящими кругами таких условий вступления Италии в войну на стороне Антанты, которые устраивали Лондон, сделало на определенном этапе британское правительство союзником Рима в воздействии на Париж и Петроград. В первой половине 20-х годов курс на сотрудничество с Англией позволил правительству фашистской Италии добиться расширения территории ее колонии в Сомали, изменения границы Киренаики с Египтом в пользу итальянской колонии, заключения англо-итальянского соглашения (1925 г.), фактически санкционировавшего возобновление итальянской активности в Эфиопии.

В середине 30-х годов сговор с профашистски настроенными силами правящих кругов Франции позволил фашистской Италии в относительно благоприятных международных условиях развернуть агрессию против Эфиопии. С конца 30-х годов итальянский фашизм связал осуществление своих захватнических планов с сотрудничеством с фашистской Германией.

В истории мирового колониализма одну из самых кровавых страниц занимает история именно итальянского колониализма. Практически ни одна итальянская колония не создавалась без жестоких кровопролитий. Внедрение Италии на Африканский континент было отмечено такими событиями, как военные действия итальянских войск в 1885—1887 гг. и война 1894—1896 гг. против народов Эфиопии, серия вооруженных вторжений в Судан и карательных операций против сомалийцев в 90-х годах XIX в., итало-турецкая война 1911—1912 гг. и последующие репрессии в отношении населения Триполитании и Киренаики. Фашизм продолжил и приумножил самые жестокие колониальные традиции «либеральных» итальянских правительств. Восстановление в результате репрессий «эффективного контроля» фашистских властей над Сомали, кровавое «умиротворение» Ливии, война 1935—1941 гг. против народов Эфиопии, военные действия в Египте, Судане, Кении — таковы основные вехи деяний итальянского фашизма в Африке. Прямой результат этой каннибальской поступи итальянского империализма — огромный ущерб, нанесенный африканским народам. Лишь «умиротворение» Ливии в 20—30-х годах и агрессия против Эфиопии в 1935—1941 гг. унесли почти миллион человеческих жизней у народов этих двух стран.

Устанавливая систему прямого управления в своих колониях, итальянский империализм лишал народы колоний каких бы то ни было социально-экономических и политических прав. Итальянская колониальная политика тормозила развитие производительных сил, консервировала отсталые феодальные и дофеодальные отношения в странах Северо-Восточной Африки и в Ливии, мешала социальному, экономическому и культурному прогрессу народов этих стран.

Итальянский империализм своей политикой создал в Северо-Восточной Африке (а отчасти и в Северной Африке) такие острые политические, территориальные и национальные проблемы, которые до сих пор серьезно осложняли жизнь народов этой части Африки. Нарушение территориальной целостности Эфиопии, отторжение Эритреи, разжигание эритрейского сепаратизма — таково лишь одно из последствий политики итальянского колониализма. Натравливанием одних народов на другие (жителей Эритреи и сомалийцев на амхарцев и галла, многочисленных народов Эфиопии друг на друга и на их соседей, мусульман на христиан), использованием «туземных частей», укомплектованных представителями одних народностей, для борьбы против частей, составленных из представителей других народностей, итальянские колонизаторы сеяли и разжигали вражду между африканскими народами, роковые последствия которой дают себя знать до сих пор.

Колониальная политика итальянского империализма имела крайне отрицательные последствия и для народа Италии. Каждое крупное колониальное предприятие итальянских правящих кругов несло итальянскому народу большие человеческие и огромные материальные жертвы, отвлекало средства от внутренних нужд, от использования их для решения неотложных проблем социально-экономического развития самой Италии. Даже временные успехи в осуществлении колониальных авантур, предпринимавшихся правящими кругами, вели, как правило, к усилению реакционных сил в самой Италии. Итало-турецкая война способствовала перерождению итальянского либерализма, усилению позиций реакционных и националистических сил, росту шовинизма в стране. Успехи, одержанные фашистскими войсками в Эфиопии в 1935—1936 гг., содействовали на короткое время укреплению и стабилизации фашистского режима, разгулу шовинизма в Италии.

Неудачи и поражения итальянских правящих кругов на почве колониальной политики вследствие борьбы африканских народов вызывали, как правило, активизацию демократических и революционных сил и ослабление позиций крайней реакции в самой Италии. Поражение итальянских колонизаторов при Адуа привело к взрыву массового недовольства захватнической политикой правящих кругов, усилению борьбы трудящихся против репрессивных, диктаторских методов правления итальянской буржуазии, к отстранению от власти наиболее реакционных, антинародных сил имущих классов Италии.

Крупные колониальные предприятия итальянского империализма оказывали негативное влияние на развитие международных отношений в мире. Итало-турецкая война явилась одним из предвестников первой мировой войны. Подготовка, а затем развязывание войны против Эфиопии способствовали в середине 30-х годов росту агрессивности фашистских сил в Европе; вой-

на против Эфиопии стала одной из крупных вех на пути стягивания человечества во вторую мировую войну.

После второй мировой войны в условиях обострения борьбы двух противоположных социальных систем, крушения, а затем слома колониальной системы империализма итальянский империализм перешел к использованию методов неокOLONиализма. Итальянский неокOLONиализм (подобно другим видам неокOLONиализма) решает двуединую задачу: обеспечения экономических интересов итальянского государственно-монополистического капитализма и удержания развивающихся стран в сфере влияния мировой капиталистической системы путем стимулирования их развития по капиталистическому пути.

Становление итальянского неокOLONиализма в Африке происходило раньше, чем утверждение на этом континенте неокOLONиализма таких старых колониальных держав, как Англия и Франция. Лишившаяся колоний империалистическая Италия уже с начала 50-х годов приступила к активным поискам путей проникновения в колонии других держав, а также в освобожденные от колониального гнета страны. Не располагая финансово-экономическими возможностями таких стран, как США, Англия, Франция, итальянский империализм сосредоточил свое основное внимание на тех сферах экономической деятельности в развивающихся странах, в которых он либо особенно заинтересован (поиск и добыча нефти и газа, нефтепереработка), либо имеет сильные позиции (деятельность ФИАТа), либо располагает большим опытом и квалифицированными кадрами (гидромелиорация, различные строительные работы). Объектами неокOLONиалистской политики Италии стали не только ее бывшие колонии, но и многие другие страны Африки, ряд стран Ближнего Востока, Латинской Америки.

Важное место в общей системе неокOLONиалистской политики итальянского империализма занимает идеологическая деятельность. Среди основных линий этой деятельности выделяются две: ярый антикоммунизм и пропаганда мнимого «антиколониализма нефашистской, демократической Италии», являющейся якобы «традиционным, искренним другом африканских народов».

Общность интересов итальянских трудящихся с народами колоний и зависимых стран в борьбе против итальянского колониализма и неокOLONиализма побуждала итальянский рабочий класс и его политический авангард — Коммунистическую партию — вести бескомпромиссную борьбу против колониальных авантюров итальянского империализма, в защиту прав африканских народов и независимости молодых освободившихся стран.

1. Труды основоположников марксизма-ленинизма*

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— Т. 9.
3. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Т. 9.
4. Маркс К. Сардиния.— Т. 12.
5. Маркс К. Сицилия и сицилийцы.— Т. 15.
6. Маркс К. Капитал. Т. I.— Т. 23.
7. Маркс К. Людвигу Кугельману, 29 ноября 1869 г.— Т. 32.
8. Энгельс Ф. Об итальянской панаме.— Т. 22.
9. Энгельс Ф. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1893 года.— Т. 22.
10. Энгельс Ф. Будущая итальянская революция и социалистическая партия.— Т. 22.
11. Энгельс Ф. Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г.— Т. 35.
12. Ленин В. И. Съезд итальянских социалистов.— Т. 21.
13. Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией.— Т. 22.
14. Ленин В. И. Империализм и социализм в Италии.— Т. 27.
15. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
16. Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.
17. Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая).— Т. 31.
18. Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41.
19. Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии.— Т. 41.
20. Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г. Речь по итальянскому вопросу.— Т. 44.

II. Документы и материалы КПСС, международного коммунистического движения, Итальянской компартии, труды руководителей ИКП

21. XX съезд КПСС. М., 1956.
22. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
23. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
24. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
25. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
26. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975.
27. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М., 1964.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

28. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969.
29. Положение в Италии и задачи Коммунистической партии Италии (Тезисы Лионского съезда).— Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов. М., 1953.
30. Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М., 1957.
31. IX съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1960.
32. X съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1963.
33. XI съезд Итальянской коммунистической партии (Рим, 25—31 января 1966 г.). М., 1966.
34. XIII съезд Итальянской коммунистической партии (Милан, 13—17 марта 1972 г.). М., 1973.
35. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. М., 1957—1959.
36. Лонго Л. Избранные статьи и речи. М., 1975.
37. Тольятти П. Избранные статьи и речи. Т. 1—2. М., 1965.
38. Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974.
39. XII Congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1969.
40. XIII Congresso del PCI. Testi e documenti preparatori. Roma, 1972.
41. XIV Congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1975.
42. Berlinguer E. La «questione comunista» 1969—1975. Vol. 1—2. Roma, 1975.
43. Berlinguer E. La politica internazionale dei comunisti italiani. Roma, 1976.
44. Gramsci A. Il Risorgimento. Torino, 1966.
45. Togliatti P. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963.

III. Источники

46. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Фонды № 494 и 513.
47. Документы внешней политики СССР. Т. 18, 19. М., 1973—1974.
48. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства, 1878—1917. Серия 2-я. Л., 1938—1939.
49. Петиция населения подопечного Сомали в Совет по опеке ООН (1951—1957 гг.).
50. Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952.
51. Adowa Day. Published by the Ministry of Information and National Guidance. Addis Ababa, 1977.
52. Atti del I Convegno economico africano. Milano, 26—28 aprile 1952.
53. Atti della giornata dell'economia italo africana (II Convegno). Milano, 24 aprile 1953.
54. Atti del III Convegno economico italo africano. Milano, 26—27 aprile 1954.
55. Atti del IV Convegno economico italo africano. Milano, 27—28 aprile 1955.
56. Atti del V Convegno economico italo africano. Milano, 24—25 aprile 1956.
57. Atti del VI Convegno economico italo africano. Milano, 27—29 aprile 1957.
58. Atti del VII Convegno italo africano. Milano, 27—28 aprile 1958.
59. Atti del VIII Convegno italo africano. Milano, 27—29 aprile 1959.
60. Atti del IX Convegno italo africano. Milano, 27—29 aprile 1960.
61. Atti del X Convegno italo africano. Milano, 27—29 aprile 1961.
62. Atti del XI Convegno italo africano. Milano, 27—29 aprile 1962.
63. Atti del XII Convegno economico italo africano. Milano, 25—26 aprile 1963.
64. Atti del XIII Convegno economico italo africano. Milano, 24—25 aprile 1964.

65. Atti del XIV Convegno economico italo africano. Milano, 23--24 aprile 1965.
66. Atti del XV Convegno economico italo africano. Milano, 22--23 aprile 1966.
67. Atti del XVI Convegno economico italo africano. Milano, 21--22 aprile 1967.
68. Atti del Convegno per la collaborazione economica con i Paesi africani. Bari, 8--9 settembre 1957.—«Africa». 1957, № 1—4.
69. Atti del II Convegno sui rapporti economici e commerciali con il continente africano (18--19 settembre 1958).—«Africa». 1958, № 5.
70. Atti del V Convegno sui rapporti economici e commerciali con il continente africano. Bari. 14--15 settembre 1961.—«Africa». 1961, № 5.
71. Atti del VIII Convegno sui rapporti economici con il continente africano (30--31 settembre 1964).—«Africa». 1964, № 6.
72. Atti parlamentari. Camera dei deputati. Documenti diplomatici presentati alla Camera dal ministro degli Affari esteri (Mancini). Assab. Roma, 1882.
73. Atti parlamentari. Camera dei deputati. Documenti diplomatici presentati al parlamento italiano dal presidente del Consiglio, ministro ad interim degli Affari esteri (Crispi). Etiopia. Serie 1. Roma, 1890.
74. Atti parlamentari. Camera dei deputati. Documenti diplomatici presentati al parlamento italiano... Etiopia. Serie 2. Roma, 1890.
75. Atti parlamentari. Camera dei deputati. Documenti presentati al parlamento italiano dal ministro degli Affari esteri (Blanc). Somalia italiana (1885—1895). Roma, 1895.
76. Atti parlamentari. Camera dei deputati, № XXIII... Avvenimenti d'Africa. Roma, 1896.
77. Atti parlamentari. Camera dei deputati, № XXIII bis... Avvenimenti d'Africa. Roma, 1896.
78. Atti parlamentari. Camera dei deputati, № XXIII ter... Avvenimenti d'Africa. Roma, 1896.
79. British and Foreign State Papers. Vol. 68, 75, 76, 77, 81, 83, 86, 87, 124, 129, 139.
80. British Documents on the Origins of the War, 1898—1914. Vol. 1—10. L., 1927—1938.
81. La Civilisation de l'Italie fasciste en Ethiopie. T. 1. Addis Abeba, 1946.
82. Confederazione fascista degli industriali.—«l'industria in AOI. Roma, anno XVII.
83. Conferimento di terre etiopiche ai combattenti (regio decreto-legge 19.XII.1936). Roma, 1937.
84. Correspondence between Great Britain, Egypt, Italy and Turkey Respecting to Assab Bay (1880—1882).—British and Foreign State Papers. Vol. 73, 1889.
85. Correspondence Respecting Mr. Portal's Mission to Abyssinia. L., 1884.
86. Correspondence Respecting Ports in the Red Sea and the Gulf of Aden and the Province of Harrar. L., 1885.
87. Documenti diplomatici italiani. (Ministero degli Affari esteri. Commissione per la pubblicazione dei documenti diplomatici). Serie 7. Vol. 1—7 (31.X.1922—14.IV.1930). Roma, 1953—1970.
88. Documents diplomatiques français, 1871—1914. (Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914). 1 série. T. 1—14. P., 1929—1957.
89. Documents diplomatiques français, 1932—1939. (Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1935—1945). 2 série. T. 1—2. P., 1963—1964.
90. Duprey A. G. De l'invasion à la libération de l'Ethiopie. Vol. 1. P., 1955.
91. Eritrea Then and Now. Ministry of Foreign Affairs, Press and Information Department. Addis Ababa, 1976.
92. The Ethiopian Revolution and the Problem in Eritrea. Ethiopian Revolution Information Center. Addis Ababa, 1977.

93. Governo generale AOI. Stato maggiore. Ufficio Storico— Il primo anno dell'impero.
  - a) Vol. 1. Testo. Addis Abeba, 1937.
  - b) Allegati al primo volume. Addis Abeba, 1937.
  - b) Vol. 2. Testo. Addis Abeba, 1938.
  - r) Allegati al secondo volume. Addis Abeba, 1938.
94. Guébré Sélassié. Chronique du règne de Ménélik II, roi des rois d'Ethiopie. T. I—II. P., 1930—1931.
95. Hertslet Ed. The Map of Africa by Treaty, vol. 1—3. L., 1909.
96. L'Impero (AOI). Studi e documenti raccolti e ordinati da Tomaso Siftani. Roma, 1937.
97. L'industria in AOI. Roma, anno XVII.
98. Investimenti del capitale italiano in Etiopia. Roma, 1946.
99. L'Italia in Africa. Serie storica. Vol. 1. Etiopia—Mar Rosso. T. 2—3. Roma, 1959—1960.
100. L'Italia in Africa. Serie storica. Oceano Indiano. T. 2—3. Roma, 1967—1968.
101. L'Italia in Africa. La politica coloniale dell'Italia negli atti, documenti e discussioni parlamentari. Roma, 1965.
102. L'Italia in Africa. Serie storico-militare. Vol. 2. L'opera della Marina. Roma, 1959.
103. L'Italia in Africa. Serie storico-militare. Vol. 3. L'opera dell'aeronautica. T. II.—Eritrea, Somalia e Etiopia (1919—1937). Roma, 1965.
104. L'Italia in Africa. Serie giuridico-amministrativa.— Il governo dei territori oltremare. Roma, 1960.
105. Ministero dell'Africa Italiana.— Decreti governativi per l'attuazione degli ordinamenti giudiziari. Roma, [s. a.].
106. Mussolini B. Opera omnia di B. Mussolini. Vol. 5, 13, 14, 17, 23, 27, 34. Firenze, 1953—1961.
107. Mussolini B. Politica estera. Roma, 1940.
108. Mussolini B. Scritti e discorsi di B. Mussolini. Vol. 5, 6, 8, 10. Milano, 1927—1936.
- 108a. Mussolini B. Scritti e discorsi dell'impero. Milano, 1936.
109. The National Revolutionary War in the North. Published by the Ministry of Information and National Guidance. Addis Ababa, 1978.
110. Ordinamento dell'Africa Orientale Italiana. Regio decreto-legge 1 giugno 1936. Roma, 1936.
111. Panorami di realizzazioni del fascismo. Pagine di documentazione sulla conquista dell'Impero e sull'ordinamento dell'Africa Italiana. Roma, 1942.
112. Rochat G. La missione Malladra e la responsabilità della preparazione militare in Africa Orientale nel 1926.— «Il Resorgimento». 1970, № 3.
113. Rochat G. Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia. Studio e documenti. Milano, 1971.
114. Rochat G. Il colonialismo italiano. Torino, 1973.
115. Rochat G. La repressione della resistenza araba in Cirenaica nel 1930—1931 nei documenti dell'archivio Graziani.— Il movimento di liberazione in Italia, gennaio-marzo 1973.
116. Rochat G. L'attentato a Graziani e la repressione italiana in Etiopia nel 1936—37.— «Italia contemporanea». 1975, № 118.
117. Rossetti C. Storia diplomatica dell'Etiopia durante il regno di Ménélik II. Trattati, accordi... ed altri documenti relativi all'Etiopia. Torino, 1910.
118. Senato del Regno. Discorso del senatore Claudio Faina pronunciato nella seduta del 13 maggio 1937. Roma, 1937.
119. Il Sesto Convegno sui rapporti economici con il continente africano. Bari, 21—23 settembre 1962.— «Africa». 1962, № 5.
120. Il Settimo Convegno sui rapporti economici con il continente africano.— «Africa». 1964, № 1.
121. Somalia. Vol. 1. Dalle origini al 1914. Roma, 1938.
122. Statistica mensile del commercio con l'estero. Roma, 1950—1965.

123. Il Terzo Convegno sui rapporti economici e commerciali con il continente africano (18—19 settembre 1959).—«Africa». 1959, № 5—6.
124. Toscano M. Eden a Roma alla vigilia del conflitto italo-etiopeo (con documenti inediti).—«Nuova Antologia». Vol. 478, 1960, gen.-marzo.
125. Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all'Africa, 1825—1906. Vol. 1—3. Roma, 1906.
126. Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all'Africa, 1884—1908. Supplemento alla raccolta. Roma, 1909.
127. Victory Day. Published by the Ministry of Information and National Guidance. Addis Ababa, 1977.
128. Z a g h i C. P. S. Mancini, l'Africa e il problema del Mediterraneo, 1884—1885. (Con documenti inediti). Roma, 1955.

IV. Мемуары, дневники

130. Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
131. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960.
132. Aloisi P. Journal (25 juillet 1932—14 juin 1936). P., 1957.
133. Armellini Q. Con Badoglio in Etiopia. Milano, 1937.
134. Badoglio P. Le guerra d'Etiopia. Milano, 1937.
135. Baratieri O. Memorie d'Africa (1892—1896). Torino, 1898.
136. Ciano G. Diario. 1937—1938. Bologna, 1948.
137. Ciano G. Diario. 1939—43. Vol. 1—2. Milano, 1963.
138. Crispi F. La prima guerra d'Africa. Documenti e memorie a cura di T. Palamenghi-Crispi. Milano, 1939.
139. De Bono E. La preparazione e le prime operazioni. Roma, 1937.
140. Eden A. (The Earl of Avon). The Eden memoirs. Vol. 1. Facing the Dictators. L., 1962.
141. Gazzera P. Guerra senza speranza. Galla e Sidamo (1940—1941). [Roma], 1952.
142. Giolitti G. Dalle carte di G. Giolitti. Quarant'anni di politica italiana. Vol. 2. Dieci anni al potere. 1901—1909. Milano, 1962; Vol. 3. Dai prodromi della grande guerra al fascismo. 1910—1928. Milano, 1962.
143. Giolitti G. Memorie della mia vita. Milano, 1967.
144. Graziani R. Pace romana in Libia. Milano, 1937.
145. Graziani R. Il fronte sud. Milano, 1938.
146. Guariglia R. Ricordi. 1922—1946. Napoli, 1950.
147. Lagardelle H. Mission à Rome. Mussolini. P., 1955.
148. Lessona A. Memorie. Roma, 1963.
149. Portal G. My Mission to Abyssinia. L., 1892.
150. Salimbeni A. Crispi e Menelich nel diario inedito del conte A. Salimbeni con prefazione, introduzione, note e appendici a cura di Carlo Zaghi. Torino, 1956.

V. Литература

151. Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. М.—Л., 1936.
152. Авербух Р. А. Италия в первой и второй мировых войнах. М.—Л., 1946.
153. Агеев Н. А. Особенности итальянского неокOLONIALИЗМА.—Империализм и развивающиеся страны. Л., 1972.
154. Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.
155. Аршаруни Н. А. Иностранный капитал в Ливии (1911—1967). М., 1970.
156. Баргницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976.
157. Бондаревский Г. Л. Борьба за Триполитанию и Киренаику на рубеже XIX—XX вв.—Колониализм вчера и сегодня. М., 1964.

158. Борьба за Северо-Восточную Африку. Материалы и карты. М., 1936.
159. Брутенц К. Н. Новая форма порабощения народов. М., 1969.
160. Брутенц К. Н. Неоколониализм и его социально-экономическая сущность.— «Коммунист». 1970, № 4.
161. Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
162. Васин И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX века). М., 1974.
163. Вобликов Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение национальной независимости. М., 1961.
164. Вишнев С. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946.
165. Гафуров Б. Г. Октябрьская революция и национально-освободительное движение. М., 1967.
166. Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.
167. Елец Ю. Л. Император Менелик и война его с Италией. СПб., 1898.
168. Ефимов С. Е. Проникновение итальянских монополий в слаборазвитые страны Азии и Африки.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 2.
169. Зарубежный Восток и современность. Т. 1—2. М., 1973.
170. Иваницкий М. Н. Путь к независимости. Из истории решения вопроса о судьбе бывших итальянских колоний (1945—1950). Киев, 1962.
171. Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918—1939). М., 1971.
172. Искендеров А. А. Национально-освободительное движение. Проблемы, закономерности, перспективы. М., 1970.
173. История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 2. Накануне войны. М., 1974.
174. История дипломатии. Т. 1—5. М., 1959—1974.
175. История Италии. Т. 1—3. М., 1970—1971.
- 175а. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время. М., 1978.
176. Италия. М., 1973.
177. Ким Г. Ф., Кауфман А. С. Ленинизм и национально-освободительное движение. М., 1969.
178. Кирова К. Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). М., 1973.
179. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1—3. М., 1967—1968.
180. Козлов В. С. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. (канд. дисс.). М., 1950.
181. Колониализм: история и современность. М., 1968.
182. Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М., 1970.
183. Корсун Н. Г. Итало-абиссинская война 1935—1936 гг. М., 1939.
184. Ксиландер Р. Завоевание Абиссинии в 1935—1936 гг. М., 1941.
185. Левин И. Д. Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы. М.—Л., 1936.
186. Ли В. Ф. Стратегия и политика неоколониализма США. М., 1971.
187. Лисовский П. А. Война в Африке. М., 1935.
188. Лисовский П. А. Итало-абиссинский конфликт. М.—Л., 1935.
189. Лисовский П. А. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.—Л., 1936.
190. Лолухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.
191. Макеев Д. А. Советско-эфиопские отношения в 20—30-е годы.— «Народы Азии и Африки». 1975, № 5.
192. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. Т. 1. Века неравной борьбы. М., 1967; Т. 2. Пробуждение угнетенных. М., 1967; Т. 3. На новом пути. М., 1968.
193. Неоколониализм и Африка в 70-х годах. М., 1975.
194. Нинин В. Эритрея. М., 1952.
195. Новейшая история Африки. М., 1968.

196. Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.
197. Очерки истории Италии. М., 1959.
198. Покровский А. Н. Путь развития монополистического капитала в Италии.— МЭиМО. 1969, № 3.
199. Покровский А. Н. Италия: современные тенденции в экономике. М., 1970.
200. Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. 1—2. М., 1975.
201. Попов В. Т. Разгром итальянцев под Адуа. М., 1938.
202. Промышленные монополии Италии. М., 1951.
203. Протопопов А. С. Внешняя политика Италии после второй мировой войны. М., 1963.
204. Прошин Н. И. История Ливии (конец XIX в.— 1969 г.). М., 1975.
205. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
206. Райт М. В. Эфиопия.— История Африки в XIX—начале XX в. М., 1967.
207. Райт М. В. Сомалийцы.— «Советская этнография». 1959, № 1.
208. Райт М. В. Советский Союз и борьба народов Эфиопии против итальянской агрессии.— Основные проблемы африканистики. М., 1973.
209. Симон А., Уотерфилд Г., Моруа А., Жеро А. (Пертинакс), Ромэн Ж. О тех, кто предал Францию. М., 1941.
210. Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974.
211. Слободской С. М. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946.
212. Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969.
213. Стегарь С. А. Мюнхенская политика французского правительства в Европе и ее провал.— Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института. М., 1964.
214. Тимофеев Н. Итальянские монополии в Африке.— МЭиМО. 1961, № 3.
215. Тимофеев Н. Итальянские монополии в Африке.— «Азия и Африка сегодня». 1963, № 2.
216. Трофимов В. А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке. М., 1962.
217. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939). М., 1962.
218. Трухановский В. Г. Антони Иден. М., 1974.
219. Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.
220. Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.
221. Хазанов А. М. Сомалийская республика. М., 1961.
222. Хвостов В. М. Начало итальянской колониальной экспансии и первая итало-абиссинская война 1895—96 годов.— «Историк-марксист». 1935, № 12 (52).
223. Чураков В. П. Государственно-монополистический капитал в Италии. М., 1960.
224. Шерр Е. С. Сомали в борьбе за социалистическую ориентацию. М., 1974.
225. Ягья В. С. Эфиопия в 1941—1954 годах. М., 1969.
226. Ягья В. С. Внешнеполитические факторы развития Эфиопии в новейшее время.— «Вопросы истории». 1972, № 4.
227. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
228. Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М., 1967.
229. L'Afrique et l'Italie.— «Marchés tropicaux et méditerranéens». Numéro spécial, № 942, 30.XI.1963.
230. Albrecht-Carrié R. Italy at the Paris Peace Conference. Hamden. 1966.
231. Angiolini A. Socialismo e socialisti in Italia. Roma, 1966.
232. Ardan G. Francesco Crispi. Milano, 1939.
233. Askew W. C. The Secret Agreement Between France and Italy on Ethio-

- pia. January 1935.—«The Journal of Modern History». Vol. XXV, № 1, 1953.
234. Attuoni P. I confini della Somalia e le loro vicende.—«Bolettino della Società geografica italiana». Roma, 1953, № 2.
235. Ausiello A. La politica italiana in Libia. Roma, 1939.
236. Baer G. W. Coming of the Italian-Ethiopian War. Cambridge, 1967.
237. Barker A. J. The Civilizing Mission. The Italo-Ethiopian War 1935—1936. L., 1968.
238. Battaglia R. La prima guerra d'Africa. Torino, 1958.
239. Bianchi G. Rivelazioni sul conflitto italo-etiopeico. Milano, 1967.
240. Brice H. The United States and the Italo-Ethiopian Crisis. Stanford, 1964.
241. Caizzi B. Storia dell'industria italiana dal XVIII secolo ai giorni nostri. Torino, 1965.
242. Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928). Bari, 1969.
243. Casadio A. F. ed altri. Aspetti e problemi dell'Africa d'oggi. Roma, 1959.
244. Catalano Fr. L'Italia dalla dittatura alla democrazia — 1919—1948. Vol. 1. Milano, 1962.
245. Catalano Fr. L'economia italiana di guerra. La politica economico-finanziaria del fascismo dalla guerra d'Etiopia all caduta del regime. 1935—1943. Milano, 1969.
246. Ciasca R. Storia coloniale dell'Italia contemporanea. Da Assab all'impero. Milano, 1940.
247. Ciasca R. Il problema coloniale italiano da Assab ad oggi. Torino, 1954.
248. Cilibrizzi S. Storia parlamentare politica e diplomatica d'Italia. Vol. 2—6. Roma, [6. r.].
249. Conti Rossini C. Italia ed Etiopia dal trattato d'Ucciali alla battaglia di Adua. Roma, 1935.
250. Cora G. Un diplomatico durante l'era fascista.—Storia e politica. № 1, 1966.
251. Costanzo G. La politica italiana per l'Africa Orientale. Vol. 1. Roma, 1957.
252. D'Agostino Orsini di Camerota P. Gli ordinamenti fondamentali dell'Africa Orientale Italiana. Roma, 1937.
253. D'Agostino Orsini di Camerota P. I problemi economici dell'Africa oggi e l'Europa. Roma, 1961.
254. Deakin F. W. The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. N. Y., 1966.
255. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883—1920. Torino, 1965.
256. De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. 1—2. Torino, 1966, 1968.
257. De Felice R. Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso, 1929—1936. Torino, 1974.
258. De Negri E. Produzione e commercio delle materie prime nelle nostre colonie, con particolare riferimento alla Abissinia. Roma, 1937.
259. Del Boca A. La guerra d'Abissinia, 1935—1941. Milano, 1965.
260. Del Piano L. La penetrazione italiana in Tunisia (1861—1881). Padova, 1964.
261. Degl'Innocenti M.—Il socialismo italiano e la guerra di Libia. Roma, 1976.
262. Diel L. AOI, cantiere d'Italia. Roma, 1938.
263. Deschamps H., Decary R., Menard A. Côtes des Somalis.—Réunion.—Indes. P., 1948.
264. Duprey A. G. De l'invasion a la libération de l'Ethiopie. Vol. 1. P., 1955.
265. Erra E. L'interpretazione del fascismo nel problema storico italiano. Roma, 1971.
266. The Ethiopian Crisis. Touchstone of Appeasement. Boston, 1961.

267. Fermi L. Mussolini. Milano, 1963.
268. Fonzi F. Crispi e lo Stato di Milano. Milano, 1965.
269. Funke M. Sanktionen und Kanonen. Hitler, Mussolini und der internationale Abessinienkonflikt. 1934—1936. Düsseldorf, 1970.
270. Gallo M. L'Italie de Mussolini: vingt ans de l'ère fasciste. P., 1964.
271. Gallo M. L'affaire d'Ethiopie. Aux origines de la guerre mondiale. P., 1967.
272. Gebre-Egziabeher S. The Patriotic Works of Dejazmatch Aberra Kassa and Ras Abebe Aragaye.—Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1969.
273. Giglio C. L'impresa di Massaua (1884—1885). Roma, 1955.
274. Giglio C. Etiopia.—Mar Rosso (1857—1885).—L'Italia in Africa. Roma, 1959.
275. Giglio C. Colonizzazione e decolonizzazione. Cremona, 1965.
276. Giglio C. Il trattato di pace italo-etiopico del 26 ottobre 1896.—Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1969.
277. Giovana M. L'avventura fascista in Etiopia. Milano, 1976.
278. Greenfield R. Etiopia. A New Political History. L., 1965.
279. Gruppo Vittorio Bottego. Milano, 1966.
280. Hess R. L. Italy and Africa: Colonial Ambitions in the First World War.—«Journal of African History». Vol. IV, 1963, № 1.
281. Hess R. L. Italian colonialism in Somalia. Chicago—London, 1966.
282. Jemolo A. C. Crispi. Firenze, 1970.
283. La Pradelle A., de. Le Conflit italo-éthiopien. P., 1936.
284. Macartney M. H., Cremona P. Italy's Foreign and Colonial Policy. L., 1938.
285. Mack Smith D. Storia d'Italia. Dal 1861 al 1958. Bari, 1965.
286. Malgeri Fr. La guerra libica (1911—1912). Roma, 1970.
287. Maltese P. La terra promessa. La guerra italo-turca e la conquista della Libia, 1911—1912. Milano, 1968.
288. Manieri C. S. I problemi africani nell'evoluzione coloniale. Roma, 1961.
289. Marcus H. G. Imperialism and Expansionism in Ethiopia from 1865 to 1900.—Colonialism in Africa, 1870—1960. Vol. I. The History and Politics of Colonialism 1870—1914. Cambridge, 1969.
290. Melograni P. Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972.
291. Miège J. L. L'impérialisme colonial italien de 1870 à nos jours. P., 1968.
292. Minerbi S. L'Italie et la Palestine 1914—1920. P., 1970.
293. Molinelli R. Per una storia del nazionalismo italiano. Urbino, 1966.
294. Mondaini G. La legislazione coloniale italiana nel suo sviluppo storico e nel suo stato attuale (1881—1940), vol. 2. Milano, 1941.
295. Mori G. La FIAT dalle origini al 1918.—«Critica marxista». 1970, № 6.
296. Mori G. Il capitalismo industriale in Italia. Roma, 1977.
297. Mori R. L'impresa etiopica e le sue ripercussioni internazionali.—La politica estera italiana dal 1914 al 1943. Torino, 1963.
298. Palamenghi-Crispi T. L'Italia coloniale e Francesco Crispi. Milano, 1928.
299. Pankhurst E. S. Ex-Italian Somaliland. L., 1951.
300. Pankhurst E. S. Ethiopia. A Cultural History. L., 1955.
301. Pankhurst R. Fascist Racial Policies in Ethiopia, 1922—1941.—«Ethiopia Observer». 1969, № 12.
302. Pankhurst R. A Chapter in Ethiopia's Commercial History: Developments during the Fascist Occupation, 1936—1941.—«Ethiopia Observer». 1971, № 1.
303. Pankhurst R. Economic Verdict on the Italian Occupation of Ethiopia (1936—1941).—«Ethiopia Observer». 1971, № 1.
304. Pankhurst R. Italian Fascist Claims to the Port of Jibuti, 1935—1941.—«Ethiopia Observer», 1971, № 1.

305. Papini I. Agricoltura indigena e colonizzazione in Eritrea e Somalia.— «Africa». 1947, № 2.
306. Parker R. A. Great Britain, France and the Ethiopian Crisis 1935—1936.— «English Historical Review». № 351, 1974.
307. Perticone G. La politica italiana dal primo al secondo dopoguerra. Milano, 1965.
308. Pesenti A. L'avventura d'Etiopia.— Fascismo e antifascismo (1936—1948). Milano, 1962.
309. Pignatelli L. La guerra dei sette mesi. Milano, 1965.
310. Porcinari C. G. Rapporti Italo-Arabi (1902—1930) dai documenti di Enrico Insabato. [B. m., 6. r.].
311. Premesse al lavoro italiano in Africa. Roma, 1959.
312. Preti L. Impero fascista, africani ed ebrei. Milano, 1968.
313. Prinzi D. La manodopera indigena nella colonizzazione nazionale. Roma, 1938.
314. Prinzi D. Regime fondiario e colonizzazione in Africa Orientale Italiana. Roma, 1938.
- 314a. Procacci G. Il socialismo internazionale e la guerra d'Etiopia. Roma, 1978.
315. Rainero R. I primi tentativi di colonizzazione agricola e di popolamento dell'Eritrea (1890—1895). Roma, 1960.
316. Rainero R. L'anticolonialismo italiano da Assab ad Adua. Milano, 1971.
317. Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Roma, 1967.
318. Rossi E. I padroni del vapore. Bari, 1955.
319. Salata Fr. Il nodo di Gibuti. Storia diplomatica su documenti inediti. Milano, 1939.
320. Salvatorelli L., Mira G. Storia del fascismo. L'Italia dal 1919 al 1945. Roma, 1952.
321. Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1957.
322. Salvemini G. Preludio alla seconda guerra mondiale. Milano, 1967.
323. Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Vol. 1—2. Roma, 1967.
324. Santarelli E. Guerra d'Etiopia, imperialismo e terzo mondo.— «Il movimento di liberazione in Italia». № 97, 1969.
325. Santarelli E. Ricerche sul fascismo. Urbino, 1971.
326. Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974.
327. Sarti R. Fascism and the Industrial Leadership in Italy, 1919—1940. Berkeley, 1971.
328. Schieder W. Fattori dell'imperialismo italiano prima del 1914—1915.— «Storia contemporanea». 1972, № 1.
329. Sechi S. La politica estera e l'imperialismo.— «Rinascita». № 42, 27.X.1972.
330. Sereni E. Capitalismo e mercato nazionale in Italia. Roma, 1966.
331. Serra E. L'intesa mediterranea del 1902. Una fase risolutiva nei rapporti italo-inglesi. Milano, 1957.
332. Simoons F. J. Northwest Ethiopia, Peoples and Economy. Madison, 1960.
333. The Somali Peninsula. A New Light on Imperial Motives. Mogadiscio, 1962.
334. Lo Stato operaio. 1927—1929. Antologia a cura di Fr. Ferri. Vol. 1—2. Roma, 1964.
335. Toscano M. Eden a Roma alla vigilia del conflitto italo-etiope (con documenti inediti).— «Nuova antologia». 1960, gen-apr.
336. Toscano M. Pagine di storia diplomatica contemporanea. Vol. 1. Origini e vicende della prima guerra mondiale. Vol. 2. Origini e vicende della seconda guerra mondiale. Milano, 1963.
337. Trevisani R. Politica economica fascista in Africa Orientale Italiana. Roma, 1937.

338. Uno dei nostri con la resistenza abissina.— «Rinascita». № 19, 7.V.1966.
 339. Vailati V. Badoglio risponde. Milano, 1958.
 340. Vedovato G. Studi africani e asiatici. Vol. 1—3. Firenze, 1964.
 341. Villari L. Storia diplomatica del conflitto Italo-Etiopico. Bologna, 1943.
 342. Vilella G. Italia chiama Africa (Etiopia 1885—1941). Roma, 1968.
 343. Watt D. C. The Secret Laval — Mussolini Agreement of 1935 on Ethiopia.— The Origins of the Second World War. N. Y., 1971.
 344. Welles S. The Time for Decision. L., 1944.
 345. Z a g h i C. La conferenza di Napoli tra l'Italia e l'Inghilterra e la questione di Cassala.— Rassegna di politica internazionale 1936, settembre.
 346. Z a g h i C. Il sultanato di Zanzibar e le origini della Somalia Italiana.— Rivista delle colonie. 1938, dic.
 347. Z a g h i C. Zeila e la mancata occupazione dell'Harar.— Storia e politica internazionale. Milano, 1941, marzo.
 348. Z a g h i C. L'Africa nella coscienza europea e l'imperialismo italiano. Napoli, 1973.

VI. Периодика

349. «Коммунист».
 350. «Мировая экономика и международные отношения» (МЭиМО).
 351. «Народы Азии и Африки».
 352. «Правда».
 353. «Проблемы мира и социализма».
 354. «Africa» («Affrica» — 1947—1957).
 355. «Africa Confidential».
 356. «Agence économique et financière» (AgeFi).
 357. «L'Asie française».
 358. «Il Corriere della sera».
 359. «Costruttori italiani nel mondo».
 360. «Critica marxista».
 361. «English Historical Review».
 362. «Esteri».
 363. «Ethiopia Observer».
 364. «L'Ethiopie d'aujourd'hui».
 365. «Il Globo».
 366. «Italia contemporanea».
 367. «Journal of African History».
 368. «Journal of Modern History».
 369. «Marchés tropicaux et méditerranéens».
 370. «Il Messaggero».
 371. «Middle East Journal».
 372. «Le Monde».
 373. «Mondo economico».
 374. «Il movimento di liberazione in Italia».
 375. «New Times and Ethiopia News».
 376. «Il Popolo».
 377. «Il Popolo d'Italia».
 378. «Relazioni internazionali».
 380. «Rinascita».
 381. «Il Risorgimento».
 382. «Il Sole».
 383. «La Stampa».
 384. «Storia contemporanea».
 385. «Storia e politica».
 386. «Storia illustrata».
 387. «Studi storici».
 388. «Il Tempo».
 389. «L'Unità».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Характерные черты колониальной политики Италии после воссоединения страны (80-е годы XIX в. — начало 20-х годов XX в.)	13
1. У истоков колониальной политики Италии (последняя четверть XIX в.)	13
2. Колониальная политика и колониальные притязания итальянского империализма (до установления в Италии фашистского режима)	47
Глава II. Колониальные притязания и колониальная политика итальянского империализма в первое десятилетие фашистского режима	77
1. Возникновение колониальных концепций и колониальной активности фашизма	78
2. Ориентация на сотрудничество с Великобританией — характерная черта первых колониальных мероприятий итальянского фашизма	84
3. Репрессии и прямое управление в колониях	97
4. «Агрессивная бдительность» фашизма в отношении стран Северной Африки и Ближнего Востока	108
5. Курс на «мирное» утверждение итальянских позиций в Эфиопии в 1926—1928 гг.	120
Глава III. Подготовка итальянским фашизмом агрессии против Эфиопии (1932—1935)	136
1. Итальянский монополистический капитал и война против Эфиопии	136
2. Разработка планов колониальной войны итальянского фашизма против Эфиопии	146
3. Некоторые аспекты дипломатической подготовки фашизмом войны	157
Глава IV. Итальянская агрессия в Эфиопии и ее последствия. Колониальная активность итальянского фашизма в 1937—1943 гг.	185
1. Политика итальянского фашизма в Эфиопии в 1936—1940 гг. и ее последствия для народов Эфиопии	186
2. Некоторые экономические и социально-политические последствия итало-эфиопской войны для Италии	208
3. Колониальная активность итальянского фашизма накануне и в первые годы второй мировой войны	222
Глава V. Итальянский колониализм и неоколониализм после второй мировой войны. Антиколониальные позиции итальянского рабочего движения	230
1. Колониальные притязания и колониальная политика в первое послевоенное десятилетие	231
2. Некоторые черты политики итальянского неоколониализма в Африке (вторая половина 50-х — середина 60-х годов)	247
3. Антиколониальные традиции итальянского рабочего движения	262
Заключение	270
Источники и литература	276

Владимир Александрович Трофимов

ИТАЛЬЯНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ
И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

(история и современность)

Редактор *Н. Н. Водинская*
Младший редактор *Н. А. Кочнева*
Художник *Э. С. Зарянский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13602

Сдано в набор 27.02.79 г. Подписано к печати 23.07.79 г. А-02859. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18. Уч.-изд. л. 20,31. Тираж 1600 экз. Зак. № 139. Цена 3 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 3 руб.